ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 4(21)/2019

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)

Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Члены редакционной коллегии

АКСЕНОВ Владислав Бэнович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филос.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

ТРОИЦКИЙ Юрий Львович, к.и.н., доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ, заместитель директора ИФИ РГГУ по методической работе и историческому образованию (Москва)

УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.ф.н., проф. кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филос.н., доцент Новосибирского государственного университет экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтлин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, зам.директора Института славяноведения РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год
ISSN 2409-6105
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4

Издатель ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
тел. (499) 270 73 00
Тираж 300 экз.
Заказ № 2013
Дата подписания в печать 25.12.2019

В НОМЕРЕ:

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

9 — *«Я считал, что русские наши друзья, что они отважные люди, которые разгромили огромные силы немцев». Интервью с Р. Инглхартом*

19 — *«Поскольку в последнее время Америка инициировала несколько войн и осуществляет все более прямолинейную и насильственную политику, я решил направить мою работу в сторону американской памяти». Интервью с Т. Верчем*

25 **ТАЙЛЕР ВЕРЧ** — *Нескончаемая война с отголосками и призраками: коллективная память, национальная идентичность и новый фронтир американских фильмов и видеоигр*

Гибридизация памяти. Попытки растворить память о сталинских репрессиях (редактор-составитель К.С. Коноплянко)

42 **П.М. ПОЛЯН** — *Борис Меньшагин, Катынь и войны памяти*

66 **К.С. КОНОПЛЯНКО** — *Память в «белочерных» тонах: кому мешает Мемориальный комплекс «Медное»?*

97 — *«Я абсолютно уверена, с гибридизацией памяти ничего не получится». Интервью с И.А. Флиге*

104 — *«Пока в нашей стране нет официальной правовой квалификации советских репрессий как преступлений, будут повторяться вот такие казусы, как "Дело Дмитриева" или "дело Пермского «Мемориала»"». Интервью с Р.Р. Латыповым*

117 **С.В. ГЛУШКОВ** — *К истории Медновского захоронения жертв советских политических репрессий*

Актуальные проблемы национальной памяти зарубежных стран

126 — *«Для русских Япония была и остается принципиально "другой" цивилизацией». Интервью с В.Э. Молодяковым*

134 — *«По сути своей коммунизм хорош, но все его проявления нехороши». Интервью с А. Хеллер*

159 — *«Мы стоим на пороге масштабных исторических изменений». Интервью с Я. Баком*

Корпоративная память

185 *На рубеже эпох. Вспоминая Валентина Семеновича Дякина*

Наполеон и его эпоха в исторической памяти (к 250-летию со дня рождения)

249 **Н. П. ТАНЬШИНА** *250 лет Наполеону Бонапарту: по следам юбилея*

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

267 **И. Р. ПЕТРОВ** *Оборона Брестской крепости в 1939 г. и свидетельство капрала Яна Самосюка*

275 **И. И. БАРИНОВ** *Смерть в Константинополе: новые версии убийства генерала Романовского, 1920 г.*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обобщающие исследования

287 **Н. Д. АСТАШОВА** *История пространства, или Пространства истории? Рец.: Бордюгов Г. А. Пространства российской истории XX–XXI веков / составление и предисловие: Дмитрий Андреев. М.: АИРО-XXI, 2019. 352 с.*

293 **А. Т. БЕЗАРОВ** *Румынские жернова Холокоста. Рец.: Левит И. Э. Шоа – Холокост – Катастрофа: Еврейский вопрос в политике диктатуры И. Антонеску. В 2 т. Тирасполь: ООО Литера, 2015.*

305 **В. Б. АКСЕНОВ** *Интернет-проект в печатной форме. Рец.: 1917 год. День за днем. Сборник документов, воспоминаний, дневниковых и газетных записей: 18+ / сост. Сергей Лунев, Артем Соколов; науч. ред. Игорь Баринов. М.: Vatnikstan, 2019. 308 с.*

Мир

312 **П. Г. ЧЕРЕМУШКИН** *Рец.: Волобуев В. В. Польша в советском блоке: от «оттепели» к краху режима. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. 272 с.*

Российская империя

324 **А. А. ТЕСЛЯ** *«Новый человек» в «Современнике». Рец.: Вдовин А. В. Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М.: Молодая гвардия, 2017. 298 с.: ил. (серия: «Жизнь замечательных людей», вып. 1639).*

332 **Л. ПРАЙСМАН** *Новая книга о Борисе Савинкове. Рец.: Три брата (То, что было): Сборник документов / составители, авторы предисловия и комментариев К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М.: Новый хронограф, 2019. 1016 с.*

341 **А. В. ГАНИН** — *Рец.: Ставка и революция. Штаб Верховного главнокомандующего и революционные события 1917 – начала 1918 года. По документам Российского государственного военно-исторического архива. Сб. док. Т. 1: 18 февраля – 18 июня 1917 г. / отв. ред. И. О. Гаркуша; сост. М. В. Абашина, Н. Г. Захарова, С. А. Харитонов, О. В. Чистяков. М.: Кучково поле, 2019. 1144 с.*

348 **С. Д. БАТИЩЕВ** — *Рец.: Император Александр II и Южный Урал: сб. док. и материалов / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. 538 с.*

СССР

354 **М. Ю. ЭДЕЛЬШТЕЙН** — *Собибор: дальние подступы. Рец.: Симкин Л. Собибор: послесловие. М.: Corpus, 2019.*

ИСТОРИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

368 **Н. П. ТАНЬШИНА** — *Есть у революции начало, нет у революции конца. О Второй Школе молодых ученых в ГАУГН-ИВИ РАН (2–6 сентября 2019 г., Москва)*

374 — *Требования к публикации статей и материалов*

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global Memory

9 *"I believed that Russians were our friends, that they were brave people who fight huge numbers of Germans". Interview with R. Inglehart*

19 *"As America launched several wars and enacted increasingly strict and violent policy I decided to shift my work to American memory". Interview with T. Wertsch*

25 **TYLER WERTSCH** *Still Fighting with Echoes and Ghosts: Collective Memory, National Identity and the New Frontier of Popular American Films and Video Games*

Hybridization of Memory. The attempts to dissolve the memory of Stalin's Repressions. Edited by K.S. Konolyanko

42 **P.M. POLIAN** *Boris Menshagin, Katyn and wars of memory*

66 **K.S. KONOPLYANKO** *Memory in «blackwhite» colors: who are annoyed by Mednoe War Cementary?*

97 *"I'm absolutely sure nothing will work out with memory hybridization". Interview with I.A. Flige*

104 *"Until our country does not have official legal evaluation of soviet repressions as crimes, such incidents as «Dmitriev case» and «Perm's Memorial case» will be continued". Interview with R.R. Latypov*

117 **S.V. GLUSHKOV** *About the history of Mednoye – the burial place of victims of soviet political repressions*

Actual problems of national memory of foreign countries

126 *"Japan was and remains a fundamentally «different» civilization for russians". Interview with V.E. Molodyakov*

134 *"In essence, communism is good, but all its manifestations are bad". Interview with A. Heller*

159 *"We are on the verge of large-scale historical changes". Interview with J. Bak*

Corporate memory

185 *At the turn of the eras. Remembering Valentin Semenovich Dyakin*

Napoleon and his era in historical memory (for the 250th anniversary of his birth)

249 **N. P. TANSHINA** — *250 years for Napoleon Bonoparte: in the wake of the jubilee*

AS IT ACTUALLY WAS

267 **I. R. PETROV** — *The defense of the Brest Fortress in 1939 and the testimony of Corporal Jan Samosyuk*

275 **I. I. BARINOV** — *Death in Constantinople: new versions of the assassination of General Romanovsky, 1920*

REVIEWS

Generalizing studies

287 **N. D. ASTASHOVA** — *The history of the space or space history? Rev.: Bordiugov G. A. Prostranstva rossiiskoi istorii XX–XXI vekov, sostavlenie i predislovie: Dmitrii Andreev. Moscow: AIRO-XXI, 2019. 352 p.*

293 **A. T. BEZAROV** — *Romanian Millstones of the Holocaust. Rev.: I. E. Levit Shoa – Holocaust – Disaster: The Jewish Question in the Dictatorship Policy of I. Antonescu. In 2 volumes. Tiraspol: LLC Litera, 2015–2017*

305 **V. B. AKSENOV** — *Internet project in printed form. Rev.: 1917 god. Den' za dnem. Sbornik dokumentov, vospominanij, dnevnikovyh i gazetnyh zapisej: 18+ /sost. Sergej Lunyov, Artyom Sokolov; nauch. red. Igor' Barinov. Moscow: Vatnikstan, 2019. 308 p.*

The world

312 **P. G. CHEREMUSHKIN** — *Rev.: Volobuev V. V. Pol'sha v sovetskom bloke: ot «ottepeli» k krahu rezhima. Moscow: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2018. 272 p.*

The Russian Empire

324 **A. A. TESLEA** — *"The new person" in the "Sovremennik". Rev.: Vdovin A. V. Dobrolyubov: raznochinec mezhdu duhom i plot'yu. Moscow: Molodaya gvardiya, 2017. 298 p.: il. (seriya: "Zhizn' zamechatel'nyh lyudej", vyp. 1639)*

332 **L. PRAISMAN** — *A new book about Boris Savinkov. Rev.: Tri brata (To, chto bylo): Sbornik dokumentov / Sostaviteli, avtory predisloviya i kommentariev K. N. Morozov, A. Yu. Morozova. Moscow: Novyj hronograf, 2019. 1016 p.*

341 **A. V. GANIN** — *Rev. : Stavka i revolyuciya. Shtab Verhovnogo glavnokomanduyushchego i revolyucionnye sobytiya 1917 – nachala 1918 goda. Po dokumentam Rossijskogo gosudarstvennogo voenno-istoricheskogo arhiva. Sb. dok. Moscow: Kuchkovo pole, 2019. V. 1: 18 fevralya – 18 iyunya 1917 g. Otv. red. I. O. Garkusha; sost. M. V. Abashina, N. G. Zaharova, S. A. Haritonov, O. V. CHistyakov. 1144 p.*

348 **S. D. BATISHCHEV** — *Rev.: Imperator Aleksandr II i YUzhnyj Ural: sb. dok.i materialov / sost., nauch. red. N. A. Antipin. Chelyabinsk, 2019. 538 p.*

URSS

354 **M. Yu. EDELSTEIN** — *Sobibor: distant approaches. Rev.: Simkin L. Sobibor. Poslesloviе. Pamyati XX veka. Moscow: Corpus, 2019. 304 p.*

HISTORY IN UNIVERSITIES

368 **N. P. TANSHINA** — *There is have revolution the beginning of, there is no have revolution of the late*

374 — *Requirements for publication of articles and documents*

«Я СЧИТАЛ, ЧТО РУССКИЕ НАШИ ДРУЗЬЯ, ЧТО ОНИ ОТВАЖНЫЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ РАЗГРОМИЛИ ОГРОМНЫЕ СИЛЫ НЕМЦЕВ». Интервью с Р. Инглхартом

Ключевые слова: Вторая мировая война, холодная война, маккартизм, борьба за гражданские права афроамериканцев, война во Вьетнаме, эмоциональная память, материальные ценности, постматериальные ценности.

Аннотация. В своем интервью Роналд Инглхарт делится личными воспоминаниями о Второй мировой войне, рассказывает, как изменилось его восприятие русских в послевоенные годы и как он спорил со своими студентами — участниками протестов против войны во Вьетнаме, предлагает рассматривать материальные и постматериальные ценности как порождения эмоциональной памяти, прогнозирует, что Китай будет эволюционировать в демократическом направлении, высказывает свои соображения о необходимости академического сопротивления нынешним авторитарным и ксенофобским трендам.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-9-18

Наиболее важные книги Рональда Ф. Инглхарта: The Silent Revolution. Princeton University Press, 1977; Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton University Press, 1990; Value Change in Global Perspective. University of Michigan Press, 1995 (co-authored with Paul R. Abramson); Modernization and Postmodernization. Princeton University Press, 1997; Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World. Cambridge

© Историческая Экспертиза, 2019
Инглхарт Рональд Ф. — заслуженный профессор политических наук в Мичиганском университете и научный руководитель Лаборатории сравнительных социальных исследований в Высшей школе экономики в Москве и Санкт-Петербурге (США); rfi@umich.edu

University Press, 2003 (co-authored with Pippa Norris); Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge University Press, 2004 (co-authored with Pippa Norris); Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. New York: Cambridge University Press, 2005 (co-authored with Christian Welzel); Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Cambridge University Press, 2018; Cultural Backlash: Trump, Brexit and the Authoritarian Populists. Cambridge University Press, 2019 (co-authored with Pippa Norris).

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Дорогой профессор Инглхарт, наш журнал специализируется на исследованиях памяти. Главная тема ваших исследований — изменение ценностей сменяющих друг друга поколений. Для читателей нашего журнала было бы интересно, если бы мы совместили обе темы и поговорили о памяти вашего поколения.

Р. И. Это любопытная идея.

С. Э. Вам было десять лет, когда закончилась Вторая мировая война. Что вы помните об этом времени?

Р. И. Я живо помню это время. В день окончания войны мы со старшим братом купили экстренный выпуск «Милуоки джорнал» с заголовком: «Труман сказал нации: Война окончилась!» Это было чрезвычайно важное событие моего детства. Я даже помню день, когда война началась. 5 сентября — мой день рождения, а 1 сентября 1939 г. разносчик «Милуоки Джорнал» принес газету к нам домой со словами: «Германия напала на Польшу!» Моя мать сказала: «Похоже, что это война». Мне тогда было четыре года, и я спросил: «Но у меня будет день рождения?» Я с увлечением следил за событиями войны. Мы с братом каждый вечер слушали радио и собирали все, что может пригодиться для войны: консервы, жир, старые газеты и т. д. У нас была большая карта, чтобы следить, как передвигается линия фронта, и я помню, когда фронт был вблизи Москвы, Ленинграда, Сталинграда, в Северной Африке и Нормандии. День высадки в Нормандии до сих пор жив в моей памяти. Грандиозный катаклизм Второй мировой войны, понимаемый как битва добра со злом, зародил у меня интерес к политике и породил желание стать исследователем политики

С. Э. Ваш отец был участником войны?

Р. И. Он не был призван в армию, поскольку к началу войны ему было тридцать лет и у него было трое детей, но два моих дяди воевали в Европе. Один из них был летчиком. Это был жестокий опыт. В ходе бомбардировок Германии он совершил шестнадцать вылетов из Англии. Немцы достаточно успешно сбивали эти самолеты, и после каждого рейда потери составляли поряд-

ка пятнадцати процентов. После шестнадцатого вылета все друзья моего дяди, с кем он начинал войну, погибли. Он один выжил. Это было ужасным испытанием для него и травмой на всю жизнь, ведь ему тогда еще не было двадцати. Во время и после войны мои дяди были для меня чрезвычайно значимыми фигурами.

С. Э. Во время семейных встреч велись разговоры о войне?

Р. И. Только иногда, поскольку мы старались не волновать моего дядю напоминанием страшных моментов его жизни, поскольку после войны он несколько месяцев находился на излечении в психиатрической больнице. Мой другой дядя служил медиком и рассказывал забавную историю, как он в одиночку взял в плен 30 немецких солдат. Он вел их в свою часть, вооруженный лишь иглой от шприца. Немцы поняли, что война проиграна, и решили, что безопаснее сдаться медику, который, скорее всего, не расстреляет их на месте.

С. Э. Как вы относились к русским во время войны? Считали ли американцы их настоящими друзьями или же только временными союзниками?

Р. И. Я считал, что русские наши друзья, что они отважные люди, которые разгромили огромные силы немцев. Мы слушали по радио много русских песен, и некоторые из них я до сих пор помню. (*Начинает петь «Полюшко-поле» на английском языке: Heroes are riding across the prairie!*)

С. Э. Когда ситуация изменилась? Когда ваша пропаганда объявила, что русские уже не союзники, но, напротив, враги?

Р. И. Это был сложный переход. У меня существовал героический образ русских, которые разгромили больше немцев, чем мы. Я помню, как постепенно ухудшались наши отношения. Первым этапом стал переворот в Чехословакии, когда коммунисты свергли демократическое правительство в 1948 г. Потом была блокада Западного Берлина в 1948–1949 гг. Это был признак того, что русские хотят отменить наше взаимное соглашение по разделу Германии. После этого началась холодная война. Потребовалось несколько лет, чтобы я убедился, что русские наши враги. Это был беспокойный период истории, поскольку люди боялись, что начнется Третья мировая война. Это казалось возможным, после того как Советский Союз захватил государства Балтии, Польшу, Чехословакию, Венгрию и другие восточноевропейские страны и когда Китай оказался под властью коммунистов. Это выглядело как распространение коммунизма по всему миру. Это было тревожное время. В школе в пригороде Чикаго нас учили, как себя вести в случае атомной бомбардировки. На самом деле это была излишняя предосторожность, поскольку у русских тогда не было бомбардировщиков, способных долететь до Чикаго и вернуться обратно. Угроза была нереальной, но мы реально боялись. В это время я был убежден, что русские опасные враги и Сталин — это монстр, который убил больше русских, чем это сделал Гитлер. Мы

были уверены, что Россия — самая опасная страна в мире, которая с огромной скоростью распространяет свое влияние.

С. Э. В Росси мы считаем, что последний период сталинских репрессий, так называемая «борьба с безродными космополитами», во многом сходен с «маккартизмом» — американской кампанией, направленной против якобы «коммунистических агентов». В это время вы были старшеклассником и потом студентом университета. Вы чувствовали тогда какие-то идеологические ограничения или считали, что Америка — самая свободная страна в мире?

Р. И. Деятельность Маккарти несколько лет имела успех, потому что многие американцы и я в том числе были напуганы быстрым распространением коммунизма. Я поначалу воспринял его всерьез, но Маккарти сам себя дискредитировал, и ко времени, когда Сенат отклонил его резолюцию в 1955 г., я рассматривал этого политика как смехотворного фанатика. Он, очевидно, был психически нездоровым человеком, но поначалу большинство американцев, напуганных быстрым распространением коммунизма в 1945–1949 гг., были восприимчивы к демагогическим заявлениям Маккарти.

С. Э. В шестидесятые годы, когда вы были молодым профессором, начались студенческие протесты против войны во Вьетнаме и расовой сегрегации. Вы были солидарны с вашими студентами? Вы участвовали в протестах или не разделяли ценностей следующего поколения американцев?

Р. И. Я был убежден, что афроамериканцы должны иметь равные права с остальными американцами. Я родом с Севера, где расовая ситуация отличалась от южных штатов. В Висконсине и Мичигане афроамериканцев принимали в университеты, начиная с XIX в. они могли останавливаться в гостиницах и ездить в общественном транспорте вместе с белыми. На Юге же были сегрегация и жуткая дискриминация черных. На Севере многие относились с симпатией к борьбе за гражданские права, что привело к изменениям на Юге. Что же касается протестов против войны во Вьетнаме, я был лишь на несколько лет старше моих студентов, но в отличие от них я прекрасно помнил Вторую мировую войну, поэтому у меня были сильные патриотические чувства. Я считал, что не может такого быть, чтобы Америка находилась на неправой стороне, и мы должны быть солидарны с нашими войсками. Поэтому вначале я не поддерживал антивоенные выступления моих студентов. Но моя поддержка политики правительства улетучилась, когда я осознал, что война во Вьетнаме уносит много жизней и ни к чему не ведет.

С. Э. Были ли у вас в то время споры с вашими студентами?

Р. И. Мы очень много спорили по этому горячему вопросу! Я тогда только начал преподавать, и у меня было значительное число студентов. Многие из них были противниками войны во Вьетна-

ме. Они были увлечены китайским коммунизмом, Мао и т. д. и верили, что китайские и вьетнамские коммунисты — это хорошие парни. Некоторые даже утверждали, что тогдашний президент Линдон Джонсон хуже Гитлера. Я знал о Гитлере немного больше, чем они, и мне такие утверждения представлялись смешными. Джонсон совершил много ошибок, но он не уничтожил 30 миллионов человек. Я родился в 1934 г. Они родились около 1944 г. и не были свидетелями войны, поэтому мои реакции отличались от их взглядов на современные события.

С. Э. В то время ваши взгляды были противоположны воззрениям ваших студентов.

Р. И. Тогда да, но сейчас я несколько левей большинства моих нынешних студентов. Я считаю, что мы нуждаемся в радикальных изменениях, чтобы справиться с растущим экономическим неравенство. Сегодня моим кандидатом был бы Берни Сандерс.

С. Э. Для русских интеллигентов отношение к Сталину является своего рода «лакмусовой бумажкой». Я слышал, что для представителей американского академического сообщества подобную роль выполняет отношение к Рейгану. Что вы думаете по поводу его политики?

Р. И. Я думаю, что Сталин служит более убедительным тестом, поскольку, по моему мнению, он был чудовищным садистом. Рейган был неэффективным менеджером, который подорвал профсоюзы, отменил регулирование экономики и понизил налоги для богатых, но он не был чудовищным садистом. Отношение к Рейгану — это тоже тест, но не столь явный, как отношение к Сталину.

С. Э. Историк Никита Гусев спрашивает, знаете ли вы историков, которые прилагают ваши социологические идеи к своим исследованиям? Как вы считаете, какие из ваших концепций могут быть полезны в исторических исследованиях?

Р. И. Я считаю, что мои работы представляют ценное сырье для историков. Исторические исследования сосредоточены на когнитивных аспектах памяти, на интеллектуальных формах воспоминания. Мои работы подчеркивают эмоциональную сторону памяти — степень, в которой люди в процессе взросления воспринимают как должное условия, необходимые для выживания, прежде всего материальный достаток и безопасность. У людей есть осознанная память о различных событиях Второй мировой войны, и мы обсуждаем с ними некоторые из них. В то же время война оказала огромное и длительное эмоциональное воздействие. Я измеряю, как это влияет на ценности людей, и я открыл, что изменения ценностей приводят к социальным переменам. Это реальный двигатель истории. Моя книга «Культурная эволюция» (Cultural Evolution) прослеживает эти изменения в самых различных направлениях. Прежде всего она предлагает интерпретацию

истории как процесса, в ходе которого существует большой временной лаг между созданием условий, ведущих к значительным изменениям ценностей, и изменениями на социальном уровне.

В 1970-х, когда я начал мои исследования, я заметил, что существует большая разница между поколениями, которые пережили Великую депрессию, Вторую мировую войну и другие трагические события нашей истории, и теми, кто родился после 1945 г. Их эмоциональные памяти значительно отличались, и также отличались их ценностные приоритеты. Для старших поколений приоритетными были материальные ценности, у младших преобладали постматериальные ценности. Молодое поколение, которое выросло в годы «экономического чуда», воспринимало экономическое благополучие и личную безопасность как должное. Их стремления были направлены к вопросам прав человека, антивоенной активности, общественного неравенства, охраны окружающей среды, терпимости к иностранцам, к ЛГБТ и т. д. Их лозунг: «Не верь никому, кто старше тридцати», — отчетливо указывает на ценностную пропасть между поколениями. Я уже упомянул о временном лаге между изменением ценностей и социальными изменениями. По этой причине ценности молодых бунтарей 1960-х получили общественное признание только 30–40 лет спустя.

Отношение к гомосексуалам является надежным индикатором этих изменений. В 1960-е гг. в США и многих западных странах гомосексуальность была не только социально неприемлемой, но и считалась уголовным преступлением. Ситуация изменялась постепенно. В 2001 г. Нидерланды стали первой страной, где были легализованы однополые браки. Причиной стали не перемены в законодательстве, но изменения ценностей привело к изменению законодательства. В то же время радикально изменилось общественное положение женщин. Когда я учился в университете, на политическом факультете не было ни одной женщины, сейчас они составляют большинство почти во всех университетах.

Я исследую динамику ценностей среди различных возрастных когорт, и эти данные также являются сырьем для историков. Смена поколений является мотором исторических изменений. Если в обществе физическая и экономическая безопасность принимаются как должное, мы вправе ожидать межпоколенческого транзита к постматериальным ценностям, включая права человека, религиозную, этническую и сексуальную терпимость. Поэтому я предсказываю, что Китай движется в этом направлении вслед за западными странами. Сегодня подъем благосостояния в Китае придает легитимность правящей Коммунистической партии. Демократия не приходит автоматически на следующий день после того как годовой доход на душу населения превышает 20 тысяч долларов. Существует временной лаг, но, по моему мнению, переход к демократии становится весьма вероятным. Индустриализа-

ция, урбанизация, профессиональная специализация и т. д. формируют публику, которая во все большей степени нуждается в демократических институтах. ВВП сам по себе не является причиной будущих культурных перемен. Если у страны много нефти, но ее население продолжает жить традиционной жизнью, то это не ведет к запросу на постматериальные ценности.

С. Э. Как в государствах Персидского залива.

Р. И. Да, это работает только когда население развивается под давлением модернизации. Я считаю, что Китай в этом смысле отличается от Саудовской Аравии. У среднего класса Китая сегодня нет запроса на демократию, потому что люди помнят голодную жизнь в эпоху Мао, поэтому у них преобладают материальные ценности. Восприятие выживания как должного является обязательным условием либерализации. Сегодня мы видим чрезвычайно высокий уровень неравенства в Китае. Я думаю, что заметные изменения ценностей начнутся, когда современное молодое поколение придет к власти. История — не предопределена, но вероятность либерализации Китая очень высока.

С. Э. Мой однокашник, антрополог Марк Ткачук спрашивает, почему вы используете термин «солидарность» как главную характеристику авторитарных обществ? «Солидарность» имеет положительное значение, т. к. подразумевает альтруизм и даже самопожертвование.

В советском обществе этот феномен играл заметную роль только во время Второй мировой войны. Я уверен, что гражданам США солидарность также была присуща в то время. Наш советский опыт показывает, что термин «мобилизация» больше подходит для характеристики авторитарных режимов. Что вы думаете по этому поводу?

Р. И. Я думаю, что «солидарность» — это русский перевод того, что я сказал на самом деле. Я скорее говорил о «подчинении», чем о «солидарности». На мой взгляд, «подчинение» является характеристикой авторитарного общества, в которой отражается очень человеческая реакция, оформившаяся за тысячи лет исторического развития, когда 99 процентов людей жили под угрозой смертельного голода. В этой отчаянной ситуации выживание нашего племени часто требовало истребления других племен, с целью завладеть большей территорией и, следовательно, большим количеством пищи. Поэтому ксенофобия имела рациональное обоснование. Вопрос тогда стоял в буквальном смысле: «Кто выживет, “мы” или “они”?» В тех жестоких условиях выживание общества зависело от сильного лидера, способного эффективно бороться с чужаками. В этом смысле ксенофобия является разновидностью солидарности, которая в процессе противостояния «чужакам» объединяет общество вокруг авторитарного лидера. В доисторические времена ксенофобия была жестокой необходимостью, в эпоху модерна, она стала излишним и очень опасным инструментом, который

не раз приводил к войнам, включая две мировых войны, и к другим случая массового насилия. Экономические кризисы часто сопровождались ростом «ксенофобской солидарности», что приводило к установлению авторитарного правления. Как вы помните, на выборах 1928 г. нацисты получили незначительную поддержку избирателей, но в ходе Великой депрессии они набирали все больше голосов и в результате стали правящей партией после выборов 1933 г. Я не знаю, могу ли я говорить о Путине в этом интервью...

С. Э. Да, можете. Понимаю, что для иностранца это удивительно, но мы можем без опасения критиковать Путина по всем вопросам, кроме обсуждения его оффшорных счетов.

Р. И. Отчаянное экономическое положение после краха Советского Союза породило запрос на сильного лидера, способного продемонстрировать мировому сообществу, что Россия все еще является великой державой. Это было важно в начале 2000-х, чтобы преодолеть угрозы дезинтеграции, но я не считаю, что русскому народу нужен пожизненный диктатор. Победа Трампа обусловлена схожими соображениями. Все больше людей не чувствуют себя в безопасности, что порождает ксенофобские и авторитарные тенденции в американском обществе. Можно сказать, что извращенная ксенофобская групповая солидарность является важной характеристикой авторитарных режимов в их отношениях с другими странами и своими «внутренними чужаками».

С. Э. Ваш знаменитый концепт «постматериальных ценностей» основан на масштабных исследованиях по всему миру. Он отражает глубинные трансформации при переходе от индустриального к информационному обществу, которое вы именуете «обществом знания». Исследования памяти прослеживают один из аспектов этих изменений: фокус коллективной памяти и идентичности постепенно сдвигается от контейнера национального государства на глобальный уровень. Вы согласны с тем, глобальная рамка представляет наилучшие возможности для воплощения «постматериальных ценностей», а также с тем, что рост этих ценностей неизбежно запускает переход к другим, более глобальным, чем нация-государство, типам общественной организации, или же вы разделяете общепринятую точку зрения, что нация-государство — это навсегда, потому что это «меньшее зло»?

Р. И. Очевиден долгосрочный тренд движения к глобализации. В этом направлении нас ведут могущественные исторические силы. Опросы в различных странах свидетельствуют об этом. Я считаю, что увеличение открытости нашего мира — это очень хорошо. Сегодня люди намного более терпимы, чем пятьдесят лет назад, — это также замечательно. Но рост ксенофобских авторитарных движений показывает, что быстрые культурные изменения сбивают с толку и пугают многих людей.

Мы видим подъем ксенофобских партий в таких толерантных стра-

нах, как Швеция, Дания, Нидерланды и др. Одной из причин этого являются быстрые культурные изменения и массовая иммиграция в западные страны.

Многие иммигранты прибывают издалека и приносят с собой сильно отличающиеся культурные образцы поведения. Тридцать лет назад Швеция было моноэтничной страной. Сейчас 18 процентов ее населения — иностранцы, среди которых много мусульман, все это усугубляется ростом экономического неравенства.

Люди, родившиеся в США в 1950-е гг., выросли с убеждением, что их страна — это преимущественно белое общество, где мексиканцы и азиаты составляют незначительное меньшинство и где гомосексуальность является преступлением. Сегодня ситуация изменилась радикальным образом. В США живет больше испаноговорящих жителей, чем в Испании. В 1950-е предположение, что афроамериканец может стать президентом, вызвало бы приступ смеха. Но недавно страна выбрала Обаму президентом и переизбрала его через четыре года. Сегодня люди открыто заявляют о своей принадлежности к ЛГБТ-сообществу. Эти изменения пугают многих людей старшего возраста.

Я считаю, что иммиграция — это хорошо. Моя жена — иммигрантка. Если оглянуться в прошлое, мы все иммигранты. Сегодня люди, подобные Сергею Брину, стимулируют процветание страны. Но изменения идут слишком быстро и повышают риск таких феноменов, как Трамп или же ксенофобские партии, которые распространяются во многих европейских странах.

С. Э. Следовательно, по вашему мнению, нация-государство — это надолго?

Р. И. Функции нации-государства постепенно уменьшаются последние десятилетия, и не только в экономической сфере, но в один день она не исчезнет. Я думаю, что нация-государство будет играть важную роль до конца XXI в.

С. Э. На мой взгляд, рост антидемократического этнического национализма при нынешнем переходе от индустриального общества к информационному во многом сходен с охотой на ведьм при переходе от аграрного общества к индустриальному в XVI–XVII вв. В обоих случаях мы видим чистую реакцию без примеси творчества. Религиозная реакция не смогла остановить эпоху модерна, но она привела к гибели десятков тысяч человек. В процессе нынешнего приступа этнической ненависти нация-государство сможет истребить миллионы. Что, по вашему мнению, должно предпринять академическое сообщество, чтобы предотвратить этот опасный тренд?

Р. И. Это нелегко, поскольку в этот процесс вовлечены сильные эмоции. Страх — это могущественная эмоция, которой трудно противостоять, особенно когда государство использует ее в своих целях. Трамп порождает у американцев гнев, когда постоянно заявляет, что

мексиканцы являются наркоторговцами и насильниками, вопреки тому, что это не соответствует реальности. Часть нашей научной работы состоит в распространении истинного знания о социальных проблемах, в частности, данных, что уровень преступности среди мексиканцев несколько ниже среднего по США.

Мы должны говорить правду даже тогда, когда она вступает в противоречие с государственной пропагандой. В долгосрочной перспективе мы должны помочь искоренению корней страха. Проблема коренится не в иммиграции, а в растущем экономическом неравенстве. В таких обстоятельствах решение может быть найдено не в строительстве огромной и дорогостоящей стены, но в создании рабочих мест. Обеспечение безопасности и создание хорошо оплачиваемых рабочих мест будет противодействовать нарастанию экономического неравенства. Мы нуждаемся в создании дополнительных рабочих мест в тех сферах, где рынок неэффективен: медицинском обслуживании, образовании, уходе за детьми, охране окружающей среды, науке и многих других важных направлениях. Такие меры стали бы лучшим способом преодолеть все те страхи, что способны привести к припадкам дикого кровопролития. Я не считаю нынешнюю ситуацию безнадежной, но я считаю, что академическое сообщество должно приложить все усилия, чтобы помочь обществу справиться с реальными проблемами, которые стоят перед ним.

С. Э. Спасибо огромное за интервью!

"I BELIEVED THAT RUSSIANS WERE OUR FRIENDS, THAT THEY WERE BRAVE PEOPLE WHO FIGHT HUGE NUMBERS OF GERMANS". INTERVIEW WITH R. INGLEHART

Inglehart Ronald F. — professor of political science emeritus at the University of Michigan and Scientific Supervisor of the Laboratory for Comparative Social Research at the Higher School of Economics (Moscow and St. Petersburg) (USA)

Key words: the Second World War, the Cold War, McCarthyism, the War in Vietnam, emotional memory, materialist values, post-materialist values.

Abstract. Professor Inglehart shares his memory regarding the Second World War, remembers how the image of Russians has changed shortly after 1945 and how he had discussions with his students-protesters against the Vietnam war, suggests a new approach to the materialist and post-materialist values as products of the emotional memory, predicts the democratic transfer of China, believes that academics should stand against current xenophobic and authoritarian political trends.

«ПОСКОЛЬКУ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ АМЕРИКА ИНИЦИИРОВАЛА НЕСКОЛЬКО ВОЙН И ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ВСЕ БОЛЕЕ ПРЯМОЛИНЕЙНУЮ И НАСИЛЬСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ, Я РЕШИЛ НАПРАВИТЬ МОЮ РАБОТУ В СТОРОНУ АМЕРИКАНСКОЙ ПАМЯТИ»

Интервью с Т. Верчем

Ключевые слова: нарративные шаблоны, базовые нарративы «Отпор захватчикам» и «Град на холме», национальная память, голливудские фильмы и компьютерные игры.

Аннотация. В своем интервью Тайлер Верч рассказывает о влиянии на выбор профессии со стороны его отца, известного исследователя памяти Джеймса Верча, в какой степени голливудские фильмы и компьютерные игры сформировали образ России у представителей его поколения и как этот образ повлиял на нынешний медиадискурс «русского вмешательства» в выборы президента США и т. д. Он доказывает, что создатели голливудских фильмов и компьютерных игр манипулируют страхами американской национальной памяти с целью увеличить свою прибыль, сравнивает базовые нарративы «Отпор захватчикам» и «Град на холме» и рассказывает о своих научных планах.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-19-24

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Почему вы выбрали исследования памяти? Сказалось ли здесь влияние вашего отца, известного исследователя памяти Джеймса Верча?

Т. В. Думаю, что в какой-то мере отец повлиял на мой выбор, хотя если откровенно, я не совсем представлял, чем он занимается, до тех пор пока не добрался до середины

© Историческая Экспертиза, 2019
Верч Тайлер — спирант Программы американских культурных исследований Университет штата в Боулинг Грин (штат Огайо, США); twertsch@gmail.com. Исследовательские интересы Т. Верча находятся на пересечении коллективной памяти, войны/травмы и популярных медиа (прежде всего видео игр и кинофильмов)

моей базовой студенческой программы. Когда у меня начали формироваться собственные исследовательские интересы, их направление, безусловно, формировалось в ходе наших бесед. В начале я был увлечен Японией и японской памятью о Второй мировой войне, но со временем я заинтересовался тем, как нации и другие воображаемые сообщества формируют представление о себе и своем прошлом. Поскольку в последнее время Америка инициировала несколько войн и осуществляет все более прямолинейную и насильственную политику, я решил направить мою работу в сторону американской памяти, и отец способствовал моему выбору и поддерживает его.

С. Э. Предполагаю, что в детстве вы играли в видеоигры и смотрели приключенческие голливудские фильмы, где русские изображаются как главные враги Америки. Могли бы вы рассказать о вашем опыте в этой области? Повлиял ли он на ваши представления о русских?

Т. В. Думаю, что, когда я был подростком, образ злодея в многочисленных американских текстах опирался на старые представления советской эпохи о биполярной, как бы сказал Джон Миршаймер (John Mearsheimer), структуре власти в мире. И это естественно, т. к. их писали представители поколения, которые не могли представить реальность иначе как вечную манихейскую борьбу между США и СССР. После 9 сентября 2001 г. национальная принадлежность злодеев драматически переменилась, хотя я был поражен тем, что и в эпоху, когда американское восприятие террора приняло в высшей степени расовый характер и направилось на арабов и прочих злодеев Персидского залива, все равно появлялись, пусть в меньшей мере, медиатексты с изображением русских или смутные образы советских в качестве противников. Что же касается моих взглядов на Россию и русских, в связи с тем, что я вырос в семье, где конкретные люди и их труды ценились больше, чем дискуссии по поводу национального характера, то я никогда не попадал в ловушку обобщенного представления о русских как злодеях.

С. Э. Обсуждали ли вы «русскую угрозу» со своими одноклассниками в контексте популярных американских медиа?

Т. В. Большинство моих одноклассников особенно не задумывались о России, особенно когда мы учились в старших классах в 2003–2007 гг., т. к. тогда преобладало обсуждение событий в Ираке и Афганистане. Даже когда я учился в колледже (2007–2011), России уделялось сравнительно мало внимания. По этой причине я был сильно удивлен, когда обнаружил, что русские и советские злодеи преобладали в видеоиграх того времени.

С. Э. Последние годы западные так называемые качественные медиа охотно распространяют сомнительную информацию по поводу «русского вмешательства» во все сферы американской политики, например, в избрание Трампа, который изображается едва ли

не марионеткой Путина. Как вы считаете, можно ли сказать, что популярные медиа компьютерных игр и кинофильмов воспитали поколение, которое обречено питаться жвачкой постправды?

Т. В. Интересный вопрос. Для начала скажу, что нельзя считать неправдоподобным, что русские пытаются вмешиваться в американские политические процессы. Я не хочу сказать, что им удалось взломать машины для голосования или прямо исказить результаты голосования, скорее речь может идти о том, что политически заряженные медиа были «приподняты» с помощью специальных алгоритмических выражений на таких платформах, как Фейсбук. Однако, я прекрасно знаю, что США делали и, похоже, продолжают делать то же самое в различных регионах мира. Этот феномен описывается вежливым термином «культурная дипломатия», и Америка активно, открыто и скрытно, вовлечена в такую деятельность по меньшей мере с начала холодной войны. Выражением этого могут быть такие программы, как Корпус мира и Фулбрайт, предназначенные для демонстрации идеалов американской филантропии и того, что сотрудничество с США благотворно по своей сути. С другой стороны, случаются и более агрессивные и гнусные действия и вторжения, представленные длинным рядом примеров экономического и военного вмешательства в демократические процессы в Центральной и Южной Америке или совместным покушением США и Великобритании на иранского премьер-министра Мохаммеда Моссадыка в 1953 г. Отвечая на вторую часть вопроса, должен сказать, что медиаэксперты во многом бы согласились с тем, что импульс, порождаемый идеей, находится в сфере эмоционального и инстинктивного (visceral) воздействия и не зависит от заключенных в ней точных сведений (hard data). С этой точки зрения мы видим сдвиг основного новостного потока в сторону эмоционального воздействия и отказа от требований объективности. Очень важно, что то же самое мы видим в современных исследованиях памяти, которые больше полагаются на аффект и травму, чем на конкретные данные (data itself).

С. Э. В докладе «Нескончаемая война с отголосками и призраками: коллективная память, национальная идентичность и новый фронтир американских фильмов и видеоигр» вы утверждаете, что создатели видеоигр и голливудских фильмов манипулируют чувствами беспокойства и страха, заложенными в национальной памяти. В этом контексте аффекты по поводу прошлого играют бо́льшую роль, чем знание исторических событий. Подобная ситуация существует и в современной музеологии, где очевиден поворот от музея знания к музею аффекта. Как вы объясните этот феномен структуры памяти, в которой чувства преобладают над знанием?

Т. В. Не знаю, возможно ли указать единственную причину смены парадигмы, хотя я бы предположил, что здесь необходимо говорить о влиянии капитализма на процессы

памяти. Недавно такие исследователи, как Вьет Тхань Нгуен (Viet Thanh Nguyen, см. его книги «Ничто не умирает: Вьетнам и память о войне» (Nothing Ever Dies: Vietnam and the Memory of War) и «Сочувствующий» (The Sympathizer)), указали на «индустрию памяти», т. е. попытку коммерциализации воспоминания через мемориалы и «продающие» (purchasable) медиа. Эта индустрия опирается на модели потребления, основанные на аффекте (affect-driven), поэтому представляется, что возмущение и скорбь более эффективны (и приносят больше прибыли), чем торжественность и статистика. Меня тревожит, что не только память, но и наука о ней движется посредством интеллектуального и материального спроса и в настоящий момент аффект становится товаром, позволяющим продавать или распространять тексты. Это наблюдение было сделано историками, в том числе и Питером Новиком в его книге «Холокост в американской жизни» (Peter Novick. The Holocaust in American Life), несколько лет назад, но сегодня оно еще более справедливо. Сейчас я не в силах объяснить, как и почему мы оказались в таком положении, но я очень хочу понять, как это случилось.

С. Э. В своем докладе вы анализируете американский базовый нарратив «Отпор захватчикам». Вы указываете, что он не соответствует историческому опыту США и является отголоском пропаганды времен холодной войны по поводу «советской угрозы». Американская память с давних времен базируется на другом нарративе «Град на холме», который оправдывает военные вторжения США необходимостью принести демократию в страны, страдающие под гнетом авторитарных правителей. Могли бы вы рассказать, каким образом бизнес популярных медиа использует этот нарратив? Могли бы вы сравнить популярность нарративов «Град на холме» и «Отпор захватчикам»?

Т. В. Это своевременный вопрос! Сейчас готовятся или уже опубликованы несколько текстов, рассматривающих, как концепт «Град на холме» существует в американской мысли, памяти и политике, в их числе — выходящая в скором времени в свет книга Абрама Ван Энгена (Abram C. Van Engen), основанная на его предыдущих публикациях. Эта тема не является для меня главной, хотя в американских исследованиях существует давняя и плодотворная традиция ее изучения, которая задействует такие концепты, как «Миф американской исключительности» Годфри Хадсона (Godfrey Hodgson. The Myth of American Exceptionalism). Самое замечательное, что можно из этой темы вынести и что я считаю верным, — это представление о том, что память лишь в незначительной степени укоренена в истории. Другими словами, американские медиа сумели прочно связать нарратив «Град на холме» и мнимую необходимость политики военного вмешательства с оборонительной нарративной структурой «Отпор захватчикам», что позволило создать привлекательную и приносящую прибыль перспективу, позволяющую создавать и продавать

медиатексты, которые в еще большей степени усиливают эти верования. Конечно, нарратив «Отпор захватчикам» больше подходит для оборонительной памяти, хотя, как я заметил, не только в Америке, но и повсюду нарративные структуры часто имеют более сложное устройство и являются продуктами «женитьбы» (marrying) нескольких базовых нарративов, например, «Отпора захватчикам» с одной из разновидностей этнонационалистической риторики или с самооценками национального морального характера. Поэтому я считаю, что все, используя термин Эвиатара Зерубавеля (Eviatar Zerubavel), мнемонические сообщества и даже нации прилагают к себе некоторые ведущие нарративы и самооценки. Задача исследований памяти состоит в том, чтобы установить эти образцы и проанализировать их происхождение и последствия.

С. Э. Каковы ваши научные планы?

Т. В. Сейчас для меня главное — это получить через два года докторскую степень (PhD). После этого я попытаюсь получить стипендию для постдокторского исследования (postdoc appointment) или начальную должность преподавателя (teaching fellowship), прежде чем я смогу найти профессорскую должность (tenure-track position) в колледже или университете, что позволило бы мне продолжить исследования памяти. Учитывая современное состояния академического рынка вакансий в Америке, это может стать недостижимой мечтой. Тогда мне, вероятно, придется преподавать за пределами США, может быть в Австралии или Новой Зеландии или в англоговорящих институциях Южной Кореи или Японии. Надеюсь, что в академии найдется место для меня и моих научных занятий.

С. Э. Спасибо за интервью!

"AS AMERICA LAUNCHED SEVERAL WARS AND ENACTED INCREASINGLY STRICT AND VIOLENT POLICY I DECIDED TO SHIFT MY WORK TO AMERICAN MEMORY". Interview with T. Wertsch

Wertsch Tyler — PhD student in the American Culture Studies Program at Bowling Green State University (USA)

Key words: narrative templates, generic narratives "Rebuffing of Invaders" and "The City upon a Hill", national memory, video games and Hollywood films.

Abstract. "As America launched several wars and enacted increasingly strict and violent policy I decided to shift my work to American memory". In his interview Tyler Wertsch tells how his father a well known researcher in the field of memory studies James Wertsch influenced his professional choice, in what degree Hollywood movies and video games shaped his generation's image

of Russia and how it is related to current media discourse regarding "the Russian interference" in the US presidential elections and so on. He argues that authors of video games and Hollywood films permanently manipulate anxieties and fears of the American national memory for the business aim to increase their profit, compare American generic narratives "Rebuffing of Invaders" and "The City upon a Hill" and tells about his academic plans.

Тайлер Верч

НЕСКОНЧАЕМАЯ ВОЙНА С ОТГОЛОСКАМИ И ПРИЗРАКАМИ: КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И НОВЫЙ ФРОНТИР АМЕРИКАНСКИХ ФИЛЬМОВ И ВИДЕОИГР

Ключевые слова: память, коллективная память, исследования памяти, видеоигры, исследования игр, «Зов долга», исследования фильмов, кино, индустрия памяти, Америка, Россия, насилие, нарратив, исследования потребления.

Аннотация. Исследователи памяти уже давно и плодотворно разрабатывают ниву кинематографа. Однако до самых последних пор они пренебрегали видеоиграми, несмотря на то, что продажи многих игр, в частности франшизы «Зов долга» (Call of Duty), регулярно превосходят даже самые популярные фильмы. В данной статье исследуется, каким образом наиболее популярные американские фильмы и видеоигры не только создают запросы американского мнемонического сообщества, особенно те, что относятся к экзистенциальным коллективным страхам, но и одновременно отвечают на них. Говоря более конкретно, речь идет о способах оживления страхов холодной войны, имеющих антирусскую направленность, которые используются в качестве базового нарратива во многих популярных американских медиа, вопреки тому, что у этих историй отсутствует реальная историческая база. Производство подобных текстов накладывает свой отпечаток на американскую коллективную память и создает запрос на новые тексты подобного рода. В результате возникает порочный круг мнемонической обратной связи, что может привести к опасным идеологическим и политическим последствиям.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-25-41

© Т. Верч, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Быть человеком означает быть связанным с определенными повествованиями. В этом исследовании рассматриваются способы, которыми современные видеоигры, фильмы и телевизионные шоу направляют бессознательное поведение американцев против бывших соперников в холодной войне и воздействуют на него с целью повысить спрос на видеопродукцию. В американских медиа и политике существует весьма реальная и растущая опасность раздувания исламофобии, но это исследование посвящено современным представлениям об американских противниках в холодной войне, именно по причине анахроничности этих нарративов. Несмотря на то, что постоянно возникают новые и не терпящие отлагательства угрозы американской идентичности: так называемый «радикальный ислам», напряженные дипломатические отношения с Ираном и терроризм, в Америке существует, прежде всего в компьютерных играх, устойчивый рынок, основанный на антагонистических историях времен холодной войны. Я преследую тройную цель: проследить, применяя теорию памяти к медиаанализу, как эти истории меняются со временем; предложить новые инструменты для такого анализа; и выявить повторно используемые (recycled) коллективные нарративы, которые выступают в качестве мнемонических «спусковых крючков» для американской аудитории.

Идентичность человека — многогранное понятие, но в данном случае я буду подходить к ней с точки зрения множества нарративов, которым мы храним верность. Так, Аласдер Макинтайр в своей плодотворной работе «После добродетели» утверждает: чтобы ответить на трудный вопрос «кто я?» — необходимо прежде осознать: «частью каких повествований я являюсь?» (*MacIntyre* 2012: 216). Компактные метафоры «рыночных» нарративов служат полезными инструментами при подходе к этой сложной проблеме. При изучении этих нарративов важно выяснить, какие образцы преобладают, какие специфические формы медиа захватываются этими нарративами и каким образом они в качестве развлечения доставляются потребителям. В стране, где граждане ежегодно тратят более 13 миллиардов долларов на видеоигры (CNN 2017) и 11 миллиардов долларов на фильмы (The-Numbers 2017), эти виды развлечения становятся важными точками входа для исследований культурной антропологии, семиотики массовой коммуникации и, в данном случае, коллективной памяти.

В этом исследовании я фокусируюсь на формах американских медиа, потому что они, согласно своей природе, экспериментируют с нашим опытом или с повторным переживанием замороженного слоя памяти, с фантазией, которая вызывает в нас резонанс и в некотором виде выступает в роли нереализованных желаний. Популярные медиа являются чрезвычайно полезным феноменом для исследования памяти, потому что им не только необходимо представить повествование самым привлекательным

образом, но также следует забросить как можно более широкую сеть в море потребителей. В результате возникает особый поджанр медиа, который стремится быть привлекательным для всех и поэтому вынужден обращаться к наибольшему числу мнемонических «спусковых крючков», чтобы занять наиболее заметное положение в культурном пространстве и тем самым обеспечить максимально возможное количество продаж товарных единиц, основанных на этой нарративной структуре. Обращаясь к широкой американской аудитории, фильмы и игры «обналичивают» наиболее общие страхи, а также представляют материал в таком виде, чтобы он, с одной стороны, воспринимался как «новый», а с другой — имел достаточно привычный вид, для того чтобы его легко было узнавать и потреблять. Это процесс сопряжен с рисками, т. к. производители ради увеличения прибыли обращаются ко все более «нутряным» (visceral) мнемоническим символам. Часто эти формы медиа изолируют (compartmentalize) группы и мотивации до такой степени, что происходит «закупоривание» реального опыта группы. В своей книге «Идентичность и насилие» Амартия Сен назвал этот феномен «миниатюризацией идентичности» (*Sen* 2006).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ

Исследователи сталкиваются с тем обстоятельством, что память — весьма несовершенный инструмент. Именно по этой причине память является столь увлекательным полем исследования. Мы вспоминаем поразному, потому что члены разных воображаемых сообществ *не могут* вспоминать одинаково. Эвиатар Зерубавель назвал этот феномен «мнемоническим сообществом» (*Zerubavel* 2004). Человеческая память не подобна фотоаппарату или беспристрастной хронике. Скорее мы соединяем события через навязывание им ценностей нарратива, в результате чего возникает тенденциозное представление о мотивациях, философиях и результатах исторических процессов. В историографии этот феномен именуется «осюжетиванием» (emplotment), хотя в исследованиях памяти многие называют его «нарративизацией».

Американским медиа свойственна вездесущая нарративизация. Существуют легко идентифицируемые и обладающие высоким рыночным потенциалом нарративы, которые занимают важное место в американском мнемоническом сообществе и позволяют создавать продукты, чрезвычайно привлекательные для публичного потребления. В этом исследовании используется теория коллективной памяти, но действия по перепрофилированию медиа с целью увеличить воздействие на аудитории не являются в прямом смысле актами воспоминания. Истории и их киноадаптации, разумеется, являются вымыслом (fiction). Тем не менее этот вымысел основан на реалиях памяти базовых потребителей. Мы «вспоминаем» события, которые в реальности не происходили, благодаря прозрачным метафорам популярных нарративов. Чтобы понять сущность этих нарративов, мы прежде

должны исследовать модель памяти, которая основана на этих повторяющихся и воспроизводящихся инструментах культуры.

При обращении к коллективной памяти важно рассматривать ее не как монолит, а как часть многоголосого конгломерата идентичностей и идеологий. На самом деле ни один из подходов — психологический, нарративный, политический или философский — не может дать целостного представления о коллективе; скорее эти структуры памяти представляют разнообразные характеристики коллективного. Происхождение и долголетие этих характеристик является темой для обсуждения. Для целей данного исследования я буду использовать поколенческую теорию памяти, которую предлагает Юрген Рюлеке. Он утверждает, что существуют поколения памяти, которые связаны общим опытом, который он именует «памятью поколений» (generationality). Например, у американцев может быть общая память о войне во Вьетнаме, которая затронула миллионы людей и оставило неизгладимый след в памяти современников. Эта общая память поколения не может передаваться непосредственно, т. к. те, кто родился после этой войны, по определению не могли ни участвовать в ней, ни наблюдать ее события. Тем не менее этот специфическая «таблетка» памяти может быть передана следующему поколению посредством идеологических инструментов. Рюлеке именует этот процесс «межпоколенческой памятью» (generativity) (*Reulecke* 2010). Поэтому многие американцы, которые родились после войны во Вьетнаме, хранят в памяти абстрактные представления о том, что эта война *значила* и как она *ощущалась*, этот набор интерпретаций является общим достоянием конкретного мнемонического сообщества. Посредством межпоколенческой памяти мы можем коллективно вспоминать о том, чего не могли видеть в силу возраста, и благодаря этому коллективная память получает возможность преодолевать разрыв между поколениями. Этот концепт не является новинкой для психологии. В таких текстах, как «Тотем и табу» Фрейда, детально рассматривалась возможность наследования неврозов (*Freud* 1995). Важность этого феномена для исследований памяти состоит в том, что нарративы могут пережить угасание непосредственного воспоминания, позволяя мнемоническим сущностям воспроизводиться долгое время после завершения событий. Существуют различные методы, с помощью которых память, благодаря эффекту межпоколенческой памяти, прикрепляется к большим группам, осознающим общую национальную идентичность.

Более того, как утверждает теория хронополитики Кэрол Глак, память обладает способностью перестраиваться в соответствии с новыми общественными потребностями. В статье «Управление памятью: “женщины для комфорта” и мир» доказывается, что это могущественный фактор в процессе формирования структур индивидуальной и групповой идентичностей. Глак считает, что память — это пластичная и изменчивая (protean) коллекция впечатлений, которая скорее подчиняется экзистенциальным

запросам и национальным тревогам, чем является стерильным (antiseptic) пересказом событий в хронологическом порядке (*Gluck* 2007). По сути, когда мы оцениваем память, то производим сложный, обычно подсознательный, расчет, с помощью которого определяем пригодность этой памяти, а именно насколько она соответствует нашей групповой идентичности и месту, занимаемому нашей группой в контексте других мнемонических сообществ. Этот процесс протекает в значительной мере автоматически, и мы обычно не задаемся вопросом, насколько достоверно и объективно мы в состоянии оценить прошлое, опираясь на память. Особенно это верно в контексте идеологически мотивированных истории и памяти, воплощенных в вымышленных американских нарративах, которые предназначены для развлечения и потребления. Это напряжение между использованием памяти и как маркера культурной идентичности, и как инструмента для рассказа о событиях, располагается в центре моего исследования. Многим продуктам медиа, анализируемым в этой статье, присущ концепт американской исключительности, который построен на традиционной мифологии американских исторических героев, действующих от имени непревзойденных американских идеологических ценностей. В самом широком смысле эти повествования, которые я именую «базовыми нарративами» (generic narratives), получают, через сдвиги хронополитики, доступ к американским мнемоническим страхам, усиливают легитимность американских интересов и в то же время преобразуют классическую рамку внешнеполитического противника, изображая его как законченного злодея.

В самом общем виде базовые нарративы могут рассматриваться как культурные инструменты мнемонической рационализации. Эти инструменты почти всегда преследуют цель поддержать гегемонию своего мнемонического сообщества посредством рефлексивного феномена, который я именую «оборонительными нарративными структурами». Оборонительный потенциал этих нарративных структур весьма высок. В своей книге «Культуры войны» историк Джон Дауэр исследует потенциал оборонительной историографии в случае, когда американцы связали террористическую атаку 9 сентября 2001 г. с нападением Японии на Перл-Харбор и представили оба события как трусливую внезапную атаку без каких-либо рациональных причин (*Dower* 2011). Вторжение в Ирак было выстроено в американском популярном воображении как превентивное действие, которое позволит достичь долгого и прочного мира. Наряду с напористыми оборонительными структурами коллективной памяти, вероятно, существует некоторая инерция в отношении целей насилия, которая свойственна как медиапотреблению, так и активному воспоминанию. В качестве цели насилия часто выступают прежние враги мнемонического сообщества, результатом чего становится конфронтация, которая, с одной стороны, опирается на память, с другой — ей придается налет свежести, что позволяет оживить мнемоническую

травму сообщества в новых воображаемых условиях. Для анализа различных примеров оборонительных нарративных структур, вонзающих свои шипы в плоть общего мнемонического опыта, я предлагаю два базовых нарратива, присущих американским популярным медиа.

НАРРАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ОБОРОНЫ/ ВТОРЖЕНИЯ И БАЗОВЫЕ НАРРАТИВЫ

Популярные американские медиа изобилуют оборонными нарративными структурами. Нарративы об иностранном (особенно коммунистическом) вторжении на материковую территорию США неправдоподобны, но коммерчески успешны. Фильм 1984 г. «Красная заря» сыграл на американских страхах по поводу возможного советского вторжения, одновременно, с помощью межпоколенческой памяти, сравнивая этот конфликт с американской Войной за независимость[1]. Этот же концепт был воспроизведен в ремейке 2012 г., где враги опять коммунисты, но на этот раз используется более современная северокорейская угроза[2]. Логические и логистические основания обоих фильмов вызывают смех — подобные кампании никак не могли бы осуществиться на практике. Общий замысел перенасыщен неустранимыми маскулинными фантазиями и нереализованными желаниями. Несмотря на это, обоим фильмам был дан зеленый свет на крупных киностудиях, в них снимались ведущие актеры, в обоих случаях была получена значительная прибыль, что позволяет усматривать своего рода хронополитическую своевременность двух проектов. Весьма примечательно, что в этих примерах, несмотря на «осовременивание» врага в соответствии с актуальным геополитическим ландшафтом, антагонисты все равно представлены реликтом холодной войны, такая идентичность нацелена на специфические американские страхи по поводу угрозы подчинения другому государству.

Базовые предпосылки, воплощенные в ремейке «Красной зари» (2012), были также использованы в видеоигре «Внутренний фронт» (Homefront)[3] и в ее сиквеле «Внутренний фронт: Революция»[4], продажи каждой из них составили более двух миллионов копий. Обе игры сосредоточены на «революционном духе» партизанского сопротивления, с постоянными отсылками к таким героям американской Войны за независимость, как Джордж Вашингтон, Бенджамин Франклин, Пол Ревир и Сэмюэл Адамс. Через межпоколенческую трансляцию игра создает двойственный взгляд памяти, мы интерпретируем события вымышленного вторжения через линзы старинного конфликта, что приводит к усилению оборонительных нарративных структур американской исключительности.

---

[1] Red Dawn. Dir. John Milius. Perf. Patrick Swayze. United Artists. 1984.

[2] Red Dawn. Dir. Dan Bradley. Perf. Chris Hemsworth. FilmDistrict. 2012.

[3] Homefront. Agoura Hills, CA: THQ Inc., 2011. Computer software.

[4] Homefront: The Revolution. Höfen: Deep Silver, 2016. Computer software.

Данные примеры позволяют наметить что-то вроде опорных точек (triangulation) базового нарратива для американских оборонных нарративных структур, который можно назвать «Отпор захватчикам»[5]:

1. В начале Америка характеризуется как мирная страна, которая не вмешивается в чужие дела, чтобы обеспечить торжество правосудия и устойчивую безопасность.

2. Чужеземный враг нападает без каких-либо провокаций со стороны Америки.

3. Америка застигнута врасплох, но стоически переносит страшные испытания, уносящие множество мирных жизней.

4. Благодаря героизму и присущей им исключительности американцы дают отпор захватчикам, опираясь на силу или смекалку, обычно проявляемые образцовыми индивидами.

За исключением войны 1812 г. и захвата нескольких отдаленных островов Японской империей в годы Второй мировой войны (об этом случае в современной Америке мало кто помнит), никаких исторических прецедентов для этого базового нарратива не существует. Скорее такая форма рассказывания является культурным инструментом, который способствует снижению беспокойства, порожденного хрупкостью американской национальной идентичности, или замещает собой метафору экономической или идеологической озабоченности. Также следует отметить, что базовый нарратив «Отпор захватчикам» усиленно подчеркивает врожденные моральные добродетели Соединенных Штатов, приписывая вторгающимся врагам всевозможные злоупотребления и военные преступления. Так, «Красная заря» и «Внутренний фронт» демонстрируют насилие северокорейских военных в отношении гражданского населения и военнопленных. Американский базовый нарратив отмечает изобретательность, храбрость и компетентность индивидуальных акторов, образцовых носителей американской исключительности, что, согласно книге Гая Вествелла «Кинематограф войны: Голливуд на линии фронта», позволяет этому нарративу «вплетаться в националистическую лихорадку самой аудитории» (*Westwell* 2006: 11).

Мощь и привлекательность этого нарратива становится очевидной при сравнении фильмов 2013 г. «Падение Олимпа» (ПО)[6] и «Штурм Белого дома» (ШБД)[7]. В обоих

[5] Идея «базового нарратива» данной работы возникла под влиянием концепта «схематического нарративного шаблона» Джеймса Верча, но отличается от него. Схематический нарративный шаблон является устойчивым и неизменяемым нарративным инструментом, который постоянно воспроизводится в публичном пространстве. Базовый нарратив является скорее методической рекомендацией, которая больше рассказывает об американских страхах, чем предписывает, каким способом этот нарратив должен быть оформлен. По поводу схематического нарративного шаблона см.: (*Wertsch* 2002).

[6] Olympus Has Fallen. Dir. Antoine Fuqua. Perf. Gerard Butler. Nu Image/Millenium Films. 2013.

[7] White House Down. Dir. Roland Emmerich. Perf. Channing Tatum. Columbia Pictures. 2013.

фильмах президент оказывается в ловушке осажденного Белого дома, и только ловкий одиночка способен повернуть ситуацию вспять. При этом тематические фокусы фильмов различаются. Тогда как в ПО северные корейцы крадучись атакуют президента и членов его кабинета, чтобы получить коды для запуска ракет с ядерным оружием, то в ШБД речь идет о конфликте с коррумпированным президентом, который использует в своих интересах подрядчиков военных заказов и частные военные компании, присутствующие в зонах боевых действий, тем самым изображая его воплощением неолиберальной политики военнопромышленных корпораций. Оба фильма созданы по одной схеме: насыщенная приключениями «движуха» (action-packed romp) по всему Белому дому; главный герой громит безликих противников, спасая американское правительство. Восприятие фильмов, однако, не было одинаковым. ПО с бюджетом 70 миллионов собрал на американском кинорынке почти 99 миллионов долларов, в то время как ШБД с бюджетом 150 миллионов собрал только 73 миллиона. И это — вопреки тому, что ШБД получил мягкий ограничительный рейтинг Американской киноассоциации на просмотр фильма детьми PG-13 (просмотр не желателен детям до 13 лет), а ПО получил более жесткий рейтинг R (лица, не достигшие 17-летнего возраста, допускаются на фильм только в сопровождении одного из родителей либо законного представителя). В то же время на зарубежном кинорынке ПО получил только 62 миллиона, а ШБД — 132 миллиона. Это позволяет предположить, что домашний и международный рынки по-разному восприняли незначительное отличие сюжетов фильмов. Ян Скотт в статье «Международные отношения на экране: Голливудская история американской внешней политики» приписывает домашний успех ПО одобрению ценностей агрессивной внешней политики США и особенно незамысловатой природе ее сюжета: «Америка против внешней угрозы» (*Scott* 2017).

Сфера видеоигр, особенно жанр военных приключенческих игр «Стрельба от первого лица» (First Person Shooter), помогает подкрепить точку зрения Скотта. «Зов долга» — наиболее продаваемая в мире серия игр в жанре «стрелялок». Ее наиболее востребованная (всего продано 73 миллиона копий на сумму 6 миллиардов долларов) подсерия — трилогия «Современная военное дело» (Modern Warfare)[8] посвящена будущему конфликту между Россией и США, в ходе которого Америка оккупируется Российской Федерации. На самом деле эта серийная игра обнаруживает серию американских страхов, тревог, ошибочных представлений, упакованных в насилие, катарсис и несбыточные желания. В статье 2010 г. «Вторжение в ваши сердца и мозги: “Зов долга” и (пере)запись милитаризма в американских компьютерных играх и популярной культуре» Фредерик Ганьон, ис-

[8] Call of Duty 4: Modern Warfare. Santa Monica, CA: Activision, 2007. Computer software; Call of Duty: Modern Warfare 2. Uxbridge: Activision, 2009. Computer software; Call of Duty: Modern Warfare 3. Los Angeles, CA: Activision, 2011. Computer software.

следуя этот же сюжет, утверждает, что «серия “Зов долга” формирует одобрительное отношение к американской армии, милитаризму и войнам, развязанным США и их зарубежными союзниками. Мы исходим из предположения, что компьютерные игры — это не просто “детские забавы”, они являются замысловатыми устройствами внедрения и распространения особой идеологии. <...> Наша цель состоит в осуществлении контент-анализа первой и второй игр “Современного военное дело” из четвертой серии “Зова долга”, чтобы показать, что их видеоряд и нарративы (1) резонируют и усиливают “таблоидное воображение” геополитики в период после 11 сентября 2001; <...> (2) прославляют военную силу и внедряют идею, что государственное насилие и войны неизбежны; (3) укрепляют наш ошибочный взгляд, представляя “стерильное” видение войны и отвлекая от негативных последствий государственного насилия» (*Gagnon* 2016).

Три выпуска «Современного военного дела», вышедшие между 2007 и 2011 гг., содержат ряд культурных конструкций, которые подчеркивают недостаточное геополитическое влияние США и также действуют как инструменты, порождающие американские мнемонические сообщества. Игры действительно попадают в резонанс со взглядами целевой (читай: американской) аудитории, которая сосредоточена на превентивной военной активности, русском вторжении в округ Вашингтон и отнюдь не гламурных представлениях о русской политике военного времени[9]. Новые выпуски игр постоянно устанавливают рекорды в первый день продаж. Игры имеют огромное политическое и культурное влияние, которое, пожалуй, превосходит по размаху влияние политических решений современной эпохи, несмотря на то что высказывания, содержащиеся в этих играх, постоянно осмеиваются специалистами по международным отношениям. Йохан Хоглунд в статье 2014 г. «Международные отношения и будущие войны в военных играх стрельбы от первого лица» утверждает, что игры являются ценным инструментом для стимуляции и измерения публичных представлений и идеологии: «Основные игроки международных отношений, такие как [Департамент обороны], глубоко вовлечены в производство популярной культуры, а эта культура заметно влияет на риторику международной политики. Даже если [эксперты международной политики] считают, что популярная культура и жанр “стрелялки” не заслуживают их внимания, этот жанр, напротив, считает, что [международные отношения] заслуживают его внимания. После внезапного нашествия военных игр популярная культура не прекратила предлагать свое понимание и указывать способы решения международных проблем. Теперь эти решения

[9] Call of Duty: Modern Warfare 2 представляет собой особенно неприглядный случай пропаганды, где игроки противостоят запланированной русскими террористической атаке против гражданского населения и участвуют в освобождении из русского гулага незаконно удерживаемого там британского пленника, что становится возможным благодаря героическим совместным усилиям американских и британских вооруженных сил.

продаются поколению, которое ушло из традиционных медиа, где принято обсуждать международные отношения. Международные отношения, которые игнорируют такое развитие ситуации, находятся в опасности» (*Hoglund* 2017).

Вызывает тревогу тот факт, что нарратив вторжения бывших соперников периода холодной войны является преобладающим образцом для популярных американских медиа. К тому же академических исследований в этой сфере явно недостаточно. С одной стороны, такие формы медиа предоставляют отдушину для ухода от реальности и для фантазий властвования, но с другой — они воздействуют как на глубоко запрятанные национальные страхи, так и на зияющие мнемонические травмы, создавая в результате потребность в новых подобных медиа, способных успокоить эти искусственно сконструированные страхи. Эта весьма прибыльная система порождает порочный круг обратной связи, в ходе которой беспочвенные нарративные структуры воздействуют на американское восприятие современной геополитики, а также производят шаблоны для внешних наблюдателей, создающие искаженное представление о том, как американцы видят окружающий мир.

В этом смысле франшиза «Зов долга» «приклеивается» к специфическим нарративам, которые некоторые исследователи считают механизмами представления и укрепления гегемонистских способов контроля. Так, Кевин Шат в статье «Стратегические симуляции нашего прошлого: тенденциозное представление прошлого в компьютерных играх» утверждает, что многие компьютерные игры, особенно «стрелялки», предсказуемо пристрастны. Шат считает, что эти игры воспроизводят стереотипный маскулинный взгляд на историю, согласно которому белые мужчины являются главными акторами и агентами односторонних изменений, история предстает «очевидной цепью причин и следствий», растянутый и сложный исторический процесс сводится к относительно малым пространствам крайнего насилия (*Schut* 2007: 223). Игры могут способствовать «погружению в историю» в учебных и экспозиционных целях, но они не заменяют и не могут заменить критическое, многостороннее и всеобъемлющее изучение и исследование истории. Шат, подобно Хоглунду и Ганьону, озабочен этим жанром медиа и типичным для него восхвалением этнонациональной мощи и подчеркиванием империалистических нарративов, которые выступают до неприличия общим местом американских «стрелялок». В таком случае жанр «стрелялок» создает плодотворную почву для укоренения мнемонических схем, в которых, с одной стороны, американская политическая идеология может быть представлена как интерактивная деятельность, опосредованная вымышленным насилием, а с другой — через этот же процесс может осуществляться укрепление структур официальной памяти. Прослеживая, как серии «Зова долга» перемещаются от меньшего насилия и более стабильных структур памяти о Второй

мировой войне через большее насилие и менее устойчивые структуры памяти о холодной войне к воображаемым конфликтам близкого будущего, мы можем лучше понять этот процесс.

БАЗОВЫЙ НАРРАТИВ СПЯЩЕГО АГЕНТА

Второй базовый нарратив, который я хочу рассмотреть в этом исследовании, работает со страхами по поводу врагов, которые уже проникли на территорию США. Такие фильмы, как, например, «Джек Райан: Теория Хаоса»[10], основаны на сценарии, согласно которому иностранцы проникают в Соединенные Штаты по надуманным поводам, после чего наносят тяжелый урон ничего не подозревающим американцам и причиняют катастрофический ущерб американской экономике, т. е. задействуется модель Троянского коня. Этот базовый нарратив приводится в действие несколькими американскими страхами, которые распространены несколько шире и проявляются с большей настойчивостью, чем тем, что присущи «Отпору захватчикам». Разумеется, иммиграция постоянно служит ареной горячих дебатов в американской политической истории. Последние несколько десятилетий они ведутся прежде всего по двум поводам: 1) проникновение нелегальных иммигрантов в Соединенные Штаты; 2) возможно, внушающая бо́льшую тревогу озабоченность потенциальными террористическими атаками со стороны иммигрантов. Эти страхи соединяются в нарративе «Предательство изнутри»:

1. Личность или группа доброжелательно принимается нами.

2. Личность или группа, с антиамериканскими планами, таится среди нас.

3. Личность или группа неожиданно и трусливо совершает нападение на нас.

4. Благодаря своему героизму и исключительности американцы побеждают врагов, отражая угрозу силой и находчивостью, прежде всего, героических одиночек.

Этот базовый нарратив появляется в американских медиа с пугающей частотой, во многих случаях в компании других взаимоналагающихся нарративов, как, например, в случае «Падения Олимпа», когда северокорейцы проникают в Белый дом под видом южнокорейцев. Концепт русского спящего агента, как это было в фильме «Джек Райан: Теория Хаоса», также присутствует в фильме «Солт», в котором спящий агент внедряется в ЦРУ и пытается перепрограммировать американские ракеты с ядерными боеголовками, чтобы нанести удар по Мекке и Тегерану[11].

«Солт» представляет особенно интересное воплощение этого нарративного образца, т. к. заговор с целью натравить мусульман

[10] Jack Ryan: Shadow Recruit. Dr. Kenneth Branagh. Perf. Chris Pine. 2014.

[11] Salt. Dir. Phillip Noyce. Perf. Angelina Jolie. Sony pictures home entertainment, 2011.

на Америку остановлен другим русским спящим агентом, чье имя — Солт — дало название фильму. Она предана своему американскому мужу и поэтому предает русского коллегу и срывает заговор, тем самым спасая Америку от неизбежной войны. В этом фильме мы видим, что даже иностранный агент может быть увлечен американскими ценностями, среди которых не последнюю роль играют любовь и честность. Кроме того, фильм внушает, что войны Соединенных Штатов против исламского мира порождены не американскими интересами, но заговорами внешних врагов, что снимает с американской аудитории ответственность за эти войны. Героиня Анжелины Джоли (Солт) выступает в качестве болеутоляющего средства от широко распространенных страхов, действуя как инструмент мести и справедливости против тех, кто пытается проникнуть в Соединенные Штаты с враждебными целями. Эта специфическая киноформула работает на нескольких уровнях. Она получает доступ к страхам поколения 11 сентября 2001 г. по поводу внутренних угроз, которые разрушительны для американских ценностей, с целью сместить хронополитический фокус с исламского терроризма к более старым тревогам по поводу внедрения советских агентов. «Солт» работает как неполная метафора, позволяющая перенести новые страхи на отвратительную силу, которая, с одной стороны, очевидно является архаикой, но с другой — все еще воскрешает атавистический ужас памяти.

Первичный страх по поводу того, что невозможно доверять американским согражданам, является чрезвычайно привлекательным нарративным инструментом, который, как можно судить по ранним воспроизведениям похожих повествований, таких как «Вторжение похитителей тел»[12] и «Маньчжурский кандидат»[13], не является новинкой. Современные пересказы этих историй, хотя в них сюжет часто переписывают, подчиняясь силам хронополитики (так, в ремейке «Маньчжурского кандидата»[14] коммунистический заговор подменяется происками неолиберальной корпорации), тем не менее сохраняют политический климат, проникнутый антирусскими страхами. В книге «Экранные враги американского пути» Фрэзер А. Шерман упоминает этот феномен на примере высказывания по поводу русско-грузинской войны тогдашнего кандидата в президенты Джона Маккейна, который в 2008 г. заявил: «Мы переживаем кризис, пожалуй, первый серьезный международный кризис после окончания холодной войны». По мнению Шермана, это «достаточно странное утверждение по поводу эпохи, которая включает Боснию, Первую войну в заливе, 11 сентября 2001 г., оккупацию Ирака» (*Sherman* 2011: 87). Похоже, что даже в политическом американском

[12] Invasion of the Body Snatchers. Dr. Don Siegel. Perf. Kevin McCarthy. Walter Wagner Productions. 1956.

[13] The Manchurian candidate. Dir. John Frankenheimer. Perf. Frank Sinatra. United Artists, 1962.

[14] The Manchurian Candidate. Dir. Johnathan Demme. Perf. Denzel Washington. Paramount Pictures. 2004.

дискурсе русская угроза затмевает все остальное.

Такие фильмы, как «Солт» и «Джек Райан: Теория Хаоса», с одной стороны, предлагают мягкий уход от реальности в развлечение, с другой — они фиксируют внимание зрителя на базовом нарративе, что приводит к опасным корреляциям с реальным миром. Политическим последствием этих нарративов становится стремление публичного дискурса снять с этих врагов якобы мнимую американскую идентичность, чтобы удобнее было подвергнуть их жесткой критике в качестве «чужих», как это видно в случаях стрелков в Сан-Бернардино (2 декабря 2015 г.), где один из стрелков был гражданином США по праву рождения, в Орландо (12 июня 2006 г.), где стрелок также был американским гражданином, родившимся в США, бомбистов Бостонского марафона (15 апреля 2013 г.), где оба террориста были натурализованными гражданами США. Во всех трех случаях американские СМИ замалчивали факт американского гражданства преступников, разжигая страхи и ненависть по поводу тех, кто злоупотребил благодеяниями со стороны Америки. Несмотря на то, что между воздействием кинотриллеров и актами внутреннего терроризма нет прямой связи, постоянное воспроизведение базового нарратива «Предательство изнутри» позволяет поддерживать высокий уровень беспокойства в обществе, даже в тех случаях, когда злодеи изображаются в качестве категории, обособленной от американского общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование базового нарратива, настроенного на американские страхи, является рыночной техникой, которая приносит высокие прибыли, но при этом несет серьезные опасности. Прежде всего мы видим здесь действие Теоремы Томаса (если человек оценивает ситуацию как реальную, она становится реальной по своим последствиям) с ее реальными и ужасными политическими последствиями. Так 58 % американцев считают законным применение пыток во время допросов (PEW 2017). Такие представления находят широкую поддержку в видео продукции. Например, в фильме «Ноль темной тридцатки»[15] и в телесериале «24»[16] пытки выступают эффективным инструментом расследования, и это вопреки многословному докладу Сената, согласно которому пытки подозреваемых сотрудниками секретных служб не могут быть признаны достоверным источником информации, а также вопреки громогласным протестам жертвы пыток Джона Маккейна. С помощью медиа мы, как писал об этом Бодрийяр, строим гиперреальность, которая подтверждает наши мнемонические предубеждения. Это особенно верно в поддержании и искусственном подтверждении пристрастий, унаследованных че-

[15] Zero Dark Thirty. Dir. Kathryn Bigelow. Perf. Jessica Chastain. Sony Pictures Releasing. 2012.

[16] 24. Imagine Television / 20th Century Fox Television / Real Time Productions / Teakwood Lane Productions. 2001–2010.

рез память поколений, таких как антипатия к бывшим соперникам по холодной войне, свойственная американскому мнемоническому сообществу. Организация структур памяти, будь то наследуемые или выученные групповые ценности конкурирующих идеологий, в современную эпоху в значительной мере передана в распоряжение медиа. Действительно, мы учим себя как вспоминать, но инструменты и нарративы для этого занятия носят в высшей мере искусственный характер. В результате возникает искусственная инфляция экономики памяти, которая дает реальные результаты и приносит реальные прибыли.

Разумеется, что невозможно возложить всю ответственность за ухудшение политических отношений или формирование страхов в американском мнемоническом сообществе исключительно на американские популярные фильмы и видеоигры. Тем не менее они *могут* рассматриваться как ответственные за продление жизни этих страхов и в какой-то мере за их обострение. Это не означает, что требуется мораторий на какие-либо кинотропы либо нужна цензура видеопродукции. Скорее необходимо, чтобы американцы лучше представляли те ледовые поля памяти, которые радикально окрашивают наше восприятие мира. Также насущно необходимо, чтобы американцы разорвали порочный круг, в котором медиа вселяют страх, что по иронии памяти вызывает потребность в паллиативном избавлении от этих страхов через новое медиапотребление. Несмотря на то, что все рассмотренные в этом исследовании образцы медиа не имеют художественной ценности, ученые не могут игнорировать продукцию, ежегодные продажи которой исчисляются миллиардами долларов. При помощи комбинированных аналитических инструментов из сфер исследований потребления, медиа, игр и коллективной памяти, а также политической науки видеоигры и фильмы могут быть не только проанализированы с точки зрения их культурной ценности, но и, возможно, перепрофилированы для более продуктивной работы.

В итоге мы видим, что мнемонический анализ популярных медиа и путей, которыми их репрезентация приспособлена к воздействию на общие тревоги и страхи американского общества, как это показывает сравнение фильмов «Штурм Белого дома» и «Падение Олимпа», является чрезвычайно полезным «параллаксом» для измерения публичного потребления идеологии. Стремясь расширить аудиторию, студии часто должны принимать решения, которые способны сильнее резонировать с широкими кругами американской публики. Эти комиксы и фильмы заслуживают презрения из-за наполняющей их поп-культурной жвачки. Вместе с тем они представляют чрезвычайно важные артефакты для измерения «бугров» памяти и ее нарративов. С помощью новых подходов в исследованиях памяти, таких как память поколений и межпоколенческая память, а также обращаясь к новым и традиционным нарративным образцам, мы можем более точно измерить дрейф потребления американской аудитории

и таким способом выяснить, какие тектонические изменения происходят в мнемонических сообществах.

ВИДЕОИГРЫ И КИНОФИЛЬМЫ

24. Imagine Television / 20th Century Fox Television / Real Time Productions / Teakwood Lane Productions. 2001–2010.

Call of Duty 4: Modern Warfare. Santa Monica, CA: Activision, 2007. Computer software.

Call of Duty: Modern Warfare 2. Uxbridge: Activision, 2009. Computer software.

Call of Duty: Modern Warfare 3. Los Angeles, CA: Activision, 2011. Computer software.

Homefront. Agoura Hills, CA: THQ Inc., 2011. Computer software.

Homefront: The Revolution. Höfen: Deep Silver, 2016. Computer software.

Invasion of the Body Snatchers. Dr. Don Siegel. Perf. Kevin McCarthy. Walter Wagner Productions. 1956

Jack Ryan: Shadow Recruit. Dr. Kenneth Branagh. Perf. Chris Pine. 2014.

Olympus Has Fallen. Dir. Antoine Fuqua. Perf. Gerard Butler. Nu Image/Millenium Films. 2013.

Red Dawn. Dir. John Milius. Perf. Patrick Swayze. United Artists. 1984

Red Dawn. Dir. Dan Bradley. Perf. Chris Hemsworth. FilmDistrict. 2012

Salt. Dir. Phillip Noyce. Perf. Angelina Jolie. Sony pictures home entertainment, 2011.

The Manchurian candidate. Dir. John Frankenheimer. Perf. Frank Sinatra. United Artists, 1962.

The Manchurian Candidate. Dir. Johnathan Demme. Perf. Denzel Washington. Paramount Pictures. 2004.

White House Down. Dir. Roland Emmerich. Perf. Channing Tatum. Columbia Pictures. 2013

Zero Dark Thirty. Dir. Kathryn Bigelow. Perf. Jessica Chastain. Sony Pictures Releasing. 2012.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

CNN 2017 — Americans Spend More on the Lottery than on... // CNN. 11 Feb. 2015. Web. 11 Apr. 2017.

PEW 2017 — Global opinion varies widely on the use of torture against suspected terrorists // PEW Research Center. Web. 29 Apr. 2017.

The-Numbers 2017 — Domestic Movie Theatrical Market Summary 1995 to 2017 // The-Numbers. Nash Information Services. Web. 29 Apr. 2017.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Dower 2011 — *Dower John W.* Cultures of War: Pearl Harbor, Hiroshima, 9–11, Iraq. New York, W.W. Norton, 2011.

Freud 1995 — *Freud Sigmund*. Totem and taboo; and other works (1913–1914). London: Hogarth Press, 1995. Print.

Gagnon 2016 — *Gagnon Frederick*. "Invading Your Hearts and Minds": Call of Duty®and the (Re)Writing of Militarism in U.S. Digital Games and Popular Culture // European journal of American studies 5.3 (2010): n. pag. Web. 17 Dec. 2016.

Gluck 2007 — *Gluck Carol*. Operations of Memory: "Comfort Women" and the World // Ruptured histories: war, memory, and the post-Cold War in Asia / eds. Sheila Miyoshi Jager and Rana Mitter. Harvard University Press, 2007.

Hoglund 2017 — *Hoglund Johan*. IR and the Future Wars of First-Person Military Shooters // E-International Relations. Creative Commons License, 9 Oct. 2014. Web. 29 Apr. 2017.

MacIntyre 2012 — *MacIntyre Alasdair C.* After Virtue: A Study in Moral Theory. 3rd ed. Notre Dame, IN: U of Notre Dame Press, 2012.

Reulecke 2010 — *Reulecke Jurgen.* Generation/Generationality, Generativity, and Memory // A Companion to Cultural Memory Studies. Berlin: De Gruyter, 2010. P. 119–125.

Schut 2007 — *Schut Kevin.* Strategic Simulations and Our Past: The Bias of Computer Games in the Presentation of History // Games and Culture, vol. 2, no. 3, July 2007. P. 213–235, doi:10.1177/1555412007306202.

Scott 2017 — *Scott Ian.* International Relations on Screen: Hollywood's History of American Foreign Policy // E-International Relations. Creative Commons License, 20 Oct. 2013. Web. 29 Apr. 2017.

Sen 2006 — *Sen Amartya.* Identity and violence: the illusion of destiny. New York: W. W. Norton & Co., 2006.

Sherman 2011 — *Sherman Fraser A.* Screen enemies of the American way: political paranoia about Nazis, Communists, saboteurs, terrorists and body snatching aliens in film and television. Jefferson, N.C: McFarland, 2011.

Wertsch 2002 — *Wertsch James V.* Voices of Collective Remembering. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2002.

Westwell 2006 — *Westwell Guy.* War Cinema: Hollywood on the Front Line. New York: Columbia University Press, 2006.

Zerubavel 2004 — *Zerubavel Eviatar.* Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the past. Chicago: U of Chicago, 2004.

STILL FIGHTING WITH ECHOES AND GHOSTS: COLLECTIVE MEMORY, NATIONAL IDENTITY AND THE NEW FRONTIER OF POPULAR AMERICAN FILMS AND VIDEO GAMES

Wertsch Tyler — PhD student in the American Culture Studies Program at Bowling Green State University (USA)

Key words: Memory, collective memory, memory studies, video games, games studies, *Call of Duty*, film studies, cinema, memory industry, America, Russia, violence, narrative, consumption studies.

Abstract. Historically, memory studies has had a fruitful relationship with cinema. However, one area that has been neglected by memory scholars until very recently is popular video games, many of which (like *the Call of Duty* franchise) regularly outsell even the most popular films. This paper explores the ways heavily consumed American popular media (popular films, video games) help to both create and meet the demands of a mnemonic community, particularly with regards to American national memory and collective existential anxieties. More specifically, there has been a pattern of resuscitating Cold War anxieties (i.e. anti-Russian) for use as generic narratives in many American popular media texts, despite there being no recognizable historical base for such stories. The production of such texts taps into American collective memory and raises demand for more such texts, resulting in a mnemonically-aided feedback loop with potentially dangerous political and ideological repercussions.

REFERENCES

Dower John W. *Cultures of War: Pearl Harbor, Hiroshima, 9–11, Iraq*. New York, W. W. Norton, 2011.

Freud Sigmund. *Totem and taboo; and other works: (1913–1914)*. London: Hogarth Press, 1995. Print.

Gagnon Frederick. "Invading Your Hearts and Minds": Call of Duty®and the (Re) Writing of Militarism in U.S. Digital Games and Popular Culture. *European journal of American studies*5.3 (2010): n. pag. Web. 17 Dec. 2016.

Gluck Carol. "Operations of Memory: 'Comfort Women' and the World," *Ruptured histories: war, memory, and the post-Cold War in Asia*. Eds. Sheila Miyoshi Jager and Rana Mitter. Harvard University Press, 2007.

Hoglund Johan. IR and the Future Wars of First-Person Military Shooters. *E-International Relations*. Creative Commons License, 9 Oct. 2014. Web. 29 Apr. 2017.

MacIntyre Alasdair C. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. 3rd ed. Notre Dame, IN: U of Notre Dame Press, 2012.

Reulecke Jurgen. Generation/Generationality, Generativity, and Memory. *A Companion to Cultural Memory Studies*. Berlin: De Gruyter, 2010, pp. 119–125.

Schut Kevin. Strategic Simulations and Our Past: The Bias of Computer Games in the Presentation of History. *Games and Culture*, vol. 2, no. 3, July 2007, pp. 213–235, doi:10.1177/1555412007306202.

Scott Ian. International Relations on Screen: Hollywood's History of American Foreign Policy. *E-International Relations*. Creative Commons License, 20 Oct. 2013. Web. 29 Apr. 2017.

Sen Amartya. *Identity and violence: the illusion of destiny*. New York: W.W. Norton & Co., 2006.

Sherman Fraser A. *Screen enemies of the American way: political paranoia about Nazis, Communists, saboteurs, terrorists and body snatching aliens in film and television*. Jefferson, N.C: McFarland, 2011.

Wertsch James V. *Voices of Collective Remembering*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2002.

Westwell Guy. *War Cinema: Hollywood on the Front Line*. New York: Columbia University Press, 2006.

Zerubavel Eviatar. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the past*. Chicago: U of Chicago, 2004.

П. М. Полян

БОРИС МЕНЬШАГИН, КАТЫНЬ И ВОЙНЫ ПАМЯТИ

Ключевые слова: историография, пропаганда, Б. Г. Меньшагин, оккупация, Смоленск, Катынь.

Аннотация. В последнее время в историографии все чаще всплывает имя Бориса Георгиевича Меньшагина (1902–1984) — бывшего бургомистра Смоленска и Бобруйска в годы немецкой оккупации. Всплывает прежде всего — как автора интереснейших в историческом плане свидетельств и как яркой и интереснейшей личности, чья уникальная судьба ставит перед историком много вопросов и заслуживает внимательного изучения и осмысления. Его литературное наследие — воспоминания, аудиоинтервью и письма — представляет собой ценнейший исторический источник, затрагивающий и довоенный, и военный, и послевоенный этапы существования СССР. Для историка они — памятник эпохи и истинный клад, а для главпуровского пропагандиста — бревно в глазу, разрушающее стереотипы. Автор поэтапно разбирает историографию Меньшагина и анализирует феномен его личности.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-42-65

Борис Георгиевич Меньшагин родился 26 апреля / 9 мая 1902 г. Считалось, что в Смоленске, но, скорее всего, гораздо южнее — в Николаеве или по соседству, в Херсонской губернии, где за несколько дней до рождения Бориса венчались его родители. Умер же он 24 апреля 1984 г. в заполярном Кировске, за полмесяца до своего 82-летия.

Внутри этих исторических и географических рамок есть свои бесспорные концентры, и это — война между Германией и СССР и Смоленск.

До войны — делопроизводитель в штабах Красной армии, затем советский правозаступник (так именовались до войны адвокаты) в Смоленске: даже в годы Большого

* Редактор-составитель К. С. Коноплянко

© П. М. Полян, 2019

Полян Павел Маркович — доктор географических наук, директор Мандельштамовского центра НИУ «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института географии РАН (Москва); pavel.polian@gmail.com

террора ему удавалось в своей провинции хоть иногда, но вырывать из пасти смерти хотя бы нескольких невиновных!

Оказавшись в Смоленске под немецкой оккупацией, он нежданно-негаданно «вознесся» на 26 месяцев в русские бургомистры города, а после оставления Смоленска — бургомистром еще и Бобруйска. Апрельская 1943 г. поездка в Катынь, где сияющие от пропагандистского счастья немцы докопались до братских могил расстрелянных НКВД польских офицеров, стала для него непредсказуемо роковой. После оставления Бобруйска — бегство с семьей на Запад, в Берлин и в Карлсбад, одиночное интернирование американцами в баварском лагере для ДиПи в Ауэрбахе и возвращение в советский уже Карлсбад. Там, не найдя своих, Меньшагин — добровольно и от отчаянья — сам пришел в комендатуру и сдался.

Послевоенная треть жизни сложилась из 25 лет тюрьмы, проведенных на Лубянке и во Владимире в режиме строжайшей изоляции, и 14 лет одиночества в заполярной советской богадельне в Мурманской области — сначала в Княжой Губе, а потом в Кировске, — откуда он каждое лето вырывался «в отпуск» на юг, к друзьям — в Москву, на Украину, на Волгу.

...Но и упокоившись в некрашеном гробу на заснеженном кировском кладбище, Меньшагин не выпал из силового поля историко-идеологических битв. Публикация его интервью и мемуаров — ценнейших в историческом плане свидетельств, как и сама его уникальная судьба — заслуживают самого внимательного изучения и осмысления.

Поговорим о резонансе, с нарастающей силой вызываемом его именем, его личностью, его поведением и его посмертными свидетельствами.

ИСТОРИОГРАФИЯ 1980-х гг.: ВЫХОД МЕНЬШАГИНА В СВЕТ

В советских публикациях имя Меньшагина фигурирует начиная с 1944 г. При этом наблюдается два потока, в сущности, автономных и поначалу никак не пересекавшихся, — официозный (долгое время единственный) и диссидентский.

Первый этап (1944–1960-е гг.) условно можно назвать «нюрнбергским» (по главному событию в нем). Его кульминационные моменты — лжесвидетельства Базилевского в Смоленске 22 января 1944 г. и в Нюрнберге 1 июля 1946 г., попавшие в официальную печать, — заявление ЧГК (1944) и протоколы Нюрнбергского процесса (1965) (Нюрнбергский процесс... 1965). При этом ничего не подозревающий Меньшагин — точнее, якобы произнесенные им слова и его «блокнот» — фигурируют здесь едва ли не как главные «вещдоки немецкости» убийства поляков.

1970-е и 1980-е гг. в историографическом плане — явно за диссидентами.

Первыми публичными — и последними прижизненными — упоминаниями о Меньшагине стали два крошечных сообщения в самиздатской «Хронике текущих событий»

за 1970 г., о которых уже говорилось. Да еще письмо редактору «Нового журнала», подписанное криптонимом «П. R.»[1], за которым скрывался Г. Г. Суперфин, нелегально (по представлениям того времени) переправивший через Г. Барана это письмо в журнал как отклик на публикацию статьи В. Позднякова «Новое о Катыни» в «Новом журнале» (1971. Кн. 104). Сведения В. Позднякова о Меньшагине и Базилевском приводились автором по воспоминаниям Г. К. Умнова и содержали ряд неточностей: Умнов, в частности, обвинял Базилевского в том, что он был агентом НКВД, каковым, по мнению и сведениям Меньшагина, тот не являлся. Обратите внимание на личное благородство: Меньшагин вступился за Базилевского — человека, не только предавшего его, но и пустившего его имя полоскаться в мутной Катынской фальшивке!

Сам Меньшагин публичности — в его положении как бы априори антисоветской — при жизни избегал. Все, что им было написано или наговорено на магнитофон, он просил не публиковать до его смерти, что и было исполнено.

Вскоре после смерти Меньшагина возник вопрос о расшифровке и публикации этой записи. Техническая сторона была поручена Александру Борисовичу Грибанову, оставившему об этом обстоятельные воспоминания (*Грибанов* б. д.).

И вот — в 1988 г., спустя четыре года после меньшагинской смерти — в Париже, в легендарном издательстве YMCA-Press, вышла 247-страничная книга Б. Г. Меньшагина: «Воспоминания: Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма...».

У книги три титульных редактора-составителя: Александр Грибанов[2], Наталья Горбаневская и Габриэль Суперфин. Первый расшифровывал запись и делал первичный список, вторая осуществляла новую сверку, а третий, Суперфин, составлял, редактировал и в одиночку комментировал книгу и снабжал ее многочисленными приложениями.

Бóльшая часть текста посвящена довоенной деятельности Меньшагина как адвоката (а ему в этом качестве иногда удавалось почти немыслимое — отмена или смягчение приговоров жертвам Большого террора). Интересные страницы — о Владимирской тюрьме и своих краткосрочных сокамерниках-чекистах — Мамулове и Штейнберге (но молчок о Судоплатове!). И в самом конце — буквально пара страниц о посещении немецких эксгумационных работ в Катыни 18 апреля 1943 г. Но именно этой паре страниц рецензентами уделялось максимальное внимание.

В рецензии в «Континенте» Меньшагина впервые сравнили с «Железной маской», а его воспоминания расценили как дополнительное свидетельство против ложных

[1] Впервые: (Новый журнал 1972: 262–280).

[2] Грибанов был и автором предисловия. Он эмигрировал в США в феврале/марте 1987 г. В октябре 1988 г. Суперфин был в Бостоне и возвратил Грибанову кассеты.

показаний Базилевского о Катыни. Сам по себе фрагмент о ней «*... занимает небольшое место, однако работа комментатора расширила его значение, сделав одним из центральных в книге. Вообще об этой книге следовало бы говорить как о труде двух авторов: рассказчика, чьи воспоминания "были записаны на пленку, сохранившую неторопливый глуховатый звук старческого голоса" (из предисловия), и комментатора – Габриэля Суперфина. <...> Г. Суперфин, работая в лучших традициях академического комментирования, не только приводит данные о каждом лице и событии, встречающемся в тексте, но и расширяет поле зрения читателя, включая в него весь связанный с эпизодами воспоминаний исторический фон. Благодаря этому книга в целом становится и захватывающим чтением, и незаменимым справочным пособием для всякого, кто всерьез интересуется советской историей*» (О. К. 1988).

В рецензии Н. П. Лисовской щедро цитировалось взятое ей у Меньшагина и никогда не публиковавшееся аудиоинтервью 1978 г. (*Лисовская* 1988).

В 1991 г. в издательстве «Новости» вышла книга «Катынский лабиринт» Владимира Абаринова, въедливого спецкора «Литературки». Она посвящена Катынскому узлу в целом — от первичной его фактологии (расстрел 1940 и раскопки 1943 г., судьбы официальных свидетелей и т. п.) до высочайшей его токсичности и сакральности в СССР (истории «конверта №1», передаваемого от вождя к вождю наравне с ядерным чемоданчиком!). Самому Меньшагину Абаринов отвел отдельную главу в разделе «Свидетели», целиком построенную на материалах парижской книги (впрочем, упоминаются в ней — впервые — и неопубликованные «Воспоминания»).

Могло показаться, что Меньшагин, о том не подозревая, залетел и в художественную беллетристику и даже в кино. Его громкое и победное дело об агрономах вплоть до мелких деталей совпадает с образом адвоката Седова в повести Ильи Зверева (Изольда Юдовича Замдберга; 1926–1966) «Защитник Седов», написанной в 1963 и экранизированной в 1988 г. Но это не так: прототипом тут послужил другой адвокат — Владимир Львович (Мордухович) Россельс (1886–1971).

ИСТОРИОГРАФИЯ 1990-Х ГГ.: КОТОВ, МУХИН И ДРУГИЕ

Убедившись — с радостью и, кажется, не без удивления — в том, что ни позднесоветская гласность, ни постсоветская толерантность нисколько не покушаются на свободу и их слова, со своими мыслями и аргументами для скорейшего и сокрушительного ответа собрались те, для кого меньшагинская книга 1988 г. стала большой и неприятной неожиданностью.

Книга явно задела, разозлила, раздорила официозных советских историографов и критиков (точнее сказать: обличителей) Меньшагина, заставила их открыть рот. При этом воспринимали они ее даже не в Катынском, а в сугубо смоленском контексте — как попытку реабилитации и апологетику экс-бургомистра, преподносящую его — в их

глазах жалкого и подлого предателя! — порядочным человеком и чуть ли не подвижником, против своей воли оказавшимся в шкуре смоленского бургомистра и активно использовавшим свое положение во благо вверенного ему населения. Особенно раздражала следующая фраза в предисловии: «*Меньшагин в высшей степени соответствовал своему назначению: он был адвокатом, защитником. И первый естественный импульс в любых условиях и обстоятельствах для него заключался в том, что надо защищать людей. Он старался выполнить эту задачу в период массовых репрессий тридцатых годов, он принял на себя эту миссию, когда пришли немцы*» (*Меньшагин* 1988: 10).

В 1990 г. в Смоленске стартовала целая кампания по разоблачению этого образа и выведению Меньшагина на чистую воду. Главным калибром выступил Л. В. Котов — смоленский краевед, архивист (бывший сотрудник областного партархива), историк (КПСС, марксизма-ленинизма и партизанского движения на Смоленщине) и преподаватель (кафедры марксизма-ленинизма в Смоленском институте физкультуры). А к тому же еще и очевидец: мальчиком он и сам пережил оккупацию в «меньшагинском» Смоленске.

Свою сверхзадачу — дискредитировать Меньшагина — он сформулировал сам: «*И как бы ни лакировали биографию Меньшагина, ничего не выйдет: в народе справедливо говорят, "что черного кобеля не отмоешь добела"*» (*Котов* 1990: 48). В серии статей, публиковавшихся в ежемесячнике «Край Смоленский», Котов посвятил Меньшагину целых три текста — по одному в 1990, 1991 и 1994 гг. Отличительные их особенности и специфичны, и типичны: неуверенное владение материалом (так, Шталекера он, калькируя, постоянно называет Сталецкером) и полное отсутствие ссылок на источники.

Любопытный эпизод. Работая над «Катынским лабиринтом», с Котовым пообщался и Абаринов. Он пишет: «*Леонид Васильевич Котов настроен к Меньшагину непримиримо. По его словам, смоленские старожилы отлично помнят его деятельность в качестве бургомистра, потому и отказано ему было в прописке облисполкомом, куда он обращался в 1970 году сразу по освобождении. Котов утверждает также, что в областном госархиве имеются документы, доказывающие непосредственное участие Меньшагина в уничтожении еврейского гетто. Эти бумаги заинтриговали меня чрезвычайно, и попросил я Леонида Васильевича показать мне хотя бы выписки. Вышла, однако, заминка: кроме статей в оккупационной прессе ничего не обнаружилось. Да и не вяжется как-то одно с другим: вряд ли человек, замешанный в кровавых преступлениях, пожелает поселиться там, где еще живут свидетели его злодеяний*» (*Абаринов* 1991: 123).

Котов же на книгу Абаринова и на благодарность себе в ней огрызнулся: «*Пользуясь случаем, замечу. В. Абаринов в предисловии выразил мне "искреннюю признательность" за помощь. Однако помощь моя была минимальной, если вообще ее можно назвать таковой, поскольку она была инспирирована самим автором. Поэтому "искреннюю благодарность" я рассматриваю как иронию автора, не более. Мне приписываются деяния, которые я не совершал.*

В архиве действительно есть документы, подтверждающие причастность Меньшагина к судьбе смоленского гетто. Но я не обещал автору показать свои выписки из них, а лишь посоветовал лично обратиться в архив и изучить эти документы. Именно так поступают настоящие историки, если их "чрезвычайно интересуют" источники. Использование чужих выписок – прием недозволенный» (*Котов* 1994: 55).

В этом заочном споре прав, безусловно, Абаринов. Как архивист Котов значение шифров, или сигнатур, не мог не понимать. Их упорное утаивание или заметает следы, или покрывает ложь. Оно может означать и непрофессионализм публикатора, но в данном случае — это намеренная недобросовестность и склонность к манипуляции: то ли, зная шифры, он просто цитирует предвзято и некорректно (а как проверишь?), то ли документов этих вовсе нет (а как поверишь?), то ли он получил доступ к ним не вполне корректным образом (чего не подумаешь?)[3].

Разумеется, начало 1990-х гг., когда Котов публиковал эти документы, — это время шока от нежданной и непривычной открытости: читайте, работайте, публикуйте! И еще время смущенной растерянности как архивистов, так и публикаторов, когда выходом из ситуации передозировки свободы часто становились глухие ссылки типа «Коллекция документов». Многие первопубликаторы, смущенно прибегавшие к этому приему, со временем просто повторяли свои публикации, но уже с приведением утаенных шифров.

Л. Котов сигнатурных уточнений не обнародовал, а шифры своих источников предпочел унести в могилу. Сделанные им на этот счет пометы элементарно — и, видимо, намеренно — дезориентируют профессионального читателя. Вот первая такая помета (при публикации): «Материалы обнаружены в военном архиве среди немецких трофейных документов, захваченных в Германии». Можно было бы предположить, что подразумевается бывший Особый архив с трофейными документам (современный РГВА), однако заново обнаружить в нем эти материалы не удалось. Но и другая «наводка» Л. Котова (в беседе с В. Абариновым) — на областной смоленский архив — такая же холостая и лукавая. Попытки верификации в ГАСО до сих пор никого к успеху не привели[4], и, по-хорошему, опираться на котовскую публикацию не следовало бы[5].

Своеобразным камертоном к котовскому триптиху могла бы послужить

[3] В свете того, как не только сам Котов, но и его наследники упорно отказывают исследователям к работе с фондом Котова в ГАСО, такого рода предположения уже нельзя исключать.

[4] Есть в ГАСО и личный фонд Л. В. Котова (№ 292, с 645 единицами хранения). Но для исследователей этот фонд закрыт лично Котовым до 2030 г.: концы опущены в воду, что не может не порождать сомнений и подозрений.

[5] И то, что я как составитель настоящей книги оставил ее в источниковой базе и даже воспроизвожу в качестве одного из документов, — не реверанс Котову, а вынужденное, со всеми названными оговорками, допущение, а главное — призыв к продолжению поиска и к верификации источника.

фраза из первой же сноски в первой же его статье: «*После освобождения из тюрьмы [Меньшагин] просил Смоленский облисполком разрешить приехать на Смоленщину для проживания в доме престарелых. В этой просьбе ему было отказано из-за опасения мести со стороны тех, кто знал о его подлых делах в годы фашистской оккупации*».

Практика отказа выходящим на волю политзэкам в свободе выбора места дальнейшего пребывания действительно существовала, но если бы в его случае это было бы так, то Меньшагин, в своих воспоминаниях довольно подробно пишущий об этом эпизоде, первым непременно это бы и отметил. На просьбу оставить его на Владимирщине он, действительно, получил отказ, после чего был направлен в более «курортную» Мурманскую область и в специфический — единственный на страну — интернат для престарелых зэков!

Ополчившись на Меньшагина-«бургомистра», Котов решил заодно потоптаться и на довоенной его деятельности, доказывая (вот она — котовская дань перестройке!), что тот защищал не простых людей, а чекистов, — в частности, начальника следственного отдела смоленского НКВД майора гб Жукова. И если сами чекисты что-то инкриминировали довоенному Меньшагину, то прямо противоположное котовским обвинениям, а именно защиту врагов народа в видах их избавления от прописанных следствием наказаний.

Настаивая на своем, Котов добавлял, что самому Меньшагину при этом никогда ничего не грозило, поскольку ему якобы покровительствовал его «брат» — профессор-юрист Владимир Дмитриевич Меньшагин (1897–1977), заведующий кафедрой уголовного права и судоустройства в Московском правовом институте (впоследствии Московском юридическом институте им. П. И. Стучки), по Котову — близкий знакомый Генпрокурора СССР А. Я. Вышинского. На самом деле оба юриста Меньшагина — однофамильцы, друг с другом не знакомые.

Но такие «разоблачения» — для Котова — лишь «разминка». Особенно выразительна первая статья Л. Котова, в которой он решил ударить по экс-бургомистру «евреями». Отсылая к его приказам и цитируя Владимира Хизвера, именно Меньшагина Котов выставлял главным ответственным за трагедию Смоленского гетто. А спустя 10-летие М. Бадаев договорился до того, что назвал Меньшагина и вовсе «*главным специалистом по евреям*» (*Бадаев* 1999).

Ответственность на нем, безусловно, была — и огромная: начальник города напрямую отвечал за жизнь гетто — трудную, труднейшую, невероятную, но жизнь. Но за «акции» по его ликвидации, т. е. за смерть его жителей отвечало SD, впрочем, привлекавшее к ним и городскую полицию, с октября 1941 г. уже не подчинявшуюся Меньшагину[6].

[6] Расстрельная команда, кстати, была вполне интернациональная: был в ней даже скрытый еврей — Владимир Николаев-Фридберг.

В 1994 г. к мишеням Котова добавился и В. Абаринов, весьма отчетливо указавший на связь дела Меньшагина и Катынского дела. Для Котова же это — «*...еще один панегирик Меньшагину, ставший общим достоянием. <...> Путаное и весьма сомнительное сочинение. В ней специальным разделом помещена биография Б. Г. Меньшагина, составленная по весьма сомнительным источникам*» (*Котов* 1994: 174). Панегириком Меньшагину для Котова стала и книга Романа Редлиха «Предатель», хотя персонажа, хоть както напоминающего Меньшагина, в ней попросту нет[7].

А вот Николай Николаевич Илькевич, в 1990-е гг. начальник Центра общественных связей Управления ФСБ по Смоленской области, в травлю Меньшагина «а-ля Котов» не включался. Его заслуга — серия статей о Базилевском, а точнее единый очерк о нем, разложенный на три газетных полосы, вышедший в 1994 г. в «Смене» — смоленской молодежке. Публикуя и комментируя (в целом — в весьма положительных и незаслуженно обеляющих красках) записку свежеарестованного Базилевского «Общая картина жизни в Смоленске во время немецкой оккупации», Илькевич лишь упомянул Меньшагина, ограничившись сугубо справочными констатациями.

Нейтрально, но представлен Меньшагин и в смоленском энциклопедическом издании 2001 г. (*Иванов* 2001). Но уже сам этот факт вызвал неудовольствие и недовольство: «*...В преддверии нового, еще более полного тома осмелюсь высказать некоторые замечания и пожелания. Я не уловила, каков принцип отбора персоналий. Недоумение вызывает, например, то, что составители нашли нужным включить в книгу фамилии активных прислужников немцев, верой и правдой служивших им во время оккупации Смоленска. Речь идет о Меньшагине и редакторе фашистской газетенки Долгоненкове. И это при том, что в энциклопедию не включены имена активных подпольщиков Гнездова и Красного Бора...*» (*Звездаева* 2001).

В том же 2001 г. тиражом 900 экземпляров вышла замечательная книга Иосифа Цынмана «Бабьи яры Смоленщины» (Смоленск: Русич, 2001) — антология его собственных текстов и текстов других авторов. Имя Меньшагина встречается в ней только при перепечатке «меньшагианы» Л. Котова.

Зато вот что почти тогда же — в 2000 г. — писал о Меньшагине «дуэлевец» Юрий Мухин, не только повторяя нюренбергские сказки советской стороны, но и невольно выбалтывая при этом подлинные советские мотивы «непредъявления» Меньшагина Нюрнбергскому трибуналу: «*Меньшагин – гитлеровский прихвостень, бургомистр Смоленска во время оккупации его немцами. Он много знал о том, как немцы расстреляли польских офицеров, но на следствии после войны свидетельствовать категорически отказался – объявил, что понятия об этом не имеет. Следователи*

[7] Роман Николаевич Редлих (1911–2005), один из руководителей Народно-трудового союза, автор романа «Предатель» (Мельбурн: Посев, 1981). Впервые Редлих приезжал в Смоленск в 1943 г. из Берлина, в качестве сотрудника Министерства по делам оккупированных территорий А. Розенберга. Его второй визит (на него-то и резонирует Котов) состоялся весной 1993 г.

МГБ знали, что это ложь. После освобождения Смоленска, когда Меньшагин сбежал вместе с немцами, в городской управе нашли его памятную книжку за 1941 г., где остались сделанные его рукой записи о необходимости пресечь в Смоленске слухи о расстреле немцами польских офицеров. Но после ареста в 1945 г., опасаясь, что его, как и генерала Власова, повесят, Меньшагин предпочел в этом вопросе запереться.

Поэтому использовать его как свидетеля на Нюрнбергском процессе в 1946 г. наши не могли. Этот холуй, оказавшись под охраной американцев (конвой на суде был их), мог наговорить что угодно, чтобы не возвращаться и избежать наказания в СССР. То, что это наказание будет справедливым, Меньшагин не сомневался; он только жаловался, что ему много дали – 25 лет. По его мнению, все его признанные преступления как бургомистра Смоленска тянули всего лет на 10.

С 1952 г. Катынским делом в целях антисоветской пропаганды занялась комиссия Конгресса США (им-то какое дело до события, касающегося только СССР, Польши и Германии?). В связи с этим антисоветчики за рубежом предприняли попытку получить от сидящего в тюрьме Меньшагина лживые показания. С нашей стороны это привело к тому, что Меньшагин, осужденный в 1951 г., практически все свои 25 лет провел в одиночке (чем он, кстати, был доволен). Лишь кратковременно его объединяли в камере и то только с крупными осужденными чинами МГБ (Судоплатовым, к примеру).

Вышел он из тюрьмы в 1970 г. в возрасте 68 лет, его поместили в дом престарелых. И уже там диссиденты, которых ЦРУ снабжало большими деньгами (а Меньшагин деньги любил, и вы это почувствуете), сумели записать на пленку его воспоминания, которые потом были изданы за рубежом. То, что Меньшагин получил за нужные клеветникам СССР воспоминания по Катыни деньги, подтверждается их наличием у этого бездомного старца. До самой своей смерти в 1984 г. Меньшагин, начиная с мая по осень, разъезжал по всей стране, месяцами живя в Москве, Ростове, Киеве и т. д. (Дом престарелых был в Кирове)» (*Мухин* 2000).

Для Мухина, разумеется, что Киров, что Кировск, что Кировобад — один черт. Примечателен феномен вживания русского фашиста образца 2008 г. в шкуру советского энкэвэдэшника образца 1945 г.

Узнаваема и брызгающая слюной «догадка» по поводу его независимости на склоне лет: ага, блин, по стране разъезжал? — Значит, блин, денежки были, а раз были, блин, то, естественно, отрабатывал их ЦРУ. В чистом виде и совершенно беспримесный «иностранный агент»! Так и хочется, по-сусловски, воспользоваться строчными буквами для знакомых фамилий: мол, котовы ненавидят, но, сквозь зубы и через губу, что-то, процеживая, вводят в научный оборот, а вот мухины лишь неутомимо гадят.

ИСТОРИОГРАФИЯ 2000-Х И 2010-Х ГГ.: ВХОЖДЕНИЕ МЕНЬШАГИНА В ОБОРОТ

В 2000-е гг. в академической российской историографии оценочные (не справочные) упоминания Меньшагина — все еще редкость.

Кажется, первым, кто об него не споткнулся, а на него откликнулся, стал в конце 2000-х гг. исследователь советского коллаборационизма и немецкой оккупации в СССР Б. Н. Ковалев. Для него Меньшагин — фигура хотя и крупная, но все же через запятую — как бы из плотной толпы предателей-бургомистров. Специфика же Меньшагина разве в том, что его, единственного из этой толпы, с легкой руки следователей НКВД и знакомого с их трудами Л. Котова, назначили лично ответственным за уничтожение евреев в Смоленске. Вопросы же о Катыни и об использовании имени Меньшагина в гнусной фальсификации и политической афере не возникали и у Ковалева.

Впрочем, его подход мало чем отличался от котовского и по отношению к довоенной деятельности Меньшагина: в альянсах с НКВД или родственниками Ковалев Меньшагина, правда, не упрекал, но свое отношение вложил в выразительные кавычки: «*Оставил после себя воспоминания, опубликованные на Западе, где в основном написал о своей "борьбе за правду" во время работы защитником в суде в предвоенном Смоленске*» (*Ковалев* 2009: 131). А разве Меньшагин боролся за ложь?

Едва ли не первой попыткой осмысления Б. Г. Меньшагина как исторической личности стали мемуары Александра Грибанова, одного из составителей парижской книги, опубликованные в 2008 г. на сайте, посвященном Катыни. В 2009 г. вышла статья Алексея Макарова — первое источниковедческое исследование — по меньшагинским материалам в АММ. В 2011 г. в «Вестнике "Катынского мемориала"» вышла информативная статья А. А. Костюченкова «Бургомистр Смоленска Б. Г. Меньшагин. Отражение политических репрессий, "Катынского дела" и немецкой оккупации в судьбе советского адвоката» (2011)[8].

В конце 2010-х гг. вспыхнул и разгорелся процесс введения судьбы и наследия Б. Г. Меньшагина в научный оборот. Он начался с публикации в «Новой газете» моей статьи о нем (*Полян* 2017: 16–17) и с завязавшейся после этого переписки с архивами ФСБ и МВД. На протяжении трех лет подряд крупные публикации меньшагинских текстов и сопровождающих статей выходили в «Новом мире»: в 2017 г. — извлечения из его воспоминаний, в 2018 г. — его письма из интерната для престарелых к В. И. Лашковой, а в 2019 г. — письма из тюрьмы наверх, разному начальству страны (*Меньшагин* 2017; Заполярный интернатовец 2018; Письма Б. Г. Меньшагина... 2019).

Публикация воспоминаний в 2017 г. неожиданно стала самым востребованным из материалов журнала за год[9]. Первые реакции на первую публикацию начались еще до выхода декабрьского номера. Резонанс вызвал уже ее анонс, размещенный на сайте журнала 3 октября 2017 г. Уже 7 октября 2017 г. «Смоленская

[8] Нельзя не отметить и монографию Лори Коэн (*Cohen* 2013). Это ценная работа о повседневности оккупированного Смоленска, написанная с привлечением методов устной истории. Меньшагин в ней — персонаж малозначительный и тенденциозный (в духе товарища Котова).

[9] Около 10 тысяч загрузок (сообщено редакцией).

народная газета» опубликовала своего рода «инструкцию» для смолян, как встречать публикацию: «*Журнал "Новый мир" опубликует воспоминания нацистского бургомистра Смоленска. Известный литературно-художественный журнал "Новый мир" анонсировал очень странную публикацию. Редакция журнала, который в советское время долго возглавлял смолянин и фронтовик А. Т. Твардовский, в конце года собирается опубликовать воспоминания другого смолянина и коллаборациониста, майора Вермахта Бориса Меньшагина, который во время войны сотрудничал с нацистами и был бургомистром Смоленска в 1941–1943 годах. <…> Свои воспоминания Борис Меньшагин написал в начале 70-х – надиктовал их на магнитофон. Книга Меньшагина "Воспоминания: Смоленск… Катынь… Владимирская тюрьма…" была издана после его смерти в Париже. И вот теперь "Новый мир" опубликует журнальный вариант книги коллаборациониста. Историки и исследователи критически относятся к этим воспоминаниям*»[10].

А 10 ноября 2017 г. в Смоленске состоялся общественно-педагогический семинар «Исторические фальсификации и общественные меры противодействия им», на котором выступил Анатолий Вассерман, в очередной раз поддержавший советский канон взгляда на Катынь[11].

Но когда вышел сам журнал, бумажная пресса отозвалась лишь единожды, и то резонируя не на текст, а на факт публикации, и даже не в Смоленске, а в Москве. Это сделала «Литературная Россия»: «*Борис Меньшагин. Он был градоначальником оккупированного немцами Смоленска, после чего написал "Воспоминания о пережитом. 1941–1944". А. Василевский*[12]*, очевидно, считает, что тема Великой Отечественной войны не может быть представлена лучше, чем текстом человека, который пошел на сотрудничество с врагом России и который был осужден за измену Родине. Вот такие авторы формируют сегодня "лицо" журнала "Новый мир"!*» (*Румянцев* 2018).

Вот такая, в новое время, тоска по Старой площади — по главпуровскому единомыслию в головах и по единоначалию в исторической политике.

Между тем знакомство с наследием Меньшагина в периодике — в том числе и стараниями пишущего эти строки — продолжилось. В 2018–2019 гг. в том же «Новом мире» вышло еще две публикации, представившие читателю эпистолярию Меньшагина, — его письма к Вере Лашковой из числа друзей и жалобы наверх по начальственным адресам (*Меньшагин* 2018; 2019а). К этому следует добавить и публикацию полного текста аудиоинтервью Б. Г. Меньшагина, записанного в 1978 г. (*Меньшагин* 2019б).

Продолжилось и осмысление судьбы Меньшагина. В 2019 г. пишущий эти строки опубликовал статью о еврейском вопросе в оккупированном

[10] Уловить из анонса, что речь идет совсем о другом тексте Меньшагина, журналист не смог, зато «уловил» отношение историков и специалистов.

[11] См. URL: https://smoldaily.ru/anatoliy-vasserman-rasskazal-o-vozmozhnyih-falsifikatsiyah-v-katyinskom-dele .

[12] Главред «Нового мира». — *П. П.*

Смоленске (*Полян* 2019а), статью о роли Катыни в судьбе Меньшагина и о его «свидетельствах», сфальсифицированных для продавливания советской версии катынского вопроса в Нюрнберге (*Полян* 2019б), интернет-версию обзора меньшагинской историографии (*Полян* 2019в)[13], а также полемическое эссе о лукавой недоступности следственного дела Меньшагина (*Полян* 2019г). У дискуссий о Меньшагине появился, наряду с письменным, и свои устный аспект, — передачи на «Эхе»[14] и публичные лекции[15].

Наконец, в ноябре 2019 года в издательстве «Нестор-История» вышла 900-страничная книга Б. Г. Меньшагина «Воспоминания. Письма. Документы».

ФЕНОМЕН МЕНЬШАГИНА

Возвращаясь к самому Меньшагину, задумаемся: что представлял собой этот необычный человек? Как сошлись и как пересеклись в нем тип личности и траектория судьбы?

История дважды — в Большой террор и в Великую Отечественную войну — ставила его на передний край, или, точнее, бросала в плавильный тигель, дабы обжечь языками своего пламени и посмотреть, как удался ей этот обжиг.

Меньшагин не расплавился, не погиб, и в результате мы обогатились уникальными свидетельствами: ни вторых адвокатских о терроре, ни аналогичных бургомистерских о войне так и не сыскалось.

Ни легкой, ни счастливой судьбу его не назовешь.

Вот клеймо, с которым он прожил вторую половину жизни: «Управление захваченными территориями в прифронтовой полосе гитлеровцы осуществляли самостоятельно: творили суд и расправу над населением через военно-полевые комендатуры, с помощью всякого рода “хозяйственных инспекций”, специальных “штабов” занимались эксплуатацией промышленных предприятий и сельскохозяйственных организаций, грабили и уничтожали культурные ценности... “Меньшагины” играли вспомогательную роль, помогали оккупантам творить зло, вершить преступления. Без их помощи гитлеровцы не смогли бы эффективно проводить свою оккупационную политику, тем более вести борьбу с партизанами. У них не хватило бы сил. Поэтому часть своих “оккупационных забот” они перекладывали на местные кадры — “меньшагиных”» (*Котов* 1994: 56–57).

И далее, как тяжелая гиря, еще и оглушительная оценка — в цифрах — лично его, как главного пособника, деятельности в Смоленске. За 26 месяцев оккупации, по данным ЧГК, «было уничтожено 135 тыс. чел.: из них 35 тыс. мирного населения, военнопленных — 100 тыс.

[13] Настоящая статья является ее заново переработанным вариантом.

[14] Передачи «Цена победы» на «Эхе Москвы» 30 июня 2018 и 2 февраля 2019 г.

[15] В частности, в Смоленске 17 июня 2019 г.

человек»[16]. В целом по области цифры ЧГК и вовсе оглушительные: убито или умерло мирных жителей — 87 тысяч, а военнопленных — 258 тысяч, угнано в Германию — около 82 тысяч (*Полян* 2002: 735).

И каково же воцерковленному христианину с таким грузом жить?..

Минуточку: но разве с отступлением Красной армии захваченная врагом — нет, оставленная врагу — земля враз «опустевала» и жизнь для десятков миллионов ее обитателей прекращалась? Сама советская власть, похоже, именно так и думала, раз насылала своих фанатиков-диверсантов, таких как Зоя Космодемьянская[17], в зимние подмосковные деревни, дабы сжигать их дотла вместе с жителями и постояльцами или, в худшем случае, оставлять людей босыми на снегу перед пепелищами. Так или иначе, но население оккупированных областей должно было жить-выживать, и коллаборационистское самоуправление как таковое было не только пособничеством или трусливым проявлением лояльности оккупантам, но и необходимым ответом на острейшую общественную потребность самих людей.

И смоленский бургомистр Борис Меньшагин — тому типичный и характерный образец.

До публичного возвращения своего имени на родину, введения его в элементарный научный оборот Меньшагин не дожил — к чему, впрочем, и не стремился. Но все же и не исключал его (зачем тогда иначе переписывать мемуары?) и как бы наперед, предвидя все нападки, защищался.

В письме к Г. Суперфину от 4 января 1980 г. он набросал свой — и совершенно иной — итог прожитому:

Одиноким себя не чувствую и вообще считаю, что жаловаться на проведенную мною жизнь было бы грешно. Я обладал хорошей памятью, получил довольно много знаний в различных областях гуманитарной науки, все члены семьи меня любили, и в армии в 1919–1927 гг. и потом на судебной работе я чувствовал себя на своем месте и успешно выполнял свою работу. Не всякий сможет поставить себе в актив спасение от смерти 11 человек с риском для себя, не считая случаев замены смертной казни без такого риска; да и возвращение нескольким тысячам людей свободы, в т[ом] ч[исле] в годы войны более 3 тыс., – всегда приносило мне радость. Что же касается несчастий, то редкий человек может избежать их. Да и теперь, когда у меня не осталось родных по рождению и по браку, я встретил столько хороших, отзывчивых людей, столько заботы о себе.

Нет, я был бы неблагодарным, бессовестным, если бы жаловался на жизнь.

---

[16] Сводный акт «Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях гитлеровцев против человечности на оккупированной территории Смоленской области», составленный в январе 1945 г. по материалам расследований в освобожденных районах. Цит. по: (Смоленская область... 1977: 325–329).

[17] Основанием ее действий был Приказ Ставки Верховного главнокомандования № 428 от 17 ноября 1941 г. о создании специальных команд по разрушению и сжиганию населенных пунктов в тылу немецко-фашистских войск. Оперативной зоной этого приказа служил ареал в 40–60 км за линией фронта и в 20–30 км в сторону от дорог! В частности, группе Космодемьянской доверялось за неделю спалить с десяток деревень! И кто же она тогда — героиня или преступница?

Бросается в глаза, что, и подытоживая, он практически не касается своего бургомистерского бремени. В посвященных же этому бремени воспоминаниях он очень о многом и очень системно умалчивает. Особенно «говоряща» эта тишина в случаях массовых ликвидаций: нет, он их припоминает, но как-то отстраненно, отодвигая себя от них на дистанцию, заведомо бóльшую, чем это было на самом деле.

Как юрист Меньшагин свою вину признавал, но оценивал ее как «тянущую» лет так на 10. Но как умный человек понимал, что судьба его оказалась в силовом поле куда более мощных факторов, нежели УК и УПК, что он — заложник Катыни, а стало быть, и репутации всей страны, зыбко покоившейся на этом лживом и гнусном мифе. Именно Катынь, а точнее советский миф о ней, спас Меньшагина от скорой смерти: «А вдруг пригодится для чего-нибудь!» Но тот же самый миф стал причиной и той исключительной степени изоляции, которой его подвергли: «А вдруг ляпнет чего!» 25 лет — максимальный срок, из них 22,5 года в одиночках, в том числе 3 года не под фамилией, а под номером.

Личные качества человека тут на вторых ролях.

Но все же — поинтересуемся ими.

3 марта 1975 г. Меньшагин писал Вере Лашковой:

И, пожалуй, самым счастливым днем моей жизни было 21 июня 1939 г., когда закончилось дело 8 работников животноводства Смоленской области, начавшееся 24/XI–1937 г. показательным процессом во Дворце труда на Ленинской ул. по обвинению их во вредительстве. 28/XI–1937 г. всем им был вынесен смертный приговор без права обжалования. <…> Во мне всё ликовало, когда член Верховного суда… прочитал определение кассационной комиссии.

Утром 22/VI–1939 г. я отправился в тюрьму и сообщил им о предстоящем освобождении. Они плакали, обнимали меня, и я плакал вместе с ними. Воспоминания об этом деле поддерживали меня, улучшали настроение, питали чувство гордости в период горестного 25-летия. Даже сейчас эти строки вызвали слезы и дрожь рук.

Не внутренний ли это стержень Меньшагина: преодоление страха и готовность, пусть и трудно дающаяся, — идти, серьезно рискуя, до конца в деле, в справедливость которого ты веришь?

Что же творилось в его душе — или с его душой, — когда жизнь поставила его перед неотвратимостью выбора: сотрудничать с немцами или нет? И что происходило с ним 29 июля 1941 г., когда он шел в немецкую комендатуру за назначением в гражданскую администрацию оккупированного врагом города?

Убедительная гипотеза Сергея Амелина: Меньшагин остался в городе сознательно. Но и оставаясь, он же не метил загодя в бургомистры! К этому привели случайные обстоятельства, а одна из траекторий на этой развилке — подозрение и обвинение в еврействе — и вовсе не сулила ему ничего хорошего.

Так что, входя в кабинет фон Швеца и стоя перед своим выбором, он вовсе не был раскрепощен склонностью или готовностью к сотрудничеству с агрессором и врагом своей страны. Дилемма огромного внутреннего напряжения, но и не меньшего внешнего давления: как далеко можно зайти в этой готовности?

О возможной немецкой реакции на отказ никто, разумеется, загодя не знал и знать не мог, хотя и понимал: церемониться не будут! Вот как это было в случае Кепова, например: «5 ноября 1941 года Кепов и ряд других специалистов по различным отраслям хозяйства, не сумевших эвакуироваться, были вызваны в комендатуру. Всем вызванным комендант Штаумпфельд заявил: “Говорить нечего. Или вы будете работать у нас, или повесим за саботаж вместе с вашими семьями. Думайте двадцать минут. Это вам не Совдепия”. Отказаться никто не решился. Под влиянием фашистской пропаганды большинство работников управ стали сторонниками захватчиков»[18].

Ссылаясь на административную неопытность, оба — и Меньшагин, и Базилевский, — все же попросили самоотвод, но без нажима и как бы для формальной очистки совести. Но вслушиваться в их совесть — даже формально — никто и не собирался: «Кру-гом! Вы-пол-нять!»[19]

Да, выбор трудный, да, навязанный, да, сделанный как бы без тебя и за тебя, но вместе с тем и осознанный, а в глубине, возможно, и желанный, раз на самоотводе никто не настоял.

Грешное семечко абстрактной внутренней готовности к сотрудничеству с благими, для самоуспокоения, намерениями проросло и вдруг стало желудем реальной коллаборации, вылившейся в перворазрядную бургомистерскую «карьеру», со всеми ее изменническими атрибутами.

Хорошо, рядовых военнопленных в ряды низовых власовцев толкал голод. А что толкало к измене присяге офицеров и генералов? И что — адвокатов, учителей, писателей и врачей, соглашавшихся на сотрудничество с врагом и на пособничество ему?

И что толкнуло конкретно Бориса Меньшагина?

Может быть, как Лидию Осипову (см.: *Будницкий, Зеленина* 2012), его распирала давняя ненависть к государству рабочих и крестьян? Может быть, — не будучи, правда, ни коммунистом, ни евреем, — в душе он уже давно и буквально ждал немцев, наивно купившись на их предполагаемые цивилизованность и справедливость?

Или еще более наивно: как правозаступник он сознательно присоединился к силам зла, борющимся против сил другого, но еще бóльшего зла? Ведь в нормальной демо-

[18] *Никифоров* 2013. Цит. по: (*Кепов* 2002: 28).

[19] (*Меньшагин* 2017: 41–42).

кратической стране с многопартийной системой и сменяемостью власти он скорее всего голосовал бы за что-нибудь христианско-демократическое.

А может быть, еще проще, хоть и не столь наивно: заподозренный и обвиненный в сарае для интернированных в Каиновой метине еврейства, он просто струсил и на этот раз уже не преодолел свой страх? А поддавшись ему, захотел подстраховаться и пристроиться к тем, кто этот страх внушает, а не испытывает?..

Думается, что всерьез на Меньшагина влияли — да чего уж: давили! — следующие три фактора.

Первый — это даже и не фактор, а факт: он и его семья уже находились в оккупированном Смоленске, и жить, хочешь или нет, предстояло под немцами[20].

Второй — взаимоотношения с советской властью вообще.

Бравируя легкой в случае чего войнушкой — «освободительным походом-прогулкой» по чужой территории, — советское государство допустило врага (врага и, да не забудем, вчерашнего союзника) на свою, да еще так далеко на свою! А допустив, еще и дезинформировало граждан, сообщая голосом Левитана ложно-оптимистические сведения о прохождении линии фронта.

Не защитив своих граждан от унизительного гнета и смертельного морока оккупации, какое право имело сталинское государство спрашивать потом за этот «грех» с гражданина, брошенного им на произвол жестокого и кровавого врага? Да еще потом, после войны, мерзко переспрашивать в анкетах: «А был ли ты, сука, на оккупированной территории или не был?.. И что ты там, падла, делал?!»

Были у Меньшагина и сугубо профессиональные «зубья» на советскую власть. Как адвокат, он вблизи наблюдал всю ее гнусную беззаконность и системную бесчеловечность.

Все это, да еще гонения на церковь, делало Меньшагина пассивным ее противником и серьезно облегчало его выбор.

Он ведь, если хотите, и при советской власти был таким же бесправным коллаборантом, вынужденным ею подчиниться себе и встроиться в ее бесчеловечные и ненавистные форматы. А ведь на счету ОГПУ — НКВД на Смоленщине десятки тысяч «своих» расстрелянных, прежде всего в годы Большого террора, а еще в Катыни (*Кодин* 2011)[21].

Третий фактор — впечатляющая мощь и военные успехи вермахта, который, казалось, уже не остановить. А коли так, то и комендатура, и лающая эта речь — надолго, если не навсегда. И довольно глупо,

[20] И то, что мысль дожидаться немцев созревала и созрела у Меньшагина не спонтанно, мало что меняет.

[21] Но если при советской власти счет спасенных им жизней шел на первые десятки, то в бытность бургомистром он, считая высвобожденных из плена, спас или облегчил участь уже тысячам.

находясь в чьей-то власти, дразнить ее носителей, хозяев твоей жизни, мальчишеским непослушанием.

Да и сама по себе эта власть, возможно, импонировала Меньшагину своим внешним «орднунгом», т. е. возведенной в закон систематичностью и упорядоченностью. Тоска по работающему порядку и соблюдающемуся закону всегда жила в технократическом сердце адвоката Меньшагина.

И все-таки самоощущение новоиспеченного бургомистра было противоречивым и крайне сложным. Кем ощущал он себя тогда?

Отныне, априори и навсегда — предателем?

Или, — записывая в блокнот в начале августа указания СД по еврейскому вопросу, — еще и, тоже поневоле, карателем?

Или, — осознанно не ведя учет коммунистов, выручая людей из плена и даже из гетто, спасая от угона или саботажничая по-тихому как-нибудь еще, — соучастником и тайным покровителем сопротивления?

Или всем этим сразу?..

Правильней всего охарактеризовать поведение Меньшагина как рефлекс рационального и ситуативно-последовательного конформиста. Принимая бургомистерский пост и крест, он искренне надеялся стать главным «пособником» не столько оккупантов, сколько, поелику возможно, вверенного ему населения.

Отныне окоем сузился, образ бытия упростился и ограничился углами треугольника: немцы как сила — советские как слабость — и собственная шкура и рубашка на ней, с ее известной тенденцией. Он, Меньшагин, будет делать все возможное для того, чтобы и немцы были не злы и довольны, и смоляне сыты и целы, и чтобы самому вкусить начальственные радости, при этом не подставляясь. Если Меньшагин кому-то помогал, то строго индивидуально, всегда втихую, а лучше всего анонимно.

В каждом из трех углов предстояло установить и определить ту валентность и ту черту, дальше которой идти не следует. Ну например: подбросить гетто и лично Пайнсону бесплатной соли или снять с евреев повторную репарацию — рискованно, но еще в границах возможного, а вот напрямую вступиться за евреев или хотя бы предупредить их о грядущей ликвидации — уже нельзя![22]

Со временем у Меньшагина развилось и окрепло и специфически начальственное самоощущение, и, если хотите, личное властолюбие. Он вошел во вкус командовать людьми, стоять над ними, судить, рядить и вершить их судьбы — ох, и сладка́ же конфетка![23] Невольно, но он как

[22] В то, что Меньшагин не был проинформирован хотя бы за день, поверить непросто.

[23] Не потому ли так легко согласился Меньшагин возглавить общественность и в инвалидном доме, что ощущал за собой соответствующие навык и вкус?

бы довстраивал в немецкую систему управления привычки и замашки советской бюрократии[24].

Во всяком случае, самоотводов немцам он больше не предлагал, а если вдруг его власти и возникала какая-то конкуренция и угроза, то за власть держался и с угрозой боролся.

P. S. О ПЕРЕСМОТРЕ ДЕЛА МЕНЬШАГИНА

Разумеется, нельзя было исключать того, что советская власть возьмет да вернется. Но наивно было бы верить в то, что вернется она иной — переродившейся и очеловеченной, что она выслушает его, Меньшагина, что разберется в его «валентностях», вникнет, поймет и простит.

Да Меньшагин и не верил и ко встрече такой совсем не стремился, — вопреки тому, что на следствии успешно отстаивал ту версию, что в Карлсбаде он якобы заявился в СМЕРШ добровольно и с повинной. Добровольно — да, но точно не с повинной, а от невыносимой горечи и отчаянья от разлуки с дорогими и близкими, схваченными, как он полагал, Советами, и от стремления разыскать их — или хотя бы искать! — где бы то ни было в СССР.

Впрочем, советская власть врала Меньшагину куда больше и, не обинуясь, постоянно нарушала в его случае любые свои законы. Знакомство с надзорным производством свидетельствует о политической подоплеке и о многочисленных нарушениях как во время следствия на Лубянке, так и во время отбывания Меньшагиным 25 лет тюремного заключения.

Задача политической реабилитации Меньшагина как таковая не стояла и не стоит: свою вину — предательство родины в условиях войны — он никогда не оспаривал[25]. Но его осуждение совершилось с таким количеством юридических и процессуальных нарушений, что остро нуждается в частичном, но восстанавливающем справедливость пересмотре.

В частности, явно — по всем признакам — он подлежал амнистии от 17 сентября 1955 г. Пункт 3-й статьи 7-й соответствующего указа гласил: «В соответствии с действующим законодательством рассматривать как смягчающее вину обстоятельство явку с повинной находящихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. тяжкие преступления против Советского государства. Установить, что в этих случаях наказание, назначенное судом, не должно превышать пяти лет ссылки». Иными словами, явись Меньшагин со своей липовой повинной 18 сен-

[24] Последнее наблюдение принадлежит Г. Суперфину и зафиксировано в его электронном письме Н.Л. Поболю от 23 марта 2011 г.: «Но нравы советской жизни, карикатурно отраженные в оккупацию, система управления — всё-всё это ну прямо учебник».

[25] Хотя и случаи реабилитации коллаборантов все же случались, даже если забыть о «реабилитированном» Базилевском. Другой такой случай — И. И. Соловьев, приговоренный к 10 годам ИТЛ и реабилитированный (скорее всего, посмертно) в 1993 г.

тября 1955 г. или позже — схлопотал бы максимум 5 лет ссылки и вышел бы на свободу уже в 1960 г.!

Само же по себе обстоятельство нереабилитированности юридически ничтожно и помехой в чем бы то ни было быть не должно, — несмотря на то что практика отказывать исследователям именно на этом основании в Российской Федерации, увы, действительно установилась и даже устоялась[26]. Вот как выглядит типовой — слово в слово — в таких случаях отказ: «В соответствии с п. 5 Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел, утвержденного приказом Минкультуры, МВД и ФСБ России от 25 июля 2006 г. № 375/584/352, на обращения граждан по доступу к материалам уголовных и административных дел с отрицательными заключениями о реабилитации проходящих по ним лиц архивами выдаются справки о результатах пересмотра»[27].

Аргументация лукавая и недобросовестная. И дело не в том, что тройственный формат с Министерством культуры бюрократически устарел: архивное российское ведомство уже давно не Архивное агентство в составе Минкультуры, а Архивная служба при Президенте РФ. Лукавство в другом: юридическим основанием для отказа заявителю в чем бы то ни было может быть федеральный закон и только федеральный закон, но никак не подзаконный акт (приказ, распоряжение, инструкция и т. д.).

Лукавство и в том, что вопрос о полной политической реабилитации Меньшагина никто и никогда не поднимал: ставился вопрос о пересмотре его дела и принадлежности его случая амнистии по Указу 1955 г.

Указанное же «Положение о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации» внутренне противоречиво, содержит многочисленные казусы и ляпсусы, а главное — не основывается на законе. Переворачивая и искажая нормы доступа, привнося в деятельность архивов право на субъективность и произвол и лишая исследователей доступа к давно уже «перезревшим» и «перележавшим» архивным материалам, оно подменяет собой закон.

Пункт 5 этого Положения никак не запрещает доступ исследователя к делу. Его первый абзац прямо гласит (выделено мной. — *П. П.*): «Настоящее Положение **не регулирует вопросы доступа** к материалам уголовных и административных дел в отношении лиц, которым отказано в реабилитации, или к делам, ко-

[26] Особенно это типично для случаев нереабилитированных сотрудников НКВД.

[27] 23 ноября 2017 г. — применительно к запросу о деле Меньшагина — за подписью зам. директора ЦА ФСБ Н. А. Иванова, получил его и я.

торые еще не пересмотрены в установленном законодательством Российской Федерации порядке».

Большинство дел нереабилитированных лиц процессуально проходило не через суды, а через военные трибуналы или особые совещания при НКВД/МГБ и т. д. (так называемые ОСО). Меньшагина, в частности, оформляли именно через ОСО. Но сами ОСО давно признаны неконституционными органами, так что принятые ими решения уже по этой причине априори незаконны, а отстаивание правомочия принятых ими приговоров — не только юридический анахронизм, но и юридический нонсенс.

Вместе с тем в действующем законодательстве РФ нормы, регламентирующей отказ в выдаче архивных материалов по признаку реабилитированности или нереабилитированности физических лиц, не существует. Прекрасной иллюстрацией чему служит и то, что фундаментальный трехтомник о генерале А. А. Власове (Генерал Власов 2015), личности в коллаборационистском контексте куда более одиозной, чем Меньшагин, — и, разумеется, не реабилитированной, — прекрасно опирается на следственное дело Власова и другие материалы из ЦА ФСБ. Никакого ограничительного грифа на трехтомнике не стоит, так что сделанное для Власова «исключение» на самом деле, де-юре, является не номенклатурной привилегией и тем паче не нарушением законодательства, а законным правилом[28].

Истинное назначение тройственного приказа и вводимого им «Положения» совершенно в другом: преобразовать законные несекретность и доступность де-юре в незаконные секретность и недоступность де-факто, защитить недобросовестное и внезаконное следствие от исследовательского внимания и создать искусственный и не предусмотренный законом барьер между историками-исследователями и ведомственными архивистами, давая вторым в руки инструментарий (своего рода «оружие») по «защите» от первых.

Но, во-первых, инструментарий этот нелегитимен, коль скоро не опирается на закон. А, во-вторых, для лиц с выморочной информационной судьбой (т. е. тех, кто сам умер, а род их пресекся) возникает недопустимая дискриминация в плане реализации их права на пересмотр дела и постановку вопроса о реабилитации или частичном возвращении доброго имени. В-третьих, в контексте исторической науки и в свете недостаточной изученности таких аспектов эмпирики Второй мировой войны, как оккупационные режимы и коллаборационизм, воздвигать перед их исследователями какие бы то ни было искусственные преграды весьма неразумно. И, в-четвертых, даже в специфическом контексте исторической политики РФ и с учетом тех многих десятилетий, что отделяют нас от событий Второй мировой войны, настояние на закрытом доступе к делам коллаборационистов,

[28] Решающим, конечно, было участие в проекте А. Н. Артизова и В. С. Христофорова — на 2015 г. двух первых лиц в архивном деле, соответственно, государства и ФСБ.

как и дробление коллективных дел на индивидуальные кейсы, воспринимается как когнитивный диссонанс на государственном уровне.

Впрочем, одного противопоставления подзаконного акта закону, практического верховенства первого над вторым достаточно для того, чтобы просить Министерство юстиции РФ пересмотреть и отозвать датированную 15 сентября 2006 г. регистрацию тройственного приказа Минкультуры, МВД и ФСБ России от 25 июля 2006 г. № 375/584/352, после чего еще раз обратиться в ВС РФ с просьбой об отмене приказа и положения как избыточных и неправовых, нарушающих законодательство РФ об архивном деле.

Между тем приказ и «Положение» уже были предметом и юридической полемики[29], и даже судебного разбирательства, причем ВС РФ вставал на сторону ответчиков — соавторов межведомственного приказа[30]. И в свете этих реалий, вероятно, целесообразнее в качестве цели хлопот постулировать не отмену приказа и «Положения», а их обнуление и полную замену на основе радикальной переработки группой экспертов, созданной под эгидой Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ.

В очередной раз напомним: есть тут не только историческая, но и актуальная составляющая. Политическая ангажированность, предвзятость и неадекватность судебного преследования Б. Г. Меньшагина, составляющие главный предмет его переписки с инстанциями, в юридическом плане до сих пор не преодолены. Как человек, совершивший очевидное и общепризнанное предательство, он не подлежит реабилитации, но посмертный пересмотр его уголовного (следственного) дела и переквалификация приговора на статьи, подпадающие под действие амнистии от 17 сентября 1955 г., были бы данью и справедливости, и презумпции правового начала в политике памяти.

Процесс переквалификации автоматически облегчил бы введение в научный оборот и самого следственного дела Меньшагина, в настоящее время искусственно утаиваемого от историков с помощью заведомо ложной интерпретации соответствующими архивами подзаконных актов.

Настаивание же — спустя столько лет — на закрытом доступе к делам коллаборационистов и предателей не только незаконно, но и как-то нелепо, даже глупо.

Это как если бы Израиль положил в сейфы и держал под замком материалы следствия и суда, например, над Эйхманом.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Бадаев 1999 — *Бадаев М.* История одного предательства // Рабочий путь (Смоленск). 1999. Июль.

[29] См. URL: http://old.memo.ru/d/2284.html; http://index.org.ru/journal/30/13-ramazashvili.html; https://theins.ru/history/3813.

[30] См. URL: http://supcourt.ru/stor_pdf.php?id=422414.

Грибанов б. д. — *Грибанов А. Б.* История публикации воспоминаний Б. Г. Меньшагина // Сайт «Катынские материалы: документы, исследования, свидетельства, полемика. В сети (с 1 апреля 2008 г.): http://katynfiles.com/content/gribanov-menshagin.html.

Заполярный интернатовец 2018 — Заполярный интернатовец. Письма Б. Г. Меньшагина к В. И. Лашковой / публ. В. И. Лашковой, П. М. Поляна и Г. Г. Суперфина. Предисловие П. М. Поляна // Новый мир. 2018. № 9. С. 122–165.

Звездаева 2001 — *Звездаева В.* Каков принцип отбора персоналий? // Смоленские новости. 2001. 14 декабря.

Котов 1990 — *Котов Л.* Реликты войны. 1. Как было уничтожено Смоленское гетто // Край Смоленский. Ежемесячный общественно-политический журнал. (Смоленск). 1990. № 2 (ноябрь).

Котов 1994 — *Котов Л. В.* Смоленске оккупированном... // Край Смоленский. Ежемесячный гуманитарный журнал. (Смоленск). 1994. № 7–8.

Лисовская 1988 — *Лисовская Н. П.* Адвокат — бургомистр — узник // Гласность. 1988. № 27. С. 158–176.

Меньшагин 1988 — *Меньшагин Б. Г.* Воспоминания: Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма... / подг. к печати А. Грибанова, Н. Горбаневской, Г. Суперфина; предисл. А. Б. Грибанова (без подписи); комм. и послесл. комментатора Г. Суперфина. Париж: YMCA-Press, 1988.

Меньшагин 2017 — *Меньшагин Б.* Воспоминания о пережитом. 1941–1944 / публ. и вступит. заметка П. Поляна // Новый мир. 2017. № 12. С. 9–89.

Меньшагин 2018 — Заполярный интернатовец. Письма Б. Г. Меньшагина к В. И. Лашковой / публ. В. И. Лашковой, П. М. Поляна и Г. Г. Суперфина; предисл. П. М. Поляна // Новый мир. 2018. № 9. С. 122–165.

Меньшагин 2019а — Б. Г. Меньшагин. Письма наверх из Владимирского централа / публ. и вступит. статья, предисловие П. М. Поляна; примечания П. М. Поляна и Г. Г. Суперфина // Новый мир. 2019. № 2. С. 103–136.

Меньшагин 2019б — Литературное наследие Б. Г. Меньшагина и фрагмент его интервью 1978 года / вступ. ст. и публ. П. Поляна // Cahiers du Monde russe. 2019. Vol. 59. No. 4. P. 521–551.

Меньшагин 2019в — Меньшагин Б. Воспоминания. Письма. Документы / Сост. и подг. текста П. Поляна. Сопроводительные тексты П. М. Поляна, С.Амелина и М. Дэвида-Фокса. Комм. П. Поляна с участием Г. Суперфина, С. Амелина, В. Лашковой и Н. Поболя. М.: СПб.: Нестор-История, 2019. — 824 с., илл.

Мухин 2000 — *Мухин Ю.* Смоленский бургомистр // Дуэль. Газета борьбы общественных идей. 2000. № 27. 4 июля. URL: http://www.duel.ru/200027/?27_5_1.

Новый журнал 1972 — Новый журнал (Нью-Йорк). Кн. 108. 1972.

О. К. 1988 — О. К. [Автор не установлен] // Континент. 1988. № 58. С. 416–417.

Полян 2017 — *Полян П. М.* «По Смоленской дороге леса, леса, леса...»: судьба Бориса Меньшагина и его воспоминаний // Новая газета. 2017. 4 октября. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/04/74064-po-smolenskoy-doroge-lesa-lesa-lesa.

Полян 2019а — *Полян П.* Борис Меньшагин и Смоленское гетто // Лехаим. 2019. № 6. С. 21–26. URL: https://lechaim.ru/academy/boris-menshagin-i-smolenskoe-getto/.

Полян 2019б — *Полян П.* Голограмма бургомистра Меньшагина. Эпизод из истории советских фальсификаций // Новая газета. 2019. 28 августа. С. 18–19. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/08/28/81752-gologramma-burgomistra-menshagina.

Полян 2019г — *Полян П.* Архивация приговоров // Ведомости. 2019.

18 апреля. С. 7 (на сайте: Нереабилитированные и заархивированные. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/04/19/799611-nereabilitirovannie-zaarhivirovannie).

Письма Б. Г. Меньшагина... 2019 — Письма Б. Г. Меньшагина к В. И. Лашковой / публ. В. И. Лашковой, П. М. Поляна и Г. Г. Суперфина. Предисловие П. М. Поляна // Новый мир. 2019. № 2. С. 103–136.

Румянцев 2018 — *Румянцев В.* Гениев меж нами — веришь? — нет. Уровень общественной мысли журнала «Новый мир» // Лит. Россия. 2018. № 11. 23 марта. URL: https://litrossia.ru/item/10896-geniev-mezh-nami-verish-net-uroven-obshchestvennoj-mysli-zhurnala-novyj-mir.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абаринов 1991 — *Абаринов В.* Катынский лабиринт. М.: Новости, 1991.

Будницкий, Зеленина 2012 — *Будницкий О. В., Зеленина Г. С.* Идейный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // «Свершилось: пришли немцы!»: Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М.: РОССПЕН, 2012. С. 63–188.

Генерал Власов 2015 — Генерал Власов: история предательства: В 2 т. и 3 кн. / под ред. А. Н. Артизова, В. С. Христофорова. М.: Росспэн, 2015.

Иванов 2001 — *Иванов М. В.* Меньшагин Борис Георгиевич // Энциклопедия Смоленской области / отв. ред. Г. С. Меркин. В 2 т. Т. 1. Персоналии. Смоленск, 2001 (Интернет-версия. URL: http://websprav.admin-smolensk.ru/history/encyclop/index.htm).

Кепов 2002 — *Кепов А. Г.* Курск в период оккупации 1941–1943 г. // Курские мемуары. 2002. № 2.

Ковалев 2009 — *Ковалев Б.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Я. Мудрого, 2009.

Кодин 2011 — *Кодин Е. В.* Репрессированная российская провинция: Смоленщина. 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2011.

Никифоров 2013 — *Никифоров С.* Местные вспомогательные органы власти на оккупированной территории Центрального Черноземья в период Великой Отечественной войны // Известия регионального финансово-экономического университета (Курск). 2013. № 2.

Нюрнбергский процесс... 1965 — Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сб. материалов в 3 т. под общей ред. Р. А. Руденко. М.: Юридическая литература, 1965.

Полян 2002 — *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на Родине / предисл. Д. Гранина. М.: РОССПЭН, 2002.

Полян 2019в — *Полян П.* Борис Меньшагин, Катынь и войны памяти // Историческая экспертиза. 2019. Май. URL: https://istorex.ru/Polyan_P.M._Boris_Menshagin_Katin_i_voyni_pamyati.

Смоленская область... 1977 — Смоленская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1977.

Cohen 2013 — *Cohen L.* R. Smolensk under the Nazis: Everyday Life in Occupied Russia. Rochester: University of Rochester Press, 2013. 364 p.

BORIS MENSHAGIN, KATYN AND WARS OF MEMORY

Polyan Pavel M. — doctor of geographical sciences, Director of the Mandelshtam center HSE, leading researcher at the Institute of Geography, RAS (Moscow)

Key words: historiography, propaganda, Boris Menshagin, occupation, Smolensk, Katyn.

Abstract. The name of Boris Georgievich Menshagin (1902–1984), mayor of Smolensk and Bobruysk during the Nazi occupation occurs more and more frequently in recent history studies. Boris Menshagin is recalled in the first place as the author of extremely interesting memoirs and as striking and very interesting personality whose unique destiny asks many questions to historians and deserves thorough study and reflection. His literature heritage, including memoirs, recorded interviews and letters is a very valuable historical source touching on prewar, wartime and postwar history of the USSR. These evidences are monument to the epoch and real treasure and for masterminds from of Chief Political Directorate they are beam in the eye, destroying stereotypes. Author analyzes evolution of Menshagin's historiography as well as of his personality phenomenon.

REFERENCES

Abarinov V. *Katynskii labirint*. Moscow: Novosti, 1991.

Budnitskii O.V., Zelenina G.S. Ideinyi kollaboratsionizm v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. *"Svershilos': prishli nemtsy!': Ideinyi kollaboratsionizm v SSSR v period Velikoi Otechestvennoi voiny*. Mosocw: ROSSPEN, 2012, pp. 63–188.

Cohen L.R. *Smolensk under the Nazis: Everyday Life in Occupied Russia*. Rochester: University of Rochester Press, 2013. 364 p.

General Vlasov: istoriia predatel'stva: V 2 vol. i 3 kn., pod red. A.N. Artizova, V.S. Khristoforova. Moscow: Rosspen, 2015.

Ivanov M.V. Men'shagin Boris Georgievich. *Entsiklopediia Smolenskoi oblasti*, otv. red. G.S. Merkin. V 2 vol. Vol. 1. Personalii. Smolensk, 2001 (Internet-versiia. URL: http://websprav.admin-smolensk.ru/history/encyclop/index.htm).

Kepov A.G. Kursk v period okkupatsii 1941–1943 g. *Kurskie memuary*, 2002, no. 2.

Kodin E.V. *Repressirovannaia rossiiskaia provintsiia: Smolenshchina. 1917–1953 gg*. Moscow: ROSSPEN, 2011.

Kovalev B. *Kollaboratsionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy*. Velikii Novgorod: Novgorodskii gos. un-t im. Ia. Mudrogo, 2009.

Nikiforov S. Mestnye vspomogatel'nye organy vlasti na okkupirovannoi territorii Tsentral'nogo Chernozem'ia v period Velikoi Otechestvennoi voiny. *Izvestiia regional'nogo finansovo-ekonomicheskogo universiteta (Kursk)*, 2013, no. 2.

Niurnbergskii protsess nad glavnymi voennymi prestupnikami. Sb. materialov v 3 vol. pod obshchei red. R.A. Rudenko. Moscow: Iuridicheskaia literatura, 1965.

Polian P. Boris Men'shagin, Katyn' i voiny pamiati. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2019. Mai. URL: https://istorex.ru/Polyan_P.M._Boris_Menshagin_Katin_i_voyni_pamyati.

Polian P. *Zhertvy dvukh diktatur. Zhizn', trud, unizhenie i smert' sovetskikh voennoplennykh i ostarbaiterov na chuzhbine i na Rodine*, predisl. D. Granina. Moscow: ROSSPEN, 2002.

Smolenskaia oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy. Moscow, 1977.

К. С. Коноплянко

ПАМЯТЬ В «БЕЛОЧЕРНЫХ» ТОНАХ: КОМУ МЕШАЕТ МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС «МЕДНОЕ»?*

Ключевые слова: мемориальный комплекс «Медное», Катынская трагедия, историческая память, репрессии, РВИО.

Аннотация. Статья посвящена проблеме запроса современного российского руководства на инструментальное использование истории в угоду действующей политической конъюнктуре, что видно на примере перестроения концепций экспозиций мемориальных комплексов, связанных с «неудобной» тематикой репрессий. Наиболее явно данную проблему отражает кампания, запущенная против мемориального комплекса «Медное» — одного из мест захоронения польских военнопленных, жертв Катынской трагедии.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-66-96

В тридцати километрах от сердца Верхневолжья, города Твери, по обе стороны Тверцы, левого притока Волги, расположилось село Медное. Некогда через него проходил торговый путь Тверь — Торжок — Великий Новгород, а писатель А. Н. Радищев посвятил этому месту целую главу своего «Путешествия из Петербурга в Москву». Однако своей известностью Медное обязано не выгодной локации или природе, не упоминанию в сочинении известного автора, не даже церкви Казанской иконы Божьей матери XVIII в. Медное — одно из мест поистине мрачного сюжета истории XX в. Речь о Катынской трагедии. Здесь находится кладбище польских военнопленных и со-

© К. С. Коноплянко, 2019
Коноплянко Константин Сергеевич — аспирант, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); brest1596@gmail.com
* Сокращенный вариант данной статьи, рассчитанный на более широкую аудиторию, был опубликован в «Новой Газете» №96 от 30.08.2019. под названием «Похоронная коммандо» URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/08/29/81770-pohoronnaya-komanda. (дата обращения: 25.09.2019). В журнале «Историческая экспертиза» публикуется расширенный вариант статьи в академическом формате со сносками, справочно-библиографическим аппаратом, иллюстрациями и учетом новой информации по этой теме. Публикация данных материалов была бы немыслима без советов и замечаний коллег — А. С. Стыкалина, А. Э. Гурьянова, С. Е. Эрлиха, К. К. Мартынова, а также без спикеров и информантов, коим автор выражает огромную благодарность. Также автор признателен фотографу М. Г. Каковкину.

ветских репрессированных. Все они — жертвы террора советской власти и ее главного карательного органа — НКВД.

С момента открытия в 2000 г. мемориальный комплекс пережил все свойственные музейному делу проблемы: нехватку финансирования, смену руководящих организаций (с 2003 — филиал Музея политической истории России в Санкт-Петербурге, с 2012 — филиал Центрального музея современной истории России), дирекции и кадрового состава. Основная экспозиция, посвященная истории репрессий в Калининской области, создавалась на основе архивных материалов в 1999–2016 гг. командой научных сотрудников во главе с Е.Н. Образцовой. В 2012 г. комплекс перешел в подчинение Государственного центрального музея современной истории России, а с 2015 г. началась реорганизация, целью которой стало планомерное пресечение научно-исследовательской работы. Параллельно с этим процессом в Твери, усилиями местного НОДа (прокремлевское «Национально-освободительное движение») под покровительством областной и городской администраций, организуются круглые столы, посвященные пересмотру официальной версии Катынской трагедии. На них выступает группа «экспертов», в числе которых публицист А.А. Вассерман и представители Российского военно-исторического общества (РВИО). Они утверждают, что никаких польских захоронений в Медном

не было, а на их месте покоятся красноармейцы, на основании чего нынешняя музейная экспозиция «не соответствует исторической объективности»[1]. Летом 2017 г. директором комплекса стала Е.В. Шевченко. Она охотно участвует в этих мероприятиях и заявляет, что собирается менять экспозицию. С 2018 г. ее усилиями территория комплекса стала площадкой для военно-полевых слетов организации «Юнармия», а 21 апреля 2018 г. открылась выставка «Дорогами Афганистана», никак не соответствующая изначальной тематике музея.

Что происходит с мемориальным комплексом и нашей исторической памятью?

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Катынская трагедия — собирательное название серии массовых расстрелов польских военнопленных на разных территориях, проведенной органами НКВД по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. В результате этой операции было уничтожено около 22 тысяч граждан Польской Республики,

[1] https://www.afanasy.biz/news/society/?ELEMENT_ID=128433 (дата обращения: 12.08.2019).

взятых в плен во время вторжения Красной армии начиная с 17 сентября 1939 г., а также арестованных после этого дня на захваченных территориях Республики Польша. К апрелю 1940 г. из 22 тысяч 14,5 содержалось в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД для военнопленных. Военнопленные принадлежали к офицерскому составу Войска Польского, а также к рядовому и офицерскому составу польской полиции, Корпуса охраны пограничья (КОП), Пограничной стражи, Тюремной стражи, к судейскому корпусу, государственным служащим, польским колонистам-осадникам. Остальные 7305 человек были арестованы на восточных землях Республики Польша — территориях Западной Украины и Беларуси и содержались в тюрьмах. Необходимость проведения операции объяснялась в записке наркома внутренних дел СССР Берии в ЦК ВКП(б) Сталину тем, что пленные поляки могут вести антисоветскую деятельность: «Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым: <...> дела о находящихся в лагерях военнопленных <...>, а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах <...> — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела» (Пленники... 1999: 384–390).

На сегодняшний день известны четыре группы массовых захоронений: в Катынском лесу, близ Медного, на окраине Харькова (пос. Пятихатки) и около пос. Быковня под Киевом.

В феврале 1943 г. оккупационные власти Германии нашли захоронение в Катыни, а в марте — начале июня провели эксгумацию при участии Технической комиссии Польского Красного Креста, что позволило констатировать захоронения там военнопленных Козельского лагеря НКВД (Убиты в Катыни 2015: 62–63). До открытия новых архивных документов и эксгумационных работ 1990-х гг. было достоверно известно лишь о Катынском захоронении, поэтому за серией преступлений на разных территориях закрепилось название именно этой локации.

МЕДНОЕ — КОСТЬ В ГОРЛЕ СИЛОВИКОВ И КАЗЕННЫХ ПАТРИОТОВ

На стыке 80-х и 90-х гг. основатели тверского отделения общества «Мемориал» журналисты С. В. Глушков, Ю. А. Шарков и историк-славист М. М. Фрейденберг озаботились поиском захоронений польских узников Осташковского лагеря. Слух о захоронениях репрессированных в районе села Медное, по словам Глушкова, появился там, где его не ждали — из калининского областного КГБ. Тогда утечка вызвала в ведомстве беспокойство, полковник А. И. Тарасов интересовался, откуда появилась информация, и уверял, что на территории дач НКВД под Медным не может быть ничего (*Глушков* 1995). После обнародования новых архивных материалов (а именно списков-предписаний Управления НКВД СССР по делам военнопленных и материалов особой папки Политбюро) в рамках следственных действий Главной

военной прокуратуры (ГВП) был допрошен Д.С. Токарев, который в 1940 г. руководил Калининским УНКВД. Он и указал приблизительное место захоронений. Тогда же при содействии польских экспертов в Медном в 1991 г. была проведена частичная эксгумация, подтвердившая наличие захоронений польских военнопленных Осташковского лагеря (*Лебедева, Пшевозьник* 2017: 312–313). В 1994–1995 гг. проводилась более полная эксгумация в рамках «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о захоронениях и местах памяти жертв войн и репрессий» от 22 февраля 1994 г. Польским экспертам во главе с Брониславом Млодзейовским удалось локализовать 23 ямы смерти (Там же: 320). На основнии Постановления Правительства РФ № 1247 от 19 октября 1996 г. было принято решение о создании мемориальных комплексов в Катыни и в Медном (Российская газета 1996).

Противодействие калининских силовиков, по словам Глушкова в интервью «Радио Свобода», оказывалось перманентно, в основном путем отрицания наличия в Медном захоронений[2]. Во время путча ГКЧП руководство калининского КГБ требовало завершить эксгумацию, чему не подчинились ни сотрудники ГВП (во главе с руководителем следственной группы полковником А.В. Третецким), ни польские эксперты (*Лебедева, Пшевозьник* 2017: 312), затем уже ФСБ «стремилось дать минимум информации и минимум общественного внимания к самому факту захоронений и к их масштабу»[3], что, скорее всего, было им известно (*Глушков* 1995).

Ни для кого не секрет, что Катынская трагедия стала неудобным обстоятельством, дискредитирующим не одни лишь советские спецслужбы, но и всю тогдашнюю политическую систему, маховик которой уничтожал как чужих, так и своих граждан. Этот факт, безусловно, неприятен нынешним наследникам чекистов и многим персонам, охваченным ностальгией по Советскому Союзу, любовью к сильной руке и этакой «тоталитарной эстетике», превозносящей порядок вертикали над хаосом свободолюбия. Все это четко отражает знакомый многим с детства народный лозунг «Сталина на них нет!». Подобные настроения приобретают еще больший резонанс в контексте издавна непростых российско-польских отношений.

Одним из главных рупоров отрицания советской вины до недавних пор был публицист Ю.И. Мухин, «исследования» которого в научном мире считаются ангажированными и маргинальными. Его «опусы» были в изобилии представлены в печати еще в девяностые-нулевые годы, но мало кто относился к ним серьезно. Недавно идеи Мухина стали обретать последователей и пропагандироваться широкой публике. Новая волна отрицания сосредоточилась в городе Тверь, куда еще с 2010 г. ездит Вассерман

[2] https://www.svoboda.org/a/24202671.html (дата обращения: 12.08.2019).

[3] Там же.

и рассказывает о том, что в Медном нет никаких польских захоронений, попутно оправдывая Сталина[4]. Этим выступлениям предоставляются площадка в ТвГУ и тверской городской думе, а также освещение в местных СМИ.

Где берет начало отрицание вины СССР в Катынской трагедии и почему именно мемориальный комплекс в Медном не дает отрицателям покоя, поясняет руководитель польской программы общества «Мемориал» А. Э. Гурьянов:

— Отрицание было всегда, начиная с первой же советской реакции на сообщение германского радио от 13 апреля 1943 г., последовавшей уже 15 апреля 1943 г. по московскому радио, и было окончательно оформлено в виде официального «Сообщения специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров» под руководством академика Н. Н. Бурденко от 24 января 1944 г. Это изначальная советская позиция. Тенденция возникла 76 лет назад, а так называемые «патриоты» ее подхватили и пропагандируют. Пропаганда возможна лишь в информационном вакууме. Дело в том, что результаты эксгумаций в Медном никогда на русском языке не публиковались. Сейчас мы готовим к изданию книгу «Убиты в Калинине, захоронены в Медном», чтобы заполнить этот вакуум.

Напомним, что перед экспертизой комиссии Бурденко сталинское руководство провело мероприятие по уничтожению подтверждений вины НКВД и фабрикации подложных «доказательств», свидетельствующих об ответственности за это преступление нацистов. Этот процесс контролировали зам. наркома внутренних дел Круглов и нарком госбезопасности Меркулов. После предварительной подготовки, 13 января 1944 г. Политбюро создает Специальную комиссию под руководством Н. Н. Бурденко, авторитет которой выступал прикрытием сфабрикованным НКВД материалам (*Лебедева, Пшевозьник* 2017: 297).

МЕХАНИЗМЫ ПРОПАГАНДЫ

Если до 2014 г. основным рупором пропаганды отрицания был Вассерман, комментарии которого одиноко звучали лишь в качестве одной из тем выступлений, то после в борьбу с МК «Медное» активно включаются местные депутаты в компании общественников и журналистов. 17 апреля 2015 г. в Тверской городской думе состоялся круглый стол. Тема его впечатляет — «Искажение истории Второй мировой войны — информационная агрессия против современной России». Среди участников тогдашний глава города А. Б. Корзин в сопровождении Н. Ф. Локтева и С. А. Мамонова — депутатов Тверской городской думы[5]. Все трое единороссы. Место проведения мероприятия

[4] https://tvernews.ru/news/83572/ (дата обращения: 13.08.2019); https://www.afanasy.biz/news/society/?ELEMENT_ID=19103&sphrase_id=40716378 (дата обращения: 13.08.2019).

[5] http://www.tverduma.ru/news/?ELEMENT_ID=3403&sphrase_id=27030 (дата обращения: 13.08.2019).

и присутствие на нем столь высоких чинов однозначно намекают на то, что инициатива исходит сверху. Среди «экспертов» появляются новые люди — А. Ю. Плотников и С. Э. Стрыгин, оба приехали из Москвы. Первый — доктор исторических наук, специалист, как ни странно, по российско-японским отношениям, в то время член экспертного совета по безопасности Госдумы РФ, а на сегодняшний день сотрудник МГЛУ[6]. Второй, ныне покойный Стрыгин, — личность более интересная: автор проекта «Правда о Катыни» и по сути идейный лидер отрицателей, некогда вместе с Мухиным выступавший представителем внука Сталина Е. Я. Джугашвили в иске против «Новой газеты» и одного из руководителей следственной группы ГВП А. Ю. Яблокова[7]; по факту — апологет сталинизма. Некоторые другие участники также нуждаются в представлении. Это активистка движения «Суть времени» Ольга Кислякова и координатор местного НОДа М. В. Кормушкин. Последний уже отметился в ряде провокаций во время пребывания польской делегации на мемориале, о чем писали тверская газета «Караван+Я»[8] и издание 7 7[9]. Теперь Кормушкин является постоянным модератором круглых столов и с помощью местных СМИ обрел статус исследователя и издателя[10]. Издательский труд его ограничился публикацией книги американского «разоблачителя Катыни» профессора университета Монтклер Гровера Ферра, соавтора и единомышленника Мухина.

Как это видно в заголовках СМИ, круг обсуждаемых на круглых столах проблем особо не меняется. Зато позиция этих «исследователей» изложена в вышедшем в 2015 г. фильме «Мифы Медного»[11], активно показываемом на площадках Тверской городской думы и ТвГУ[12].

О пропагандистском его характере свидетельствует совершенно запутанная линия сюжета: то подвергается сомнению цифра в 6295 расстрелянных, то утверждается, что поляков казнили немцы в 41-м, то вообще на месте польских могил в Медном появляются бойцы РККА. Все эти пассажи подкрепляются авторитетным мнением «экспертов», таких как Вассерман, Плотников,

---

6 https://linguanet.ru/fakultety-i-instituty/fakultet-gumanitarnykh-nauk/kafedra-istoricheskikh-nauk/prepodavateli/ (дата обращения: 13.08.2019).

7 https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/01/16/62657-dzhugashvili-snova-protiv-rossii (дата обращения: 13.08.2019); https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/10/16/40863-istoricheskiy-protsess (дата обращения: 13.08.2019).

8 http://www.karavan.tver.ru/gazeta/9278; http://www.karavan.tver.ru/gazeta/9278 (дата обращения: 13.08.2019).

9 https://7x7-journal.ru/articles/2019/05/23/ne-hvataet-odnogo-listka-bumagi-gde-napisany-familiya-cheloveka-i-chto-on-byl-rasstrelyan-kak-sohranyaetsya-pamyat-o-rasstrele-plennyh-polyakov-v-sele-mednom-tverskoj-oblasti (дата обращения: 13.08.2019).

10 https://vesti-tver.ru/dailynews/v-tveri-obsudili-problemy-uvekovecheniya-pamyati-pamyati-sovetskikh-soldat-v-mednom-/ (дата обращения: 13.08.2019).

11 https://www.youtube.com/watch?v=2GxSEguQKtc (дата обращения: 15.08.2019).

12 http://www.karavantver.ru/gazeta/13752 (дата обращения: 15.08.2019).

Стрыгин и даже лидер НОДа депутат Госдумы РФ от «Единой России» Е. А. Федоров.

— Невозможно придумать одну непротиворечивую версию, которая в нужном пропагандистам ключе опишет все известные факты о расстреле поляков. Медное в этом смысле кость в горле, потому что свалить вину на немцев в данном случае невозможно. Кстати, немцы в районе Медного были только 3 дня в условиях тяжелых боев, — говорит бывший сотрудник МК «Медное» И. В. Цыков.

Слова Цыкова уточняет медновский краевед А. Н. Лукьянов. По его словам, оккупация Медного длилась менее трех суток на фоне ожесточенных боев в окрестных населенных пунктах близ Ленинградского шоссе, с. Поддубки и с. Новинки. В нашем материале мы приводим карты-схемы реконструкции боевых действий, одна из которых была составлена и нарисована лично Лукьяновым (см. Приложение 1). Также в личном архиве Лукьянова сохранились мемуарные записи Григория Сидоровича Плясенко, жителя Медного, заставшего оккупацию в юном возрасте. Вот что в них говорится: «Немецкие войска в Медное пришли, пехота и танковые части 16 октября 1941 г. <...> 17 числа меня заперли в Медновский клуб (церковь) вместе со многими и туда же приводили пленных. Меня отпустили как маленького. <...> 18 октября немцы ушли с с. Медное, пехота пошла на с. Новинки, а техчасти на г. Тверь, стрельбы никакой не было, они гуляли, веселились. Никто в дни с 16 по 18 октября не погиб. Больше в с. Медное враг не пытался наступать».

При взгляде на содержание фильма в совокупности с излагаемыми участниками круглых столов (за все время существования этих мероприятий) постулатами и издаваемыми ими книгами, становится понятной «аргументационная база» отрицателей, на каких источниках она строится и кто в сущности является идеологом, а кто лишь озвучивает хорошо заученные «доказательства», подкрепляя это весом своей раскрученнности в СМИ или некогда полученной ученой степени.

Официальная версия трагедии в фильме именуется «геббельсовской». Почему — пояснил А. Э. Гурьянов:

— Отрицатели приклеивают ярлык «геббельсовской пропаганды» любым утверждениям о советской ответственности за убийство польских военнопленных, т. к. впервые это было заявлено немцами в официальном сообщении германского радио 13 апреля 1943 г. об обнаружении в Катынском лесу захоронений польских офицеров, расстрелянных ГПУ весной 1940 г. Этим эпитетом активно пользовался Стрыгин и грозился потребовать у прокуратуры применить к нам статью 354.1 УК РФ об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма[13].

Фильм начинается с истории о захороненных в Медном поляках

[13] Такие же доносы тверской НОД писал на сотрудников мемориального комплекса.

Людвиге Маловейском и Юзефе Кулиговском, чьи жетоны были найдены украинскими и польскими археологами близ Владимира-Волынского в 2011 г. На основе этого делается априорный вывод о том, что поляков расстреляли не НКВД, а гитлеровцы в 1941 г. Этот сюжет был взят из книги Г. Ферра «Катынский расстрел. Опровержение официальной версии», изданной тверскими отрицателями в 2015 г. Общий объем книги — 102 страницы, где содержательная часть занимает страницы с 10 по 63, остальной объем составляют приложения в виде резолюций круглых столов (на наш взгляд, это единственная существенная и с информативной точки зрения значимая для исторической науки часть книги) и мнений «экспертов», чья титулатура призвана добавить веса к аргументации книги. В фильме же, как и в книге, совершенно не приводится каких-либо архивных поисковых данных в подтверждение изложенным тезисам и умалчивается, что жетоны были найдены в насыпном слое над захоронениями, т. е. не сопровождались какими-либо человеческими останками (*Siemin ska* 2017: 102, 104; Funkcjonariusze Komendy... 2015: 300, 351; *Гурьянов* 2019: т. 1, с. 79). Реальный же путь одного из обладателей жетона — Маловейского в Осташковский лагерь и на расстрел в Калинин прослеживается по архивным документам НКВД, хранящимся в РГВА (главным образом учетной карточке): после пленения во Владимире-Волынском раненый Маловейский попал в Шепетовский приемный пункт НКВД, откуда был переведен в больницу в г. Шепетовка, а затем этапирован в Осташковский лагерь[14].

Далее фильм показывает историю с фальсификацией документов «Пакета № 1», также имеющуюся в книге Ферра, но не являющуюся его личным открытием. Родоначальником этой истории был Мухин, изложивший собственное «источниковедческое исследование» в одной из своих книг (*Мухин* 1995: 148–157). Его дело в более изобретательном ключе развили Стрыгин и В. Н. Швед, заявив о подделке документов в хрущевское, горбачевское или даже ельцинское время (*Швед* 2007: 148–196). Стрыгин прибегнул к помощи «независимой» экспертизы от бывших сотрудников МВД РФ, которая констатировала использование разных печатных машинок при написании письма Берии № 794/Б[15]. В 2010 г. идею вышеобозначенных лиц подхватил депутат Госдумы РФ от КПРФ В. И. Илюхин, ссылаясь на слухи от анонимных осведомителей, якобы подтвердивших фальсификацию документов[16]. Профессиональные же исследователи говорят о невозможности подделки Пакета № 1, поскольку огромное количество документов из фонда особых папок Политбюро в РГАСПИ пронумеровано и располагается по порядку[17]. Вот какие аргументы приводит бывший руководитель

[14] Подробнее об этом см.: (*Гурьянов* 2019: 78–81).

[15] http://www.katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=946 (дата обращения: 27.09.2019).

[16] https://www.youtube.com/watch?v=2GxSEguQKtc (дата обращения: 27.09.2019).

[17] https://www.youtube.com/watch?v=VACpOITIYhU (дата обращения: 27.09.2019).

Государственной архивной службы Р. Г. Пихоя: «Документы правительственных организаций или ЦК никогда не выходили в единственном экземпляре, с них снимаются копии, которые хранятся и в Государственном архиве Российской Федерации, и в Российском государственном архиве новейшей истории, и в Архиве социально-политической истории, и в других ведомствах. Ну и потом, допустим, подделаете вы один-два документа, а куда прикажете девать сотни и тысячи документов, хранящихся в десятках ведомств, которые полностью противоречат этой фальшивке? Ведь о расстреле польских офицеров свидетельствует не только справка Берии или там того же Шелепина, но и десятки тысяч других документов: рапорты конвоя, списки конвоируемых, накладные на выдачу продовольствия, отчеты о служебных командировках сотрудников НКВД, справки о расходовании боеприпасов...»[18]

В изданной в 2017 г. книге «Белые пятна — черные пятна» ведущим специалистом, разрабатывавшим данную тематику, Н. С. Лебедевой приведена полная и убедительная источниковедческая аргументация (*Лебедева, Пшевозьник* 2017: 289–290). Попытка же обвинить в фальсификации архивных документов идеологов перестройки слаба хотя бы потому, что она никак не вяжется со стремлением горбачевского правительства найти противовес, «Антикатынь» после вынужденного признания вины за преступление. В распоряжении Горбачева от 3 ноября 1990 г. предлагалось уравновесить Катынскую трагедию судьбами плененных поляками красноармейцев в 1919–1920 гг. (*Яжборовская и др.* 2001: 418).

Бывшая замдиректора по научной работе МК «Медное» Е. Н. Образцова так комментирует позицию отрицателей:

— Все их аргументы не выдерживают никакой научной критики. Это уровень средней школы. Взять, например, историю с поляками Маловейским и Кулиговским, похороненными в Медном. Их жетоны нашли во Владимире-Волынском, и на этом отрицатели строят свои доказательства. Это подход людей, никогда не работавших с архивными документами. Совсем не понятно, при телах ли эти жетоны. Откуда они там взялись? Могли обронить, поменяться, ведь донесения руководства Осташковского лагеря сообщают, что с поляками был полный бардак: они представлялись чужими именами, часть из них была без документов, они менялись помещениями, в которых сидели, двое сбежали. Все в Ниловой пустыни было заполнено этими поляками. Не хватало даже работников, чтобы на каждого завести карту. Это путаница, учитывая, что 12 тысяч прошло через лагерь. Начальник лагеря П. Ф. Борисовец даже отказался принять 2 тысячи человек. Все это в доступе в конвойном фонде РГВА. В этих условиях утери могли быть элементарно. Или случай с экспертизами документов Пакета № 1. Они ведь проводили экспертизу по фотокопии!

[18] https://www.kommersant.ru/doc/1387089 (дата обращения: 27.09.2019).

Таким образом, «аргументационная база» фильма, если ее можно так назвать, сложена в единый нарратив из «изысканий» и придумок конкретно названных выше идеологов. Следует признать их откровенную ангажированность и своего рода «идейность», отчего и исходит их стремление прибегнуть к более изощренной аргументации, дабы убедить свою аудиторию. Остальные же спикеры, такие как Вассерман или Плотников, по-видимому, подобными качествами не обладают, как не обладают и способностью к открытию новых методик обоснования, отчего и ограничиваются лишь оглашением наработок более способных коллег в СМИ, придавая еще большую убедительность их выводам с помощью своей медийности или степени доктора исторических наук.

Примеров откровенного вымысла в фильме достаточно, пожалуй, самым вопиющим можно назвать комментарий Плотникова о Катынской проблеме на Нюрнбергском процессе, повторяемый им в ряде СМИ:

— Существует единственное, зафиксированное в очень высоком международно-правовом акте решение о том, что Катынское преступление — это преступление немцев. Это приговор Нюрнбергского трибунала[19].

Удивительно, как доктор исторических наук, который, по собственному признанию, уже 20 лет в этой теме[20], может не знать, что слушания по Катынскому эпизоду на Нюрнбергском процессе не привели ко включению этого эпизода в приговор Международного трибунала, судившего нацистских преступников (*Лебедева* б. г.: 588; Нюрнбергский процесс 1999). Обратим также внимание на то, что за весь период исследования Катынской тематики Плотников не опубликовал ни одной статьи в рецензируемых научных журналах и не выступил ни на одной действительно научной конференции.

Дезинформация, произнесенная авторитетными для обывателя медийными персонами и недобросовестными учеными, разбавляется замалчиванием очевидных фактов, переводом стрелок и пассажами, нацеленными вывести зрителя на эмоции. Так, ответственность СССР за Катынское преступление преподносится как акт внешнего воздействия «врагов России» для того, чтобы пробудить в «народе-победителе» комплекс вины. Параллельно вбрасывается информация о сносе памятников советским воинам в Польше, скрывая то, что такой демонтаж не нарушает российско-польское соглашение, касающееся лишь монументов на захоронениях (*Гурьянов* 2017: 21–22). Для иллюстрации общемирового тренда на пересмотр официальной версии преподносится мнение зарубежных единомышленников, таких как Г. Ферр.

---

[19] https://www.youtube.com/watch?v=2GxSEguQKtc (дата обращения: 18.08.2019).

[20] https://vesti-tver.ru/tv/russia24/aktualnoe-intervyu/aleksey-plotnikov-i-anatoliy-vasserman-o-vozmozhnykh-falsifikatsiyakh-v-istorii-vov/ (дата обращения: 18.08.2019).

— Идет полный отход от линии правды и справедливости. Вся история переписывается, причем в извращенном виде. Все эти люди не имеют отношения к архивной работе. Про Катынь все ясно, благодаря Пакету № 1 стало известно, что убиты более 21 тысячи человек, это не фальсификация. Как руководство страны может позволить себе отдать Польше непроверенные документы? Идеологи это понимают и лгут для внутреннего потребления. Это отчетливая позиция власти увести от репрессий, заставить слушать Вассермана, — комментирует эту ситуацию Е. Н. Образцова.

Эту мысль разделяет исследователь репрессий С. Б. Прудовский:

— Они пытаются размыть трагедию о репрессиях, отвлечь от них. Когда в Медное приезжала делегация Мемориала[21], региональное телевидение дает эфир Вассерману в этот же временной период.

Надо признать, пропаганда принесла свои плоды: комментарии к фильму изобилуют гневом по отношению к полякам, а некоторые жители Медного недовольны наличием мемориала, объясняя его ненужность сносом памятников в Польше. В 2015 г. житель Твери М. Бурлаков опубликовал петицию с призывом закрыть мемориал и на его месте возвести памятник воинам РККА. Нашлись, правда, и защитники, создавшие инициативную группу[22].

«ПОХОРОНЕН В ЛЕСУ»: О КРАСНОАРМЕЙЦАХ В МЕДНОМ

На круглом столе от 17 апреля 2015 г. была принята резолюция, опубликованная в ЖЖ Вассермана. Из 9 ее пунктов наиболее интересным выглядит пункт 3 — просьба к начальнику управления Минобороны РФ об «оказании содействия в установлении поименных списков и увековечении памяти военнослужащих РККА и НКВД СССР», которые, по мнению подписавшихся, находятся на территории мемориала, а также пункт 9: «Органам законодательной и исполнительной власти города Твери и Тверской области совместно с ветеранскими и военно-патриотическими организациями выйти с предложением к Министерству культуры РФ об использовании части средств, выделенных федеральным бюджетом на реконструкцию мемориального комплекса “Медное”, на обустройство захоронений и установку памятных знаков (памятников) погибшим и умершим в 1941–44 гг. в госпиталях советским военнослужащим, похороненным на территории мемориального комплекса»[23].

23 июня 2019 г. на youtube-канале отрицателей «Медное. Ложь, став-

[21] См.: https://7x7-journal.ru/articles/2019/05/23/ne-hvataet-odnogo-listka-bumagi-gde-napisany-familiya-cheloveka-i-chto-on-byl-rasstrelyan-kak-sohranyaetsya-pamyat-o-rasstrele-plennyh-polyakov-v-sele-mednom-tverskoj-oblasti (дата обращения: 18.08.2019).

[22] https://www.afanasy.biz/news/society/?ELEMENT_ID=89264&sphrase_id=40716378 (дата обращения: 18.08.2019).

[23] https://awas1952.livejournal.com/5262770.html (дата обращения: 19.08.2019).

шая историей» была опубликована запись, где руководитель тверского поискового отряда «Подвиг» С.В. Титков рассказывает о поисковых работах, якобы проведенных им на территории комплекса в 1995–1997 гг. По его словам, они показали, что в этих местах покоятся красноармейцы[24].

Через два дня после публикации видео с Титковым на региональных телеканалах выходит сюжет о нахождении отрицателями похоронок двух бойцов РККА, Сергея Васильевича Куваева и Федора Николаевича Беспалова, якобы захороненных на территории комплекса[25]. В эфире ТРК «Тверской проспект» Кормушкин в сопровождении Титкова и А.А. Бутузова (заместитель председателя Общественной палаты Тверской области) заявил, что похоронки указывают четко на место дач НКВД села Медного[26].

Действительно, в оцифрованных документах архива Минобороны указано это место[27], но формулировка «лес дачи НКВД» отнюдь

[24] https://www.youtube.com/watch?v=rllIrUQmqc4 (дата обращения: 19.08.2019).

[25] https://vesti-tver.ru/dailynews/pod-tveryu-pochtili-pamyat-sovetskikh-soldat-pogibshikh-v-gody-voyny-/; https://www.youtube.com/watch?v=sbVcibmrKv8&t=430s (дата обращения: 19.08.2019).

[26] https://www.youtube.com/watch?v=sbVcibmrKv8&t=430s (дата обращения: 19.08.2019).

[27] (ЦАМО 1: л. 105–106); URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie72581013/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%BA%D1%83%D0%BD%D0%B0%D0%B5%D0%B2%26first_name%3D%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9%26middle_name%3D%D0%B2%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26mesto_vibitiya%3D%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_vpp%26page%3D1; (дата обращения: 19.08.2019).
ЦАМО. Ф. 58. Оп. А-83627. №3395; URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_gospital61933968/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%BA%D1%83%D0%BD%D0%B0%D0%B5%D0%B2%26first_name%3D%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9%26middle_name%3D%D0%B2%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26mesto_vibitiya%3D%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_vpp%26page%3D1(дата обращения: 19.08.2019);

не означает, что эти красноармейцы захоронены именно на территории комплекса.

О том, могут ли быть захоронения на месте комплекса, мнения специалистов разнятся. Е. Н. Образцова считает, что такое невозможно как на польских, так и на советских частях кладбища:

— В 1999 г. я приехала в музей и познакомилась с Титковым. На тот момент он возглавлял поисковый отряд «Эдельвейс», который проводил какие-то исследования. Я попросила показать отчет о проделанной работе — он показал три маленьких листочка, на руки выдать отказался. В них меня поразило как время проведения работ — зима, так и метод работы — ручной бур в 6,5 см. Что им можно обследовать зимой? В документах присутствуют какие-то фрагменты костей, пуговицы. В любом нормальном обследовании проводится сканирование, где оно? Ни анализа почвы, ничего. Есть списки из военных госпиталей. А где документы, что их перевезли именно сюда, на территорию дач? Лично я не знаю ни одного документа, что дачи использовались как госпитали. Это могло быть, но документальных подтверждений этому нет. Достоверно известно, что поляки похоронены локально. Все красноармейцы разбросаны на огромной территории и вполне могут быть вокруг, но не на месте комплекса. Во всяком случае никто не подтвердил это какими-либо документами или костями.

Исследователь катынской трагедии Н. С. Лебедева, наоборот, говорит о смешанном характере захоронений на советской части кладбища:

— Эти кладбища были треликими. Тогда старались хоронить в таких местах, где уже были захоронения, это характерно и для кладбища в Катыни. Перемешивание одних с другими — это способ увести от правды, думаю, что это делалось специально.

А. Э. Гурьянов также допускает возможность захоронений красноармейцев, но отмечает следующее:

— По-видимому, действительно госпитальные захоронения могут находиться в том лесу. Но это не входит в противоречие с результатами эксгумаций 1991 и 1995 гг. (и зондировочных изысканий 1994 и 1995 гг.). Территория дачного участка НКВД — МВД — КГБ у Медного большая. Эксгумации проводились лишь на сравнительно небольшой части этого участка в его северо-восточном углу. Эту часть в 1991 г. перед началом эксгумации ГВП сотрудники калининского об-

(ЦАМО 2); URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie50901787/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2%26first_name%3D%D1%84%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%26mesto_vibitiya%3D%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_vpp%26page%3D1 (дата обращения: 19.08.2019).

ластного управления КГБ специально выгородили. Все раскопки в 1991 и в 1995 гг. проводились только внутри этого ограждения. В 1995 г. бурение зондировочных скважин производилось вокруг этого ограждения в прилегающей к нему снаружи полосе шириной 16 м. Заключение об отсутствии любых захоронений относится только к этой 16-метровой внешней полосе, а заключение о том, что на исследованном участке есть только польские захоронения и нет каких-либо других, относится только к выгороженной части территории дач. На остальной территории бывших дач находятся захоронения расстрелянных советских граждан, но неизвестно точно, где именно! И не исключено, что на остальной территории могут находиться также захоронения красноармейцев, умерших в эвакогоспитале № 1783 (и, возможно, в других эвакогоспиталях). Поиск и эксгумация могильных ям с останками расстрелянных советских граждан, а также захоронений красноармейцев никогда не производились. Судя по показаниям бывшего начальника УНКВД по Калининской области Д. С. Токарева, могильные ямы для захоронения польских военнопленных были вырыты на опушке леса, а не в самом лесу, и это место было на расстоянии около 0,5 км от его дачи. Сейчас на участке польских захоронений находится лес, но он вырос за последующие десятилетия, а в 1940 г. на этом участке леса не было, была только опушка. В данных похоронках указано захоронение в 1942 г. в лесу. Я думаю, что это указывает на место, которое заведомо не совпадало с польскими захоронениями, но могло находиться неподалеку (если в 1940 г. на месте польских захоронений леса не было, то к 1942 г. он никак не мог там вырасти). В похоронке Куваева я обратил внимание на то, что дачи НКВД названы в 1942 г. бывшими. Но мы знаем, что все послевоенные годы вплоть до 1991 г. там на самом деле находились дачи НКВД — МВД — КГБ. Получается, что во время войны эта территория не имела такого ведомственного статуса, если начальник и комиссар эвакогоспиталя назвали ее бывшими дачами НКВД (при этом они знали, что это дачи именно НКВД). Вероятнее всего, сам эвакогоспиталь располагался в этих дачах.

Почему на территориях репрессированных ищут красноармейцев, пояснил И. В. Цыков:

— Еще в 90-е гг. возникла легенда о том, что на территории бывших ведомственных дач НКВД (теперь мемориал) во время войны находились госпитали, и умерших бойцов хоронили прямо там. Впервые эта версия сформулирована в заключении Тверского ФСК (ныне ФСБ), это примерно 94–95 гг. Документ опубликован в книге «От ЧК до ФСБ» (Тверь, 1998), посмотрите[28]. Поэтому на памятнике выбита странная надпись: «Соотечественникам — жертвам войн и репрессий». Возможно, это результат добросовестной ошибки. В селе Медное во время войны действительно были госпитали, но село находится в 2 км от бывших дач НКВД. В мое

[28] См.: (Заключение... 1998: 346–349).

время никто из сотрудников мемориала не знал о существовании документов, подтверждающих, что госпитали были именно на территории дач. Вообще нет никаких достоверных сведений о дачах до конца 40-х гг. Что там и как было, какие постройки, если были, и как они использовались. Никто никогда не обследовал мемориал и его окрестности на предмет поиска могил красноармейцев. Что касается Титкова, ничего не могу сказать. Какие-то исследования он действительно проводил, но это был тихий междусобойчик. Я не ожидал, что кто-то вытянет эту историю на свет Божий, но вот она всплывает.

В похоронных записках особый интерес представляет формулировка «в лесу». Складывается впечатление, что людей просто «прикопали» где было наиболее удобно. Это явная отписка для родственников, говорящая скорее об индивидуальных, а не о массовых могилах. Поэтому вполне очевидно, что тверские общественники нашли два случая и пытаются на их основе вытеснить историю с репрессиями, при этом они даже не подозревают, что такого рода захоронения скорее показывают халатное отношение отдельных членов советского командования к своим воинам.

Спекулятивные и провокационные намерения отрицателей подтверждает И. В. Цыков:

— Со стороны НОДа и им подобных это чистой воды спекуляция. Они возлагали цветы и прикручивали таблички где попало — к заборчику, на пенек. С моральной точки зрения я отношусь к этим акциям очень плохо. Солдаты, погибшие на войне, это конкретные люди, у них есть имена и судьбы, даже если они забыты. И жертвы репрессий — конкретные люди. Нельзя подменить одного человека другим на том основании, что он умер. Жертвы репрессий для НОДовцев чужие покойники, а погибшие солдаты свои, вот они и предлагают считать места захоронения жертв репрессий воинскими мемориалами. Цель НОДа, РВИО и прочих не в том, чтобы выяснить истину, а чтобы закрыть одну историю другой.

То же говорит и Е. Н. Образцова:

— Поиск красноармейцев на мемориале — это попытка вытеснить мрачную тематику героикой. Сотрудники музея постоянно сталкивались с шабашами Кормушкина и компании. Сначала эти товарищи требовали поляков «убрать бесовское капище», оскорбляли и называли проплаченными стариков — потомков репрессированных, доводили их до слез. Если приходили в музей, то рассказывали, где наша экспозиция врет, как это делал Плотников, проводя экскурсию для своих студентов[29]. Теперь появилась новая методика — ищут красноармейцев.

Жительница Медного И. И. Рассказова видела телевизионные сюжеты

[29] Сюжет с экскурсией Плотникова вышел в эфире «ГТРК Тверь» в 2015 г., см.: https://www.youtube.com/watch?v=N-YI5RJAtU8 (дата обращения: 19.08.2019).

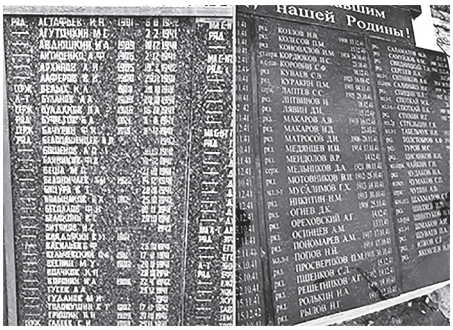
с НОДом на мемориале и комментирует это так:

— Это провокационная и политизированная пиар-компания. Мне это чрезвычайно неприятно, у меня дед был репрессирован, захоронен на российской части мемориала. В Медном немцы были всего три дня, их отсюда быстро выдавили; наши старики это помнили и так рассказывали. Госпитали были на территории медновской больницы, в дачах их быть не могло.

Локацию госпиталей в медновской больнице и школе подтверждает краевед А. Н. Лукьянов, также не имеющий никакой информации о размещении госпиталей в дачах.

В репортаже телеканала «Тверской проспект» торжественно сообщалось о «большой исследовательской работе по восстановлению исторической справедливости», которая предстоит открывателям похоронных записок. К ней обещает подключиться тверской филиал РВИО. Также член совета депутатов Калининского района А. С. Бойков заявляет о намерении провести раскопки на территории мемориала.

Обратим внимание на то, что «открыватели» новых документов либо не нашли, либо сознательно не упомянули того факта, что эти же воины значатся в опубликованной архивом Минобороны учетной карточке братского захоронения,

расположенного в двух километрах от мемориального комплекса, в центре села Медное (номер захоронения в ВМЦ 69–192)[30]. И они же фигурируют в современном документе захоронения, любезно предоставленном нам администрацией сельского поселения (см. Приложение 2). Имена обоих воинов высечены также на мемориальных плитах возле Памятника павшему воину на братской могиле. Туда НОДовцы и их коллеги почему-то не ездят, не совершают траурных церемоний, возложений цветов. Во всяком случае, их не встречали там ни сотрудники администрации сельского поселения, ни руководство медновской школы, шефствующей над захоронениями. Все внимание наших «патриотов» приковано к медновскому мемориалу. Поиск останков красноармейцев является лишь инструментом целенаправленной борьбы с памятью о репрессированных. Государственная поддержка в этом гарантирована, и появление РВИО тому явное подтверждение. Подобное мы видим и в карельском Сандармохе, где РВИО проводит

[30] https://pamyat-naroda.ru/memorial/burial.php?id=261476015; https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie261476037/; https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie261476133/; https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261476015 (дата обращения: 19.08.2019).

раскопки[31], в то время как открыватель захоронения Ю. А. Дмитриев находится под следствием по сфабрикованному делу.

— Пока случай с реальным поиском красноармейцев на захоронениях репрессированных только один — Сандармох, — говорит А. Э. Гурьянов. — У этого кладбища нет международного статуса, который есть у МК «Медное». Это внутренняя ситуация. Совершать же раскопки в Медном просто недопустимо, и я полагаю, что никто этого делать не даст, иначе будет международный скандал.

СМЕНА КОНЦЕПЦИИ. ПАРАМИЛИТАРНАЯ РОМАНТИКА НА КЛАДБИЩЕ

С 2012 г. мемориальный комплекс «Медное» находится в подчинении Государственного центрального музея современной истории. Ученый секретарь музея Н. В. Аникин говорит, что в 2015 г. в целях реализации концепции по увековечению памяти жертв репрессий[32] медновскому мемориалу были выделены средства на ремонт здания и новую экспозицию[33]. Строительство, как показало издание «Тверская губерния», затянулось[34] и не завершено по сей день. Новая экспозиция же, разработанная Музеем современной истории совместно с РВИО, уже была апробирована в Катыни. Состав межведомственной рабочей группы по увековечению памяти жертв репрессий СПЧ отреагировал на нее негативно: историк Н. П. Соколов написал в фейсбуке пост с названием «Непотребство»[35], а председатель общества «Мемориал» Я. З. Рачинский сказал следующее:

— Экспозиция посвящена российско-польским отношениям, но акценты расставлены таким образом, что во всем виновата польская сторона. Так, представлено, что Катынь — это месть Сталина за красноармейцев, плененных поляками в 1919–1920 гг. (подобная модель строится по аналогии с распоряжением Горбачева, о котором мы говорили выше; о плен-

[31] https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-6524 (дата обращения: 22.08.2019).

[32] См.: http://president-sovet.ru/files/73/3d/733de2e296875c3538917ea679fa02d1.pdf (дата обращения: 22.08.2019).

[33] https://7x7-journal.ru/articles/2019/05/23/ne-hvataet-odnogo-listka-bumagi-gde-napisany-familiya-cheloveka-i-chto-on-byl-rasstrelyan-kak-sohranyaetsya-pamyat-o-rasstrele-plennyh-polyakov-v-sele-mednom-tverskoj-oblasti (дата обращения: 22.08.2019).

[34] https://tgnews.ru/articles/novosti/memorialnyy-kompleks-mednoe-zatyanuvshayasya-stroyka-stoimostyu-pochti-90-mln-rubley/ (дата обращения: 22.08.2019).

[35] https://www.facebook.com/notes/%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0-%D1%81%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2/%D0%BD%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/2518506554828422/ (дата обращения: 22.08.2019).

ных красноармейцах при обсуждении Катыни вспоминал и Путин в 2010 г.[36] — *К. К.*), о секретных протоколах пакта Молотова — Риббентропа не говорится ничего, как и о Варшавском восстании и Армии Крайовой, что имеет прямое отношение к обозначенной тематике. И. Я. Великанова (директор Музея современной истории России, в подчинение которого входят мемориальные комплексы «Катынь» и «Медное». — *К.* К.) не скрывала, что это «наш ответ польской стороне». Такая экспозиция — попытка поддерживать патриотизм самого поганого свойства, — не любовь к родине, а ненависть к окружающим. Снаружи это не покупают и международную политику на этом не построишь. Министру культуры Мединскому позволяют это делать. Похоже, что то же самое планируется и в Медном.

Экспозиция мемориального комплекса «Медное» состоит из двух залов и посвящена в основном эпохе Большого террора в Калининской области. Научную концепцию разрабатывала Е. Н. Образцова, которая до своего сокращения в 2016 г. занимала должность замдиректора по научной работе. Работа ее отдела подразумевала изучение следственных дел, опрос пострадавших и их родственников, сбор экспонатов, подготовку выставок о репрессиях. Значительная часть экспозиции появилась благодаря экспедициям, в которых архивный материал подкреплялся личными вещами, фотографиями и пр.

С появлением средств реорганизация все же коснулась мемориала. Научный отдел, сотрудники которого на протяжении нескольких лет плодотворно трудились над созданием экспозиции, попал под ее маховик.

— До 2015 г. головная организация мемориалов Медное и Катынь не проявляла к филиалам никакого интереса. Ключевое событие, которое запустило все остальные процессы, — это назначение Великановой. В 2015 г. началась реорганизация Медного, в результате которой научный отдел был разогнан, научно-исследовательская работа прекратилась. Тогда же Катынь была отдана РВИО и началась подготовка новой экспозиции. У нас в отделе было две категории сотрудников. Городские — жители Твери, с историческим образованием, и местные, жители села Медное. Исследовательской работой, разумеется, занимались городские. Несколько раз в неделю нас привозили в Медное, остальное время мы работали в архиве. Только в таком сочетании это имело смысл, иначе работа не приносила бы ни денег, ни морального удовлетворения. По инициативе головной организации мне понизили зарплату с 30 до 20 тысяч и отменили трансфер из города на служебном транспорте. Все изменения происходили чисто административным порядком, а не нормативным, — говорит И. В. Цыков.

Слова И. В. Цыкова подтверждает Е. Н. Образцова:

[36] https://www.bbc.com/russian/international/2010/04/100407_katyn_putin (дата обращения: 22.08.2019).

— Это административное решение головной организации, которая подчиняется Минкульту. Все это связано с назначением Великановой директором. Они специально убрали всех, кто имел отношение к архивам. Ровно то же было в Катыни. Великанова чиновник, что ей приказал Минкульт, то она и сделала. Сейчас их интересует все что угодно. Патриотическое воспитание, детские занятия на мемориале; масленица — пожалуйста, на это есть финансирование. Невозможно делать что-то серьезное, все время какие-то ненужные вещи, отчеты — сколько детских занятий, сколько продано в сувенирном ларьке, все кроме истории как таковой. Книга памяти жертв репрессий отменена, Москва прекратила это дело при Великановой. Из годового плана это просто вычеркнули за ненадобностью. Важнее масленица.

В 2017 г. директором МК «Медное» стала Е. В. Шевченко, до этого возглавлявшая комитет по делам культуры Тверской области. После кадровых перестановок в областном правительстве из комитета ее уволили, но губернатор И. М. Руденя заявил, что «в региональном правительстве на нее много творческих планов»[37].

По-видимому, именно эти планы Шевченко бросилась реализовывать. Сначала она выдавила остатки научного отдела.

— С приходом Шевченко мне фактически запретили работать в архиве, и в 2017 г. я уволился, — сообщает И. В. Цыков, — правда, никакого формального запрета на работу в архиве не было, Шевченко просто приказала соблюдать трудовой распорядок и присутствовать на официальном рабочем месте 5 дней в неделю. Она дисциплинированный чиновник, что потребовало вышестоящее начальство, то и сделала. Собственной позиции у такого человека быть не может. Это человек очень низкой культуры. Едва ли она поняла смысл событий, в которых приняла участие.

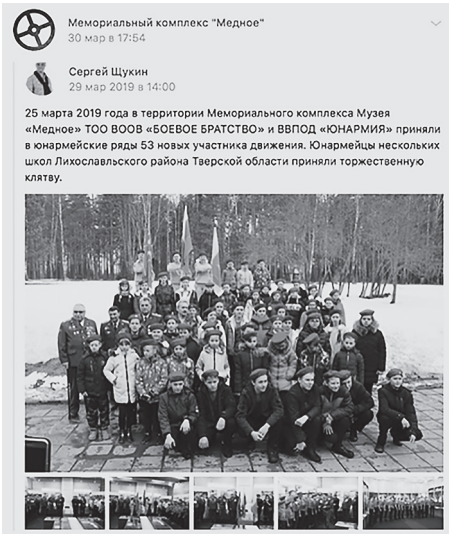
4 июля 2018 г., в разгар «правления» Шевченко был подписан договор о «долгосрочном сотрудничестве» с организациями ветеранов «Боевое Братство», Тверское региональное отделение «Российский Союз Ветеранов Афганистана», Клуб «Красная Звезда», ВВПОД «Юнармия». Информация об этом доступна на сайте Общественной палаты Тверской области[38]. Сотрудничество подразумевает «проведение на территории комплекса всех полевых сборов для юнармейцев и школьников Тверской области»[39]. Мы пытались поговорить с куратором этих мероприятий, экспертом Общественной палаты Тверской области С. Б. Щукиным, но он на связь не вышел.

---

[37] https://tverigrad.ru/publication/v-pravitelstve-tverskojj-oblasti-proizoshli-kadrovye-perestanovki (дата обращения: 22.08.2019).

[38] http://www.optver.ru/news/2823-2018-07-04 (дата обращения: 22.08.2019).

[39] http://www.optver.ru/news/2823-2018-07-04 (дата обращения: 22.08.2019).

Сотрудничество с Юнармией прокомментировал замдиректора медновского мемориала Р. Э. Краснов:

— На захоронениях никаких мероприятий не проводится — память мы чтим. Я полагаю, есть некий плюс в том, что дети из Юнармии слушают наши экскурсии. Миссия музея и экскурсоводов — не военно-патриотическое, а гражданско-патриотическое воспитание. Это уважение к правам и свободам человека, в том числе жизни как высшей ценности. Экспозиция комплекса лучше всего раскрывает эти темы. Наши сотрудники учат увековечению памяти.

Однако по факту с памятью становится хуже. На сайте мемориала в базе данных репрессированных числятся три вымышленных имени[40]. В 2018 г. «День памяти и скорби», ежегодно проводившийся 2 сентября, заменили Днем открытых дверей. Правда, Шевченко поведала о перенесении его на 30 октября, «День памяти жертв политических репрессий». Так, два мероприятия сложили в одно[41]. Зато льготные билеты полагаются членам РВИО[42], уже продемонстрировавшим свое отношение к памяти в Катыни, в Сандармохе...

23 августа в Твери прошел переломный круглый стол отрицателей. Среди организаторов, как сообщается в отчете на youtube-канале, присутствуют РВИО, Музей современной истории России и мемориальный комплекс «Медное». Кроме завсегдатаев на нем присутствовали Д. В. Шполянский — сотрудник РВИО из Москвы и Шевченко[43]. Модератор мероприятия Кормушкин отметил:

— Сегодня у нас действительно особый формат, потому что раньше предыдущая администрация мемориала «Медное» игнорировала наши приглашения, а сегодня у нас присутствует новый директор, недавно назначенный, Шевченко Елена Владимировна, и наконец-то у нас состоится не заочная, а очная полемика[44].

[40] http://www.mk-mednoe.ru/baza-repressirovannyh-lits/ (дата обращения: 22.08.2019).

[41] http://www.karavantver.ru/news/24932 (дата обращения: 22.08.2019).

[42] http://www.mk-mednoe.ru/posetitelyam/stoimost-uslug/ (дата обращения: 22.08.2019).

[43] https://www.youtube.com/watch?v=AeS89dzJpus (дата обращения: 23.08.2019). Обратим внимание на то, что в данном видео говорится о проведении этого мероприятия на Историческом факультете ТвГУ. Мы созвонились с деканом факультета Т. Г. Леонтьевой, которая опровергла эту информацию, сказав, что никто из администрации факультета не был ни среди организаторов, ни среди участников.

[44] https://www.youtube.com/watch?v=AeS89dzJpus (дата обращения: 23.08.2019).

Так новый директор мемориала отзывается на приглашение людей, некогда устраивавших провокации в учреждении, которое она теперь возглавляет. Более того, она готова прислушиваться к их мнению и изменить экспозицию сообразно их предпочтениям:

— Я с благодарностью приняла приглашение поучаствовать в этом круглом столе, поскольку те люди — историки, общественники, политики, которые будут говорить об этих сложных вопросах истории сегодня, возможно, дадут и мне советы или новые какие-то знания для того, чтобы провести в своем музее эту реновацию[45].

В интервью изданию «Караван+Я» Шевченко не рассказала о том, как будет выглядеть экспозиция музея[46]. Краснов же уверяет в том, что смены экспозиции в планах нет и никаких сигналов сверху не поступало. Посещение Шевченко круглых столов он комментировать не стал.

Итак, с момента назначения Великановой научную работу планомерно стали замещать культмассовые мероприятия. И Шевченко упорно следует заданной парадигме в Медном. Место только выбрано не то. На кладбище не может быть ни синих ночей, ни высоких костров, ни торжественных пионерских клятв. Наличие же перечисленного вкупе с посещениями Шевченко псевдонаучных круглых столов говорит как о низком моральном и культурном уровне, так и о полной профнепригодности всей вертикали этой системы. Под таким дилетантским началом оставшиеся сотрудники вынуждены забыть о серьезной научной работе и переквалифицироваться в коллектив аниматоров. Это не нужно, опасно и преступно для истории, для памяти, для детей...

Тем временем круглые столы продолжают собирать организаторов и участников разного масштаба. Их раскрутка в СМИ позволила Вассерману в эфире телеканала «Вести Тверь» говорить «о серьезных сдвигах в общественном мнении не только по данному вопросу, а вообще к советской эпохе»[47].

ВМЕСТО РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ РЕПРЕССИЙ — РЕАБИЛИТАЦИЯ СТАЛИНИЗМА

Уже несколько лет общество «Мемориал» во главе с руководителем его польской программы А. Э. Гурьяновым борется за реабилитацию жертв Катынской трагедии. Исход, по понятным причинам, однозначный: уголовное дело № 159 было прекращено в связи со смертью виновных, поименный список жертв не утвержден к реабилитации «за отсутствием материалов», а в числе обвиняемых не фигурируют имена Сталина, Молотова и прочих советских руководителей, принявших непосредственное участие в унич-

[45] https://www.youtube.com/watch?v=AeS89dzJpus (дата обращения: 23.08.2019).

[46] http://www.karavantver.ru/news/24932 (дата обращения: 23.08.2019).

[47] https://vesti-tver.ru/tv/russia24/aktualnoe-intervyu/aleksey-plotnikov-i-anatoliy-vasserman-o-vozmozhnykh-falsifikatsiyakh-v-istorii-vov/?sphrase_id=93598 (дата обращения: 23.08.2019).

тожении польских граждан[48]. Так, на полпути дело закрыли и засекретили[49]. Квалификация действий виновных как «превышение власти» говорит о планомерной тенденции, преследующей интерес замалчивания неудобных нынешнему руководству РФ обстоятельств[50]. Это было тогда, в 2000-х и в начале 2010-х гг.

Теперь же тренд на скепсис, замалчивание или оправдание репрессий целесообразностью тогдашней внутренней обстановки становится наиболее явным и актуальным. Ярчайшее тому подтверждение появилось в 2017 г. в интервью директора ФСБ Бортникова «Российской газете», где репрессии называются «перегибами на местах» и выставляются необходимым средством, которое оправдывает «чрезвычайность ситуации»[51].

— Это обеление сталинского режима, целенаправленная линия руководства страны, для того, чтобы погасить в обществе протестные настроения, отвлечь от темы репрессий, — говорит Е. Н. Образцова, — ведь никто не отменил того, что говорил Путин, если он в курсе Катынских документов, и если это продолжается, то значит это нужно.

Обновлению риторики власти способствовали события украинского кризиса, надолго определившие агрессивную парадигму ведения внешней и внутренней политики государства. Теперь почти из каждого СМИ раздаются ура-патриотические возгласы о «кольце врагов», окружившем Россию, наряду с бесконечными поисками «национал-предателей», «пятой колонны» и манипулированием противопоставлениями «свой — чужой». В этом смысле инициируемый сверху запрос современных властей на репрессии и чистки внутри страны своих оппонентов, к коим может принадлежать каждый, не разделяющий провластную агрессию, нуждается в обосновании. И тут власть действует двумя путями. Поскольку преступления тоталитарного прошлого уже неоднократно публично признавались со стороны высшего руководства РФ (признан факт Большого террора и Катынского расстрела), официальные представители государственной пропаганды, как министр культуры Мединский и его РВИО (учрежденное лично Путиным), не заявляют напрямую о своем скепсисе в отношении репрессий, а лишь стремятся минимизировать воспоминания о тоталитаризме путем подмены мрачных сюжетов истории воспоминаниями о великих победах или же используют перевод стрелок, как это было в новой экспозиции МК «Катынь». Другой путь более реак-

---

[48] https://www.novayagazeta.ru/articles/2010/05/26/3205-gluhar-v-katynskom-lesu (дата обращения: 24.08.2019).

[49] (*Петров* 2016: 178–179; *Гурьянов* 2010; *Рачинский* 2010); https://www.novayagazeta.ru/articles/2010/03/05/4401-kak-zasekretili-katynskoe-delo-kotorym-ya-zanimalsya (дата обращения: 24.08.2019).

[50] Подробнее см.: (*Петров* 2016: 176–187).

[51] (ФСБ расставляет акценты 2017). Это интервью встретило аргументированный критический комментарий от научного сообщества, осуществленный А. Б. Сусловым на страницах журнала «Историческая экспертиза», см.: (*Суслов* 2018).

ционный — отрицание или оправдание репрессий и неприкрытое восхваление сталинизма — проводится для внутреннего потребления через разных придворных идеологов, коих чествуют в качестве «экспертов» в федеральных и региональных СМИ. Подобная манипуляция фактами очень хорошо встраивается в видение истории лидером РВИО и действующим министром культуры Мединским. В своей «диссертации» он выставляет мерилом исторической истины «национальные интересы России».

— Современная власть на словах отказалась, а на деле нет, от того, что ФСБ — наследники чекистов, прокуроры — наследники Вышинского. Ведь прокурорские тоже попали в репрессированные, но они все реабилитированы, т. к. реабилитацией занималась прокуратура. Если посмотреть все реабилитационные дела — там написано «по вновь открывшимся обстоятельствам». Теперешние судьи, выполняя такое веяние от власти, тоже сажают, понимая, что раз предыдущие избежали наказания, то и им ничего не будет — скрываются за приказом. Они, как и Мединский, чувствуют, куда дует ветер, — говорит С. Б. Прудовский.

Запрос на инструментальное использование исторической науки подается и самым высшим руководством РФ. Неслучайно на встрече Путина с историками, проходившей, по удивительному стечению обстоятельств, в Центральном музее современной истории России 5 ноября 2014 г., несколькими месяцами после назначения Великановой директором, президент, с одной стороны, заявил об объективности истории как науки, а с другой — высказал соображения идеологического и даже конспирологического свойства: «Мы видим, что предпринимаются попытки перекодировать общество во многих странах, в том числе и перекодировать общество нашей страны, а это не может быть не связано с попытками историю переписать, причесать ее под чьи-то геополитические интересы»[52]. Кто предпринимает эти попытки, а также кто, кроме него (президента), замечает их наличие, президент не уточнил. Историк Н. В. Петров в эфире «Радио Свобода» вполне справедливо отметил крайнюю архаичность подобных мероприятий, которые носят «форму идеологического воздействия»[53].

Что ж, генеральная линия партии усвоена верно. Теперь во имя изменчивых национальных интересов под вывеской истины стелется туман лжи и лицемерия. Вот такая она, загадочная русская память: одних стремимся забыть, других вспоминаем лишь утилитарно — в целях удовлетворения комплекса ложного величия, демонстрации неясной мессианской роли, не несущей, впрочем, ничего кроме насилия. Все это пустят по телевидению, расскажут детям и с завидным упорством будут прививать им этот агрессивно-патриотический дух милитари-романтики. На том зиждется современное патриотическое воспитание.

---

[52] http://kremlin.ru/events/president/news/46951 (дата обращения: 27.09.2019).

[53] https://www.svoboda.org/a/26675801.html (дата обращения: 27.09.2019).

2019 г. отмечен несколькими юбилейными датами истории, связанными с началом Второй мировой войны: дата заключения пакта Молотова — Риббентропа 23 августа, вторжение в Польшу гитлеровцев 1 сентября и вторжение в Польшу Красной армии 17 сентября. Это не обошлось без ряда заявлений российских чиновников и ведомств, самым, пожалуй, тяжеловесным из которых был вердикт МИД РФ: «Пакт Молотова — Риббентропа — вынужденный шаг советского руководства в целях отсрочки войны»[54]. Какие можно из этого сделать выводы? Видимо, история все же ничему не учит, во всяком случае, экзамен на ее знание российское руководство провалило. Оно уперто стремится замолчать или оправдать преступления прошлого, что неизбежно ведет к новым преступлениям. Так какие уроки извлечены из событий начала ВМВ, «можем повторить»?

POST SCRIPTUM

За время написания этой статьи произошел ряд событий, связанных с МК «Медное». 26–27 августа 2019 г., спустя три дня после очередного псевдонаучного круглого стола[55], в Твери прошло выездное заседание Межведомственной рабочей группы (МРГ) по координации деятельности, направленной на реализацию концепции Государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий[56]. Работа заседания, по словам его участника А.Э. Гурьянова, сопровождалась провокациями местных отрицателей, которые были проигнорированы местными властями и поддержаны региональными СМИ. В СМИ, среди прочего, напрямую заявлялось, что экспозиция комплекса будет изменена[57]. На заседании МРГ особенно важным было выступление Великановой, которая, ссылаясь на «архивные находки» тверских общественников (в виде похоронок Куваева и Беспалова), анонсировала эксгумацию на российской части комплекса[58]. Эти намерения поддержали член СПЧ М.А. Федотов и член Совета Федерации В.П. Лукин[59]. Подробнее о намерениях проведения раскопок будет написано в другой работе.

Есть, однако, и другие новости. 17 сентября общество «Мемориал»

[54] https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d878f209a79470573ccc048 (дата обращения: 27.09.2019); https://meduza.io/feature/2019/09/22/eto-spaslo-sotni-tysyach-zhizney-mid-zayavil-chto-sssr-byl-vynuzhden-zaklyuchit-dogovor-o-nenapadenii-s-gitlerovskoy-germaniey (дата обращения: 27.09.2019).

[55] https://vesti-tver.ru/dailynews/v-tveri-obsudili-problemu-uvekovechivaniya-pamyati-krasnoarmeytsev-zakhoronennykh-v-mednom/?sphrase_id=662487 (дата обращения: 27.09.2019).

[56] http://www.president-sovet.ru/presscenter/topics/read/9/ (дата обращения: 27.09.2019).

[57] https://vot69.ru/tverskaja-sensacija-jekspozicija-memorialnogo-kompleksa-mednoe-budet-izmenena.html?fbclid=IwAR3Nm0gqpYp2Ok2SNkzLYww7TCr83bCtlsyVWZyuJmYtMUI2GLnNYRM-tRO0 (дата обращения: 27.09.2019); https://vot69.ru/tverskaja-katyn-istoricheskaja-sensacija-ili-ideologicheskaja-vojna.html (дата обращения: 27.09.2019).

[58] https://www.youtube.com/watch?v=A5-QGzcNWlU (дата обращения: 27.09.2019).

[59] https://vesti-tver.ru/dailynews/v-mednom-uvekovechat-pamyat-krasnoarmeytsev-zakhoronennykh-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-/?sphrase_id=662487 (дата обращения: 27.09.2019).

представило книгу памяти «Убиты в Калинине, захоронены в Медном». Книга представляет собой трехтомник. Первые два тома посвящены биографиям польских военнопленных, в третьем томе с названием «Что мы знаем о Медном» публикуется полная расшифровка показаний Токарева и два протокола допроса, а также материалы эксгумаций 1991 и 1995 гг. Все это сопровождается вступительными статьями А. Э. Гурьянова. По результатам обеих эксгумаций суммарная численность извлеченных человеческих останков составила не менее 2358 человек (*Гурьянов* 2019: т. 3, с. 30). Обе эксгумации подтвердили не только наличие захоронений польских военнопленных Осташковского лагеря на указанной территории, но и «поименный состав казненных, а также сложившееся на основании архивных документов НКВД и показаний бывшего начальника УНКВД по Калининской области Д. С. Токарева представление о том, как проходила операция по отправке узников из лагеря, их расстрела в Калинине и захоронения близ Медного» (Там же: 55).

Этот фундаментальный труд важен в контексте объявленных поисковых работ и смены экспозиции. Публикация этих материалов закрывает тот вакуум, в условиях которого можно было спекулировать на количестве жертв или делать заключения о намеренном введении Токаревым в заблуждение следователей. Также в книге представлен богатый иллюстративный материал, которым можно было бы снабдить новую экспозицию.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Гурьянов 2010 — *Гурьянов А. Э.* «Катынская проблема» в современной России // 30 октября. 2010. № 97.

Рачинский 2010. — *Рачинский Я. З.* Чтобы закрыть «Катынское дело», его надо открыть // Новая газета. 2010. 8 ноября.

Российская газета 1996 — Российская газета. 29.10.1996. № 207.

ФСБ расставляет акценты 2017 — ФСБ расставляет акценты // Российская газета — Федеральный выпуск № 7454 (288). 20 декабря 2017 г. URL: https://rg.ru/2017/12/19/aleksandr-bortnikov-fsb-rossii-svobodna-ot-politicheskogo-vliianiia.html (дата обращения: 24.08.2019).

ЦАМО 1 — ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977529. № 113.

ЦАМО 2 — ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. № 531.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Глушков 1995 — *Глушков С.* В. Странные тайны захоронений под Медным // Независимый исторический журнал «Карта» (Россия). 1995. № 10–11.

Гурьянов 2017 — *Гурьянов А.* Э. О попытке российских ведомств оправдать Катынь // Историческая экспертиза. 2017. № 3 (12). URL: https://istorex.ru/page/guryanov_ae_o_popitke_rossiyskikh_vedomstv_opravdat_katin (дата обращения: 18.08.2019).

Гурьянов 2019 — *Гурьянов А. Э.* Книга Памяти: задачи и источники // Убиты в Калинине, захоронены в Медном. Книга памяти польских военнопленных-узников Осташковского лагеря НКВД СССР, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. М., 2019.

Заключение... 1998 — Заключение УФСК и Прокуратуры Тверской области. Архив Тверского УФСБ. 9 февраля 1995 г. // От ЧК до ФСБ. Тверь, 1998.

Лебедева б. г. — *Лебедева Н. С.* Катынский вопрос на Нюрнбергском процессе // Przegl d wschodni. T. XIII. Z. 2 (50).

Лебедева, Пшевозьник 2017 — *Лебедева Н. С., Пшевозьник А.* Катынское преступление // Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в польско-российских отношениях. М., 2017.

Мухин 1995 — *Мухин Ю.* И. Катынский детектив. М., 1995.

Нюрнбергский процесс 1999 — Нюрнбергский процесс. Т. 8. М., 1999.

Петров 2016 — *Петров Н. В.* Награждены за расстрел. 1940. М., 2016.

Пленники... 1999 — Пленники необъявленной войны: Документы и материалы / сост. Н. С. Лебедева, Н. А. Петросова, Б. Вощинский, В. Матерский. М., 1999.

Суслов 2018 — *Суслов А.* Б. Акценты политиков как вызов для историков. Заметки на полях одного интервью (ФСБ расставляет акценты // Российская газета — Федеральный выпуск № 7454 (288). 20 декабря 2017 г.) // Историческая экспертиза. 2018. № 1 (14). С. 131–136.

Убиты в Катыни 2015 — Убиты в Катыни. Книга памяти польских военнопленных-узников Козельского лагеря НКВД, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года / сост. А. Гурьянов, А. Рачинский, А. Дзенкевич. М.: Общество Мемориал, 2015.

Швед 2007 — *Швед В. Н.* Тайна Катыни. М., 2007.

Яжборовская и др. 2001 — *Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001.

Funkcjonariusze Komendy... 2015 — Funkcjonariusze Komendy Wojewódzkiej Policji Państwowej w Łodzi — o ary Zbrodni Katyńskiej / opr. i red. naukowa P. Zawilski, T. Walkiewicz, T. Szczepański i J. Olbrychowski. Łódź, 2015.

Siemińska 2017 — *Siemińska D.* Archaeological studies on World War II totalitarianism in the yard of a mediaeval hill fort in Volodymyr-Volynskyi, Ukraine // Materiality of Troubled Pasts. Archaeologies of Con icts and Wars / ed. by A. I. Zalewska, J. M. Scott and G. Kiarszys. Warszawa; Szczecin, 2017.

MEMORY IN «BLACKWHITE» COLORS: WHO ARE ANNOYED BY MEDNOE WAR CEMENTARY?

Konoplyanko Konstantin S. — doctoral student, junior research fellow at the Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Key words: Mednoe War Cementary, Katyn massacre, historical memory, repressions, RVIO.

Abstract. This article deals with the problem of the demand of contemporary Russian leadership on instrumental using of history in order to please it's own state interests. It may be seen on the reconstruction of museum expositions, which are connected with the «inconvenient» theme of repressions. Especialy represents this problem the situation with the company against Mednoe War Cementary, — one of the places where the polish victims of Katyn massacre were buried.

REFERENCES

Funkcjonariusze Komendy Wojewódzkiej Policji Państwowej w Łodzi – o ary Zbrodni Katyńskiej, opr. i red. naukowa P. Zawilski, T. Walkiewicz, T. Szczepański i J. Olbrychowski. Łódź, 2015.

Glushkov S. V. Strannye tainy zakhoronenii pod Mednym. *Nezavisimyi istoricheskii zhurnal «Karta' (Rossiia)*, 1995, no. 10–11.

Gur'ianov A. E. Kniga Pamiati: zadachi i istochniki. *Ubity v Kalinine, zakhoroneny v Mednom. Kniga pamiati pol'skikh voennoplennykh-uznikov Ostashkovskogo lageria NKVD SSSR, rasstreliannykh po resheniiu Politbiuro TsK VKP(b) ot 5 marta 1940 g.* Moscow, 2019.

Gur'ianov A. E. O popytke rossiiskikh vedomstv opravdat' Katyn'. *Istoricheskaia ekspertiza*, 2017, no. 3 (12).

Iazhborovskaia I. S., Iablokov A.Iu., Parsadanova V. S. *Katynskii sindrom v sovetsko-pol'skikh i rossiisko-pol'skikh otnosheniiakh*. Moscow, 2001.

Lebedeva N. S. Katynskii vopros na Niurnbergskom protsesse. *Przegląd wschodni*, vol. XIII, z. 2 (50).

Lebedeva N. S., Pshevoz'nik A. Katynskoe prestuplenie. *Belye piatna – chernye piatna: slozhnye voprosy v pol'sko-rossiiskikh otnosheniiakh*. Moscow, 2017.

Mukhin Iu.I. *Katynskii detektiv*. Moscow, 1995.

Niurnbergskii protsess, vol. 8. Moscow, 1999.

Petrov N. V. *Nagrazhdeny za rasstrel. 1940*. Moscow, 2016.

Plenniki neob»iavlennoĭ voĭny: Dokumenty i materialy, sost. N. S. Lebedeva, N. A. Petrosova, B. Voshchinskiĭ, V. Materskiĭ. Moscow, 1999.

Shved V. N. *Taina Katyni*. Moscow, 2007.

Siemińska D. Archaeological studies on World War II totalitarianism in the yard of a mediaeval hill fort in Volodymyr-Volynskyi, Ukraine. *Materiality of Troubled Pasts. Archaeologies of Con icts and Wars*, ed. by A. I. Zalewska, J. M. Scott and G. Kiarszys. Warszawa; Szczecin, 2017.

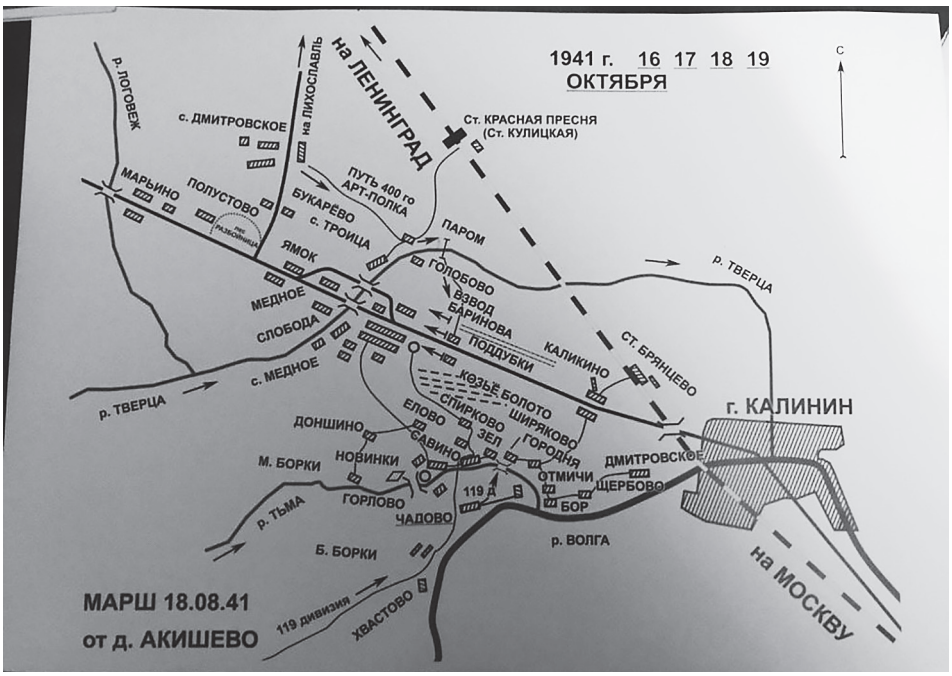
Suslov A. B. Aktsenty politikov kak vyzov dlia istorikov. Zametki na poliakh odnogo interv'iu (FSB rasstavliaet aktsenty // Rossiiskaia gazeta — Federal'nyi vypusk № 7454 (288). 20 dekabria 2017 g.). *Istoricheskaia ekspertiza*, 2018, no. 1 (14), pp. 131–136.

Ubity v Katyni. Kniga pamiati pol'skikh voennoplennykh-uznikov Kozel'skogo lageria NKVD, rasstreliannykh po resheniiu Politbiuro TsK VKP(b) ot 5 marta 1940 goda, sost. A. Gur'ianov, A. Rachinskii, A. Dzenkevich. Moscow: Obshchestvo Memorial, 2015.

Zakliuchenie UFSK i Prokuratury Tverskoi oblasti. Arkhiv Tverskogo UFSB. 9 fevralia 1995 g. *Ot ChK do FSB*. Tver', 1998.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
КАРТЫ-СХЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ БЛИЗ С. МЕДНОЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА ВОИНСКОГО ЗАХОРОНЕНИЯ С. МЕДНОЕ

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА _____ **Российская Федерация**
воинского захоронения (номер карточки) (страна)

1. **Место захоронения** - Тверская область, Калининский район, Медновский сельский округ с. Медное.

2. **Вид захоронения** *братская могила*
(если захоронением является кладбище или воинский участок кладбища, то указывается количество находящихся на них братских и индивидуальных могил)

3. **Размеры захоронения и его состояние** : ширина 9 (м), длина 12 (м), состояние захоронения *не удовлетворительное*

4. Краткое описание памятника (надгробия) на захоронении : : *на постаменте установлен двухфигурный (высота 4 м) цементно-гипсовый на мраморной крошке памятник скорбящих воина Советской Армии с каской и знаменем в руках и женщины, преклонившей колено с венком в руках.. На постаменте установлена мемориальная доска с типовой надписью и фамилиями погибших воинов.*
(его форма, размеры, материал из которого изготовлен, а также указываются дата установки, фамилия автора, техническое состояние памятника и другие сведения)

5. **Количество захороненных**:

Всего	В том числе	
	известных	неизвестных
420 чел.	317 чел.+35=352	103 чел.-35=68

6. **Персональные сведения о захороненных**:

№№ пп	Воинское звание	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Дата гибели (смерти)	Место захоронения на кладбище	Откуда перезахоронен
1.	рядовой	АВДЮШКИН Иван Алексеевич	1909	10 12 1941г		
2.	рядовой	АГЕЕВ Афанасий Александрович		7 12 1941 г		
3.	рядовой	АГУТОЧКИН Михаил Сергеевич		2 02 1942 г		
4.	рядовой	АКОЛУПИН Павел Петрович		16 12 1941 г		
5.	сержант	АЛФЕРОВ Василий Иванович	1908	29 11 1941г		
6.	рядовой	АНТИПЕНКО Алексей Федорович	1905	2 12 1941 г		
7.	рядовой	АНТОШИН Иван Федорович	1910	6 12 1941 г		
8.	сержант	АРТИХОВСКИЙ Николай Захарович	1919	9 12 1941 г		
9.		АРХИПОВ Алексей Иванович		19 03 1942 г		
10.	рядовой	АСТАФЬЕВ Иван Панфилович	1901	6 08 1942 г		

120 кв.м.

№№ пп	Воинское звание	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Дата гибели (смерти)	Место захоронения на кладбище	Откуда перезахоронен
11.	рядовой	АТАМАНОВ Иван Николаевич	1911	1942 г		
12.	рядовой	БАЖЕНОВ Аркадий Петрович		28 10 1941г		
13.	рядовой	БАЛИЦКИЙ Александр Яковлевич		17 10 1941 г		
14.	рядовой	БАННИКОВ Федор Васильевич		18 12 1941г		
15.	рядовой	БАРЫШЕВ Дмитрий Гаврилович	1914	7 10 1941 г		
16.	мл.сержант	БАТАЛИН Иван Семенович	1913	25.10.1941г		
17.	сержант	БАЧУРИН Федор Иванович	1918	9 12 1941 г		
18.	рядовой	БАША Михаил Платонович	1902	21 10 1941 г		
19.	рядовой	БЕЗНИКОВ Федор Дмитриевич		6 12 1941 г		
20.	рядовой	БЕКАСОВ Григорий Васильевич	1917	20 11 1941 г		
21.	рядовой	БЕЛЕНКИН Николай Артемович		18 11 1941 г		
22.	рядовой	БЕЛОКОНЬ Василий Савельевич		28 10 1941 г		
23.	рядовой	БЕЛОНИЧАЕВ Алексей Иванович	1922	14 12 1941 г		
24.	рядовой	БЕЛОНОГОВ Степан Филипович	1915	8 11 1941 г		
25.	рядовой	БЕЛОПАШЕНЦЕВ Алексей Павлович	1900	09.1942 г.		
26.	рядовой	БЕЛЫХ Василий Александрович		26 10 1941 г		
27.	рядовой	БЕЛЬЧУК Виктор Семенович		11 12 1941 г		
28.	рядовой	БЕЛЬЧУК Григорий Павлович		16 12 1941 г		
29.	рядовой	БЕСПАЛОВ Степан Ильич	1909	28.11.1941г.		
30.	рядовой	БЕСПАЛОВ Федор Николаевич		18 10 1941 г		
31.		БИТЕКОВ Илья Савельевич		1942 г		
32.	рядовой	БИЦУРА Василий Тимофеевич	1910	28 10 1941 г		
33.	рядовой	БОДАЕВ Тимофей Филатович		30 11 1941 г.		

№№ пп	Воинское звание	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Дата гибели (смерти)	Место захоронения на кладбище	Откуда перезахоронен
125.	рядовой	КОЗЛОВ Михаил Герасимович		13 12 1941 г		
126.	рядовой	КОЗЛОВ Николай Васильевич	1908	13 12 1941 г		
127.	рядовой	КОЛТОВ Михаил Егорович		20 10 1941 г		
128.	рядовой	КОМАРИЧЕВ Гаврил Егорович	1912	25 03 1943		
129.	рядовой	КОМАШКОВ Савелий Борисович		20 10 1941 г		
130.	рядовой	КОНОВАЛОВ Иван Михайлович	1914	24.10.1941г		
131.	рядовой	КОНОНИХИН Иван Терентьевич	1905	17 10 1941 г		
132.	рядовой	КОРОЛЕВ Александр Малахович		27 12 19141		
133.	рядовой	КОРТАВИН Николай Константинович	1922	12 1941 г		
134.	рядовой	КОСОЛАПОВ Тимофей Герасимович		28 11 1941 г		
135.	рядовой	КОСТЫЛЕВ Артемий Иосифович	1909	23 04 1942 г		
136.	рядовой	КОСТЫРЕВ Иван Михайлович	1905	24 12 1941 г		
137.		КОТОМИН Василий Григорьевич		8 12 1941 г		
138.	сержант	КРЮКОВ Владимир Данилович	1911	7 12 1941 г		
139.	рядовой	КСЕНОФОНТОВ Павел Андреевич		17 03 1942 г		
140.	рядовой	КУВАЕВ Сергей Васильевич	1923	16 08 1942 г		
141.	рядовой	КУДРИК Алесканд Александрович		15.11.1941г		
142.		КУЗНЕЦОВ Алексей Леонтьевич	1911	1942 г		
143.	лейтенант	КУЗНЕЦОВ Петр Дмитриевич	1921	30.05 1942 г		
144.	рядовой	КУЛИК Анатолий Васильевич	1919	23 04 1942 г		
145.	рядовой	КУПРИЯНОВ Поликарп Иванович		29 10 1941 г		
146.	рядовой	КУРАКИН Павел Михалович	1903	4.11.1941г		
147.	рядовой	КУРОПАТКИН Семен Дмитриевич				

«Я АБСОЛЮТНО УВЕРЕНА, С ГИБРИДИЗАЦИЕЙ ПАМЯТИ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧИТСЯ». Интервью с И. А. Флиге

Ключевые слова: сталинский Большой террор, историческая память, историческая политика сегодняшней России, финская оккупация Советской Карелии в 1941–1944 гг.

Аннотация. Руководитель петербургского «Мемориала» Ирина Анатольевна Флиге размышляет о сегодняшней исторической политике в России на примере истории с мемориальным комплексом в Сандормохе (Карелия), посвященном жертвам сталинского Большого террора. Согласно новой версии, поддержанной официальной исторической политикой, ответственность за жертвы Сандормоха была возложена на финскую армию, оккупировавшую эти территории во время Второй мировой войны.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-97-103

Ирина Анатольевна Флиге, исследовательница истории советского террора и Гулага, директор НИЦ «Мемориал» в Санкт-Петербурге, автор книги: Сандормох: драматургия смыслов. Нестор-История, 2019. 208 с.

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Политтехнологи Кремля пытаются размазать память о репрессиях, то и дело вбрасывая фейки. Вы назвали эту технологию «гибридной памятью». Расскажите, пожалуйста, об этом феномене исторической политики применительно к Сандормоху.

И. Ф. Для начала давайте разберемся, что такое Сандормох? Сандормох был обнаружен в 1997 г. в ходе поиска так называемого «Соловецкого этапа» — тысячи ста одиннадцати заключенных Соловецкой тюрьмы особого назначения, приговоренных к расстрелу тройкой НКВД по Ленинградской области, вывезенных в октябре 1937 г. на материк и после этого бесследно пропавших. Этими поисками занимались в Петербурге, это были Вениамин Иофе и я. Это длинная детективная история, которая раскручивалась шаг за шагом. Поисковая работа закончилась тем,

© Историческая Экспертиза, 2019
Флиге Ирина Анатольевна — директор НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург); irina.flige@gmail.com

что по разрозненным документам и материалам архивов нам удалось вычислить место расстрела и захоронения Соловецкого этапа — 19-й километр трассы Медвежьегорск — Повенец.

Уже после того, как нам стало это известно, мы познакомились с Юрием Дмитриевым, много лет до этого работавшим с Иваном Чухиным, вместе с которым они составляли Карельскую книгу памяти жертв Большого террора. В одном из обнаруженных нами документов значилось, что Соловецкий этап был расстрелян «в обычном месте приведения в исполнение приговоров в Белбалтлаге». Дмитриев как раз пытался найти белбалтлаговский расстрельный полигон. Поэтому мы позвали его присоединиться к нашей экспедиции, вместе выехали на 19-й километр и в течение одного дня — благодаря феноменальному чутью Дмитриева — расстрельные ямы были обнаружены. Мы знали имена 1111 соловецких заключенных, затем, в течение двух лет, Дмитриев сумел привязать к этому месту имена еще 5130 человек, расстрелянных во время Большого террора в Карелии.

Сандормох сразу стал международным местом памяти. Это место особенное, даже в ряду других мемориальных кладбищ жертв Большого террора, таких как Бутово и Коммунарка в Москве, Пивовариха в Иркутске, 12-й километр в Екатеринбурге, Дубовка в Воронеже и многие другие, которые стали местами региональной памяти — памяти о земляках, арестованных и расстрелянных в 1937–1938 гг. Международным местом памяти Сандормох стал в первую очередь за счет Соловецкого этапа и заключенных Белбалтлага. Потому что до того, как эти люди были приговорены тройкой УНКВД Ленинградской области или тройкой УНКВД по Карелии, они были арестованы в разных регионах страны. Вот и получилось, что об этих исчезнувших людях помнили в разных регионах и — после 1991 г. — в разных странах. Помнили и искали. Обнаружение захоронения, создание мемориального кладбища в 1997 г. актуализировали память об этих людях. Несмотря на то, что торжественное открытие мемориального комплекса в Карелии 27 октября 1997 г. происходило в мороз, и все было под снегом — сюда приехали люди из многих стран и разных регионов России. Сандормох сразу стал международным местом памяти. Тогда же, в 1997 г., был учрежден Международный день памяти жертв политических репрессий — 5 августа. С тех пор в Сандормохе ежегодно собираются люди из разных стран и регионов. 30 октября — российская государственная дата — День памяти жертв политических репрессий. В этот день на всех местах памяти — у памятников, на местах расстрелов и захоронений — ежегодно проводятся мероприятия. Но все траурные церемонии 30 октября носят сугубо региональный характер: что в Новосибирске, что в Томске, что в Омске, что в других городах и регионах люди приходят почтить память своих земляков — томичан, омчан, новосибирцев и т. д. Этот день вписан в страницы региональной истории. А Сандормох — это память о Большом терроре, который

затронул всех и социально, и национально, и конфессионально — это общая проблема, это место памяти надрегионального и международного значения. В этих днях памяти всегда принимали участие и иностранные делегации. И не только представители тех стран, граждане которых оказались жертвами советского террора, но и тех стран, граждане которых непосредственно не были затронуты этой операцией. Например, дипломаты и граждане США, Норвегии и многих других стран, которые приезжают в Сандормох оплакивать не своих граждан. Почему так? Дело в том, что сама проблема советского террора и памяти для России, для российской государственной политики — это, типа, частное дело России: «Захотели и убили своих граждан, но это наша проблема, наша трудная история, наши жертвы, нам их жалко». И точка. А вот присутствие международной составляющей в Сандормохе говорит о том, что советский террор не частное дело России, а одна из гуманитарных катастроф XX в. И память о ней — это память о катастрофе под названием «советский государственный террор», которая не может свестись к чисто российской памяти. Вот что сложилось в Сандормохе к 2013 г.

К 2013 г. этот мемориальный комплекс с большим количеством национальных, конфессиональных и личных памятников составлял ансамбль, работающий на понимание того чудовищного прошлого. В Сандормохе говорили не только о жертвах — говорили о преступлении, о необходимости понимания советского прошлого, о необходимость дать юридическую и правовую оценку действиям советского режима.

Но позже, в 2014 г., все изменилось — после Крыма, после Донбасса. 5 августа 2014 г. в Сандормох впервые не приехала украинская делегация. Украинская делегация в Сандормохе — один из самых ярких и заметных фрагментов памяти Сандормоха, потому что в Сандормохе только с Соловков было вывезено около 300 человек украинской интеллигенции и политиков — людей очень известных и заметных в Украине. Начиная с открытия Сандормоха в 1997 г. с Украины каждый год приезжал полный автобус людей. Это были не только дети и внуки. В первую очередь это были украинские гражданские активисты. И это была неотъемлемая компонента Дня памяти. И вот, 5 августа 2014 г. Украина не приезжает... Естественно, на митинге 5 августа 2014 г. в отсутствие украинской делегации участники Дней памяти произносили слова солидарности и поддержки наших украинских друзей, говорили о преступлениях советской власти и о наследовании этих преступлений современной российской властью.

В то же время 2014 г. — это начало активного конструирования новой исторической политики. После аннексии Крыма идеологическая панорама — а историческая политика, конечно, одна из составляющих частей идеологии — резко меняется. Раньше для правительства Карелии Сандормох был очень важным местом. В Днях памяти принимали участие и чиновники из Петрозаводска, и администрация

Медвежьегорского района. Послов и консулов, посещавших мемориальное кладбище, принимали на самом высоком уровне. Теперь, очень быстро, в течение пары лет, Карелия отказывается от Сандормоха. В правительстве заявляют, что проводить траурные церемонии 5 августа не будут, а будут, как и в других регионах, отмечать 30 октября: на две даты им не хватает бюджета. Этим они пытаются снизить значение даты 5 августа как части национальной памяти, как попытки осмыслить советский террор на системном уровне, на уровне всей советской политической системы.

Но отменить 5 августа как международный день памяти не получилось. Они думали, что если правительство Карелии и администрация района перестанет обеспечивать церемонию транспортом и звукоусиливающей аппаратурой, то церемония не состоится. Однако сообщество помнящих с этим не согласилось и все последующие годы в сосновом лесу Сандормоха по-прежнему собирается 300–400 человек. Автобусы заказываются коммерческим образом — на них скидываются, а какую-то звукозаписывающую аппаратуру кто-нибудь из участников Дней памяти привозит с собой.

На фоне этого в 2016 г. арестован Дмитриев. И начиная с 2017 г. ежегодно 5 августа — День памяти в Сандормохе принял характер солидарности — солидарности с политзаключенными, бывшими и нынешними. Сандормох практически связал историю с современностью: террор в прошлом и политические преследования в настоящем сомкнулись в общее понимание и общее переживание. В Сандормох люди едут не только почтить память убитых в 1937–1938 гг., но вспомнить имена тех, кто сегодня сидит в лагерях и тюрьмах и находится под пытками, выразить отношение к развязыванию внешних войн, к ограничению прав и свобод граждан.

Теперь о гибридизации памяти. Сам факт того, что в Сандормохе расстреляны и захоронены 6241 человек — жертвы Большого террора 1937–1938 гг., под сомнение никогда не ставился. Однако несколько лет назад появилось довольно безумное предположение, принадлежащее перу двух петрозаводских историков — С. Килина и Ю. Веригина. Они выдвигают версию о том, что во время Второй мировой войны там же, в Сандормохе, финны расстреливали военнопленных красноармейцев. Эта гипотеза подается совершенно антинаучным образом: нет ни одной ссылки, ни одного документа и ни одного имени, кого конкретно финны расстреляли.

С. Э. Имеется в виду, что финны расстреливали, но не расстреливали именно в Сандормохе?

И. Ф. Я не военный историк. Но финские архивы полностью открыты и все документы выложены в Интернете, в том числе на официальных российских сайтах — и списки погибших в лагерях, и списки расстрелянных. В основном речь идет об умерших в финских концлагерях от недоедания и от болезней. Могли ли финны знать это место захоронения жертв Большого террора? Когда немцы в Катыни наткнулись

на советские захоронения — они их немедленно использовали в своей пропаганде. Если бы финны знали о существовании на оккупированной ими территории места массовых советских расстрелов — Сандормоха, естественно, они бы поступили точно так же. И уж наверняка не стали бы хоронить там военнопленных, погибших в финских концлагерях. Но это, в конце концов, не более чем мои соображения, исходящие исключительно из здравого смысла. С точки зрения логики научного исследования гораздо важнее другое.

Мы знали, кого ищем: мы с самого начала могли поименно назвать 1111 человек, которых мы ищем. Мы обнаружили в архивах документы, указывающие на место их убийства и захоронения. Мы поехали туда и обнаружили расстрельные ямы.

Килин и Веригин не называют ни одного имени, не ссылаются ни на один документ, указывающий на Сандормох. Но тем не менее на основании их гипотезы Российское военно-историческое общество выдумало себе поисковое задание и начало в Сандормохе раскопки, чтобы найти здесь советских солдат. При этом они не отрицают того, что здесь лежат люди, расстрелянные в Большой террор, но продолжают искать в этих расстрельных ямах 1937–1938 гг. наших солдат. Это и само по себе безумие, но к тому же совершается кощунственное вскрытие существующих, вполне реальных захоронений — неграмотное, бессмысленное, фрагментарное. Почему? А вот, видите ли, место удобное, и почему бы финнам было не расстреливать в том же месте? Вот она вся логика... А далее вытаскивается из расстрельной ямы кусочек сукна — без экспертизы, без указания, где этот кусочек сукна находился — и под камеру начинаются художественные фантазии: «Это сукно, наверное, было зеленого цвета; а зеленый цвет — это шинель...» Вывод: «Это советские военнопленные, но нужно проверять, так как точной уверенности у нас нет».

Между прочим, эти липовые «поиски» привели еще и к тому, что настоящие захоронения наших солдат, погибших в финском плену, уже никто не ищет. Их могилы так и остаются ненайденными...

Такого рода вбросы направлены на формирование гибридной памяти. Но она не работает! Не работает настолько, что после второго полевого сезона даже РВИО стало отступать от своей концепции и говорить более аккуратно, что они «точно не знают и находки сдали на экспертизу», — ждут результата. Беда в том, что попытки создания гибридной памяти в Сандормохе происходят не на бумаге: они осуществляются при помощи вандализма и сопровождаются надругательством над мертвыми. Этих людей расстреляли более 80 лет назад, а сейчас взяли их останки и снова повезли по этапу, снова держат в СИЗО. Это безумие! И почему-то это кажется участникам экспедиции РВИО нормальным: выкопать, вытрясти, опять куда-то повезти.

С. Э. Уточните, пожалуйста, на основании чего они делали эти раскопки? Это был «открытый лист»?

И. Ф. Не было никакого «открытого листа». Они работали по закону «О поисковой работе», потому что поисковики на местах боев в открытом поле ищут солдат. Что правда. Довольно много таких отрядов, работающих и качественно восстанавливающих страницы военной истории, они находят останки солдат на местах боев. Есть закон, по которому они работают. Он не запрещает им копать на полях боев, в лесу и т. д. Но в Сандормохе они не имеют права этого делать, потому что территория Сандормоха — это объект, имеющий охранный статус, это мемориальное кладбище. А на мемориальном кладбище копать нельзя, т. к. эта территория подпадает под несколько законов. Во-первых: как объект культурного наследия — на нем запрещено строительство и какие-либо вскрышные работы. А если нужно на объекте культурного наследия проводить какое-то исследование, то требуются обоснования, которые должны быть утверждены, должен быть «открытый лист» и присутствовать археолог. Это все не было выдержано. Во-вторых: т. к. это мемориальное кладбище, и там захоронены люди, то эта территория подпадает под закон «О похоронном деле», по которому на кладбище вообще копать нельзя — нельзя вскрывать захоронения. Но РВИО уверяет, что им можно, потому что они работают по своему закону.

С. Э. Как вы считаете, как будет дальше меняться ситуация вокруг Сандормоха?

И. Ф. У меня не возникает ни малейших сомнений в том, что в Сандормохе не может прижиться гибридная память. Тот чудовищный вандализм, который продолжался два сезона, — никем не поддержан. Сейчас в судах рассматриваются иски. Один из исков подан Эмилией Слабуновой, депутатом Законодательного собрания Республики Карелия. Есть иски от родственников. Дело в том, что сейчас где-то в подвалах Следственного комитета лежат останки шестнадцати человек. И родственники расстрелянных в Сандормохе крайне обеспокоены — не их ли маму или папу, бабушку или дедушку выкопали и бросили в помещение экспертизы. Они требуют конкретного установления. Так что это не про память, это — про людей. А это вполне конкретные люди, которых много. И это если говорить только о детях. А сколько внуков, подавших иски по вандализму!

С. Э. Видимо, в связи с тем, что есть реальный протест, Мединский начал сдавать назад и уклончиво отвечать, когда ему задавали вопросы по поводу раскопок Сандормоха.

И. Ф. Да, протест реальный. Мы знаем двух пожилых женщин, у которых там расстреляны матери. Обе они беспокоятся, что среди этих шестнадцати есть одна женщина, которая может быть матерью одной из них. Они это обсуждают. Кроме того, все академическое сообщество было возмущено, потому что нарушены археологические правила. Не было «открытого листа», а приезжала какая-то подставная археологиня с «открытым листом», выписанным на другую территорию. Это академический скандал.

Но я оптимист и абсолютно уверена, что мы, общество, Сандормох отстоим. Когда 300–400 человек собираются в лесу в 19 километрах от железнодорожной станции Медвежья гора и при этом приезжают из разных городов и стран — это очень много!

С. Э. Это показывает, что если есть протест, то даже такие люди без стыда и совести вынуждены отступать. Важно сопротивляться!

И. Ф. Да, конечно. Иногда сопротивление может не привести к результату. Но в данном случае я абсолютно уверена, что им не удастся произвести гибридизацию: не привьется эта груша к этому яблоку.

С. Э. Спасибо за прекрасное интервью!

"I'M ABSOLUTELY SURE NOTHING WILL WORK OUT WITH MEMORY HYBRIDIZATION". Interview with I. A. Flige

Flige Irina A. — RIC "Memorial", director (St. Petersburg)

Key words: Stalinist Great Terror, historical memory, historical policy of Russia nowadays, Finnish occupation of Soviet Karelia in 1941–1944.

Abstract. The head of the St. Petersburg Memorial, Irina Flige, reflects on today's historical politics in Russia using the example of the history of the memorial complex in Sandormokh (Karelia) dedicated to the victims of the Stalinist Great Terror. According to the new version, supported by official historical politics, the responsibility for the victims of Sandormokh was assigned to the Finnish army, which occupied these territories during World War II.

«ПОКА В НАШЕЙ СТРАНЕ НЕТ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ СОВЕТСКИХ РЕПРЕССИЙ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЙ, БУДУТ ПОВТОРЯТЬСЯ ВОТ ТАКИЕ КАЗУСЫ, КАК “ДЕЛО ДМИТРИЕВА” ИЛИ “ДЕЛО ПЕРМСКОГО "МЕМОРИАЛА”». Интервью с Р. Р. Латыповым

Ключевые слова: спецпереселенцы, Галяшор-Мемориал-Латыпов, советские репрессии, историческая память, историческая политика современной России.

Аннотация. В интервью затрагивается тема преследования пермского «Мемориала» после экспедиции на кладбище литовских и польских спецпереселенцев в Галяшоре. Данная тема рассматривается в более широком контексте проблем, а именно места советских репрессий в исторической памяти современной России.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-104-116

Беседовал К. С. Коноплянко

К. К. Журнал «Историческая экспертиза» кроме того, что отражает позиции профессионального научного исторического сообщества, часто обращается к тематике исторической памяти. В этом смысле для журнала чрезвычайно важна проблема посягательства различных государственных ведомств и институций на исторические памятники, а также целенаправленное преследование их первооткрывателей или исследователей. Мы внимательно следим за делом главы Карельского «Мемориала» Юрия Алексеевича Дмитриева и, в общем, за всей кампанией по дискредитации и травле общества

© Историческая Экспертиза, 2019
Латыпов Роберт Рамилевич — исследователь советских репрессий и правозащитник, председатель Пермского краевого отделения историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», член правления «Международного Мемориала» (Пермь); roblatypov@gmail.com

«Мемориал» как в прогосударственных СМИ, так и с помощью различных юридических инструментов (например, закон об «иностранных агентах» и пр.). Для начала расскажите, пожалуйста, о себе, известно, что у вас историческое образование. Что вас привело к исследованию тематики репрессий?

Р. Л. Я окончил исторический факультет Пермского государственного университета. Первоначально мои исторические интересы не касались XX в. и тематики репрессий. Моя дипломная работа вообще была посвящена Средневековью и имела скорее историко-культурологическую направленность. К истории советского террора я пришел благодаря волонтерскому лагерю, проводившемуся в известном Мемориальном музее истории политических репрессий «Пермь-36», который расположен на месте бывшей исправительной зоны (деревня Кучино, Чусовской район Пермского края). Тогда в нем качество экскурсий, которые проводились, оставляло желать лучшего, и я предложил свои услуги на добровольных началах, т. к. опыт экскурсионной деятельности у меня был (в конце 1990-х работал в Пермском областном краеведческом музее). Два года работал научным сотрудником в «Пермь-36». Затем, уже на базе Пермского краевого отделения общества «Мемориал» я с группой коллег придумал проект «По рекам памяти», целью которого было совмещение туристических походов с краеведением и мемориализацией. Такие экспедиции проводятся по сей день. В них волонтеры участвуют в поиске заброшенных спецпоселений ГУЛАГа в Прикамье, устанавливают мемориальные знаки жертвам репрессий, собирают эмпирический материал — на данный момент краевой «Мемориал» обладает значительным архивом интервью с потомками репрессированных, более 650 воспоминаний.

К. К. А что вас наиболее тронуло, с чем вообще сталкиваются вот такие полевые исследователи репрессий?

Р. Л. За все время такой деятельности осознаешь, насколько тема репрессий до сих пор является в некотором смысле закрытой, непроработанной в общественном сознании. Эта частичная табуированность темы связана с неким глубинным генетическим страхом. Конечно, под этим термином я имею в виду страх не с биологической точки зрения, это скорее поколенческий социальный термин. Речь идет о том, что люди передавали своим близким некие опасения об этой теме. Мы, мемориальцы, сталкиваемся с этим страхом регулярно, когда берем интервью. Главная задача наших экспедиций — не только посещение мест памяти и их благоустройство, а прежде всего попытка успеть записать воспоминания жертв репрессий или людей, которые были свидетелями существования этих спецпоселков. Девиз экспедиций «По рекам памяти» выражен одним емким словом «успеть». Так вот волонтеры часто нам говорят, что респонденты до сих пор боятся вспоминать об этих темах, бывает, что даже самих ребят спрашивали, не страшно ли им изучать историю репрессий. Некоторых потомков репрессированных тяготят эти воспоминания,

некоторые даже не верили, что их предков репрессировало высшее руководство СССР, они полагали, что это последствия доносов. Когда я проводил экскурсии по выставкам, иногда приходилось сталкиваться с мнением, что приговоры эпохи сталинских репрессий были оправданными и что сегодня нам не мешало бы восстановить систему спецпоселений и лагерей для «врагов народа».

Это феноменальные вещи: вроде бы давно массовые репрессии ушли в прошлое, пронеслась череда реабилитаций, есть официальный День памяти жертв репрессий, и тем не менее этот страх сохраняется. И более того, он живет у тех поколений, которые вообще к сталинским репрессиям прямого отношения не имеют, у тех же нынешних чиновников, у людей, которые принимают решения. Есть любимое выражение у последних, которое вполне отражает этот страх: «Это же неоднозначная история». Это такой канцеляризм, бюрократический термин, который означает, что вроде бы, с одной стороны, много репрессировали ни за что, а с другой стороны, может и оправданно, да и говорить об этом особо не нужно, поскольку это не героическая история. И вот этот глубинный генетический страх и фактическое оправдание существует и всячески поддерживается в нашем обществе. Данную национальную травму надо преодолевать путем работы с этим прошлым, как на историческом, так и на законодательном уровне.

К. К. Насколько вообще насыщена деятельность Пермского краевого отделения общества «Мемориал»?

Р. Л. Сама специфика нашего региона предоставляет поле для масштабной работы — слишком сильно его коснулась история террора. Если говорить об исследовательской работе, то мы собираем материалы о репрессиях в крае в нескольких государственных архивах, среди них ГАРФ, архивы Пермского края и Свердловской области. На основе этих материалов составляется топография мест репрессий — это региональный аналог проекта «Международного Мемориала» «Это прямо здесь». Составляются и дополняются мартирологи, иными словами, базы данных репрессированных пермяков, публикуется Книга памяти жертв политических репрессий по нашему региону. На данный момент последний том такой Книги вышел в 2018 г. (а всего вышло уже 17 томов и готовится следующий). Со всеми этими материалами можно ознакомиться на сайте Пермского «Мемориала»[1].

К. К. Как администрация Пермского края относится к вашей деятельности?

Р. Л. Не могу сказать, конечно, что в последние годы нам как-то все чиновники очень стремятся помочь, но во всяком случае нам не мешают. Если нужно было согласовать какие-либо просветительские проекты, в администрациях на краевом и муниципальном уровне часто шли навстречу. Разумеется, как и всегда

[1] Исторический раздел сайта Пермского «Мемориала» см.: URL: http://pmem.ru/index.php?id=4 (дата обращения: 11.01.2020).

в случае с «Мемориалом», у нас были и остаются проблемы с финансированием, поэтому многие проекты вести тяжело. Однако недавно нам удалось даже выиграть «президентский» грант, который несколько улучшил финансовые возможности и позволил открыть двери многих образовательных и культурных учреждений. Более того, у нас действует краевая Комиссия по восстановлению прав жертв политических репрессий, в которую я вхожу, и это действительно полезный орган.

К.К. И он действительно работает? Просто я знаю на примере Тверской области, что много такого рода организаций на данный момент обездвижено.

Р.Л. Да, в нашем регионе он очень плодотворно работает. В апреле 2019 г., например, комиссией был принят официальный «План мероприятий по реализации государственной Концепции по увековечиванию памяти жертв политических репрессий на территории Пермского края», куда входит наша программа «По рекам памяти» и ее задачи — обустраивать кладбища, устанавливать мемориальные знаки и пр.

К.К. Давайте теперь перейдем к основной проблеме, с которой Пермский «Мемориал» и вы лично как его руководитель столкнулись в настоящее время, а именно целенаправленные преследования в виде штрафов и уголовных дел, начавшиеся после вашей экспедиции на кладбище спецпереселенцев в урочище Галяшор Кудымкарского района Пермского края. Ни для кого не секрет, что об этом кладбище стало известно в широком информационном поле только недавно. И этому поспособствовали как раз эти неприятные события — теперь множество СМИ стремятся осветить эту историю. Чем примечательно это кладбище?

Р.Л. Это обычный сельский некрополь, каких масса в Пермском крае. Сам поселок Галяшор существовал с конца 30-х гг. до начала 70-х гг. прошлого века. Он находился в тридцати с небольшим километрах от Кудымкара, столицы Коми-Пермяцкого автономного национального округа (ныне — в составе Пермского края). Место достаточно глухое, недалеко от речки под названием Велва. Большая часть спецпереселенцев, которые сгонялись в Коми округ, занималась добычей леса. Еще с начала 1930-х гг. туда массами привозились «раскулаченные» крестьяне, затем пошли волны национальных депортаций. С середины 1930-х гг. большая часть спецпереселенцев уже жила в так называемых новых поселках, специально размещаемых в удаленных местах уральской тайги, поскольку их хозяйственное предназначение было связано с лесозаготовками и транспортировкой леса. Один из них — типичный, ничем не примечательный, но с коми-пермяцким названием Галяшор — возник в том самом месте, до этого там никакого поселения не было. Здесь жили не только спецпереселенцы, но и местные коми-пермяки, хотя они были явно в меньшинстве, в большей части все-таки были представители депортированных народов. Литовцев туда привезли летом 1945 г.

В 1944 г., когда советская армия вошла на территорию современной Литвы, практически сразу возобновились административные операции НКВД по выселению всех неугодных элементов с территории республики. Прежде всего выселяли людей, родственники которых работали в государственных органах Литвы или служили в национальной армии, которые так или иначе были связаны с оккупационным режимом, принадлежали к социальной категории «эксплуататоров». Еще один фактор — если родственники имели какую-то связь с литовским сопротивлением, наиболее известным как «лесные братья». Люди, которых депортировали из Литвы, напрямую не принимали участия в вооруженном сопротивлении против советской власти, т. е. были лишь косвенные основания для того, чтобы этих людей в качестве «профилактики» с точки зрения советского руководства и НКВД депортировать подальше, чтобы подорвать социальные, экономические, культурные и национальные связи, которые могли бы поддерживать литовское сопротивление. Прямого участия в вооруженном сопротивлении против Советов эти люди не принимали. Если бы принимали, то они шли бы уже по уголовной статье и через военный трибунал, с вполне всем известным финалом. Важно понимать, что это была административная высылка, которая не регулировалась уголовным законодательством. Поэтому когда мы слышим обвинения, что литовские спецпереселенцы, мол, были «лесными братьями», то это все чушь полная. Достаточно заглянуть в архивные документы — высылка была административная; национальные и социальные признаки, по которым люди подвергались этой политической репрессии, говорят о том, что это была превентивная мера сталинского режима, чтобы убрать неугодных людей, а попутно решить и хозяйственные задачи — депортированные использовались в качестве бесплатной рабочей силы.

К. К. Какова была численность литовцев в Галяшоре, и существуют ли еще этнически литовские спецпоселки на территории Пермского края?

Р. Л. Спецпереселенцы литовской национальности появляются на территории Молотовской области (ныне — Пермский край) с середины 1945 г. Депортации шли волнами, почти ежегодно вплоть до конца десятилетия. Расселяли литовцев во всех семи районах Коми-Пермяцкого округа. Позже, в начале 1950-х гг. небольшое количество спецпоселенцев-литовцев переселяют и в другие районы области. Всего же литовцы проживали в 85 населенных пунктах региона, отмечались в 27 спецкомендатурах. По данным Государственного архива Российской Федерации, в Молотовской области на 1 июля 1946 г. литовцев проживало и находилось на спецучете НКВД 2787 человек, или 877 семей. После смерти Сталина, начала реабилитаций и освобождения со спецучета большая часть литовцев уехала на родину, но часть осталась в регионе, в крупных населенных пунктах Пермского края. Впоследствии и они уехали на родину в первой половине 1990-х гг.

В 1972–1975 гг. Галяшор прекращает свое фактическое существование, оттуда вывезены жилые строения. От поселка осталось кладбище, где захоронены литовские и польские спецпереселенцы. От польского его сегмента почти ничего не осталось — есть, конечно, какие-то знаки, которые были поставлены волонтерами. Но в основном сохранившееся кладбище — литовское, там стоят металлические и деревянные обелиски и кресты, оно огорожено небольшим палисадником, и ежегодно туда приезжают люди, которые за могилами ухаживают. Прах некоторых людей был перезахоронен на историческую родину — об этом в интервью говорили и сами литовцы, и местные жители, но основная часть погибших и умерших осталась там.

На памятном бетонном постаменте, установленном литовской инициативной группой в 2016 г., упомянуты имена всех 98 литовцев, которые умерли и были похоронены в Галяшоре. Все они официально реабилитированы согласно законодательству Российской Федерации и Литовской Республики. Напомню, в России попрежнему действует указ Верховного совета РСФСР о жертвах национальных депортаций. Эти люди реабилитированы по этому указу. Имена их известны пофамильно.

К.К. Если же депортированные реабилитированы в соответствии с законодательством РФ, то почему же вы сейчас столкнулись с обысками и преследованиями со стороны государства?

Р.Л. Вся проблема здесь заключается в совершенно противоречивой государственной политике в сфере увековечения памяти жертв политических репрессий. В чем это выражается на примере нашего региона? С одной стороны, как я уже сказал, у нас в крае действительно работает Комиссия по восстановлению прав жертв политических репрессий, с другой — на сегодняшний день ни одно из захоронений жертв репрессий в Пермском крае не получило никакого официального статуса. Да, краевая администрация не препятствовала нашей деятельности по установлению памятников и даже способствовала организации и проведению наших экспедиций, но никакой законной санкции о придании тому же Галяшору или любому другому кладбищу статуса памятника регионального значения не последовало. Некрополь в Галяшоре не является даже документально зарегистрированным кладбищем, хотя в постановлении краевого Министерства природных ресурсов, от которого «Мемориалу» и литовским волонтерам, участникам экспедиции были назначены штрафы, фигурируют слова «прибирались на кладбище». Для самого учреждения некрополь является прежде всего территорией федеральных лесов. Вообще это нонсенс, когда кладбище, пусть и негласно признанное, находится в ведомстве Министерства природных ресурсов.

К.К. В своем заявлении в «Фейсбуке»[2] и нескольких интервью вы подчеркнули, что это

[2] См. URL: https://www.facebook.com/roblatypov/posts/2405905582992256 (дата обращения: 11.01.2020).

внутрирегиональная ситуация. Не возникает ли у вас мыслей в связи с тем, что вы говорили выше, вкупе с прочими подобными давлениями на «Международный Мемориал», на Правозащитный центр и региональные отделения (мы знаем о «деле Дмитриева»), что это все же не пресловутые «перегибы на местах», а целенаправленная линия руководства страны?

Р. Л. Да, если раньше я предполагал, что это региональная история, то теперь понимаю, что это дело федерального уровня. Налицо слишком быстрая реакция правоохранительных структур, причем жесткая и несоразмерная даже предполагаемому ущербу. По-видимому, все подводится к тому, чтобы не просто ограничить деятельность таких НКО, как «Мемориал», а вообще привести к их полному закрытию. Для этого нужно предоставить обществу исчерпывающие и убедительные доводы, дискредитирующие нас. В то время пока мы озабочены судебными тяжбами по административным правонарушениям и фигурируем в качестве свидетелей по уголовному делу «о незаконной вырубке леса», проводятся обыски с целью поиска дополнительного компромата. Потом в наш офис рвутся так называемые «журналисты» из REN TV для съемок очередного провокационного сюжета о «Мемориале».

К. К. Как вы думаете, чем мотивировано это преследование?

Р. Л. Реакция правоохранительных органов на нашу экспедицию в Галяшор в августе 2019 г. последовала из-за того, что мы нарушили, как я полагаю, несколько негласных правил, которые, по мнению наших спецслужб, нарушать нельзя. В нашей волонтерской экспедиции принимали участие, причем вполне законно, граждане Литвы, на что есть негласное табу. Даже в случае с гражданами Польши, с которой у России также весьма натянутые отношения, такого запрета нет. В экспедициях 2019 г. участвовали несколько иностранцев, в том числе и представителей государств, которые ввели санкции против РФ, но административные штрафы выписали только литовцам.

Далее, был нарушен еще один негласный запрет — на официальном митинге общественности в Перми в День памяти жертв репрессий 30 октября я публично назвал инициатором преследований волонтеров краевое управление ФСБ, сославшись при этом на постановление о штрафах, где документально зафиксирована инициатива этого учреждения в проведении проверки[3]. Это публичное обвинение не приемлемо для данного органа, известного своей непубличностью и закрытостью.

Более того, можно предположить, что и в целом работа краевого «Мемориала» настораживала своей активностью, разнообразием проектов, их успешностью и популярностью у населения. По всему региону

[3] Выступление Р. Р. Латыпова на митинге в честь Дня памяти жертв репрессий 30 октября 2019 г. в Перми см.: URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=3&v=T5gsran1fq0&feature=emb_logo (дата обращения: 11.01.2020).

широко идет прокат наших передвижных выставок, проводятся Гражданские сезоны — ежегодные циклы разнообразных просветительских мероприятий, экспедиции, акции памяти. Обычные граждане не только принимают в них участие, но соучаствуют в нашей работе своими пожертвованиями, а муниципалитеты в большинстве случаев помогают нам, что также способствует высокому уровню известности и общественного внимания, большему, чем, по мнению правоохранителей, нам позволено. И вот результат — допросы волонтеров и сотрудников, наложение многотысячных штрафов, обыски в офисе организации и в квартирах. Это публичная порка, знак о том, что существуют неписанные границы, которые переходить недопустимо. Никогда за всю тридцатилетнюю историю Пермского «Мемориала» мы не сталкивались с проблемами, подобными сегодняшней.

Здесь самым прямым образом задействована ФСБ, которая руководила сначала приездом правоохранителей в Галяшор во время нашей экспедиции для того, чтобы нас допрашивать, затем возбуждать уголовные дела; потом при непосредственном участии ее сотрудников проходили обыски в моей квартире и офисе «Мемориала», изымалось имущество. Понятно было, что искали компромат на организацию, поскольку никаких доказательств того, что мы занимались рубкой леса в браконьерских целях (а этим печально известен Коми округ), на нас нет. Понятно, что все эти решения принимались не в Кудымкаре и, может, даже не в Перми. Их упорство — в желании наказать, ударить нам по рукам, показать, что к краевому отделению общества «Мемориал» есть определенный и очень специфический интерес у правоохранительных органов и у «конторы» — укладывается в некоторые федеральные тренды.

К. К. Почему именно литовцы, на ваш взгляд, стали явным нарушением негласных табу?

Р. Л. Это вопрос к правоохранительным органам, почему такое отношение именно к ним. Но многие эксперты уже высказывались, что наше политическое руководство и официальные лица стран Балтии обмениваются весьма нелицеприятными и жесткими комментариями и действиями в отношении друг друга; раздражение и санкции только нарастают. Уже в прошлом году МИД РФ официально запретил въезд гражданам Литвы по так называемому проекту «Миссия Сибирь» — когда те хотели вновь приехать в Красноярский край и продолжить работы по благоустройству кладбищ литовских спецпереселенцев, в 2019 г. этот запрет был возобновлен. Я об этом раньше не знал. Литовцы, приехавшие для участия в экспедиции «По рекам памяти», не имели никакого отношения к тому проекту, но по сути они хотели выполнить ту же миссию, только в Пермском крае и с нами. Вроде бы ну что в этом плохого или опасного? С точки зрения некоторых органов мы нарушили табу, а раз нарушили — надо наказать, отсюда ретивость местных чиновников, прежде всего Министерства природных ресурсов Пермского края, которое

нам вынесло административные штрафы, и вот почему такая спешка по открытию уголовных дел кудымкарской полицией. Одно из таковых — о якобы «фиктивной регистрации» этих самых литовских граждан, по которому сейчас судят Леонида Николаевича Ладанова, 68-летнего пенсионера, зарегистрировавшего их у себя дома. Из него хотят сделать козла отпущения.

Пример того, что к литовцам такое «неровное» отношение, проявился и с вынесением административных штрафов — их наложили не только на краевое общество «Мемориал» и меня как его руководителя (к этому мы были готовы), но выписаны индивидуальные штрафы всем пятерым литовцам, участвовавшим в экспедиции. Заметьте, не всем участникам, среди которых были россияне и гражданин Италии, а именно литовцам. Это очевидное избирательное наказание конкретных людей — показательная репрессия, чтобы больше к нам не ехали. Правда, в декабре 2019 г. всех пятерых литовцев все-таки оправдали. Административные протоколы были составлены небрежно, с нарушением элементарных процессуальных правил, и судьи кудымкарского городского суда отказали Минприроды в удовлетворении штрафов. В отношении Пермского «Мемориала» и меня суды еще не закончены.

К. К. Это по административным штрафам, а что с уголовными делами?

Р. Л. Уже упоминаемое уголовное дело о «фиктивной регистрации иностранных граждан» передано в суд, и в ближайшее время мы услышим его вердикт. Уголовное дело о «незаконной рубке леса» официально приостановлено. Наши юристы предполагают, что, скорее всего, следователи ждут, чем закончатся административные дела о штрафах. Если они закончатся ничем (как уже по литовцам), то это означает, что и уголовное дело рассыпется, но если штрафы подтвердятся, то у правоохранителей будет возможность привлекать нас и к уголовной ответственности за то, чего мы не совершали, — незаконную рубку леса.

Кстати, литовская группа после казуса с экспедицией в Галяшоре навестила другие спецпоселки, и там была вполне адекватная реакция местных властей и жителей — волонтерам помогли и с проживанием, и с транспортом. Впоследствии литовцы мне говорили, что это было настолько прекрасно, что заменило весь негатив от встреч с правоохранителями и допросов в Галяшоре позитивным отношением к поездке в целом.

К. К. Почему такой дисбаланс? Почему в других местах так, а в Галяшоре — по-другому?

Р. Л. Видимо, многое зависит от места и того, как относятся конкретные чиновники к подобным мероприятиям. Некоторые из них реагируют с глубоким опасением на гражданские инициативы, если не встречают их полным неприятием. Если говорить о главе Кудымкарского района Владимире Климове, то он, видимо, как получил от меня официальное письмо о содействии

нашей экспедиции в Галяшор, сразу сообщил в компетентные органы (скорее всего, в ФСБ) о наших намерениях. «Бдительным гражданином» оказался. А где-то есть абсолютно нормальные люди, которые понимают, что это человеческая гуманитарная история, что люди приехали на кладбище, хотят там прибраться. Честно говоря, когда мы столкнулись с подобным противодействием чиновников, у нас это вызвало прежде всего недоумение. Мы же не требуем от них денег, оплату транспорта и других расходов, просто просим содействия. Ну хорошо, помощь они не могут оказать по тем или иным причинам, но мешать-то зачем? Зачем туда звать полицию, миграционную службу, ФСБ, сотрудников лесного хозяйства? Тем более что это превращается в конкретное наказание людей, которые занимаются совершенно обычной деятельностью — прибираются на кладбище. Так, местные чиновники и представители правоохранительных органов, сами того не желая, на пустом месте устроили международный скандал.

К. К. В начале декабря в Твери была история с демонтажем мемориальных досок со здания Медакадемии, где находилось Калининское УНКВД и внутренняя тюрьма — там расстреляли польских военнопленных Осташковского лагеря. Я об этом писал в том числе. Тут вообще неясно, кто инициатор этого всего при том, что история явно федеральная. Но началась она все же, по-видимому, как и казус Галяшора, изнутри, формально с представления областной прокуратуры[4]. Как, по вашему мнению, такое происходит?

Р. Л. Мне эта история известна, читал о ней. В любом случае в таких историях всегда есть конкретный инициатор — или «бдительный гражданин», или чиновник-карьерист, а может, и какой-нибудь особо старательный правоохранитель. Мне кажется, надо уже вносить эти термины, которые характеризуют конкретных людей, по-своему понимающих не только российское законодательство, но и эти самые официальные и пропагандистские сигналы и тренды — о том, как правильно себя вести, как правильно должна вестись историческая политика, что надо помнить, а что точно забыть, даже если это действительно состоялось и признано как исторический факт. И таких вот «бдительных» очень много, у меня такое интуитивное ощущение. Эти «бдительные» граждане, чиновники, силовики черпают свою силу, правоту прежде всего из официальной пропаганды. Которая и уже сама стала заложником того, что правильно и безопасно говорить, за что точно будут давать деньги или продвигаться карьера. Такие казусы являются по-своему и индивидуальной историей, и историей институциональной. В любом случае — закономерной. Очевидно, в стране существуют тренды о чем-то не говорить, тем более не оказывать этому содействия, а еще лучше доложить в компетентные органы, выслужиться,

[4] См. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/01/82950-dokumenty-o-pamyati-otsutstvuyut (дата обращения: 11.01.2020).

и пусть те уже разбираются, а сам условный чиновник будет в стороне. Такая позиция очень напоминает 1930-е гг.

К. К. Все это вкупе с несовершенной и избирательной государственной программой по увековечению памяти жертв репрессий и глубинным генетическим страхом, о котором вы говорили вначале, очень хорошо иллюстрирует нашу историческую память...

Р. Л. Да, действительно, история с Галяшором — хороший кейс и демонстрация ситуации с официальной исторической памятью. Замечательный мой мемориальский коллега Александр Юльевич Даниэль охарактеризовал эту память как пограничную, и мне симпатичен этот термин. Современная память об истории террора может быть описана именно им. Почему?

С одной стороны, об истории репрессий в советский период можно говорить, можно публиковать (вот сейчас опубликуется это интервью), можно вести научные исследования, проводить конференции — эта тема присутствует в публичном пространстве. Но с другой стороны, даже у тех людей, которые этим занимаются, существует ощущение о том, что она продолжает быть если не прямо табуированной, но находится под какими-то серьезными ограничениями, умолчаниями, активно при этом предпринимаемыми. В итоге что получается? Вроде тема в публичном пространстве есть, а никакого согласия и консенсуса по ней нет ни у разных ветвей власти, ни внутри общества, ни внутри научного сообщества, и это несмотря на огромное количество исследовательских работ, наличие конкретного законодательства о реабилитации жертв репрессий. Мы имеем сегодня историческую память полутабуированную, усеченную, пограничную. И конфликт вокруг экспедиции в Галяшор как раз это и демонстрирует.

Вроде бы несомненно есть исторический факт о депортированных литовцах, спецпереселенцах, но само их кладбище никаким образом официально не закреплено. Чиновники Минприроды, не стесняясь, говорят, что не знают ни о каком кладбище, что официально это территория федеральных лесов, хотя сами же в своем постановлении об административных штрафах упоминают о том, что мы «прибирались на кладбище», что там есть забор, намогильные кресты и прочие атрибуты некрополя. Полицейские на чистом глазу у нас спрашивают, а почему мы не спрашивали разрешения местных властей. А с какой стати мы должны спрашивать разрешения, если мы хотим посетить кладбище? Когда люди хотят посетить кладбище, они что, спрашивают разрешения у каких-то начальников? Другие чиновники, которым мы задаем эти вопросы, недоумевают: «Ну, это же кладбище репрессированных, эта тема должна как-то проходить под нашим контролем!»

В декабре состоялось заседание Совета по правам человека (СПЧ) с участием президента, где пермская история два раза поднималась, в том числе задавался вопрос, что делать с местами массовых захо-

ронений жертв репрессий. Реально в Пермском крае нет ни одного кладбища, официально зарегистрированного как захоронение жертв репрессий, несмотря на то, что они, безусловно, есть. Конфликтная история в Галяшоре может стать прецедентной, ведь если мы приезжаем в такие места, то волонтеры или родственники репрессированных, похороненных там, могут попасть под вполне конкретные санкции властей в виде штрафов и уголовного преследования. Вот эта неурегулированность нормативной и законодательной базы и ее правоприменения в отношении конкретных захоронений и объектов сталинского ГУЛАГа тоже говорит о пограничности официальной исторической памяти.

История вокруг Галяшора хорошо иллюстрирует и современное сознание общества: когда на суде по поводу административных штрафов выступал представитель Министерства природных ресурсов Михаил Никитин, понятно, что он не историк, но он искренне пытался доказать, что здесь похоронены «лесные братья». Так что существуют вполне устойчивые стереотипы, что люди были оправданно подвергнуты репрессиям, и — что очень печально — они сидят в мозгах чиновников, наделенных властью. Это распространенное явление, если посмотреть на комментарии в соцсетях, можно увидеть, насколько вопиющим взгляд является по отношению к людям, которые невинно оказались под жерновами репрессий.

Термин «пограничная память» годится и для объяснения отношения государства к общественным объединениям, занимающимся этой темой. Репрессии в отношении региональной организации, которая известна и уважаема в крае, много сделала по данной теме, но, видимо, перешла какие-то границы публичности или масштабов своей деятельности, безусловно возможны только тогда, когда тему хотят видеть маргинальной, не актуальной, лишней. Да и в целом многочисленные сюжеты с преследованием общества «Мемориал» по всей стране говорят о том, что современная власть не готова говорить о трагических вехах истории, поэтому ей всячески мешают такие независимые самостоятельные исследовательские и просветительские структуры.

Все это следствие того, что до сих пор в нашей стране так и не дана юридическая правовая оценка сталинского террора и вообще советских репрессий. Нет официального признания, что эти действия были не простыми «перегибами на местах», а реальной многолетней политикой, и политикой преступной. А с преступлениями необходимо разбираться так, как это происходит в обычном уголовном судопроизводстве: найти и доказать, кто был организаторами, исполнителями и жертвами преступлений. Причем это можно сделать на основе советской Конституции и законодательства того времени, за исключением драконовских законов и норм, прямо нарушающих эту самую Конституцию. С жертвами террора вроде что-то относительно понятно (хотя с литовцами, как мы видим, весьма относительно), а вот что сам

этот террор был официально санкционированным сверху и проведенным преступлением — юридически не зафиксировано. Пока в нашей стране нет официальной правовой квалификации советских репрессий как преступлений, будут повторяться вот такие казусы, как «дело Дмитриева» или «дело Пермского “Мемориала”».

К. К. Давайте резюмируем, какое сейчас состояние юридического делопроизводства в отношении вас и вашей организации по мотивам прошедшей в августе экспедиции?

Р. Л. На данный момент мы имеем приостановленное уголовное дело «о незаконной вырубке леса» (ст. 260 УК РФ), где участники экспедиции проходят как свидетели. Также существует еще одно уголовное дело о «фиктивной постановке на учет иностранного гражданина» (ст. 322.3 УК РФ), заведенное на пенсионера Леонида Николаевича Ладанова, который предоставил литовским волонтерам временную регистрацию в своем доме в поселке Велва-База (это ближайший населенный пункт к урочищу Галяшор). Плюсом идут три административных протокола «о самовольном занятии лесных участков» (ст. 7.9. КоАП), среди которых один штраф на краевое отделение общества «Мемориал» — 200 тысяч рублей, другой — на меня, как его председателя, — 50 тысяч рублей.

К. К. Благодарим за приятную и содержательную беседу. От редакции хотим выразить солидарность и поддержку Пермскому «Мемориалу», пожелать скорейшего завершения всех неприятностей и успешного продолжения деятельности.

“UNTIL OUR COUNTRY DOES NOT HAVE OFFICIAL LEGAL EVALUATION OF SOVIET REPRESSIONS AS CRIMES, SUCH INCIDENTS AS «DMITRIEV CASE» AND «PERM'S MEMORIAL CASE» WILL BE CONTINUED”. INTERVIEW WITH R. R. LATYPOV

Latypov Robert R. — researcher of soviet repressions and human rights defender, the Head of Perm's regional department of historical and civil rights society “Memorial”, member of management of “International Memorial” (Perm)

Key words: special resettlers, Galyashor-Memorial-Latypov, soviet repressions, historical memory, historical policy of contemporary Russia.

Abstract. The interview deals with the prosecution of Perm's “Memorial” after the expedition to Galyashor cementary, where lithuanian and polish special resettlers were buried. This topic is viewed in wider context, namely the place of soviet repressions in the historical memory of contemporary Russia.

С. В. Глушков

К ИСТОРИИ МЕДНОВСКОГО ЗАХОРОНЕНИЯ ЖЕРТВ СОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Ключевые слова: Медное, польские военнопленные, Осташковский лагерь, Катынская трагедия.

Аннотация. Статья представляет собой свидетельство участника событий 1988–1992 гг., связанных с обнаружением захоронений польских военнопленных Осташковского лагеря в районе села Медного Тверской области. Автор также приводит собранные им, как журналистом и исследователем, свидетельства местных жителей, в 1939–1940 гг. наблюдавших или что-то знавших о перемещениях заключенных Осташковского лагеря, и другие источники, имеющие отношение к спорам о месте захоронения казненных польских военнопленных.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-117-125

Первой проблемой, которую необходимо решить филологу, пишущему для «Исторической экспертизы», становится проблема жанра. Для полноценного экспертного заключения, очевидно, необходимы ссылки на документы — опубликованные либо находящиеся в архивах. У меня же под рукой несколько иной материал: собственная память участника событий, в результате которых топоним «Медное» стал почти столь же широко известен миру, как топоним «Катынь», а также журналистские записи, большей частью опубликованные в газете «Тверская жизнь», ныне уже не существующей. Исходя из этого, данный материал можно отнести в литературном отношении к жанру мемуаров, а в юридическом считать свидетельскими показаниями.

Начну с того, что осенью 1988 г. я, в ту пору учитель русского языка и литературы средней школы № 1 города Калинина, взялся за создание в своем городе инициативной группы, ставшей одной из ячеек формировавшегося тогда историко-просветительского общества «Мемориал». Тема политических репрессий волновала многих, особенно тех, кто помнил о постра-

© С. В. Глушков, 2019
Глушков Сергей Владленович — кандидат филологических наук, доцент Тверского государственного университета; член правления Тверского отделения историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал» (Тверь); sglushkov@mail.ru

давших родных, а также самих репрессированных. Одним из первых создание группы «Мемориал» поддержал известный историк-медиевист профессор Марэн Михайлович Фрейденберг.

10 октября мы провели первое организационное собрание и практически сразу наладили взаимодействие с инициативной группой «Возвращение», цель которой — вернуть городу, носившему имя одного из организаторов политических репрессий, древнее название — вполне сочеталась с нашими чаяниями обретения исторической справедливости. К тому же мы полагали, что потерявшая свое имя Тверь тоже стала жертвой политической репрессии, только культурно-исторического свойства.

И уже 26 ноября того же 1988 г., на первом в тверской истории митинге памяти жертв политических репрессий впервые открыто зазвучала тема «Поляки в Медном». О возможном захоронении под Медным нескольких (прозвучало «около десяти») тысяч польских военнопленных заявил лидер группы «Возвращение» Юрий Алексеевич Шарков, ныне, к сожалению, покойный.

Источником прозвучавшей из уст «неформала» (так называли в ту пору участников незарегистрированных официально общественных объединений) Шаркова жгучей информации были бывшие сотрудники Калининского УКГБ, поделившиеся ею отнюдь не по поручению руководства. В этом тогдашние «неформалы» убедились в самый день следующего, тоже весьма нашумевшего митинга, прошедшего 5 марта 1989 г. под лозунгом «Перестройка против сталинщины». Сразу после его окончания с нами пожелал встретиться полковник КГБ Александр Тарасов, которого более всего интересовал вопрос именно об источнике попавшей к нам информации о польском кладбище под Медным, наличие которого им категорически отрицалось. Мы же не называли имена наших конфидентов даже друг другу.

В КГБ, как и в любой другой организации, работали очень разные люди. Например, Леонид Нечаев — известный далеко за пределами Твери детский (и не только) писатель, отдавший ей значительную часть своей многотрудной жизни, о чем он и рассказал в весьма интересной книге «Как я служил в контрразведке» (*Нечаев* 2010). В ней он не скрыл ничего, кроме подлинных фамилий сотрудников Калининского УКГБ, наделенных в книге вымышленными именами. К польскому захоронению он отношения не имел, но что-то о нем знал. Не буду утверждать, что именно он сказал о нем Шаркову в 1988 г., но хорошими знакомыми в ту пору они уже были. (После того, как цель «Возвращения» была достигнута и Тверь летом 1990 г. снова стала Тверью, Юрий Шарков, как и некоторые другие «возвращенцы», стал членом «Мемориала».)

Вскоре и я стал получать кое-какую информацию, связанную с политическими репрессиями, от сотрудника Калининского УКГБ, работа которого была связана с архивом

Управления. Делился он этой информацией по собственной инициативе, ничего взамен не требуя. Объяснял это тем, что открыл в этих материалах для себя то, что перевернуло его прежние представления о советской истории. Повредить оперативной работе раскрытие этой информации о весьма давних временах не могло, и он считал, что общественность должна знать правду о прошлом своей страны. Однажды он заговорил и о польском захоронении, и даже подсказал, как найти его на месте, где все еще находились дачи УКГБ.

А дальше было вот что. Одним сентябрьским вечером все того же 1989 г. пятеро «мемориальцев» с лопатами погрузились в уазик и поехали к этим самым дачам. За невысоким забором было тихо. Мы перелезли через него, наскоро определились с ориентирами и стали потихоньку копать каждый на своей точке. Мы, конечно, не собирались раскапывать могилы, даже если бы на них наткнулись. Но, имея 12-летний навык работы в качестве инженера-геолога, я легко мог установить наличие под почвенным слоем нарушений «материкового», т. е. природного грунта, что уже могло натолкнуть на некоторые соображения. Мы проработали около часа, но вскрывался исключительно «материк». Стало темнеть, и мы, наскоро засыпав наши «закопушки», уехали ни с чем. Я решил, что ошибся с ориентирами.

Продолжение наших не вполне законных «изысканий» вскоре потеряло смысл. Факт наличия польских захоронений в Медном был официально признан, и областному УКГБ было поручено вести следствие по этому делу. Весной 1990 г. многие «неформалы», включая нас с Шарковым, стали народными депутатами, получив, таким образом, возможность действовать уже не подпольно, а от лица обновленной советской власти. Войдя в состав областной комиссии по увековечиванию памяти жертв репрессий, на первом и, кажется, единственном ее заседании я предложил провести разведочные изыскания на предполагаемом месте польских захоронений уже официально. Но начальник УКГБ генерал Виктор Лаконцев, входивший в комиссию, как и я, в качестве депутата облсовета, категорически отверг это предложение, сославшись на то, что поисками захоронений должны заниматься профессионалы. Однако, как хорошо известно, никаких следственных действий Калининское УКГБ в отношении польских захоронений так и не предприняло, и осенью 1990 г. это дело было передано Главной военной прокуратуре, которая взялась за него весьма энергично.

ЭКСГУМАЦИЯ

15 августа 1991 г. — в тот самый момент, когда начались работы по вскрытию захоронения поляков, я стоял почти на том же месте, где копал двумя годами раньше, — только уже не как беззаконно пробравшийся сюда «неформал», а как официально приглашенный депутат областного совета и общественный наблюдатель. На моих глазах экскаватор копнул верхний слой грунта,

и на его ковше повис темно-синий кусок ткани с рукавами. Это был мундир польского полицейского. «Посмотри-ка, мы ведь всего метрах в 15 от этого места копали», — сказал я стоявшему рядом Юре Шаркову. «В 15 метрах, вы говорите?» — услышал я за своей спиной. Обернулся. Рядом стоял Геннадий Цветков — наш «куратор» из УКГБ.

Позже я убедился, что на самом деле осенью 1989 г. мы копали гораздо дальше от места фактического захоронения, но тогда такое «совпадение» меня сильно поразило.

Что было дальше, хорошо известно. 19 августа в Москве объявился ГКЧП. Начальник Тверского УКГБ генерал В. А. Лаконцев, сославшись на «чрезвычайное положение», приказал прекратить эксгумационные работы. Но следователь Главной военной прокуратуры полковник Александр Владимирович Третецкий, руководивший работами, ведшимися в рамках уголовного дела, выполнять приказ чужого для него ведомства отказался. А когда гэкачеписты угодили в Кашинское СИЗО, исчез из Твери и генерал Лаконцев. Говорят, пошел на повышение.

31 августа эксгумационные работы в Медном были закончены. Результаты были налицо: черепа с пулевыми отверстиями, остатки одежды и множество иных предметов, очевидно принадлежавших полякам. И число их сочтено: 243 человека.

И сколько бы потом всякого рода ниспровергатели ни толковали о некой сокрытой от общественного взгляда «правде о Медном», очевидность этого факта, лично мной наблюдаемого и обоняемого (не все трупы полностью разложились в перенасыщенном водой грунтовом слое), оставалась для меня несомненной.

СОМНЕНИЯ

Они возникли еще осенью 1990 г., когда мне удалось разыскать пожилую жительницу деревни Ямок, которой весной 1940 г. было 19 лет. От этой деревни до места захоронения поляков по прямой менее километра (правда, дорога к месту захоронения в те времена проходила не через Ямок, а сразу от с. Медное) (Убиты в Калинине... 2019: 99–100). Известно, сколь жадны до новостей деревенские жители и как цепка их память. Но эта женщина не могла вспомнить ничего примечательного из той поры, хотя, как мне показалось, очень хотела мне помочь.

Позже, когда стали известны подробности о том, как производилось захоронение, я еще раз задумался о том, как могли местные жители не заметить появления рядом с их деревней экскаватора (явление в ту пору довольно редкое) и еженощных колонн из 5–6 грузовиков-пятитонок с брезентовым верхом, что-то там же, возле экскаватора разгружавших.

Елена Николаевна Образцова, долгое время заведовавшая в мемориальном комплексе «Медное» научной работой, говорила мне, что в материалах проводимого в 1991 г. следствия были относящи-

еся к весне 1940 г. показания одного местного жителя, встретившего ранним утром легковой автомобиль и следовавший за ним грузовик-«полуторку». Иных показаний со стороны самых незаинтересованных свидетелей военным следователям, сколько я знаю, добыть не удалось.

Что касается показаний бывшего начальника Калининского УНКВД Дмитрия Токарева (они опубликованы в 3-м томе сборника документов «Убиты в Калинине, похоронены в Медном»), как и упоминавшихся Третецким во время одного из его приездов в Тверь показаний других бывших сотрудников НКВД, причастных к расстрелу польских военнопленных в Калинине, доверять им в полной мере я не был склонен. Эти люди привыкли к тому, что на следствии полезнее всего говорить то, что нужно следствию. Они так и делали, благодаря чему никто из них не перешел из разряда свидетелей в разряд обвиняемых по этому уголовному делу. А генерала Токарева ни пенсии генеральской, ни наград не лишили.

Да и слишком гладко и быстро, на мой взгляд, было проведено следствие по столь масштабному «Катынскому делу». Многие детали и обстоятельства, способные оказаться весьма существенными, вполне могли быть опущены или не замечены при столь стремительно завершившемся следствии.

Не могу не упомянуть еще об одном хорошо осведомленном человеке. Подполковник КГБ в отставке Николай Антонович Шушаков, умерший в 2002 г., в последние годы своей жизни был известен в Твери более всего как краевед. Я довольно хорошо был с ним знаком и могу свидетельствовать, что его буквально распирало от информации, которой он владел, но не мог по понятным причинам публично поделиться. Я встречал его в редакции газеты «Тверская жизнь», где я работал, а он приносил сюда свои краеведческие заметки, и в других местах. И всякий раз он рассказывал мне что-нибудь «секретное». Последние годы своей службы в Калининском УКГБ он заведовал там архивом, из которого, судя по всему, и черпал материалы для своих краеведческих изысканий. Он, конечно, старался не принести вреда своему родному ведомству, но отношения с ним у него были непростые. Его отец, как он говорил, был репрессирован, что и вызывало его сочувствие делу «Мемориала».

О Медном он рассказывал мне следующее.

Первое и главное: в сейфе, находившемся в кабинете начальника УКГБ, хранилась карта (или план), на которой были обозначены все захоронения на территории дач УКГБ. Впоследствии эта карта из сейфа исчезла. Кто и когда ее уничтожил или изъял, он не знает, но он ее видел своими глазами.

Второе. В начале 1970-х гг. на территории дач в результате сезонного вспучивания на поверхность стали выходить человеческие кости. В этой связи в 1973 или 1974 г. приезжали, как он выразился, «ребята из Москвы», исследовавшие

участок со вспучиванием и распорядившиеся скрыть эти останки под построенным на этом месте новым домом. Из этого можно сделать вывод о том, что какая-то часть захоронений при строительстве новых строений уничтожалась.

ОСТАШКОВ

В марте 1992 г. мне удалось встретиться с двумя жителями Осташкова, помнившими, как осенью 1939 г. в их город привезли польских военнопленных. Привожу то, что услышал, в том виде, как записал и включил в свой журналистский материал для газеты «Тверская жизнь».

«Из рассказа Бориса Федоровича Карпова, бывшего учителя биологии, ныне пенсионера, жителя г. Осташкова:

— В 1939 г. я учился в 8-м классе. В один из сентябрьских дней мы узнали, что в город прибыл эшелон пленных поляков. В тот день я сбежал с уроков и своими глазами видел, как их вели по улице Володарского мимо тогдашнего здания НКВД. Они не были похожи на пленных — тех, кого я видел потом, во время войны. Вид их был даже несколько надменен — в красивой форме, гордые, изящные... Их грузили на пристани на пароход "Максим Горький" и на баржу. Этим путем прошли только пленные из первого эшелона. Потом они следовали, минуя город. По железнодорожной ветке их везли на сенной пункт, где складировалось сено и где были казармы красноармейцев. Там поляков грузили на теплоходы "Каховский" и "Совет" и отвозили в Нилову пустынь. Так их отправляли до тех пор, пока не стало озеро (имеется в виду ледостав. — *С. Г.*). Потом пленных сгружали на разъезде Казино и оттуда пешком конвоировали в Нилову пустынь. Обо всем этом я узнал от тех, кто видел своими глазами, как отправляли поляков...» (*Глушков* 1992: 4).

Достоверность этого рассказа не вызывает особых сомнений. Очевидно, что речь в этом рассказе идет о двух разных этапах заселения Осташковского лагеря: о первом, сентябрьском, когда сюда направляли всех военнопленных, без разделения на категории, и о втором ноябрьско-декабрьском, когда в Ниловой пустыни, согласно директиве НКВД СССР № 4441/Б10 от 3 октября, было решено собрать полицейских, военных жандармов и пограничников.

Еще более интересен рассказ Ефима Ивановича Рябковского, которому в 1939 г. было 19 лет. Познакомивший меня с ним Алексей Васильев, сотрудник Осташковского краеведческого музея, сказал, что прежде тот наотрез отказывался говорить что-либо о тех временах, поскольку с него была взята подписка о неразглашении. Но теперь он узнал, что у него онкологическое заболевание, и согласился встретиться с журналистом-«мемориальцем».

Вот что он рассказал: «Будучи студентом Осташковского рабфака, я был однажды ночью вызван органами НКВД. Родные мои, да и я сам, решили, что забирают меня, как и многих тогда забирали, то

есть навсегда. Привели в красный дом на улице Володарского, где помещался райотдел НКВД. Там увидел я своих товарищей по рабфаку. Вскоре нам объявили, что вызвали нас для выполнения совершенно секретного задания, после чего погрузили на катер и повезли в Нилову пустынь. Была поздняя осень — уже выпадал снег. Когда нас привезли, мы увидели, что остров полон людей. Форма на всех была летняя, что сразу бросалось в глаза, так как размещались многие из них прямо под открытым небом. Сапоги были не у всех. По некоторым признакам я понял, что это польские офицеры... Мы пробыли на острове дней 10–12. В нашу задачу входило ведение записи при допросах. По утрам нас группой выводили из столовой, где мы питались, и вели к месту работы. "Пожалуйста, пане, корочку или что-нибудь", — просили они. Нас кормили не очень важно, но хлеб стоял нарезанный на столах. Я припрятывал кусочки и потом незаметно бросал в сторону так, чтобы пленные могли подобрать. Не раз мы видели, как по утрам собирали замерзших за ночь. Смертность, по всей видимости, была большая... Мне было страшно жаль этих людей — врагов в них я не видел... Допросы в большинстве были не очень долгие — помимо анкетных данных спрашивали, где служил и как попал в плен, в какой партии или организации состоял. При мне никого не били. Все следователи были приезжие, осташковских-то я знал...» (Там же).

Об уровне смертности в Осташковском лагере свидетельствует сохранившееся в нескольких километрах от Ниловой пустыни на погосте Троеручица захоронение 41 польского пленного. Кстати говоря, первый крест на нем в том же 1992 г. установил Борис Федорович Карпов, написав на нем: «Спите спокойно, паны. О вас помнят».

Он же рассказал еще одну историю, отчасти сомнительную еще и потому, что ее основным участником был не он сам, а его дядя Николай Арсеньевич Кузьмин. И все же оставить это свидетельство совсем без внимания будет не совсем правильно. По словам Карпова, его дядя конвоировал польских пленных, вывозимых из лагеря в сторону Белоруссии. К сожалению, я не спросил, в каком месяце это было. Но вернулся, точнее, прибежал дядя в Осташков в мае 1940 г., возможно, в конце. Привожу этот рассказ по газетному тексту.

«Я хорошо помню тот день, когда открылась дверь и вошел мой дядька. Почему-то он был босиком и, войдя, сел не за стол, куда его приглашали, а устроился прямо на полу на корточках и стал рассказывать. Оказывается, его и других конвойных заставили рыть ямы якобы для строительства укреплений. Потом к этим ямам стали приводить пленных и расстреливать. Некоторые шли покорно, другие сопротивлялись, и тогда их связывали и даже одевали на головы мешки... Потом прошел слух, что свидетелей тоже расстреляют, и мой дядька бежал. Несколько месяцев он скрывался на селигерском острове Кличен, но в конце концов его все-таки арестовали, но судили не за бегство, а за уклонение от призыва. Потом

он попал в штрафную роту и погиб на фронте...» (Там же).

От комментариев воздержусь. И все же этот несколько странный и путаный рассказ наводит на мысль о том, что в планомерном исполнении полученных свыше указаний даже в таком строгом ведомстве, как НКВД, вполне могли быть сбои. Не нарушался лишь главный приказ — об уничтожении пленных. А где и как их убивали и хоронили, пока что можно говорить лишь с той или иной степенью точности.

В апреле 1992 г. нас с Шарковым пригласили на Неделю совести в Варшаву. Там нам стало известно еще кое-что, не попавшее в поле зрения следователей ГВП. В американской печати появились копии аэрофотоснимков, сделанных немцами в районе Медного в 1942 г. На них отчетливо «читаются» несколько захоронений неизвестно чего или кого в том же районе, но на другом берегу Тверцы и довольно далеко от дач НКВД. Я их видел, но подробно не изучал, поскольку за это дело взялся более опытный в работе с аэрофотоснимками Ю. А. Шарков. Он говорил мне, что обращался к властям Калининского района с предложением проверить, что в этих захоронениях. Ответом было либо молчание, либо ничем не подтверждаемые утверждения, что это, возможно, скотомогильники, зараженные сибирской язвой, вскрывать которые опасно.

Предположение о том, что казненных в Калинине польских военнопленных могли хоронить не только вблизи дач НКВД, но и в других местах, высказывались тверскими «мемориальцами», в том числе и мной, не раз. Кстати говоря, этому предположению не противоречат и показания Токарева, который говорил о 5–6 грузовиках, которые ночью вывозили тела казненных в сторону Медного (Убиты в Калинине... 2019: 95–97), но что все они направлялись именно к дачам, он не утверждал. Сам он на месте захоронения за время проведения операции побывал, по его собственным словам, только один раз (Там же: 97) и все последующие утверждения, в том числе и о том, что готовили «на каждые 250 примерно человек одну яму» (Там же: 99), делал уже не как очевидец. Да и данные эксгумации, проведенной на польской части мемориального комплекса в 1994–1995 гг., подтверждают наличие там не менее 2115 останков военнопленных, а вместе с эксгумированными в 1991 г. 2358 (Там же: 30), что составляет менее половины от общего числа в 6295 казненных. Захоронения были вскрыты не полностью (во время эксгумации 1995 г. из большей части ям были вычерпаны только верхние и средние слои), тем не менее где именно находятся останки еще почти четырех тысяч человек, на сегодняшний день не установлено.

Сомнения, вызванные этими фактами, много позже были высказаны мной в нескольких интервью, которые пожелали у меня взять тележурналисты разных компаний. Ни в одном из них я не высказывал ни малейшего сомнения в том, что поляков из Осташковского лагеря расстрелял НКВД в Калинине в 1940 г. Однако одно из таких интервью без моего ведома и в сильно урезанном

виде стало распространяться в Интернете под заголовком «Тверской “Мемориал” рассказал о лжи поляков в Медном»[1] и в еще более урезанном виде использовано авторами нашумевшего и пропагандистского видеофильма «Мифы Медного»[2].

Самое же печальное состоит в том, что мы по-прежнему мало что знаем об объявленном много лет назад захоронении там же, под Медным, нескольких тысяч наших соотечественников — как жертв репрессий, так и умерших от ран солдат. Сведения о них так и остаются почти ничем не подтвержденными, хотя о воинских захоронениях все же есть некоторая информация: в центре с. Медное есть несколько братских могил с поименными списками захороненных[3].

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Глушков 1992 — *Глушков С.* Осквернение. Осташковская трагедия. Новые страницы // Тверская жизнь. 4 апреля 1992.

Нечаев 2010 — *Нечаев Л.* Е. Когда я служил в контрразведке. Тверь: Издательство ООО «Купол», 2010. 190 с.

Убиты в Калинине... 2019 — Убиты в Калинине, захоронены в Медном. Т. 3. М.: Общество Мемориал, 2019.

ABOUT THE HISTORY OF MEDNOYE — THE BURIAL PLACE OF VICTIMS OF SOVIET POLITICAL REPRESSIONS

Glushkov Sergey V. — doctor of phylology, associate profesor of Tver State University; member of management of Tver's regional department of historical and civil rights society “Memorial” (Tver)

Key words: Mednoye, polish prisoners of war, Ostashkov internment, Katyn massacre.

Abstract. The article represents the evidence of praticipant of the events of 1988–1992 years, connected with the finding out of Mednoye in Tver's region — the burial place of polish prisoners of war from Ostshkov internment. The author also gives the people's evidences, collected by him during his work as a journalist, where some information about transfers of prisoners of Ostashkov internment was given, and other sources related to the disputes about the burial place of polish prisoners of war.

[1] См. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Z7ORTAFG__Q (дата обращения: 14.01.2020).

[2] Подробный разбор данного фильма см. в статье К. С. Коноплянко в данном номере ИЭ.

[3] Подробнее о красноармейцах в Медном также см. в статье К. С. Коноплянко.

«ДЛЯ РУССКИХ ЯПОНИЯ БЫЛА И ОСТАЕТСЯ ПРИНЦИПИАЛЬНО “ДРУГОЙ” ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ». Интервью с В. Э. Молодяковым

Ключевые слова: Япония, Азия, Россия, модернизация, война, договор, образ.

Аннотация. Историческая память современных японцев определяется зигзагами их национальной истории — от консервативной революции Мэйдзи исин (1868), через эпоху экспансии и агрессивных войн до поражения во Второй мировой войне и послевоенного экономического взлета. Память о войнах является для них не «открытой раной», но травмой, изживание последствий которой помогло возрождению страны. Вторая мировая война остается для японцев ключевым событием XX в., но все больше ощущается как «прошлое». Японцы по-разному относятся к собственной истории, но крайние взгляды, будь то ультранационалистические или «мазохистские», свойственны лишь немногим. Эволюция образа Японии в России отразила перемены в ее политике и роли в мире.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-126-133

В.Э. Молодяков — автор более 30 книг, среди которых: «Образ Японии в Европе и России второй половины XIX — начала XX века» (1996), «Консервативная революция в Японии: идеология и политика» (1999), «Валерий Брюсов. Биография» (2010), «Россия и Япония в поисках согласия. 1905–1945. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи» (2012), «Джордж Сильвестр Вирек: больше чем одна жизнь (1884–1962)», «Риббентроп. Дипломат от фюрера» (2019), «Непрошедшее прошлое. Очерки политической и интеллектуальной истории Японии XIX–XX веков» (2019).

© Историческая Экспертиза, 2019
Молодяков Василий Элинархович — кандидат исторических наук, доктор философии (Ph. D), доктор политических наук, профессор Международного института японской культуры Университета Такусёку (Токио), ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва — Токио); dottore68@mail.ru

Вопросы формулировали А. С. Стыкалин и С. Е. Эрлих

А. С., С. Э. Вы много лет занимались изучением образа Японии в русском сознании. Как менялся образ Японии в России в XIX–XXI вв., в том числе образ в художественной культуре? И в чем принципиальное различие русского образа Японии от, скажем, германского или французского?

В. М. Чтобы ответить на этот вопрос, нужна как минимум книга. Некогда я написал такую, но сейчас мог бы ее существенно расширить и дополнить, в том числе хронологически. Нарочито огрубляя, я бы назвал образы «страны гейш», «страны самураев», «страны Тойоты» и «страны покемонов». То есть страны красоты и художественности, страны воинственности и жестокости, страны научного-технического прогресса и изобилия, страны причудливой и модерной поп-культуры. Они сменяли друг друга, но не исчезали полностью. Пусть в разной степени, но и сейчас все эти образы присутствуют в нашем сознании.

Я не считаю, что русский образ Японии принципиально отличается от европейского, эволюция которого знала примерно те же периоды и «волны», приливы и отливы. Для русских, как для немцев и французов, Япония была и во многом остается принципиально «другой», цивилизацией с иными историческими и религиозными корнями. Мир меняется, страны и народы становятся ближе, но ощущение инаковости, по-моему, остается.

А. С., С. Э. Революция Мэйдзи (1868) почти совпала с отменой крепостного права в России (1861). Страны начали развитие по пути модернизации почти одновременно. Почему японцы гораздо больше нас преуспели в своем развитии по этому пути? И когда они нас, грубо говоря, опередили?

В. М. Когда началась модернизация России? Только ли с отменой крепостного права? Одни считают, что при Петре Первом, другие — что еще раньше. Пользуясь названием одной ранней статьи Владимира Соловьева, «когда был оставлен русский путь развития»? Не берусь судить определенно. Относительно Японии скажу следующее. Во-первых, мэйдзийская модернизация велась системно, с четко определенной целью: сделать все, как у «великих держав», чтобы быть принятой в их «клуб» на равных. Во-вторых, модернизация затронула прежде всего города, а деревня до Второй мировой войны во многом жила архаично. Второй мощный модернизационный рывок произошел после войны. Что касается нашей истории, я придерживаюсь концепции «сталинизм как регресс», сформулированной С. М. Сергеевым, но ее подробное рассмотрение требует отдельного разговора.

А. С., С. Э. Саму революцию Мэйдзи вы называете консервативной революцией. Поясните, пожалуйста, это определение. И почему консервативный характер революции тем не менее позволил

стране сделать серьезный экономический рывок?

В. М. «Консервативная революция» — может, не идеальное, но пока наиболее точное определение характера *Мэйдзи исин*. Ее называют и «реставрацией», и «революцией», хотя для европейского сознания это взаимоисключающие понятия. Ни клише европейского сознания, ни термины европейской историографии просто не подходят для адекватного описания этих событий. С одной стороны, практически тотальная модернизация по западному образцу, причем не только в узко материальной сфере. С другой стороны, возрождение традиционного принципа «единства ритуала и управления», единства царской и жреческой власти, превращение традиционной религии Синто в сакральную и идеологическую основу государства, придание официальной идеологии сугубо национального характера, однако на протяжении многих лет без какой-либо ксенофобии. Как это примирить в нашем сознании? А японцы примирили. Может, нам следует перестраивать наше сознание, мыслить шире?

А. С., С. Э. Какое место в японской исторической памяти оставила русско-японская война 1904–1905 гг., есть ли к ней интерес среди историков? Действительно ли период между Портсмутским миром и русской революцией 1917 г. открывал широкие перспективы в русско-японских отношениях, так и не реализованные? Расскажите о русских дипломатах разных генераций, внесших вклад в процесс взаимопонимания между нашими народами. И каковы перспективы разрешения российско-японского территориального спора?

В. М. Русско-японская война занимает важное место в историческом сознании современных японцев, причем не только профессиональных историков. Это последняя война, которой японцы могут гордиться. Не потому, что она была против России, а потому что последующие войны считаются агрессивными и заслуживающими лишь осуждения. Далее, русско-японская война не имела тотального характера и в целом не нарушала принятых обычаев войны, а потому не вызвала ни у японцев ненависти к русским вообще, ни у русских ненависти к японцам вообще. Наконец, она полностью перешла из области живой, конкретной памяти в область прошлого. Не осталось уже не только ее участников и очевидцев, но, пожалуй, и тех, кто непосредственно слышал их рассказы.

Период между Портсмутским миром и русской революцией 1917 г. был, без преувеличения, «золотым веком» русско-японских отношений, пиком которого стало заключение в 1916 г. военно-политического союза. На такую высоту двусторонние отношения никогда не поднимались ни до, ни после. Подробный рассказ об этом потребует много времени, поэтому отсылаю интересующихся к моим книгам «Россия и Япония: золотой век (1905–1916)» (2008) и «Россия и Япония в поисках согласия. 1905–1945. Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи» (2012). Хорошо бы их переиздать, дополнив новыми материалами.

Разрешение российско-японского территориального спора зависит почти исключительно от позиции высшего российского руководства. Его и надо спрашивать.

А. С., С. Э. Две недели назад, 15 сентября 2019 г., был повод отметить 80-летие завершения войны на Халхин-Голе. Существовала ли, по вашему мнению, какая-то связь между этой войной и развитием событий летом — осенью 1939 г. в Европе, завершившимся началом Второй мировой войны?

В. М. Разумеется, существовала, хотя нет никаких оснований считать локальный конфликт — это наиболее точное определение — на Халхин-Голе началом Второй мировой войны, как предлагают некоторые. Данный конфликт имел серьезное значение не только для советско-японских отношений, но также для советско-германских и японо-германских отношений.

Конфликт начался в мае, когда Япония вела с Германией переговоры о военно-политическом союзе, правда, вела вяло и неохотно (это особенно относится к премьер-министру Киитиро Хиранума и министру иностранных дел Хатиро Арита), не желая принимать на себя конкретные обязательства, тем более военного характера. В отношениях между СССР и Германией к тому времени уже появились признаки «потепления», но мало кто мог предвидеть, что всего через несколько месяцев Москва и Берлин смогут заключить соглашение политического характера. Риббентроп еще в ночь с 19 на 20 апреля, после банкета в честь юбилея Гитлера, предупредил японских послов Хироси Осима (Берлин) и Тосио Сиратори (Рим) о возможности такого соглашения, если японцы продолжат затягивать переговоры. Оба посла были сторонниками союза с Германией и Италией, но только Сиратори воспринял услышанное всерьез и немедлено отправил телеграмму в Токио, а Осима объявил слова Риббентропа, своего друга, «очередным германским блефом». В Токио министр иностранных дел Арита отправил телеграмму Сиратори в архив, не придав ей никакого значения.

Заключение советско-германского пакта о ненападении стало мощным ударом по Японии, которая осталась без союзников и без перспектив обзавестись союзниками при сохранении прежней политики. Перед отъездом в Москву Риббентроп вызвал к себе Осима, чтобы сообщить столь неприятную для того новость. По японскому выражению, заставил посла «пить кипяток». Осима подал в отставку. Затем в отставку ушло японское правительство, причем в следующий кабинет не вошел никто из членов прежнего — это свидетельствовало о важности произведенной замены. Еще через неделю новому правительству во главе с отставным генералом Нобуюки Абэ, не имевшим никакого политического опыта, пришлось определять свою позицию в отношении «европейской войны», как ее называли в Японии. При нем же Япония потерпела военное поражение на Халхин-Голе. В сочетании с двумя советско-германскими договорами это заставило правящие круги Токио

всерьез задуматься о нормализации отношений с СССР и предпринять конкретные шаги в данном направлении. Разумеется, ни о каких военных действиях или провокациях на советской или монгольской границе речь больше не шла.

А. С., С. Э. В Китае, насколько нам известно, среди историков получило широкое развитие представление о том, что необходимо сместить на два года вниз нижнюю хронологическую грань начала Второй мировой войны, связав его с началом летом 1937 г. масштабной японо-китайской войны. Есть ли для этого, по вашему мнению, основания?

В. М. Отвечу коротко: никаких. Это была типичная локальная война, причем активные боевые действия продолжались всего полгода, до конца декабря 1937 г., и закончились потерей режимом Чан Кайши Пекина, Нанкина и тихоокеанского побережья. Затем ситуация стабилизировалась. Включение японо-китайской войны 1937 г. во Вторую мировую — чистая пропаганда, если называть вещи своими именами.

А. С., С. Э. Совсем недавно высокопоставленный функционер, приближенный к Путину, С. Б. Иванов назвал пакт 23 сентября 1939 г. предметом гордости советской дипломатии, что вызвало недоумение и критику среди историков и не только среди них. А как вы думаете, можно ли считать триумфом и гордостью советской дипломатии советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.? Ведь есть основания считать, что с заключением этого договора Москве удалось избежать войны на два фронта.

В. М. Я стараюсь избегать громких слов вроде «триумф» и «гордость», но советско-японский пакт о нейтралитете был несомненным успехом советской дипломатии, и стыдиться тут нечего. В определенной степени он способствовал тому, что Япония летом — осенью 1941 г. не напала на СССР, к чему призывал никто иной, как министр иностранных дел Ёсукэ Мацуока, подписавший этот пакт. Однако в гораздо большей степени этому способствовало то, что Советский Союз не рухнул под ударами Вермахта, и, конечно, память о поражении на Халхин-Голе. Большинство политической и даже военной элиты Японии в 1941 г. было против вступления в войну с СССР, и наличие пакта служило отличным аргументом в пользу их позиции. Они придерживались стратегии «спелой хурмы»: были готовы подставить руки, чтобы поймать падающий плод, но трясти дерево не собирались. Конечно, если бы советский режим рухнул и капитулировал, японцы воспользовались бы этим, предприняв интервенцию на Дальнем Востоке. Как именно — это уже из области гаданий.

А. С., С. Э. В нескольких работах вы писали о возможности создания некоего континентального блока нацистской Германии, Японии и СССР. Почему этот союз не был реализован? Насколько он был реален?

В. М. Континентальный блок не состоялся прежде всего потому, что этого в долгосрочной перспективе не хотели ни Сталин, ни Гитлер,

а решение зависело от них. В правящей элите Японии одного диктатора не было, но большинство, полагаю, просто не понимало значения такого союза. Насколько — на сколько процентов — союз был реален, сказать не берусь. Но такая возможность существовала, и конкретные шаги в этом направлении делались. Ключевой момент — визит Молотова в Берлин 12–14 ноября 1940 г., когда Риббентроп предложил СССР присоединиться к Тройственному пакту. Сталин согласился на это и выставил дополнительные условия, которые Гитлер отказался обсуждать. Выдвинутые Сталиным условия я не считаю заведомо нереальными. Он собирался торговаться, но не знал или не понимал, что Гитлер в принципе не будет торговаться.

А. С., С. Э. Япония осталась верна советско-японскому договору апреля 1941 г., скорее всего, потому, что ее потенциала не хватало для того, чтобы совместить войну с СССР с «занятостью» на других фронтах — в Китае, Юго-Восточной Азии, в тихоокеанской войне с США. В то же время СССР в августе 1945 г. присоединился к войне США с Японией. Не считают ли в Японии это вероломством, тем более что это произошло в момент, когда Япония подверглась атомным бомбардировкам?

В. М. Япония осталась верна договору о нейтралитете из сугубо прагматических соображений: «хурма» сама в руки не упала. Вступление СССР в войну на Тихом океане в Японии многие, действительно, считают вероломством, поведением «вора на пожаре». Однако есть и другая сторона вопроса. Тогдашнее японское руководство до последнего момента верило, причем совершенно слепо и иррационально, в то, что Москва поможет Японии выйти из войны, «сохранив лицо», т. е. не на условиях безоговорочной капитуляции. Это был в первую очередь вопрос престижа, ради которого в Токио были готовы на любые жертвы. Крушение этих иллюзий и объясняет разговоры о «вероломстве». Однако именно вступление СССР в войну в не меньшей, а то и в большей степени, нежели ядерные бомбардировки, побудило японское правительство принять условия Потсдамской декларации союзников и закончить войну, что спасло жизни многих миллионов людей.

А. С., С. Э. В Западной Германии, как известно, была проведена последовательная денацификация, большое внимание уделялось сохранению памяти о преступлениях нацистов в целях отмежевания от нацистского режима и идеологии. Было ли что-то подобное в Японии, или там выбор был сделан скорее в пользу коллективной амнезии в расчете на то, что переориентация всей экономики на мирное развитие, превращение страны в экономическую сверхдержаву само собой решит все проблемы и цель демилитаризации сознания будет достигнута? И почему вы критически относитесь к Токийскому судебному процессу?

В. М. В Японии не было ничего подобного денацификации, потому что не произошло *принципиальной*

смены режима. Под руководством оккупационной администрации была проведена чистка государственного аппарата и политических кругов, в основном в «верхах», расформировано могущественное министерство внутренних дел, демобилизованы армия и флот. Осудили отдельных представителей режима и националистическое движение, отдельные элементы прежней государственной идеологии и политики, прежде всего милитаризм, агрессивный паназиатизм и «огосударствленную» форму традиционной религии Синто.

Я не считаю Токийский процесс ни «судом народов», ни «вердиктом истории». Это сугубо политический процесс, суд победителей над побежденными. Можно по-разному оценивать его ход, методы, оценки и выводы, но относительно самого характера процесса у историков, по-моему, сомнений быть не может.

А. С., С. Э. Понятно, что Хиросиму и Нагасаки не сотрешь из японской национальной памяти. А что еще осталось в памяти японцев из событий Второй мировой войны, и есть ли в каких-то кругах ностальгия по имперскому величию? Или экономические успехи Японии настолько велики и впечатляющи, что в национальном сознании фактически не остается места для этой ностальгии?

В. М. Вопреки распространенному в России мнению, память об атомных бомбардировках не является для японцев постоянно открытой раной. Японцы не забыли их, считают их трагедией, но не растравляют раны прошлого, в котором уже ничего не исправить. Ностальгия по имперскому величию есть лишь у отдельных пассеистов-романтиков, любителей помечтать на досуге. Фактически же в национальном сознании такой ностальгии нет. Хотя далеко не все согласны считать свою страну виновной во всех смертных грехах.

"JAPAN WAS AND REMAINS A FUNDAMENTALLY "DIFFERENT" CIVILIZATION FOR RUSSIANS". INTERVIEW WITH V. E. MOLODYAKOV

Molodyakov Vasily E. — candidate of historical Sciences, doctor of philosophy (Ph. D), doctor of political science, Professor of the International Institute of Japanese culture of Takuseku University (Tokyo), leading researcher of the Institute of Oriental studies, RAS (Moscow — Tokyo)

Key words: Japan, Asia, Russia, modernization, war, treaty, image.

Abstract. Historical memory of the contemporary Japanese is determined by zigzags of their national history — from conservative revolution Meiji ishin of 1868 through the period of expansion and aggressive wars up to the defeat in Second World War and post-war economic triumph. For the Japanese

people memory of past wars is not an "open wound", but a trauma overcoming of that helped country's renaissance. Second World War remains for the Japanese the greatest event of the 20th century but more and more felt and seen as finally "past". Their attitude to national history may be different but radical points of view, even ultra-nationalist or "masochistic", are not popular or common. Evolution of Japan's image in Russia reflected changes in her policy and global role.

«ПО СУТИ СВОЕЙ КОММУНИЗМ ХОРОШ, НО ВСЕ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ НЕХОРОШИ». Интервью с А. Хеллер

Ключевые слова: Венгрия, Холокост, Вторая мировая война, венгерская революция 1956 г., Дьердь Лукач, коммунистическая идеология, либеральная идеология, режим Яноша Кадара в Венгрии, западная университетская жизнь, падение коммунизма в Восточной Европе.

Аннотация. Всемирно известный венгерский философ Агнеш Хеллер в своем последнем интервью рассказывает о пережитом и дает собственную оценку событиям и явлениям новейшей истории, увиденным ею глазами очевидца.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-134-158

Агнеш Хеллер (1929–2019) — всемирно известный венгерский философ, специалист по этике, эстетике, философии истории и культуры, видный представитель Будапештской школы. Жизнь Агнеш Хеллер — отражение всех значимых событий венгерской истории второй половины XX и начала XXI в.: в 1944 г. отец Хеллер был депортирован в Освенцим, сама же она чудом осталась в живых, после войны поступила в Будапештский университет на физико-химический факультет, но увлеклась марксизмом в изложении Дёрдя Лукача и перешла на философский; в 1947 г. вступила в Коммунистическую партию, однако с приходом к власти Матяша Ракоши в 1949 г. была из нее исключена. В 1953 г. Хеллер смогла-таки поступить в аспирантуру под руководством Лукача, а в 1955 г. начала преподавать в Будапештском университете. Поворотным моментом в карьере и личной жизни философа стал 1956 г. За отказ поддержать обвинения в адрес Лукача была вместе с ним уволена из университета в 1958 г. и пять лет проработала учительницей в средней школе. В 1963 г. Агнеш Хеллер пригласили в Институт социологии при Венгерской академии наук, где она продолжила свои научные изыскания и приняла активное участие в деятельности Будапештской школы — философского форума, созданного под влиянием Дёрдя Лукача и направленного на возрождение марксизма. Ключевыми представителями школы, наряду с Хеллер, были также Ференц Фехер, Дёрдь Маркуш, Михай Вайда, Миклош Крашшо и др. После смерти Лукача в 1971 г. члены этого философского объединения подверглись политическим преследованиям и в

© Историческая Экспертиза, 2019
Хеллер Агнеш (1929–2019) — академик Венгерской академии наук, почетный профессор Будапештского университета имени Лоранда Этвёша и Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке (Венгрия)

конечном итоге были вынуждены эмигрировать. В 1977 г. Агнеш Хеллер и ее муж Ференц Фехер выехали в Австралию, где Хеллер почти десять лет проработала в университете Ла Троб (Мельбурн), преподавала также в университетах Турина и Сан-Паулу. В 1986 г. Агнеш Хеллер возглавила кафедру Ханны Арендт в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке. С начала 1990-х Хеллер начала ездить в Венгрию, а в 1995 г. стала действительным членом Венгерской АН, с 2010 г. в качестве почетного профессора возобновила работу на кафедре эстетики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша. Агнеш Хеллер вплоть до последних дней жизни принимала активное участие в политической и интеллектуальной жизни Венгрии, критикуя нынешнее правительство страны за сдвиг в сторону авторитаризма и проявления антисемитизма. Научные достижения Хеллер отмечены огромным количеством наград, в том числе премией Ханны Арендт (1994), премией Соннинга (2006), Германа Когена (2007) и т. д.

БИБЛИОГРАФИЯ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ А. ХЕЛЛЕР:

Геллер А. Жизнь на вокзале // Венгерский меридиан. 1991. № 3.

Хеллер А. Иммануил Кант приглашает на обед // Вопросы философии. 1992. № 11.

Хеллер А. Можно ли писать стихи после Холокоста // Звезда. 2011. № 3.

Хеллер А. Освенцим и ГУЛАГ // Неприкосновенный запас. 2015. № 2.

Отрывок из мемуаров А. Хеллер «Обезьяна на велосипеде» // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. 2012. № 13.

ВЫБОРОЧНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ КНИГ А. ХЕЛЛЕР НА АНГЛИЙСКОМ:

Heller A. Towards a Marxist Theory of Value. Carbondale: University of Southern Illinois, Telos Books, 1972.

Heller A. The Theory of Need in Marx. London: Allison and Busby, 1976.

Heller A. Renaissance Man (English translation of Hungarian original). London, Boston, Henley: Routledge and Kegan Paul, 1978.

Heller A. A Theory of History. London: Routledge and Kegan Paul, 1982.

Heller A. Dictatorship Over Needs (with Ferenc Fehér and G. Markus). Oxford: Basil Blackwell, 1983.

Heller A. Everyday Life (English translation of Hungarian 1970 original). London: Routledge and Kegan Paul, 1984.

Heller A. The Power of Shame: A Rationalist Perspective. London: Routledge and Kegan Paul, 1985.

Heller A. Beyond Justice, Oxford, Boston: Basil Blackwell, 1988.

Heller A. General Ethics. Oxford, Boston: Basil Blackwell, 1989.

Heller A. The Postmodern Political Condition (with F. Fehér). Cambridge, New York: Polity Press Columbia University Press, 1989.

Heller A. Can Modernity Survive? Cambridge, Berkeley, Los Angeles: Polity Press and University of California Press, 1990.

Heller A. From Yalta to Glasnost: The Dismantling of Stalin's Empire (with F. Fehér). Oxford, Boston: Basil Blackwell, 1990.

Heller A. An Ethics of Personality. Cambridge: Basil Blackwell, 1996.

Heller A. A Theory of Modernity. Cambridge, MA: Wiley-Blackwell, 1999.

Эксклюзивное интервью ИЭ.
Беседовала О. Якименко

Интервью было взято 1 февраля 2019 г. в Будапеште. Вопросы, подготовленные совместно с А. С. Стыкалиным, задавала О. Якименко. В качестве небольшого лирического отступления хотелось бы отметить, что энергия и скорость мысли девяностолетней Агнеш производили на любого ее собеседника (в том числе и на меня, О. Якименко) неизгладимое впечатление. Она настаивала на том, чтобы мы общались на «ты», но мне было сложно, так и оставила в интервью: Агнеш со мной на «ты», я с ней на «вы». Впервые я лично познакомилась с ней в театре — Хеллер пригласили прочесть лекцию «Эрос и Танатос» в рамках «Свободной академии» театра Maladype; я к тому моменту перевела ее эссе «Можно ли писать стихи после Холокоста» и очень хотела пообщаться с автором. Примечательно, что и после мы чаще всего пересекались в театре — Агнеш Хеллер активно посещала все значимые премьеры, отдавая предпочтение театрам экспериментальным и независимым. На интервью она согласилась моментально, попросила прислать вопросы, отвечала охотно, много смеялась.

19 июля 2019 г. Агнеш Хеллер ушла поплавать в озере Балатон в курортном городке Балатоналмади, где находится дом отдыха Венгерской академии наук, и не вернулась.

А. Х. Есть книжечка про мою жизнь, она вышла на немецком, но вот-вот и на венгерском выйдет у моего венгерского издателя[1], ты бы ее перевела — это, с одной стороны, и автобиография, но в ней, в приницпе все есть в упорядоченном виде, пусть и не очень подробно.

О. Я. Наши вопросы, конечно, отчасти ориентированы и на российскую аудиторию, так что надеемся, они смогут дополнить то, что сможем издать из ваших работ по-русски в переводах. Мне лично кажется, что такая книга про вас была бы очень кстати. Скоро выйдет книга-интервью с Дёрдем Лукачем в переводе с немецкого[2], у меня есть план сделать небольшую книгу переписки Лукача с Белой Балажем, так что интеллектуальный запрос есть.

А. Х. Но что будет завтра, не знаешь.

О. Я. Госпожа Хеллер, Вы происходите из ассимилированного венгерского еврейства, ваша семья, насколько мы знаем, тяготела к еврейскому среднему классу. Образованная еврейская среда Венгрии (в ее исторических границах), из которой вы вышли, еще в последние десятилетия XIX в. не только переняла венгерскую культуру, но и органично влилась в нее, оставив в ней огромный след.

[1] *Hauptfeld G.* Der Wert des Zufalls — Ágnes Heller über ihr Leben und ihre Zeit. Edition Konturen Mediendesign GmbH, 2018. На венгерском книга вышла через год: *Hauptfeld G.* A véletlen értéke: Heller Ágnes életéről és koráról. Noran Libri Kft, 2019.

[2] *Лукач Д.* Прожитые мысли. Автобиография в интервью. СПб.: Владимир Даль, 2019.

А. Х. Если говорить о семье — а у меня получается две ветви, папина и мамина, — то две ее части были очень разные. Родственники по маминой линии жили в Венгрии с XVIII в.: сначала во владениях Эстерхази. То есть они были «крепостные евреи семейства Эстерхази», потому их и называли по имени герцога. Эстерхази были курфюрстами, князьями. Когда стало можно, они перебрались в Веспрем, стали совершенно венгерской семьей, из которой вышли многие выдающиеся люди — ты ведь знаешь имя Липота Ауэра[3], который у вас в Петербурге прославился. Он — брат деда моего деда. Фамилия маминого отца еще была Ауэр, а потом ее на венгерский манер переделали в Лигети. Так что мамина семья — очень старая венгерская еврейская семья. Они даже на идиш не говорили. Веры, правда, придерживались, т. е. они были религиозные евреи, но кроме венгерской культуры никакой другой у них не было. Папина семья совершенно другая. Папа родился в Вене. Они были австрийцы. А бабушка, папина мама, попала в Венгрию следующим образом: у нее умер муж, а сама она была первая женщина, окончившая Венский университет. И после смерти мужа она попросила должность и получила должность на той части территории Австро-Венгрии, которая тогда была венгерской. Так они оказались в Венгрии и стали венграми. Получается, они приехали сюда в период Австро-Венгерской монархии. Папа, в отличие от мамы, был абсолютный атеист и держался еврейства не из религиозных убеждений, а, как он любил говорить, потому что человек не бросает тонущий корабль, т. е. из моральных соображений не хотел оставлять соплеменников в беде. Так что это не была привязка к конкретной религии.

О. Я. То есть когда началась история с Израилем, когда, позднее, начался массовый исход евреев из Европы, ваша семья никак этим не интересовалась? В мемуарах вы пишете: «...я говорю на этом языке, всю жизнь слушала эти стихи... я сделала свою жизнь частью этой истории. Переживаю за Израиль, хочу, чтобы там все получилось, для меня это существенно. Но Израиль — не моя родина, я не ощущаю его в своей крови, ни я, ни мои дети за него не сражались. Болею душой за израильтян, пусть у них все получится, но свою жизнь я связала с Венгрией».

А. Х. Ах, деточка, знаешь, как давно это было, еще и Израиля не было. Когда Израиль создавался как государство, я уже давно училась в университете. А мы сейчас про мое детство говорим — где тогда был Израиль! Я училась в еврейском пансионе, в Венгрии было мало сионистов. Любопытно, что из Венгрии и поначалу в Палестину, а потом уже в Израиль уехало не так уж много венгерских евреев. Почти все венгерские евреи, переехавшие в Израиль, были из Трансильвании, т. е.

[3] Липот Ауэр — Леопольд (Семенович) Ауэр (1845–1930) — основоположник русской скрипичной школы, преподавал в Петербургской консерватории с 1868 по 1918 г., после эмигрировал в США, где стал профессором института музыкального искусства в Нью-Йорке и Кёртисовского института в Филадельфии.

из Румынии. Вообще у евреев с Венгрией в конце XIX в. сложились своеобразные отношения. В это время правительство страны было правительством либеральной аристократии. Это было сильное либеральное правительство, и евреи массово ассимилировались, только что не переходили в христианство, но в целом стали очень венгерскими евреями и называли себя «венграми веры Моисеевой». И ассимилировались они как раз к этой крайне либеральной венгерской общественной жизни, которая продолжалась вплоть до Первой мировой войны. После войны все полностью поменялось, временам этим пришел конец во всех смыслах. Первая мировая война покончила со всем.

О. Я. Сейчас много обсуждают — в том числе и в России, — как в Венгрии сегодня понимают и оценивают Холокост. Какое, по вашему мнению, место занимает эта тема в сегодняшнем венгерском общественном дискурсе?

А. Х. Кто в Венгрии стал жертвой Холокоста? Если посмотреть на цифры, последняя «партия» жертв, убитых самым радикальным образом, — это примерно полмиллиона евреев, и произошло это примерно за три-четыре месяца, т. е. это было тотальное уничтожение. И говорить здесь надо об ответственнсти, и это вопрос не к евреям, а вопрос к неевреям. Сейчас в правительстве много об этом говорят и рисуют следующую картину: ответственность несет тогдашнее венгерское государство, раз оно позволило убивать своих граждан, изначально — немцам. Для еврейской общины это утверждение звучит абсурдно. Речь не о том, что государство позволило кому-то уничтожать евреев — оно само участвовало в их уничтожении. Венгерские жандармы не просто позволяли отправлять евреев в Освенцим, а сами их туда отвозили. Тогдашние госсекретари не позволяли, а делали и организовывали все сами. Так что [венгерские евреи] крайне не удовлетворены сегодняшними формулировками, согласно которым, да, признается ответственность, но она возлагается исключительно на тогдашнее венгерское правительство, да и то только в том смысле, что оно чему-то не воспротивилось, а не за то, что оно что-то совершило. Проблема остается нерешенной. И решить ее невозможно, она никогда не будет решена. По-настоящему нация себя сама критически не оценила, это сделали только немцы, но у них и выбора другого не было.

О. Я. А современное венгерское общество насколько воспринимает Холокост как национальную трагедию, а не только как трагедию еврейского народа?

А. Х. Мало кто считает это национальной трагедией, горем венгерского народа, да и трагедией для евреев это не так уж многим кажется. Часть венгерского населения сегодня знает о Холокосте из фильмов, главным образом из картины «Сын Саула»[4]. Или из книг — роман

[4] Фильм режиссера Ласло Немеша 2015 г., удостоен Гран-при Каннского фестиваля (2015) и премии «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке (2016).

Имре Кертеса «Без судьбы» опять же большую роль сыграл. То есть люди знают, что произошло с венгерским еврейством, сожалеют о том, что произошло, но по-настоящему не осознают, что Освенцим стал самым большим венгерским кладбищем, ведь именно там умерло больше всего венгров, там хоронили венгров. Это в сознании пока не уложилось. Конечно, многое зависит от учителей — есть, например, учителя, которые возят школьников в Освенцим, даже из провинциальных школ, и которые детям все это объясняют, да, очень многое зависит от родителей, учителей, преподавателей, священников — от того, как они трактуют произошедшее или как говорят с молодежью об этих вещах, как разбирают и интерпретируют те же фильмы. Так что обобщать тут сложно.

О. Я. Получается, все через культуру.

А. Х. Всегда. И самое важное, в чем доминанта этой культуры. Сегодня один из ключевых элементов культурной доминанты — это некий блеф, грубая власть, которая в состоянии выдавить из себя только одну фразу, мол, все демонстрации и протесты против нее организует Сорос, и делает он это для того, чтобы завезти в Европу миллион мигрантов. Если внимательно прислушаться к любому — без исключения — попугаю из правительства, они все говорят одно и то же. Кого ни спросят. Это заученный текст, без вариаций даже. Пока. Так уже было во времена Кадара. Но в ту эпоху было противоядие, была радиостанция «Свободная Европа». Люди слушали не только официальное радио, у каждого был коротковолновый приемник, а в нем звучал голос «Свободной Европы», свободной Венгрии — в каждой деревне, каждом городе можно было их слушать. Моя мама его слушала. Это было главное, то самое радио. То есть была оппозиционная информация.

О. Я. Но теперь-то, когда есть Интернет и какие хочешь источники...

А. Х. Интернет не оппозиционен, люди читают и смотрят в нем то, что соответствует их вкусам: клевета — пожалуйста, ненависть, травля — все что душе угодно, каждый смотрит и слушает то, что ему подходит. Другое дело, что человека особенно это все и не интересует, действительно, сейчас уже редко появляется какая-то другая позиция. И это в отличие от «Свободной Европы», которая по сути оценивала события почти объективно.

О. Я. Можно ли, исходя из этого, сказать, что эпоха Кадара была более свободной?

А. Х. Нет, нет, нельзя. Эпоха Кадара — у меня буквально вчера об этом спрашивали американские журналисты — была коммунистической, сравнивать с ней нельзя, границы были закрыты. Человек не мог выехать, не мог получить туристическую визу, но кое-кто получал-таки. С семьей выехать было нельзя, боялись, что ты эмигрируешь по политическим мотивам. Сейчас уезжают самые активные, так называемые «взрывоопасные». И пятьдесят

шестого года бы не было, будь тогда открыты границы, потому что взрывоопасный элемент находился внутри страны. Сейчас все двери открыты, не нравится — уезжай, вот готовые взорваться и уезжают. Это и свобода, и, одновременно, — противоядие против появления радикально оппозиционных мнений, т. е. она выполняет обе роли. Нечто подобное происходило на исходе эпохи Кадара. Не в ее начале, тогда еще Кадар убивал — тут надо подчеркнуть: Кадар убивал, Орбан — не убивал. Кадар убивал, но по приказу. Но убивал. Не всякий готов был исполнить этот приказ. Он исполнил. В моих глазах он — убийца, независимо от того, выполнял он приказ или нет. И после пятьдесят шестого в итоге было убито немало народу. Что же до Орбана, он людей не убивал, пока только пару своих врагов посадил в тюрьму, но даже обвинений против них никаких не выдвигали, людей посадили, подержали за решеткой, в итоге выпустили. Да и правовая ситуация в Венгрии сейчас другая. По очень простой причине. Сама понимаешь: в нормальной ситуации три ветви власти разделены, а в Венгрии исполнительная и законодательная власти — одно целое. Между ними нет разницы. И законодательная власть принимает тот закон, который ей приказывает принять исполнительная власть. И точка. Что до судебной власти — тут есть пара любопытных моментов. Есть еще пара старых судей, которые хотели бы остаться верны своему призванию. И они не будут выносить приговор просто потому, что это отвечает вкусам правительства. Часто бывает, что прокурор, пусть и фидесовец, но, может, не на сто процентов — и суд выносит оправдательный приговор в первой инстанции, потом следует апелляция, вторая инстанция, и суд второй инстанции опять оправдывает обвиняемого.

О. Я. То есть состязательность в судебном процессе пока есть.

А. Х. Пока — да. Сейчас Орбан хочет это дело прекратить, чтобы и суду было ничего нельзя. Хочет создать такой суд, где судей будет назначать правительство. То есть независимость такого суда сойдет на нет. Конечно, у уголовного суда независимость по-прежнему есть: если кто-то палкой убил соседа, в приговор убийце, скорее всего, активно вмешиваться не будут. Но всякое политическое дело или дело о коррупции, а такие дела всегда носят политический характер, будут рассматриваться в таких судах, где даже и рассчитывать нельзя на объективный приговор. Плохо, конечно, но в какой-то мере не так плохо, как при Кадаре. В культурном же смысле в эпоху Кадара ситуация была лучше, поскольку секретарь ЦК по культуре Дёрдь Ацел был эдаким амбициозным еврейским мальчиком, который в детстве писал письма известным писателям — хотел с ними познакомиться, а еще он был ужасным снобом. И этот его ужасный снобизм подразумевал наличие чутья. Ацел хотел заполучить для партийных целей лучших из лучших — сейчас наверху плевать на это хотели, им главное, чтобы вылизывали как следует, качество они не чувствуют.

О. Я. Выходит, в кадаровскую эпоху не обязательно было быть, ска-

жем, марксистом, чтобы тебя взяли в культурную обойму?

А. Х. Большой вопрос. Надо было быть марксистом, не надо было быть марксистом или коммунистом — занимался-то ты не этим. Режиссером был, например, или еще кем-то. Нас, мою группу[5] в свое время запретили под предлогом того, что мы были «против марксизма». Поэтому нас не могли взять ни в одно научное учреждение в Венгрии — было партийное распоряжение с формулировкой «антимарксисты», а мы ими не были, я в жизни никогда не была «анти — кем-то», но уволили меня с работы именно по этому распоряжению. И при этом быть коммунистом было не обязательно. Нас выгнали по политическим причинам, мы были в оппозиции — в этой ситуации нас можно было назвать «антимарксистами». Те же, кто не был в политической оппозиции, могли писать, что хотели, если не заявляли о своей позиции. В Китае сейчас тоже можешь писать и говорить, что хочешь, и марксистом быть не обязательно, если ты не критикуешь Си.

О. Я. Если вы не против, можно, мы вернемся к более раннему историческому периоду — интересно было бы узнать ваше мнение и оценку событий Второй мировой войны. Историк Александр Стыкалин в «Фейсбуке» венгерского правительства столкнулся со следующей записью, которая, по-видимому, отражает официальную точку зрения:

Вспомним о храбрости наших дедов, о тех доблестных венгерских солдатах, которые до последнего сражались за Венгрию у излучины Дона. Сегодня 76-я годовщина начала наступления на Донском фронте. 12 января 1943 г. советская армия начала наступление против Второй венгерской армии, в составе которой было 200 тысяч человек. Венгрия потеряла 120 тысяч героических солдат, многие попали в плен. Слава героям!

Как бы вы прокомментировали эти высказывания на правительственном сайте? Чем продиктованы и зачем вообще команде Виктора Орбана нужны эти жесты исторической политики, которые могут создать впечатление пересмотра роли хортистской Венгрии в войне? Идет ли речь о залечивании каких-то травм национальной памяти, существенных для сегодняшних генераций?

А. Х. Донская операция... Война для Венгрии была войной несправедливой, начинать ее было абсурдом. Не знаю, известно ли тебе и твоим коллегам о том, что до момента начала войны советское руководство написало письмо венгерскому правительству, в котором говорилось, что если Венгрия останется нейтральной, то получит Трансильванию[6]. В венгерском кабинете министров был один, который проголосовал

[5] Группа ученых, занимавшихся социологическими исследованиями в период 1963–1973 гг. в Венгерской академии наук.

[6] В. Молотов заявил об этом венгерскому посланнику в Москве Й. Криштоффи, вызвав его к себе 23 июня, на второй день после нападения нацистской Германии на СССР. — *Прим. отв. редактора ИЭ.*

против вступления страны в войну, кажется, это был Ференц Керестеш-Фишер[7], но я не уверена. По сути, войну против Советского Союза начали без одобрения парламента, это если коротко. Правда, по крайней мере, часть правды состоит в том, что война эта была абсурдной.

Что же до приведенной цитаты — мне вспоминается то, что произошло в Америке с Вьетнамской войной. Вьетнамская война была несправедливой, вопросов тут никаких нет, население сопротивлялось. Я сама тогда еще в США не была, но знаю всю историю, мне рассказывали те, кто это пережил и видел своими глазами. Долгое время про эту войну ничего нельзя было говорить, и ничего нельзя было говорить про солдат, погибших на ней. Потом, чуть ли не тридцать лет спустя[8], создали Мемориал солдатам, погибшим во Вьетнамской войне. Вот она проблема: ты сражался в несправедливой войне, но погиб, будучи солдатом. Пусть даже и немецким солдатом и сражался за Гитлера. Или советским солдатом — ты умер солдатом. И солдатам надо отдать последние почести — на чьей бы ты стороне ни сражался. То есть солдаты так или иначе погибли, сражаясь за других, я бы так сформулировала. Не по своей воле пошли они на войну, это было не их решение, мы не знаем, что они думали про эту войну, их призвали, сами они ничего особенно не решали, и потому погибли — мы даже не знаем, справедливой они считали эту войну или нет, они просто павшие солдаты. И в мире везде сейчас на это так смотрят, и у немцев так. Я видела в Берлине один памятник, где на одной табличке написано «Павшим солдатам», а на другой — «Памяти жертв нацизма». И это справедливо. Так и надо. Потому что присущее человеку чувство справедливости, гуманности диктует поступать именно так.

Проблема в том, что крайне правые постоянно пытаются этот баланс нарушить. Сама знаешь — у нас есть этот памятник советским воинам — некоторым он очень не нравится. Но не погибшие же виноваты. Не они же лично виноваты, что мы вступили в войну. Но начали ее все-таки мы как страна. То, что потом произошло, я бы описала так: освобождение не всегда обязательно несет с собой свободу. Это две разные вещи. 14 января 1945 г., когда я увидела первого русского солдата, я освободилась, меня освободили. Но свободы из этого не вышло.

О. Я. Многих представителей вашего поколения травматический опыт войны подтолкнул в послевоенный период к принятию идей коммунизма. Ваш ровесник Янош Корнаи в своих мемуарах пишет, что значительная часть евреев поддержала коммунистов, поскольку они активнее всех противостояли прежней, хортистской

[7] Ференц Керестеш-Фишер (1881–1948) — юрист, дипломат, политический и государственный деятель, дважды занимал пост премьер-министра Венгрии. В 1941 г. действительно был единственным членом правительства, выступившим против формального вступления Венгрии в войну с СССР.

[8] На самом деле между окончанием Вьетнамской войны (1975) и открытием Мемориала (1984) прошло чуть меньше десяти лет (*О. Я.*).

системе и выбор в пользу именно этой силы давал, как казалось, вернейшие гарантии против возрождения фашизма и повторения ужасов войны. Было ли ваше временное «посвящение» в марксизм достаточно типично для людей вашего круга? Многие ваши сверстники из числа интеллигентной молодежи оказались восприимчивы к коммунистической идеологии?

А. Х. Вообще-то в Венгрии Советский Союз ненавидели все до единого. За исключением интеллигенции, многие представители которой, например, с радостью ехали учиться в тот же Ломоносовский университет и в другие университеты. Они были очень благодарны — там были прекрасные профессора. Мой друг, Дюри Маркуш[9], с большим удовольствием учился в том же МГУ — там была возможность работать с литературой по западной философии, а в Венгрии доступа к ней не было, даже к работам молодого Маркса. Так что Венгрия в этом смысле была куда радикальнее, чем Советский Союз. Да и вообще венгры всегда перегибают палку.

Возвращаясь к началу моего ответа — действительно, Советский Союз венгры ненавидели, но ненависти к русским они не испытывали. Это совсем другое дело. Антирусских настроений в Венгрии практически не было.

О. Я. Но историческая-то память — тот же 1849-й, с тех пор ничего такого не осталось?

А. Х. Тогда русский царь по доброй воле помог австрийским родственникам, а потом австрийские родственники не поддержали его, когда надо было, когда от них этого ждали. Так что это отношения монархий между собой. Это все ушло. Австрийцев тоже уже никто ненавидеть не собирался. В Венгрии активно ненавидели только соседей — румын, чехов, словаков, сербов, а не русских, те были далековато.

О. Я. Хотела еще поспрашивать про марксизм. Что казалось притягательным в марксистской традиции? Или решающую роль сыграло все-таки знакомство с Дёрдем Лукачем?

А. Х. Тут я могу говорить только за себя. Лукач играл довольно непростую роль в венгерской культуре — когда культура играла решающую роль, до тех пор, пока не случилось дело Тито [речь идет о советско-югославском разрыве 1948 г. — *О. Я.*]. Для Венгрии Тито был невероятно важен — глядя на то, что происходит в соседней Югославии, мы верили, что наша страна будет развиваться по демократической модели. Коммунистическая партия была очень активна, но на выборах 1945 г. она получила всего 16 %, в Венгрии дважды успели состояться свободные выборы, и партии получали пропорциональное представительство. Коммунисты, конечно, смухлевали во время вторых выборов, в 1947 г., но большинства они и тогда не получили, они оставались в меньшинстве.

[9] Дёрдь Маркуш (1934–2016) — венгерский философ, ученик Дёрдя Лукача, представитель марксистской Будапештской школы.

А потом пришел Тито[10], и в том же году Венгрия подверглась тотальной сталинизации — произошло это очень быстро, буквально за четыре-пять месяцев, в сорок седьмом еще были нормальные выборы. А в сорок восьмом все уже происходило централизованно, были «нарисованы» новые выборы по одному списку. Многопартийная система прекратила свое существование за полгода. И это определенно следствие политики Тито — именно тогда Сталин принял решение о советизации Венгрии, о чем прежде, судя по всему, стопроцентно решено не было. И моментально начался террор. Не успели дух перевести, все думали, вот, демократия, а тут раз — и террор. Была пара заседаний в сорок седьмом — я тогда вступила в коммунистическую партию, которая на тот момент была небольшой, а в сорок девятом уже начались чистки. На собрании спрашивают, мол, есть предложение исключить из партии того-то и того-то, а я поднимаю руку и говорю: «Не рекомендую», потом еще раз заявила, что не рекомендую, а когда очередь дошла до меня, мне сообщили, что раз я дважды выступила против мнения партии, то и сама для членства в ней не подхожу. Но я-то не для этого руку поднимала. Я была наивной, думала, вот, у нас же демократия, если что-то не нравится, надо сказать. И очень быстро пришел страх. И всех обуял такой страх — ты и представить себе не можешь.

О. Я. Наверное, и хорошо, что не могу.

А. Х. Начался период тотального страха, но, странным образом, продлился он всего четыре года. Ты даже не представляешь: сталинистская диктатура длилась в Венгрии всего четыре года, но эти четыре года были как бесконечность.

О. Я. И след, конечно, остался.

А. Х. И след остался. Естественно. Что же до Лукача — он был марксистом, и я была марксисткой, поскольку сходилась в понимании с Лукачем. Но очень скоро его марксизм оказался «неправильным». Уже вышло партийное постановление, направленное против Лукача, где его называли правым ревизионистом. За этим стоял Ласло Рудаш[11]. Йожеф Реваи [главный идеолог венгерской компартии. — *О. Я.*]

[10] Увидев в югославском коммунистическом лидере И. Брозе Тито слишком самостоятельного и амбициозного политика, стремившегося к превращению Югославии в региональную балканскую державу, склонную к проведению довольно независимого от СССР внешнеполитического курса, Сталин инициировал в 1948 г. кампанию острой критики КПЮ в целях смены руководства в Югославии. Поскольку Тито не был склонен подчиниться сталинскому диктату, конфликт углублялся, после состоявшегося в Будапеште осенью 1949 г. судебного процесса по сфальсифицированному делу антиюгославской направленности (так называемому делу Ласло Райка) на совещании компартий была принята резолюция «Югославская компартия в руках убийц и шпионов», означавшая восхождение советско-югославского конфликта на новый виток. При этом антиюгославская кампания распространилась на все страны советской сферы влияния, а в Венгрии, имевшей с титовской Югославией границу протяженностью в 400 км, особенно остро ощущалось возможное перерастание политико-идеологического конфликта в настоящую войну. — *Прим. отв. редактора ИЭ.*

[11] Ласло Рудаш (1885–1950) — венгерский философ, переводчик трудов Маркса, Энгельса и Ленина на венгерский язык, участник «революции астр» 1918 г., с 1922 г. жил в Москве, член

тоже писал против Лукача, потом и все остальные подтянулись. Лукач уже думал, что над ним будет показательный процесс и что его казнят[12]. Он выступил с «сеансом самокритики» — как это тогда было принято, — чтобы сохранить себе жизнь, но в университете студенты начали разбегаться. Когда я попала к нему на семинар в 1947 г., там было человек сто, после, в 1948-м, осталось пятьдесят-шестьдесят, боялись люди.

О. Я. Но человек, который в 1947 г. вступал в партию, о чем думал? О том, что все будет устроено по советскому образцу?

А. Х. Мы понятия не имели. Я вообще была ребенок. Ну, не совсем ребенок, мне было восемнадцать лет. Про Советский Союз я ничего не знала, даже близко не представляла, что там. Да и про саму идею знала мало. А в партию я вступила вот почему. Тамаш Майор тогда приехал с Национальным театром в Озд играть в спектакле «Дёрдь Дожа». Он был потрясающий актер. И Майор произнес пламенную речь с призывом вступать в коммунистическую партию — ну, я и вступила. И при этом совершенно не понимала ее идеологию. До какой степени не понимала, ясно из следующей истории: когда я поступила в университет, там еще не было партийной организации, была только одна женщина, очень симпатичная, партийный куратор, звали ее Вица Месарош, когда-то она даже была на нелегальном положении. Онато и пыталась меня образовывать. Я ее и спросила: «Разве не Троцкий прав, в отличие от Сталина?» А она мне: «Ты что, Аги, с ума сошла, никогда этот вопрос никому не задавай! Тебя сразу вышвырнут из партии и в тюрьму посадят!» Вот насколько я была наивная — понятия не имела. Месарош меня не спросила даже, знаю ли я, в чем там было дело с Троцким — какой-то минимум я должна была знать. А я не знала. Знала только, что Лукач — марксист и коммунист. И это хорошо, потому что Лукач — это хорошо. И что он всегда прав — даже если его правда расходится с партийной.

О. Я. У многих ваших ровесников в мемуарах я читала, да и в личных разговорах слышала, что они только в 1953–1954 гг. начали понимать, что с системой этой что-то не так.

А. Х. Я, если честно, наверное, пораньше это ощутила, в пятьдесят третьем, когда Имре Надь стал премьер-министром. Тогда мы уже знали. Но между сорок седьмым и пятьдесят третьим прошло не так уж много времени — лет шесть. И у меня тогда было такое ощущение — я им поделилась с одним приятелем, который потом это со смехом передавал дальше, — что по сути своей коммунизм хорош, но все его проявления нехороши. То есть то, что происходит, то, что

исполкома Коминтерна, в 1948 г. поддержал «сталинский поворот» венгерского коммунистического лидера Ракоши, представитель догматического марксизма-ленинизма.

[12] Критика Лукача проходила на фоне реально состоявшегося осенью 1949 г. судебного процесса по делу группы коммунистов во главе с Л. Райком с вынесенными на нем смертными приговорами — прим. отв. редактора ИЭ.

мне довелось испытать, — плохо, но, по сути, дело это хорошее. И до пятьдесят третьего это ощущение не проходило.

О. Я. И даже дело Райка не поколебало эту уверенность?

А. Х. С делом Райка все странно. Лукач поверил в эту историю. Поверил он и в дело Бухарина. Не в том смысле, будто Бухарин действительно совершил то, в чем его обвиняли, но повторял: «Вот такие они, революционные суды. Дантон тоже не был немецким шпионом, но приговорить его к смерти было правильно». И я верила, что Райк действительно предатель, агент империализма и т. д., всему этому верила; странным было одно: тогда обязательно было проводить партсобрания, где все обсуждали, на одном таком собрании каждому надо было высказаться про дело Райка. И я вдруг поняла, что не могу открыть рот. Ничего не могу сказать. Не потому что у меня мнения не было, просто не могла говорить. Очень странно. И дело не в том, что я была «неблагонадежной». Наоборот. Но это уже было не важно. Я оказалась вдруг неблагонадежной. Об этом писали потом в кадаровских газетах, мол, я «буржуазная индивидуалистка». Меня это очень обидело, коммунисты же хорошие товарищи, как такое можно говорить. Это я только потом поняла, что партия «всегда права». Я действительно была буржуазной идеалисткой, господи прости.

О. Я. А когда вы начали освобождаться от марксистской идеологии?

А. Х. Тут не так надо формулировать. Я освободилась от коммунистической идеологии, когда стала марксисткой. Раньше я этого всего не знала. Тексты Маркса в Венгрии читать было невозможно, в отличие от Советского Союза, у нас здесь это были закрытые для доступа книги. И во времена моей молодости они еще оставались в спецхране. В пятьдесят третьем, когда Имре Надь стал премьер-министром, мне по особому разрешению, подписанному Лукачем, выдали в парламентской библиотеке труды Маркса на немецком — на венгерском их тогда еще и не было даже. Вот тогда-то я и стала марксисткой. Когда уже перестала верить в дело коммунизма. Так что это не параллельно происходило.

Я как раз говорю о марксизме в противовес марксизму-ленинизму. После приобщения к марксизму о ленинизме я вообще больше никогда не говорила. Как писал один мой друг, разных марксизмов может быть много, ведь Маркса можно интерпретировать и так, и так. Маркс был выдающимся мыслителем и может служить источником вдохновения по сей день. Я толковала Маркса, как толковала Платона или Кьеркегора. Даже написала работу «Кьеркегор или Маркс». Или-или.

О. Я. В 56-м, когда началась революция, многие не представляли себе ясно, что придет дальше, какая идеология придет на смену, — чего вы ждали от революции?

А. Х. Если честно, это нас и не интересовало. Должна тебе напомнить, что за девять лет до этого еще были

свободные выборы, и я тогда голосовала за коммунистов, но те, кто шел голосовать, отдавали свои голоса за разные партии, кто-то голосовал за партию Баранковича[13], кто-то за Партию мелких хозяев. На этот раз мы были полны решимости сломить тиранию и надеялись: вот, уничтожим тиранию, проведем общие выборы, и станет ясно, за кого сколько народу голосует. Главное, все хотели, чтобы этому режиму настал конец. Какие-то образы будущего были, был образ «Большой республики», я о нем писала даже, такая, по сути, странноватая комбинация естественной многопартийной системы и свободных выборов, и при этом рыночная экономика с личной собственностью, но собственность остается в руках рабочих. То есть из социалистической концепции для меня оставалась идея о том, что, скажем, завод не должен быть в собственности одного человека, но стать собственностью коллектива рабочих, а дальше заводы будут конкурировать друг с другом на рынке, ведь без рыночной экономики никакое обогащение невозможно. Кооперативы рабочих, кооперативная собственность, коллективная собственность, но все-таки рынок. Мысль совершенно абсурдная, конечно, это любой экономист скажет, что развитие по этому пути невозможно, но так я тогда думала. Но это не работает. Вообще никак не работает.

О. Я. В книге автобиографических интервью «Обезьяна на велосипеде» вы ярко описываете впечатления от революции 1956 г., при это создается образ не только величественного («Фантастически интересно было наблюдать за тем, как градус ползет все выше и выше, как с каждым новым лозунгом растет волна... Все понимали: это не с нами что-то происходит, мы сами что-то совершаем... Мир бурлил и бушевал вокруг нас...»; было ощущение, что «люди взяли свою судьбу... и судьбу мира в собственные руки... Начала работать человеческая фантазия, каждую минуту творческая энергия вызывала к жизни новое учреждение... Никогда люди не были так собраны и организованы, как в те дни», а с другой стороны, сформулированные «в бесконечной горячке» разнообразные воззвания в свете очередной новости быстро теряли смысл), но и противоречивого события. «В 56-м чаевые никому нельзя было дать. В те дни никто не воровал... Весь народ находился на высочайшей ступени морали, каждый словно бы прыгнул выше головы... В те упоительные дни сердце всего народа билось в унисон». А с другой стороны, упоминаете о сценах зверств и жестоких расправ экстремистов над коммунистическими функционерами и гэбистами, в частности, о казнях у здания на площади Республики 30 Октября. Единственная ваша газетная публикация тех дней содержала призыв не линчевать преступников, а предавать их суду. Вопрос к вам как к участнику и свидетелю тех событий: каково значение венгерской революции

[13] Демократическая народная, лидер Иштван Баранкович (1906–1974). В 1948 г. партия была распущена.

1956 г. в национальной и мировой истории? И что составляло главное содержание тех событий?

А. Х. Что касается казней — это были погромы, а не казни. Казнь происходит официально. Я тогда действительно написала статью под названием «Против самосуда», и там говорилось, что в демократической стране не толпа выносит приговор, а суд решает, кто и в чем виновен, и когда у нас будет демократия, тогда и будем разбираться, а сейчас линчевать нельзя. В общем, революция была не бархатная, точнее, стала вооруженным восстанием, когда другая сторона начала стрелять в толпу у Дома радио. А потом в так называемый «Кровавый четверг»[14] и у парламента — и начали стрелять не русские, а свои, венгры, со стороны власти. С крыши Министерства сельского хозяйства раздались первые выстрелы[15]. Там было много студентов, одних убили, других ранили, люди туда пришли совершенно с мирными целями, потому и называют этот день «Кровавым четвергом» — демонстранты пришли без оружия, а в них стреляли с крыш и убивали. Это было насилие, в ответ на него тоже последовало насилие — главным образом после 4 ноября, когда уже вошли советские войска, и молодежь в девятом районе уже начала по-настоящему сражаться против Советской армии. Но сначала советские войска начали выходить — по крайней мере, говорили, что они выводятся, и тогда все начали целовать русских солдат, говорить по-русски, учили же в школах язык, дружба, в общем. А 4 ноября войска вернулись с границы, мол, они здесь нужны. Очень многие считают, что так изначально не было задумано, т. е. Хрущев якобы не был уверен, что все надо делать именно так, но Тито и китайцы его убедили. Что Тито уговаривал, это точно. И у Тито была на то причина. Ведь если здесь, в Венгрии, такое возможно, значит, может случиться то же самое и в Югославии. Есть же в этом логика. Вдруг случится эффект домино[16].

О. Я. Какое место занимают память о 1956 г. и идеалы 1956 г. в современном венгерском общественном сознании? И как вы относитесь к практикуемому в сегодняшней Венгрии использованию наследия 1956 г. во внутриполитической борьбе?

А. Х. Сегодня эти события видят очень по-разному. Для моего поколения это было народное восстание, революция, направленная против тирании. Все в ней участвовали, но на острие, лидером революции оказался все-таки Имре Надь, пусть не с самого начала и не совсем по своей воле. И в конце концов он же стал ее мучеником — Надю предложили отказаться, и когда его спросили, кто он такой, он заявил, что остается премьер-мини-

[14] 25 октября 1956 г.

[15] Речь здесь идет о расстреле толпы, собравшейся у Парламента 25 октября.

[16] О международных аспектах венгерской революции и позиции лидеров других стран см., например: Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений. Издание ИнСлав РАН, Архивный институт Венгрии в Москве. М., СПб.: Нестор-История, 2018.

стром Венгрии, не отрекся, за это его и убили, т. е. он стал мучеником. Баттяни[17] — тот самый Баттяни, что был премьером в 1848 г., тоже не был революционером, только мучеником. Так у нас в Венгрии бывает с премьер-министрами: иногда их казнят. Но это так, к слову. В случае с Надем — его, конечно, повесили по приказу Кадара, тут очевидно, что русские не отдавали приказ казнить Надя.

О. Я. Тут хочется вспомнить знаменитую речь Кадара в 1989 г., в которой он по сути признается в причастности к убийству Имре Надя[18].

А. Х. Страшная речь, да, потому я и говорю, что он убийца, и казнь Надя произошла по его инициативе. А потом его мучали угрызения совести. И русские тут ни при чем — можно изучить вопрос, этим историки занимаются. Кадар не хотел соперника. Обычная борьба за власть, но речь сейчас не об этом. Если послушать нынешнее правительство, так Имре Надя вообще не существовало, даже памятник ему убрали[19], к тому же он был коммунист, а то, что не только во время революции, но и после бросали в тюрьмы и казнили в том числе и коммунистов, это не считается. Согласно их мнению, это было исключительно восстание венгерского национализма, и осуществляла его исключительно та самая молодежь из девятого района. Идет полная фальсификация истории. Это сейчас официальная точка зрения правительства — полная фальсификация истории. Потому и памятник убрали.

О. Я. Три года назад, когда отмечали 60 лет тех событий, я посетила выставку в Национальном музее, и меня поразило отсутствие какой-либо точки зрения вообще.

А. Х. Тогда ее и не было. Я бы сказала, она сейчас в процессе изменения. В начале двухтысячных была какая-то точка объективной оценки, еще в 2006 г. была объективность, но постепенно все стало смещаться в сторону разговоров о «вонючих коммуняках». И Имре Надь, получается, «коммуняка вонючий», потому-то на месте памятника Надю и будет установлен монумент жертвам Красного террора — об этом уже известно.

О. Я. В Венгрии в последнее время настоящая война памятников идет — взять тот же памятник жертвам нацистской оккупации[20].

[17] Лайош Баттяни (1807–1849) — венгерский политик, глава правительства Венгрии во время революции 1848–1849 гг., был расстрелян венскими властями после поражения революции по обвинению в государственной измене.

[18] Последняя речь Яноша Кадара (перевод, вступление и комментарии О. Якименко) // Неприкосновенный запас. 2015. № 4.

[19] Памятник Имре Надю работы известного скульптора Имре Варги был установлен рядом на площади Мучеников, недалеко от здания Парламента 6 июня 1996 г., 28 декабря 2018 г. памятник спешно демонтировали — 16 июня 2019 г. он был переустановлен подальше от Парламента, в сквере рядом с Министерством обороны на площади Мари Ясаи.

[20] Мемориал жертвам немецкой оккупации был установлен на площади Свободы (Сабадшаг тер), несмотря на протесты со стороны жителей Будапешта, а также посольств Германии, США и Израиля, 20 июля 2014 г., в день 70-летия оккупации страны. Вокруг памятника сразу

А. Х. Там несколько иная история. Чистый обман, возмутивший многих, люди противятся этой концепции, не позволяют фальсифицировать историю. Памятник — фальсификация истории, но что с этим делать? В Венгрии идет не только война памятников, но и война улиц, точнее, названий улиц. Но это происходит всегда — сколько живу, столько и идет эта война. Каждый новый режим воюет с предыдущим. Хорти, коммунисты — каждый уничтожал следы предшественника. Видела памятник Кошуту у Парламента? Этот, который сейчас, стоял там и в моем детстве, потом пришел Ракоши, убрал, поставили другой, потом тот, другой, убрали, опять поставили этот. И так без конца. Я жила на одной улице, т. е. жила все время на одной улице, но, получается, пять раз поменяла адрес. Называлась она улицей Микши Фалька[21], потом, в конце тридцатых вдруг вспомнили, что Микша Фальк — еврей. Именем еврея улицу называть нельзя. Так она стала улицей Андора Юхаса[22]. В 1946-м уже демократическое венгерское правительство обнаружило, что Андор Юхас был фашист — нельзя его именем улицу называть, пусть снова будет улица Микши Фалька. Пришли коммунисты: Микша Фальк — буржуазный деятель, нельзя его именем улицу называть, будет улица Народной армии. Теперь снова назвали улицей Микши Фалька. Пять названий сменили, но улица-то все та же. В Венгрии мания названия менять. Проспект Андрашши минимум пять раз менял название: проспект Сталина, проспект Народной армии, потом проспект Венгерской молодежи — все, что хочешь.

О. Я. Если вы не против, поговорим о том, что было уже после 56-го. В 1968 г., находясь в Югославии на философской конференции в Корчуле, вы со своими коллегами подписали письмо с протестом против августовской интервенции в Чехословакии. Конечно, это сильно осложнило ваши отношения с кадаровским режимом, тем не менее ваши работы и даже книги еще выходили некоторое время в Венгрии.

А. Х. Было два документа, которые мы подписали, когда были летом 1968 г. в Корчуле. Было общее заявление, которое подписали все, — мы его тоже подписали. Потом собрались венгерской группой и решили: этого недостаточно, ведь на Чехословакию напал не только Советский Союз, но и Венгрия, и надо протестовать отдельно против действий Венгрии. Так и было написано то самое письмо — только от венгров, которое мы передали во французскую прессу, и это был наш главный грех. Ведь позиция

после открытия была устроена (и существует по сей день) импровизированная выставка памяти депортированных венгров и евреев из фотографий, копий документов, кукол в виде скелетов и узников лагерей, полемизируя с воплощенной в памятнике концепцией хортистской Венгрии как невинной жертвы немецкого нашествия, свободной от ответственности.

[21] Микша (Максимилиан) Фальк (1828–1908) — венгерский политик, журналист, член Академии наук, главный редактор немецкоязычной газеты Pester Lloyd.

[22] Андор Юхас (1864–1941) — юрист, политический деятель правительства Хорти, председатель Курии (Верховного суда страны).

Кадара тогда заключалась в следующем: если ты искренне не согласен в чем-то с партией — это простительно. Но делать какие-то заявления врагам — такое не прощается. Сначала нас просто отстранили от работы, но это не важно, забрали красные паспорта — были синие и красные паспорта, с красными можно было выезжать. Так что когда в Коложваре[23] умер наш близкий друг Дюри Бреттнер, и мы захотели поехать на похороны, то подали запрос в МВД, что хотим съездить на похороны друга и просим вернуть нам красные выездные паспорта. Паспорта нам не вернули, дали бумажку, на которой было написано, что мы можем выехать из страны в Румынию. И вот мы приехали в Румынию, румынские пограничники вообще не понимают, что это за бумажка. Но в итоге на похороны нас пустили. Такие были истории. Хотя де-факто ничего не происходило. Все началось позже. В какой-то момент моего мужа[24] [Ференца Фехера. — *О.Я.*] забрали на пару дней, он потом вернулся, но на несколько дней его все-таки забрали. За нами все время ходили следом на улице, постоянно повсюду была открытая слежка. Сейчас, когда я получила уже на руки все материалы о себе — там не все так уж интересно, но мне было любопытно, что некоторые разговоры записаны буквально слово в слово. Сначала нас фотографировали, я обнаружила свои фотографии, но они же еще фиксировали с точностью до минут, когда я зашла в какой магазин. Прелюбопытнейшее дело с точки зрения автобиографии — я понятия не имею, где овощи продавали, не помню, не знаю даже, когда ходила в магазин. Я даже узнала, на каком этаже жила — это тоже забыла. Все это от них узнала. Но был даже полный текст того, о чем мы говорили в квартире между собой. Как мы теперь видим, они ставили жучки в стенах, телефон слушали. Это все дико раздражало. А потом случился суд над философами [речь идет о партийном постановлении 1973 г. с критикой «антимарксистской» группы философов, за которым последовала волна гонений. — *О.Я.*], и стало совсем нервно, постоянно подсылали гэбистов нам в квартиру. Дело было в семьдесят третьем, но началось все раньше, в семьдесят втором. В семьдесят первом умер Лукач — пока он был жив, гэбистов к нам не подсылали. Стоило ему умереть, сразу они появились.

О. Я. Как вы пришли в конце концов к мысли об эмиграции? И что сыграло решающую роль?

А. Х. Нам просто не давали работать, у меня не было работы. Ни у кого из нас, нас ведь объявили «антимарксистами» — продолжать научные исследования в Венгрии мы были не в состоянии. Но и другой работы не было, для остальных занятий у нас была слишком высокая квалификация. Капут, в общем.

[23] Клуж-Напока (Коложвар) — город на территории Румынии, исторический центр Трансильвании, до 1918 г. и в 1940–1944 гг. принадлежал Венгрии, после 1945 г. окончательно стал румынским. В 40-е гг. доля венгров составляла в нем 85,7%, на 2011 — около 15%.

[24] Ференц Фехер (1933–1994) — философ, искусствовед, специалист по эстетике, второй муж Агнеш Хеллер.

Я даже уборщицей пойти не могла — слишком образованная. Так что мы жили переводами, но работали «неграми», муж — нет, он под своим именем переводы публиковал, но я свое имя поставить не могла. Ему не надо было прятаться, он в постановлении партии не фигурировал, из академического института ушел добровольно, из солидарности. Так что мог получать заказы на перевод. Выжить на эти деньги, конечно, было невозможно. У Маркушей было вообще двое детей, один ребенок вот-вот должен был пойти в университет, что, если не примут, тоже проблема. Мы хотели уехать. А куда ехать? Сообщили, что просим выездной паспорт. Нам было сказано, что паспорт мы получим только в том случае, если сможем подтвердить, что у нас есть рабочее место где-то за границей — тогда нас выпустят. Как найти место за границей? В Германии с этим было не очень, в Америке тоже. И тут мне позвонил мой друг Иван Селени[25], мол, подаст мои документы на одну вакансию. Да, но для этого надо приехать на интервью. Мне позвонили из университета, пригласили на интервью. А я говорю: «Приехать не могу». Они спрашивают, почему, они готовы оплатить билет, гостиницу. Я им: «У меня нет выездной визы». У меня не было разрешения на выезд, так называемого «окна». Они там, в Австралии, не поняли, что это такое: они дают визу, мы получаем визу, и все. В конце концов договорились, что есть один профессор в Вене, он приедет в Будапешт и проинтервьюирует меня. Так я получила должность. Теперь, когда у меня уже была заграничная работа, обещали выдать выездные документы, мы могли ехать. Длилось это все очень долго, мы были последние, кто получил разрешение на выезд. Когда Маркуш с семьей выезжали, на границе их остановили гэбисты и говорят, мол, нам известно, что вас пригласили на эмигрантскую конференцию, если поедете, товарищ Маркуш, на эту конференцию, мы не сможем выпустить Фехера и его жену. Шантажировали до последней секунды. В итоге Маркуш на конференцию не поехал, нас выпустили, так эта история и закончилась. Потом еще был один забавный момент: три года спустя [после отъезда] я получила австралийское гражданство. Пишу в венгерское посольство, что у меня теперь австралийское гражданство. И через две недели получаю прекрасный новенький пятилетний венгерский заграничный паспорт, действительный для выезда в любую страну. Но венгерское гражданство невозможно потерять. От него можно только официально отказаться, надо подавать специальное ходатайство о лишении гражданства, я никогда такого не подавала — и получила новый паспорт, но с ним я ездила только в Венгрию, а в остальные страны — с австралийским. Теперь это уже не так актуально, Венгрия — часть ЕС, до каких пор — другой вопрос. Но австралийский паспорт я сохранила.

О. Я. Как бы вы оценили в 50-летней ретроспективе венгерскую

[25] Иван Селени (1938) — венгерско-американский социолог, преподавал в университетах Австралии, США (Йельский университет), декан факультета социальных наук в Нью-Йоркском университете в Абу Даби.

экономическую реформу 1968 г.? Шансов наверно не было для ее реализации, но имел ли этот опыт хоть в чем-то позитивное значение? И в чем вы видите специфику кадаровского режима среди других коммунистических режимов с точки зрения отношений интеллектуалов и власти? Некоторые серьезные немарксисты-гуманитарии смогли найти свою нишу и работали в стране на протяжении всей эпохи.

А. Х. А вот тут интересное дело. Кадаровский режим со временем менялся, и началось это не только и не столько с экономической реформы, а с того момента, когда Кадар объявил: кто не против нас, тот — с нами. Это был поворот. Теперь же наоборот, Орбан говорит: кто не с ним, тот — враг. Совсем другое дело. Но вернемся к Кадару. Ситуация улучшилась. Не намного — гэбисты никуда не делись, в двери к нам продолжали стучаться, по улицам за нами по-прежнему ходили «хвосты», человека могли упрятать в тюрьму. Но можно было свободно выражать себя, больше книг стало выходить, книг важных — главным образом это происходило с разрешения Дёрдя Ацела. То есть могли посадить, это да, но не убить, и это очень важно. Психология меняется: одно дело, знать, что ты под палачами ходишь, другое — осознавать, что можешь два года в тюрьме отсидеть. В этот период изменилась психология.

О. Я. Обладала ли кадаровская модель определенным реформаторским потенциалом, и где проходили границы компромиссов и толерантности при Кадаре? Насколько возможно было эту модель развивать?

А. Х. У любого режима есть границы, и он за этими границами следит. Исчезни органы госбезопасности — режим бы перестал существовать в ту же минуту. Не стало бы режима. Экономическая реформа, безусловно, проводилась, ее целью было изменить структуру экономики, сделать так, чтобы она перестала быть управляемой исключительно из центра, а у отдельно взятых руководителей предприятий появился бы свой круг полномочий. Но реформа не шла, не шла и всё, об этом говорили все экономисты. Параллельно развивались события Пражской весны. Там речь шла о совершенно другом — не об экономической реформе, а о свободе прессы. Лукач дал интервью газете «Унита», где рассуждал о том, что по Марксу государство определяется экономическим базисом общества, т. е. стоит либерализовать экономику, изменится и политика. Но все не так просто. Получается, политически положительных изменений не произошло, только в экономике. Да и та не так уж хорошо функционировала. Тем временем наступил шестьдесят восьмой — даже два шестьдесят восьмых: шестьдесят восьмой в Праге и шестьдесят восьмой в Париже. Оба были крайне важны. Для меня особую роль сыграл май [т. е. события во Франции] — я была счастлива, что есть левые, не привязанные к советским левым. Я хотела быть с левыми, не связанными с коммунистическими партиями, независимыми левыми. И была рада видеть, что такие левые существуют. Но все это длилось до 21 августа, когда

в Корчуле было написано то самое письмо. Тогда же умерла надежда. Надежда на возможность социализма с человеческим лицом. До этого я искренне надеялась на то, что такой социализм возможен. И сформулировала для себя — не в шестьдесят восьмом, а раньше, в пятьдесят третьем, что это социализм без тайной полиции. Но теперь-то мы знаем, что социализма без тайной полиции не бывает. Социализма все хотят, а тайную полицию ненавидят.

О. Я. Сейчас эта полиция и не нужна, точнее, все настолько всем известно, что такая полиция есть везде.

А. Х. Да, все так, но давай посмотрим: тайная полиция есть в самых разных странах. Во времена Ракоши властям тайная полиция была в принципе и не нужна. Тайная полиция хочет знать, что человек думает. У сталинизма в этом не было особой нужды — они сами решали, что кому думать, не люди сами. Зачем им тайная полиция тогда. Им осведомители ни к чему. И сейчас не нужны — сейчас мы и так публично все говорим, что думаем. Я, по крайней мере, уж точно говорю, что думаю — тут никакой осведомитель не нужен. Максимум назовут вонючей коммунякой, меня это не сильно волнует: что думаю, то и говорю. Вот в кадаровское время непонятно было, кто что думает, а режиму было важно, что у тебя в голове.

О. Я. Но была же и параллельная жизнь и при кадаровском режиме.

А. Х. Конечно, были параллельные принципы, были те, кто со всем этим не мирился, но и у них нередко было то, что называется «запасной аэродром». Взять, скажем, Йожефа Анталла, который потом стал премьер-министром, — он же возглавлял институт[26]. И была масса разных небольших учреждений, у них были директора — это могли быть кто угодно, т. е. режим в них был «разбавленный». В семидесятые-восмидесятые годы режим совершенно потерял былую плотность. Тогда появился Самиздат, тогда же начались разные демонстрации, студенты уже вовсю митинговали, а при том режиме — он все-таки был еще коммунистическим, пусть и не сталинистским — по сравнению с нынешним, когда никакие демонстрации никого особенно не волнуют, выступать публично, митинговать было опасно. У вас можно еще, но тоже мало кого интересует. Правда, у вас ситуация похуже, чем у нас, но еще не так все плохо, как в Турции — там хуже всего, а вы, наверное, на втором месте. Другое дело, большинство свято верит в хорошего царя и плохих бояр. Так всегда получается в итоге. И не только у вас, везде. И с Кадаром так было, и с Ракоши. Плохие — те, кто вводит царя в заблуждение.

О. Я. Плюс коррупция — она у нас таких масштабов, что это даже уже не работает как шоковая терапия. Все знают, что власть коррумпирована, но реакция чаще всего такая: ну и что?

[26] В 1970–1980-е гг. будущий первый свободно избранный после смены режима в Венгрии премьер-министр Йожеф Анталл (1932–1993) работал в Институте-музее истории медицины.

А. Х. В Венгрии тоже все прекрасно знают, что Орбан и иже с ним коррумпированы, но никого это не интересует. Мы же знаем, что любое правительство коррумпировано. Есть такой старый анекдот про управляющего, который постоянно у помещика ворует. Помещику говорят: «Ты бы его сменил, он же тебя грабит все время». А он: «Ни о каком другом управляющем и речи быть не может. Смотрите, вот человек, его постоянно кусают комары — со временем они наконец насытятся. Придет новый управляющий — по новой воровать начнет».

О. Я. Хотелось бы еще спросить про академическую жизнь — у вас как минимум 40-летний опыт преподавания в западных университетах. Вы возглавляли долгое время нью-йоркскую кафедру, основанную Ханной Арендт. Изменилась ли университетская жизнь на Западе за годы, прошедшие со времени вашего активного вхождения в эту среду? Перед какими дилеммами и вызовами стоит европейская и американская университетская жизнь сегодня?

А. Х. Смотря что мы понимаем под университетской жизнью на Западе. Запад бывает разный, и университеты разные. Сначала я преподавала в австралийском университете — с семидесятых там многое изменилось. В те годы высшее образование было для всех бесплатным, любой, кто хотел, попадал в университет в возрасте семнадцати лет, нормально учился, размышлял, получал образование. Но серьезной докторантуры зато не было. Плюс в бывших британских колониях система образования везде отличалась от непосредственно англосаксонской. Потом я попала в Нью-Йорк, на самый радикальный факультет, там я получила совсем другой опыт. В ответ на твой вопрос одно могу сказать: университеты приходят в упадок, по всему миру распространяется бюрократия — в Европе, в Америке, в Австралии. Бюрократия садится на шею университету, преподавателям, студентам, непосредственно на учебный процесс, на преподавание денег идет все меньше, все уходит на прокорм и самовоспроизводство бюрократии. И так по всему миру. Не только в университетах, но и в научных сообществах. Мы с сыном как-то были в Мичиганском университете. Там за нами прислали двух женщин — выяснилось, что они занимаются поиском денег для университета. Сын спросил, сколько они добыли денег за прошедший год, и вычислил, что эта сумма с точностью до доллара покрывает расходы университета на зарплату двум этим женщинам. Абсолютно бессмысленная история. На самом деле, ключевая проблема — отсутствие доверия. Университет не доверяет преподавателю. У преподавателя нет причин доверять студентам. Когда я еще преподавала, помню, мне нужно было проверять, не с Интернета ли скатал студент свою работу. Но мне и проверять было не нужно — достаточно вызвать студента, пять минут с ним поговорить, и мне сразу понятно, сам он все придумал или где списал, для этого не обязательно проверять на плагиат. Питер

Мерфи[27] написал про все это хорошую книгу. Аналогичные процессы идут по всему миру.

Многое, конечно, зависит от того, что преподают и где. Взять хотя бы Будапештский университет [имени Лоранда Этвеша] — эстетика, коммуникации, в этом они по-прежнему сильны, но оттуда поувольняли кучу преподавателей. Многие бегут оттуда в частные университеты.

О. Я. Как вы относитесь к политике сегодняшних венгерских властей в области культуры, науки, системы образования? Как бы вы прокомментировали конфликты, возникшие в связи с планами изгнания ЦЕУ [Центральноевропейского университета, созданного Джорджем Соросом. — *О. Я.*] из Будапешта? Какие последствия для Венгрии и ее культуры может иметь этот курс?

А. Х. ЦЕУ, конечно, выдавили из Венгрии. И разнообразную ложь про этот университет уже давно начали распространять. Сейчас университет почти в полном составе переезжает в Австрию. Что будет дальше, не очень понятно. У меня сын там преподает, надо бы у него спросить подробнее.

О. Я. В 1989 г. вы стали регулярно приезжать в Венгрию, внимательно наблюдаете за происходящим на родине, а в последнее время живете по большей части здесь. Прошло 30 лет со времени смены системы, это срок уже куда больший, чем между двумя мировыми войнами. Воплотились ли или нет и в какой мере те ожидания относительно будущего развития Венгрии и других посткоммунистических стран, которые были у вас в условиях смены систем, в 1989–1990 гг.?

А. Х. У меня есть про это статья — выйдет в весеннем номере «Социологических исследований», называется «От диктатуры к либеральной демократии, от либеральной демократии — к тирании». Статья про последние тридцать лет венгерской истории, в ней я как раз пишу, что думаю по этому поводу[28].

О. Я. Была же большая надежда в момент смены режима?

А. Х. Была, но это была лишь надежда. Без какого-либо политического мышления в основе. Надежда была, но наши политики, которые пытались ее осуществить, абсолютно не знали страну, которой управляли. Понятия о ней не имели. Так обстояло дело с Йожефом Анталлом, другом детства моего мужа, человеком, жившим идеалами либеральной Венгрии Кальмана Тисы конца XIX в. Где на момент его прихода к власти была та Вен-

[27] Скорее всего, Агнеш Хеллер имеет в виду работу Питера Мерфи «Университеты и инновационная экономика» (*Murphy P.* Universities and Innovation Economies: The Creative Wasteland of Post-Industrial Society. Routledge, 2016).

[28] Статья была опубликована в весеннем номере журнала Social Research под названием «Венгрия: как можно потерять свободу». Фрагмент статьи на русском языке см. на сайте журнала «Уроки истории XX век». URL: https://urokiistorii.ru/article/55996?fbclid=IwAR31sy6AoDcUFEXIwih7z9p3l2jOcvUhTTMDSQdAhbrNhm7KUiOZ-YlVoa0.

грия? Что произошло с тех пор? Он не знал людей. Но он в любом случае уже умер и не смог завершить то, что начал. Сменяли друг друга правительства, не знавшие страну, верившие, будто любой вопрос можно решить в парламенте, и главное, чтобы твоя партия получила там больше мест, тогда большая часть решений будет приниматься в пользу твоей партии. Ни у кого из этих политиков не было чувства ответственности перед историей. Не хочу никого критиковать, но им даже в голову не приходило, что существует историческая ответственность. Им казалось, будто стоит венграм стать частью Европы, либеральной демократией, и все само заработает. И не надо думать, не надо ничего делать. Ференц Дюрчань [премьер-министр в 2004–2009 гг., лидер партии социалистов. — *О.Я.*] — прекрасный актер, но роль премьер-министра он тоже только играл, вместо того, чтобы по-настоящему быть премьер-министром. Симпатичный человек, но актер. Он не подходил для той должности, которую занимал. У социалистов не было человека, способного выполнять функции премьер-министра. Того же Меддеши[29] выбирали не внутри партии. Что ж это за партия, если не может из своих рядов выдвинуть подходящего премьер-министра? Так нельзя. А Фидес тем временем играла ведущую роль — уже во время второго срока Дюрчаня [т. е. с 2006 г.]. В итоге они и возглавили страну [2010].

О. Я. Выходит, Фидес лучше понимала, что это за страна?

А. Х. Именно. Эта партия прекрасно понимала, в какой стране существует, но еще понимала, как эту страну можно развратить, обмануть, одурманить и завоевать. В этом и состоял его [Орбана] проект, у него была одна цель: максимализация власти. Никакой другой цели, идеи, идеологии у него нет. Если какое-то мировоззрение способно усилить его власть, он его будет использовать. Сначала он был либералом, как нам известно, но потом сообразил, что на либерализме далеко не уедешь, сменил ее на «буржуазную» идеологию. Сейчас уже давно не «буржуазную»[30], а крайне правую идеологию эксплуатирует — каждый раз находит то, что максимизирует его власть.

О. Я. И что будет после крайне правой?

А. Х. Спрогнозировать вряд ли смогу. История складывается из случайностей. Мы не предполагали, что придет Орбан, например. Я еще на перезахоронении Имре Надя [в июне 1989 г.], когда увидела его лицо, сказала: этому доверять нельзя. Но друзья мои поголовно его обожали. По лицу же видно — с этим добра не жди. Но тогда многие были им

[29] Петер Меддеши — премьер-министр в 2002–2004 гг., глава правительства, в котором доминировали социалисты. В 1980-е гг. высокопоставленный функционер кадаровского режима, относившийся к кругу системных экономистов-реформаторов. — *Прим. отв. редактора ИЭ.*

[30] Использованное А. Хеллер в беседе слово *polgari* имеет широкий круг значений в венгерском языке: не только «буржуазный», но и «гражданский», связанный с формированием гражданского общества.

очарованы. Те, кто поумнее, со временем разочаровались. Правда, сейчас есть ощущение, что становится чуть лучше — люди перестали быть такими уж пассивными. Появилась какая-то активность, молодежь подтянулась. Хотя, конечно, многие просто уехали из страны. Тебе известно, что совокупный доход всех, кто уехал, точнее, то, что они присылают домой, равен той сумме, которую Венгрия получает от Евросоюза. А лидеру нашему от их отъезда двойная радость: с одной стороны, освободился от революционного элемента, с другой — еще и деньги от них идут. Мне бы хотелось увидеть, чем все это для Орбана закончится, но именно эту минуту, момент его финала, что будет потом — уже не хочу видеть. Всегда достаточно самого момента освобождения. Я уже дважды переживала подобное. Освободились от немцев. Ура. Пришли русские с красной звездой на шапках, теперь мы будем свободны. Фига с два! Потом произошла смена режима, и я себе сказала: радуемся, пока длится это мгновение. Это называется «момент Макиавелли»[31]. Бывало и хуже, конечно. Эпоха Ракоши была куда хуже, гарантированно могу сказать. У вас в России и похуже бывало. Взять ленинградскую блокаду или украинский голодомор. Голодомор, кстати, стал тем доводом, который в свое время помог мне убедить крайне просоветских австралийцев в восьмидесятые, что поддерживать Советский Союз не стоит. Это они поняли, про умиравших от голода детей. В Австралии же нормальная демократия — они действительно думают, что по-крупному никто не обманывает. Правда, верят. Там тоже режим так себе, но до такой степени никто не врет — не пройдет.

"IN ESSENCE, COMMUNISM IS GOOD, BUT ALL ITS MANIFESTATIONS ARE BAD". INTERVIEW WITH A. HELLER

Heller Ágnes (1929–2019) — member of the Hungarian Academy of Sciences, professor emeritus of the Lorand Eötvös in Budapest and of the New School for Social Research in New York (Hungary)

Key words: Hungary, Holocaust, World War II, Hungarian Revolution of 1956, György Lukács, communist ideology, liberal ideology, János Kádár regime in Hungary, Western university life, the fall of communism in Eastern Europe.

Abstract. The internationally famous Hungarian philosopher Ágnes Heller in her last interview talks about her own experiences and gives her own assessment of the events and phenomena of contemporary history, which she saw through the eyes of an eyewitness.

[31] Отсылка к книге Джона Покока «Момент Макиавелли».

«МЫ СТОИМ НА ПОРОГЕ МАСШТАБНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ». Интервью с Я. Баком

Беседа с Яношем Баком. К 90-летию известного историка-медиевиста и педагога

Ключевые слова: Венгрия, Холокост, сталинизм в Восточной Европе, венгерская революция 1956 г., западная университетская жизнь, медиевистика, падение коммунизма в Восточной Европе, Центральноевропейский университет, Джордж Сорос, Виктор Орбан.

Аннотация. Известный венгерский и канадский историк-медиевист Янош Бак, свидетель многих исторических событий XX в., рассказывает о своей жизни и научной карьере.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-159-184

Янош Бак (Bak János) (25 апреля 1929), почетный профессор Факультета медиевистики Центрально-Европейского университета (Будапешт). Выпускник Будапештского университета им. Лоранда Этвеша (магистратура по истории и социологии), магистерская диссертация «Венгерская социалистическая рабочая партия 1880–1890 гг.» (1950); после отъезда из Венгрии в 1956 г. поступил в аспирантуру Гёттингенского университета по специальности «История, социология, Восточно-европейские исследования», диссертация Königtum und Stände in Ungarn im 14.–16. Jahrhundert (1960); постдок – Колледж Святого Антония (Оксфорд), затем, в 1964–1968 гг. преподаватель Факультета истории Восточной Европы в Марбургском университете; 1968–1990 гг. – профессор Университета Британской Колумбии (Ванкувер, Канада); с 1995 г. – организатор и заведующий Факультетом истории Средних веков в Центрально-Европейском университете (Будапешт). У Яноша Бака как педагога учились многие российские и восточноевропейские медиевисты, стажировавшиеся в Центрально-Европейском университете.

Также принимал активное участие в работе Института Имре Надя в Брюсселе (1958–1963), а затем – Института истории венгерской революции 1956 г. (1990–1994).

Организатор крупнейших научных мероприятий (семинаров, конференций) в сфере медиевистики, составитель, редактор и комментатор корпусов средневековых

© Историческая Экспертиза, 2019
Бак Янош – почетный профессор Центральноевропейского университета в Будапеште и университета Британской Колумбии в Ванкувере (Венгрия)

источников, в том числе по средневековому праву, многие из которых постепенно становятся доступны и в электронном виде. Со списком публикаций можно ознакомиться по ссылке: http://publications.ceu.edu/biblio/author/1434.

В настоящее время в числе прочего работает над междисциплинарным электронным ресурсом http://mecern.eu/, посвященном исследованиям по истории права и власти в средневековой Центральной Европе.

Интервью взято 8 декабря 2017 г.
Вопросы: А. Стыкалин, О. Якименко.
Подготовила и перевела: О. Якименко.

Поскольку доктор Бак успел за свою жизнь дать не одно интервью и не очень хотел совсем уж повторяться, отвечая на вопросы о юности, военных годах и периоде написания диссертации, то попросил использовать в этих разделах несколько фрагментов интервью, данного Габору Кланицаи[1]*, а также прежде рассказанные О. Якименко сюжеты – эти фрагменты, а также истории, которыми Янош Бак поделился ранее, до взятия данного интервью, даны в тексте курсивом.*

А. С., О. Я. Расскажите, пожалуйста, о детстве и юности. В какой семье вы родились, в какой гимназии учились? Когда и при каких обстоятельствах возник ваш интерес к истории? Кто повлиял на выбор профессии?

Я. Б. Я родился в интеллигентной семье среднего класса. У отца была степень по экономике, но он работал на предприятии текстильной промышленности. Мама была поэтессой и журналисткой – приехала в Будапешт из Восточной Венгрии. Мы жили здесь, на углу, на улице Татра [беседа происходит в квартире доктора Бака на улице Паннония, в районе Уйлипотварош]. Квартира была красивая, сегодня бы сказали – в две с половиной комнаты. Тут же жили многие мои друзья. На улице Элемер была отличная начальная школа. Да и папина контора располагалась неподалеку, так что мы с ним утром всегда выходили вместе. Я родился в 1929-м, а в 38-м записался в гимназию Бержени, там окончил 8 классов. В 1939 г. был образован отдельный, так называемый «еврейский класс» для тех, у кого в документах было написано «израэлиты» – не по нюрнбергскому расовому принципу, скорее сообразно вероисповеданию. Моя семья религиозной не была, но поскольку мы были евреями, то были записаны как израэлиты. В той же гимназии Бержени я получил аттестат. Конечно, с апреля 1944 до весны 1945 г. я в школу не ходил, поскольку в стране происходили несколько иные события. Некоторое время мы жили в так называемом «доме со звездой».

[1] Times of Upheaval. Four Medievalists in Twentieth-Century Central Europe. Conversations with Jerzy Kłoczowski, János M. Bak, František Šmahel, and Herwig Wolfram. Edited by Pavlína Rychterová with G bor Klaniczay, Pawel Kras, and Walter Pohl. CEU Press, Budapest – New York, 2019.

От нилашистов[2], кстати, меня спасли карточки движения Левенте[3] – Дюла Хорват, он у нас вел уроки физкультуры и командовал военизированным подразделением Левенте, послал меня купить карточки Левенте – у них были такие карточки, вроде удостоверений – в специальный магазин. Там можно было поставить на карточку штампик: «дедушки и бабушки с обеих сторон – христиане» – тогда это было гарантией, что ты ариец, приклеить фотографию и вписать свое имя. Эти карточки оказались отличными удостоверениями личности при нацистах. В январе 1945 г., в последние недели штурма Будапешта, к нам нагрянул нилашистский патруль и потребовал предъявить документы. Их командир взял мою карточку и сказал: «Братья, подите сюда!» Я подумал, мне конец. А он вдруг говорит: «Вот эти удостоверения – по форме. У молодых людей должны быть именно такие!» Так что эти карточки оказались очень полезными. Я раздал их дюжине друзей, или даже больше. Дюла Хорват безусловно знал, что я сделал, но закрыл на это глаза.

Вообще мне очень помогло то, что я во время учебы в гимназии был скаутом. Я был членом 311-го скаутского отряда «Вёрёшмарти», который пользовался поддержкой Будайского израэлитского общества. Но религии там никакой не было. Моим непосредственным командиром был Тамаш Денеш, сын владельца одной из ведущих столичных художественных галерей, где впервые выставлялись многие известные художники, в том числе Чонтвари[4], а всем отрядом командовал Миклош Саболчи[5], будущий известный историк литературы. Скаутский отряд был островком мира среди всего этого хаоса, и те, кто нами командовал, сумели дать нам возможность пожить нормальной подростковой жизнью, пока наших отцов гнали в трудовые лагеря и на русский фронт. К 1940 г. наш отряд, естественно, исключили из Венгерской скаутской ассоциации, изменив четвертый закон скаутов «Скаут – друг всем и брат любому скауту» на «брат любому скаут-христианину». Но мы продолжали заниматься вместе – наши руководители по-настоящему подготовили нас к тяготам военной жизни, водили в долгие походы, тренировали. Не один бывший скаут использовал потом эти навыки в попытке сбежать. Кроме того, годы, проведенные в скаутском отряде № 311, много дали мне и в плане культуры. Мы читали все книжные новинки. Среди самых любимых был новый венгерский перевод эпиктетовского «Энхиридиона» – это была не Библия или скучные

[2] Нилашисты — члены национал-социалистической «Партии скрещенных стрел», основанной Ференцем Салаши в 1937 г. После государственного переворота в 1944 г. партия сформировала прогерманское правительство и проводила политику террора и репрессий, члены партии активно участвовали в уничтожении венгерских евреев и цыган и их депортации в Германию. Весной 1945 г. партия была запрещена.

[3] Левенте — военизированная юношеская организация, ставшая в 1930-е гг. попыткой обойти запрет воинского призыва, наложенный Трианонским мирным договором с Венгрией (1920 г.). С 1939 г. членство в этой организации стало обязательным для всех мужчин от 12 лет до 21 года.

[4] Тивадар Чонтвари Костка (Csontváry-Kosztka Tivadar) (1853–1919) — художник-самоучка, один из самых самобытных венгерских художников, соединивший в своей живописи черты примитивизма, экспрессионизма, символизма и магического реализма.

[5] Миклош Саболчи (Szabolcsi Miklós) (1921–2000) — литературовед, исследователь творчества Аттилы Йожефа, крупный специалист по венгерскому и европейскому авангарду.

скаутские книжки. Таким образом, продолжая всем этим заниматься, мы в каком-то смысле отрицали наше исключение из национальной ассоциации – и в этом, как я вижу сейчас, была своего рода наивность, типичная для ассимилированного «еврейского» среднего класса, к которому принадлежали отец и многие друзья нашей семьи, убежденного, что в Венгрии никакого кровавого преследования евреев не будет. «Это не Германия, не оккупированная Польша, здесь этого не будет», – часто говорили они. Но это случилось.

Нашей семье повезло еще и потому, что компания, где работал отец, была объявлена поставщиком военной продукции и находилась под защитой армии. Осенью 1944 г. депортация евреев из Будапешта на какое-то время остановилась, но когда 15 октября власть перешла к нилашистам, стало ясно, что нам грозит опасность. Мы начали использовать фальшивые документы и перешли на нелегальное положение. Отец прятался в чулане у приятеля по профсоюзу, а мы с мамой по поддельным документам стали беженцами из Трансильвании — Трансильвания на тот момент уже находилась под полным контролем румынской и советской армий. По этим же документам можно было получить карточки на молоко и хлеб.

Потом у одного моего друга, который был связан с подпольем, вышел конспиративный «прокол» — он позволил своей матери прийти ко мне в квартиру, кажется, чтобы забрать поддельные удостоверения. Мы с мамой вернулись домой — наверное, были в кино, там было тепло и темно, — хозяйка сказала: «Тут вас одна еврейка искала». «Интересно, — ответили мы, — у нас нет знакомых евреев, но мы попозже вернемся». Мы повернулись и ушли с тем, что у нас на тот момент с собой было, а когда дошли до следующего угла, увидели, как к дому подходит патруль нилашистов — видимо, пообщаться с «трансильванцами» и их еврейскими друзьями. Хозяйка явно «выполнила гражданский долг». Так что домой мы тогда не вернулись. Ночь провели в бомбоубежище в подвале дома Яноша Кметти[6] и его жены. Тогда многие жили в бомбоубежищах. У Кметти мы провели пару ночей — я это запомнил, потому что у него в уголке хранились пачки сигарет, оттуда я, наверное, первую в своей жизни пачку и взял. Курил я много до недавнего времени, да и сейчас периодически выкуриваю сигарету-другую. После этой истории мы жили здесь рядом в подвале дома по Сент-Иштван кёрут почти до освобождения, правда, я маму потом отвел к отцу и прятался один чуть подальше. Знаменитую битву у театра Вигсинхаз я наблюдал с довольно близкого расстояния. Советские войска тогда уже заняли первый этаж театра, а сцена еще была в руках немцев. У Белы Иллеша есть книга про сражение за Вигсинхаз[7]. Непосредственно после штурма Будапешта я заболел желтухой, мне прописали есть пищу из муки

[6] Янош Кметти (Kmetty János) (1889–1975) — живописец, график, выдающийся педагог в сфере искусств.

[7] *Illés Béla.* Vígszínházi csata. Révai, Budapest, 1950.

и сахара, которых тогда было не достать, но мы с отцом сообразили, что на разбомбленных мукомольных предприятиях на севере Пешта должна быть мука. Правда, она была покрыта черным слоем угля, но внизу осталась белой. Мы накопали там муки, а сахар достали в конторе агропромышленной фирмы, где работал дедушка, — сахар там остался в выставочном зале и тоже сверху сгорел, но что-то осталось.

В марте 1945 г. я снова стал ходить в школу, но больше занимался партийными делами, мы пропадали в здании Будапештского суда, где судили, а потом казнили военных преступников, а мы ходили слушать и смотреть – все происходящее было вполне в средневековом духе. По окончании седьмого класса гимназии я хотел скорее пойти куда-нибудь учиться дальше и осенью 1946 г. записался в Будапештский университет – тогда можно было записаться еще будучи учеником гимназии, если в течение года ты приносил аттестат, тебе засчитывали потом прослушанные курсы.

История меня тогда не очень интересовала, потому как историк в гимназии был совсем никудышный. У меня прекрасно шла латынь. Мы с друзьями ближе к окончанию школы стали присматриваться, куда можно податься дальше учиться. Возникла идея пойти на философский [историко-философский], куда с моим знанием латинского у меня было больше всего шансов попасть. В молодости, когда я был скаутом, хотел стать инженером — по какой-то причине — но потом выяснилось, что с тем уровнем знаний по математике, который был у меня (я еле-еле сдал выпускной экзамен), инженера из меня не выйдет. И тогда мы с друзьями — а нас было трое: Дёрдь Литван[8], Пал Форгач и я — выбрали-таки философский. Опять же благодаря хорошему знанию латыни я стал заниматься Средними веками.

Сначала записался читать грамоты на курс палеографии к Имре Сентпетери[9], потом набрал еще кучу предметов — курс Андраша Алфёлди про магию в Древнем Риме[10] — тут получилось не очень удачно, ведь тогда не писали, для какого года обучения этот курс, и когда мы [с Литваном] пришли, выяснилось, что туда собираются ходить несколько его ассистентов, пара аспирантов и мы вдвоем. Мы быстро поняли, что это нам не по зубам, но уйти было нельзя, было бы слишком заметно. Так мы умудрились прослушать последний курс, прочитанный выдающимся историком Алфёлди в Венгрии — в конце года он уехал в Принстон. Еще меньше

[8] Дёрдь Литван (Litván György) (1929–2006) — венгерский историк, политик, активный участник революции 1956 г. и деятельности Кружка Петефи, после поражения революции участвовал в создании Венгерского демократического движения за независимость, подвергался преследованиям, в конце 1980-х гг. один из основателей новой политической партии — Союза свободных демократов. Один из основателей (1990 г.) и первый директор Института истории венгерской революции 1956 г.

[9] Имре Сентпетери (Szentpétery Imre) (1878–1950) — историк, палеограф, автор издания нарративных источников эпохи Арпадов (1937–1938).

[10] Андраш Алфёлди (Alföldi András) (1895–1981) — историк, археолог, источниковед, специалист по эпиграфике и нумизматике, крупный специалист по поздней Античности.

нам повезло с его зятем Йожефом Деером[11], медиевистом. Мы записались к нему на семинар, он разрешил нам ходить, потому что мы хорошо знали латынь, а потом Деер взял отпуск и уехал в Германию и Швейцарию. Потом я встретился с ним уже только через десять лет в Берне.

На этом семинаре я познакомился с Евой Балаж[12] *– она была студенткой Елемера Майуса (она потом занялась XVIII в.). Она взяла нас под свое крыло и продолжала заботиться о нас до самой своей смерти в 2006 г.* Вообще, где бы я ни учился, я всегда учился как надо и как не надо преподавать. *Например, не преподавать, как Петер Ваци*[13] *– его лекции были совершенно непонятны. Он сидел на кафедре с бумажкой перед глазами и мямлил. Я не знал, что много лет спустя, когда его выгнали из университета как «буржуазного профессора», он стал вести отличный закрытый семинар и выпестовал блестящих специалистов так, как я бы делал это сегодня. Но тогда нам это было не ясно. В основном мне нравилось читать грамоты с Сентпетери – мы делали это четыре-пять раз в неделю по часу по утрам. Для медиевистов это тогда было обязательным. Характерно для того времени, что Сентпетери преподавал палеографию, структуру грамот, все про дипломатию, но никто не занимался переводом латинских текстов на венгерский – подразумевалось, что все присутствующие знают латынь, как будто это их родной язык.*

Потом, кажется, Ева Балаж посоветовала нам записаться-таки на педагогическую специальность — если ты хотел получить диплом с разрешением преподавать в гимназии и сдать госэкзамен, надо было зарегистрироваться на этой программе и выбрать две специализации, соответствующие предметам в гимназии. Я начал с истории и английского, потом английский отменили, как «империалистический язык», и я взял историю и географию; мне понравилось, и я в течение семестра ходил к Тибору Мендёлю на социально-экономическую географию — это было похоже на то, чем потом стали много заниматься представители французской школы «Анналов»[14], но вскоре я понял, что придется заниматься естественными науками, а мне это не подходило.

В тот момент возникла интересная альтернатива, а именно, бывшему журналисту Шандору Салаи[15] дали первую кафедру социологии в венгерском университете. Социология началась в Венгрии в конце XIX в., но все ее первопроходцы, вроде

[11] Йожеф Деер (Deér József) (1905–1972) — историк, специалист по раннему и позднему венгерскому и европейскому Средневековью.

[12] Ева Х. Балаж (H. Balázs Éva) (1915–2006) — историк, специалист по раннему Новому времени.

[13] Петер Ваци (Váczy Péter) (1904–1994) — историк-медиевист, коллекционер (его коллекция находится сегодня в музее г. Дёр).

[14] Школа «Анна́лов» (фр. École des Annales), также «Новая историческая наука» (фр. La Nouvelle Histoire) — историческое направление, основанное Люсьеном Февром и Марком Блоком.

[15] Шандор Салаи (Szalai Sándor) (1912–1983) — социолог, специалист по сравнительной социологии, философ, футуролог, одним из первых стал исследовать проблемы внерабочего времени.

Карла Мангейма[16] и Арнольда Хаузера[17], после Первой мировой войны эмигрировали. Я записался на этот курс и даже устроился работать в только что созданную кафедральную библиотеку.

Вообще-то у нас с Литваном уже была похожая работа у Петера Ваци по рекомендации Евы Балаж, но там у нас не очень получилось. Когда нас представили Ваци, то ли я, то ли Литван спросили, знаком ли он с книгой Энгельса про крестьянскую войну в Германии, он ответил в своей шамкающей манере: «Наверное... читал когда-то». Для нас это означало, что он — безграмотный буржуа, у которого Энгельс от зубов не отскакивает. Так что с Ваци мы не подружились.

Литван вскоре стал заниматься современной историей, а я сосредоточился на социологии, и это опять же помогло мне научиться методике преподавания. Салаи моментально вовлекал всех студентов в какой-нибудь реальный эмпирический проект, и все работали командами наравне с ним, а на семинарах обсуждали работу, которую делали вместе. Увы, продлилось это недолго, в 1950 г. Салаи, один из лидеров социал-демократического движения, был арестован, провел шесть лет в тюрьме и трудовом лагере, а кафедра социологии была распущена.

Я, если не ошибаюсь, ушел оттуда раньше довольно наглым образом. Партия заклеймила социологию как буржуазную науку, и нам было приказано туда не ходить. Помню, я оставил работу недоделанной — какую-то работу в библиотеке просто оставил на столе и ушел. В конце семестра заявился на устный экзамен в форме коллоквиума, и Салаи был несколько удивлен: «Уверены, что я вообще должен с вами разговаривать?» Извиниться за этот поступок я смог лишь двадцать лет спустя, когда мы встретились в Америке, где он работал в ООН, и мы стали добрыми друзьями.

Что же до истории — там со Средними веками тоже все закончилось быстро. На втором или третьем курсе, когда товарищ Эржебет Андич, «комиссар» философского факультета, сообщила нам, что этими клерикальными Средними веками мы заниматься не будем, а будем изучать историю рабочего движения. Так что в итоге я написал диплом про *Allgemeiner Ungarischer Arbeiterverein* – немецкоязычную рабочую партию, предшественницу венгерской социал-демократической партии, которая просуществовала десять лет. А потом пошел преподавать в среднюю школу, т. к. статус «кадра» потерял.

А. С., О. Я. То есть научным руководителем вашего диплома была не кто-нибудь, а Эржебет Андич[18], зловещая фигура, приехавшая из Москвы для того, чтобы насаждать в Венгрии советскую мо-

[16] Карл Мангейм, Маннхейм (Karl Mannheim) (1893–1947) — социолог, философ, один из основоположников социологии знания.

[17] Арнольд Хаузер (Arnold Hauser) (1892–1978) — философ, историк искусств, социолог.

[18] Эржебет Андич (Andics Erzsébet) (1902–1986) — советский и венгерский историк, коммунистический функционер, депутат парламента.

дель исторической науки и исторического образования.

Я. Б. Андич не была плохим историком. У нее есть приличные работы про 1848 г. и ту эпоху. Но до определенного момента она была исключительно жесткой сталинисткой-коммунисткой. К старости она это «переросла» — об этом я узнал от своей другой преподавательницы, Евы Балаж. Дочь Андич, Кати Белеи уехала в Америку, и товарищ Андич к ней съездила, а потом с исключительным воодушевлением вернулась домой, мол, какое шикарное место эта Америка и как у нас все дерьмово. Но тогда, после войны, она еще этого не знала, позже пришла к такому заключению. И, как мы знаем, ошибочно, ведь Америка — тоже куча мусора, но это другой вопрос. С Андич у нас особой связи не было, максимум пару-тройку раз со мной побеседовала — и все. Лекции ее я не слушал, насколько помню. Научным руководителем она тоже особенно у меня не была — у меня почему-то вообще, кажется, не было никакого научного руководителя, или был на бумажке, наверное, но я даже не знал, кто. Диссертация была абсолютный шлак. Чистый анекдот. Откуда эта тема возникла, не знаю. Но когда она была сформулирована, у меня были друзья в библиотеке имени Сечени, и они мне дали доступ к толстенной такой, в несколько сантиметров подшивке — еженедельнику венгерских коммунистов на немецком. Немецкий я знал очень хорошо, в детстве у меня была немецкая гувернантка, это было принято в тех кругах, плюс жена моя тогдашняя — лучшая на тот момент стенографистка в стране. Так что я взял эту подшивку, полистал еженедельник, стал оттуда переводить куски на венгерский, Марика стенографировала, потом добавили в начале цитату из Маркса, в конце — цитату из Ленина, и с этой диссертацией я смог защититься с отличием.

Не так уж там все было плохо, я подробно описал крайне неинтересную историю *Arbeiterverein*. Слабовато начинала венгерская социал-демократическая партия, это потом она стала крайне важной и сильной, но на начальном этапе она была еще очень кустарной, если можно так выразиться, Венгрия тогда не была еще индустриализирована.

А. С., О. Я. Вы поверили и верили в правоту марксизма, когда учились в конце 1940-х гг. в Будапештском университете? А если верили, то на каком этапе пришло разочарование и в силу каких обстоятельств?

Я. Б. Конечно, мы верили. Особенно в сравнении с дико скучной национальной картиной мира, предлагавшейся в Венгрии в период между двумя мировыми войнами. Эта система была открытой всему миру, с другой стороны, вся эта социалистическая история выглядела как знамя освобождения человечества. То, что впоследствии это знамя было всячески предано, и сделано из него было не совсем то, все это постепенно стало нам ясно только тогда, когда начали происходить по-настоящему нехорошие вещи.

А. С., О. Я. Когда это началось? Для вас?

Я. Б. Например, когда секретаря моей партийной организации, друга моего отца[19] посадили в рамках дела Райка[20] как агента империализма — это трудновато было понять. Но, должен признаться, пару лет после этого я не общался с его женой и детьми, думая, «а вдруг все-таки». Так что процесс осознания шел очень медленно. Я все пытаюсь реконструировать, уже не раз обсуждал с друзьями и с разными людьми, когда, до какого момента человек боялся отклониться от линии партии, потом ужасался, что попался в эту ловушку, и тогда, наконец, решался выйти. Это происходило очень медленно. Настолько медленно, что еще летом 1956 г., к моменту, когда я уже шесть лет как был изгнан из партии, мне предложили реабилитацию, и мне тогда это еще казалось важным. Больше того, важным я считал и то, чтобы мне записали мое членство в партии с 1945 г., т. е. что я *ancien combattant*. Со всей компанией я тогда уже порвал, но то, что я в партии с 1945 г., летом 1956-го еще казалось важным. Фантастика. Сколько нужно времени, чтобы из хомо советикус получился так или иначе приличный человек.

А. С., О. Я. Любопытно. Но вы ведь и сами не сразу стали хомо советикус?

Я. Б. Понимание того, что «это все не работает», пришло ко мне, когда в октябре 1950 г. я пошел на военную службу, как положено, на 2,5 года — тогда-то я познакомился со своими ровесниками, которые были не партийными работниками и секретарями парторганизаций, а просто рабочими, интеллигенцией, крестьянами. Они-то мне и рассказали, что мы сотворили со страной. До этого мы не особенно и замечали, ведь до центрального штаба MADISZ или KISZ[21] доходила всегда не реальность, а приукрашенная в соответствии с линией партии ее часть. И вот из их рассказов нам (моего друга, Дюри Литвана тоже тогда призвали) стало ясно, что мы натворили со страной, по крайней мере, в чем мы принимали участие.

А. С., О. Я. Как вы с высоты огромного жизненного опыта относитесь сегодня к той позиции, которую занял после войны в отношении СССР и места Венгрии в мире один из крупнейших венгерских историков Дюла Секфю, человек всегда далекий от марксизма?

Я. Б. О Секфю ничего особенного рассказать не могу — я тогда в профессии особой роли не играл, просто преподавал в школе и не видел, что происходит в исторической науке. Помню, как он стал послом в Москве — при том, что история, которую писали Секфю и ему подобные, была выдержана в крайне националистическом духе, но они

[19] Речь здесь идет о Дёрде Хелтаи.

[20] Политический судебный процесс сентября 1949 г., типологически близкий большим московским показательным процессам 1936–1938 гг. Был направлен на разоблачение титовской Югославии, отлученной Сталиным от мирового коммунистического движения. Главный жертвой стал Ласло Райк, влиятельный функционер компартии.

[21] MADISZ (Magyar demokratikus ifjúsági szövetség) — Союз венгерской демократической молодежи и KISZ (Kommunista Ifjúsági Szövetség) — Союз коммунистической молодежи.

перешли на «нашу» сторону, и мы даже, думаю, радовались, мол, удалось переманить в наш лагерь так называемого «буржуазного» историка. Для сравнения: нам казалось очень важным, когда декан историко-философского факультета (когда я начал на нем учиться) Миклош Жираи вступил в коммунистическую партию. Симпатизировать Советам бедняга Жираи стал потому, что в межвоенный период очень активно продвигали тексты про туранское и гуннское происхождение венгров, а его, как финно-угроведа, оттесняли на второй план. Он слышал, что в Советском Союзе марийцы, манси, коми и другие обладают некоторой культурной свободой, естественно, переоценивая то, что называлось ленинской национальной политикой, и потому вступил в партию. Кажется, его довольно быстро оттуда и выгнали за «буржуазность», но точно не вспомню. Но история похожа на то, что произошло с Секфю: нам казалось достижением, что кто-то из «тех» встал на нашу сторону.

А. С., О. Я. Оставил ли в вашей памяти след процесс 1949 г. по делу Ласло Райка? Верили ли вы в его виновность? Имели ли представление о масштабах репрессий режима Ракоши? Какую духовную эволюцию проделали вы, в то время молодой преподаватель истории, между смертью Сталина и XX съездом?

Я. Б. В дело Райка поверить было сложно, но мы не смели по-настоящему не поверить. Встреча с водолазами в рыбацкой хижине на реке Тисе и прочая ерунда, которую вытащили во время процесса, не могли по-настоящему убедить молодого интеллектуала. Сложно сказать, чему мы верили, но действовал постулат: «Если партия сказала, так оно и есть, а если где-то что-то не так, все придет в норму». Это было характерно и для советской интеллигенции, мол, сталинизм слегка переборщил, но мы спасем тот коммунизм, к которому когда-то стремились. Постоянно звучало: «Сейчас немножко не так все идет, но потом все выправится».

А. С., О. Я. Но ведь молодая интеллигенция видела: идут репрессии.

Я. Б. Это как у пастора Нимёллера — когда забирают кого-то другого, не меня, я не замечаю, что сам окажусь следующим. Со смертью Сталина все начинает меняться. Довольно быстро. Что касается меня, например, к тому моменту я как раз отслужил положенные два с половиной года в армии и подружился с людьми, которые отнюдь не были коммунистами, а наоборот, всегда были противниками коммунистов — прежде я бы разговаривать с ними не стал, но в 1953 г. я уже понимал, что есть и другие взгляды. Мне довелось познакомиться с молодым крестьянином, чей отец повесился — его принуждали вступить в колхоз. У нас в батальоне был политрук, достойный, честный человек, еврей из Дебрецена, помню, мы несколько раз с ним ходили, когда прибегали солдаты: «Дяденька политрук, отец вешаться надумал!» У него было очень правильное отношение — помочь в первую ночь, поговорить до утра. И иногда нам это удавалось. Мы

приходили, просили: «Расскажите, что вас беспокоит, только скажите, не конец же света, вот тут ваши дети» и т. д. Вытаскивали человека из кризиса. Два или три раза так вместе ходили куда-то в деревню. Сильное было впечатление насчет происходящего в стране. О том, что происходило, можно было понять по мелочам. Я всегда рассказываю, что в Пеште — отец тогда работал уже в Госконтроле, маму, как социал-демократку, отовсюду выгнали, журналистикой она заниматься не могла, но работала на радио, т. е. они были при деле, не все было плохо, но сало, которое получали на завтрак, имело смысл растопить в кастрюльке и отвезти старикам в Пешт, чтобы в доме был жир. Это 1952–1953 гг. Страна была на грани нищеты.

А. С., О. Я. Вспомним весну 1956 г. Вспомним о ваших ощущениях и надеждах. Во что вы верили и что хотели? Были ли вы непосредственным свидетелем дискуссий на Кружке Петёфи?

Я. Б. Таким уж активным, в том числе и в Кружке Петёфи, я не был, но ядро Кружка — Габор Танцош[22], Андраш Хегедюш[23] и Балаж Надь[24]— были мои хорошие друзья, так что за происходящим я следил, ходил на собрания по поводу ситуации в исторической науке весной 1956 г., где открыто осуждали Эржебет Андич за то, что она многим людям порушила жизни и карьеры, Домокош Кошари[25] тоже публично говорил о том, что творилось в исторической науке[26]. Потом тема сменилась — начались бурные

[22] Габор Танцош (Tánczos Gábor) (1928–1979) — один из лидеров молодежного крыла Венгерской коммунистической партии в середине 1940-х гг., в 1956 г. секретарь молодежного дискуссионного Кружка Петёфи, на заседаниях которого формулировалась программа демократического обновления страны в духе идей XX съезда КПСС. После разгрома революции 1956 г. был депортирован в Румынию вместе с другими лицами из окружения поддержавшего революцию премьер-министра Имре Надя и приговорен впоследствии за участие в революции к 15 годам тюрьмы, амнистирован в 1962 г. В эпоху Кадара занимался журналистикой и социологией. Один из инициаторов меморандума венгерской интеллигенции в поддержку Хартии-77, программного документа чехословацкой оппозиции. В состоянии душевной депрессии, вызванной предчувствием новых преследований, покончил жизнь самоубийством, что было воспринято в кругах венгерской интеллигенции как знак бессмысленности любой оппозиционной деятельности в условиях, когда режим Кадара прочно стоит на ногах и к тому же пользуется западной поддержкой как самый либеральный коммунистический режим Восточной Европы. Самоубийство Танцоша явилось ударом для зарождавшейся в Венгрии демократической оппозиции, на некоторое время ее деморализовавшим.

[23] Андраш Хегедюш (Hegedűs B. András) (1930–2001) — экономист, социолог, активный участник событий 1956 г., в 1958 г. приговорен к двум годам тюрьмы, в 1980-х гг. — сотрудник академического Центра центральноевропейских исследований, один из создателей Архива устной истории (1985), организатор первой нелегальной конференции, посвященной событиям 1956 г. (1986). В 1990 г. один из инициаторов создания Института истории венгерской революции 1956 г.

[24] Балаж Надь (Nagy Balázs) (1927–2015) — участник Кружка Петёфи. После подавления революции 1956 г. эмигрировал. Был сотрудником брюссельского Института Имре Надя. Политолог, историк.

[25] Домокош Кошари (Kosáry Domokos) (1913–2007) — историк, писатель, в 1990–1996 гг. — президент Венгерской академии наук.

[26] См. текст этого выступления Д. Кошари на русском языке: Славяноведение. 2014. № 3. С. 90–93.

дебаты насчет прессы и свободы слова. Осенью был диспут про образование, там я коротко выступил насчет проблем в системе образования — что характерно, не в дебатах вокруг истории, а в споре про образование. Уже казалось, что-то может измениться.

В апреле Дёрдь Литван, на тот момент он был учителем в гимназии, прославился тем, что на открытом районном партийном форуме публично потребовал отставки Ракоши, лидера партии, пришедшего туда.

Самое интересное в революцию я пропустил — пришел на площадь Кошута с демонстрантами. У Кружка Петёфи был грузовик с радиоустановкой. На площади Кошута со мной случилась почечная колика, и меня отвезли на скорой в больницу, где я проснулся, наверное, около полуночи, а главврач — давний друг нашей семьи — подошел к моей койке и, картавя, сказал: «Старик, говорят, революция началась. Может ли такое быть? Давай твоему отцу позвоним!» Позвонили отцу, он тогда ничего особенно прояснить не мог, тоже был не в курсе, но спустя полчаса начали привозить раненых в ту клинику, и я, как старый бойскаут, остался немного помочь. А на другой день выяснилось, что мои друзья по Кружку Петёфи — Танцош, Хегедюш, Литван — организовали «Революционный комитет интеллигенции», располагался он в центральном здании университета, там я и пробыл десять дней — с 24 октября по 4 ноября. Кажется, 4-го, нет, 3-го первый раз пошел домой на гору Геллерт. Мы уже знали, что ситуация развивается в негативную сторону — в последние пять-шесть дней вместе с Дёрдем Маркушем[27] и старым моим приятелем, офицером французского сопротивления звонили по разным международным организациям и фондам — он лучше говорил по-французски, с этого момента мы были на связи с железнодорожниками — на Западном и Восточном вокзалах, и знали, что происходит, что на границах уже входят русские войска. Это мы уже видели. Что они собираются делать, было еще не очень понятно, но было видно: вводят обратно те войска, которые уже прежде стояли в том же Будапеште[28] — эти военные знали, как тут обстоят дела, но вводят и новые войска, которые в ситуации не очень ориентируются, и с ними можно делать что угодно. Расчет был на это. Я там ничего особенно серьезного сделать не сумел. Этот «Революционный комитет интеллигенции» какое-то время многими воспринимался как некое оппозиционное правительство, и к нам приходили за всякими разрешениями, которые мы, конечно,

[27] Дёрдь Маркуш (Márkus György) (1934–2016) — философ, ученик Д. Лукача, неомарксист, представитель Будапештской школы, в 1968 г. подписался под петицией против вторжения в Чехословакию, в начале 1970-х гг. отошел от марксизма, эмигрировал в Австралию (1977).

[28] Войска из дислоцированного в Венгрии советского Особого корпуса были впервые введены в Будапешт для «наведения порядка» в ночь на 24 октября, выведены затем в конце октября по требованию правительства И. Надя и вновь введены рано утром 4 ноября, когда в повестку дня была поставлена задача свержения действующего правительства и приведения к власти другого, лучше контролируемого Москвой.

никак выдавать не могли. Но было что-то, что мы могли делать. Я, например, тогда еще вполне сносно говорил по-русски, и я звонил командующему теми пятью танками, что стояли в саду Национального музея, с вопросом, понимают ли они вообще, где находятся, и знают ли, что это Национальный музей и что его надо охранять, не дай бог там какое-нибудь безобразие случится. И командующий мне ответил: «Конечно», мол, он знает, потому они там и стоят и будут стоять в надежде, что никакой перестрелки не будет, ее там и не было. Помню, был еще такой разговор — я ходил к восставшей молодежи, мы пытались их как-то удержать в рамках, чтобы они не провоцировали русских, мы пытались разыграть эту «серединную линию» Кружка Петёфи, линию Имре Надя. Мы с Пишти [Иштваном] Эрши[29] были на улице Тюзэлте, он очень дружил с беднягой Иштваном Андялом, которого потом казнили, при том, что он сражался в революции 1956 г. под знаменами коммунистов, боровшихся за справедливость. У них было такое социалистическое направление — за социализм как бы несколько более правого, т. е. умеренного толка, которое, как мне кажется, мы переоценили. Забавно, что тогда была восстановлена организация венгерских скаутов. И, поскольку мои друзья знали, что я не просто был скаутом, но и занимал какой-то пост в этой организации, то послали меня от имени «Революционного комитета интеллигенции» как своего рода оппозиционного правительства сообщить, что мы знаем об их существовании и признаем их. И вот я отправился в дом скаутов на улицу Надь Шандор — этот опыт был, конечно, потрясающий. Там были «старики» — те, кто когда-то были скаутами, люди в большинстве своем правых, скорее даже консервативных взглядов, клерикальные, ведь были же и католические скауты. Многие из них прошли тюрьму, меня же они знали как человека, которого в свое время заслала к скаутам коммунистическая партия, чтобы он реформировал скаутское движение. Одно время речь шла о том, чтобы «растворить», точнее, объединить скаутов с пионерами и, таким образом, сохранить. В Польше удалось так сделать. В Венгрии же нет, возможно, из-за устранения Л. Райка — именно у него было такое видение, так он нас инструктировал. В общем я для них был человеком, засланным коммунистической партией, и, приветствуя меня по-скаутски, они пожимали мне левую руку со словами: «Тебя обманули, и нас обманули». Интересная была ситуация. Они планировали нанести визит руководителям венгерских церквей, и, думаю, на 5 ноября, на понедельник была назначена аудиенция у примаса Венгрии [кардинала Миндсенти], но встреча эта так и не состоялась, наступило 4 ноября, примас в итоге укрылся в посольстве США, а в город вошли русские.

А. С., О. Я. Как пришла мысль об эмиграции? Как и при каких обстоятельствах вы покинули

[29] Иштван Эрши (Eörsi István) (1931–2005) — писатель, автор политических эссе, пьес, статей, переводчик, за участие в революции 1956 г. был приговорен к 8 годам тюрьмы.

страну и как складывались первые годы вашей жизни в эмиграции?

Я. Б. Когда арестовали Мики [Миклоша] Гимеша[30], какие-то люди из полиции меня разыскивали в родительской квартире, где я давным-давно уже не жил, плюс один из моих браков находился в стадии распада, вот потом задним числом я реконструировал события — был момент, когда я подумал, зная себя, — не будем забывать и про историю с моим восстановлением в партии, — что у меня есть жена и маленькая дочь и убогая преподавательская должность, ничего особенного, но приемлемо, все-таки в Торговой академии, и все это вынудит меня пойти на сделку с теми, кто тогда пришел к власти, и я до смерти буду стыдиться, что пошел на эту сделку. По радио — на радиостанции «Свободная Европа» и на других станциях — выступали эмигранты первой волны, они, естественно, с моей политической линией не совпадали, я был для них слишком левый, да и я с ними не особенно хотел заводить дружбу, однако поразмыслил над возможными альтернативами и все-таки уехал.

А. С., О. Я. Мне очень нравится эта история про то, как вы перешли границу.

Я. Б. Да, отличная история. Заявился в Берлине в черном зимнем пальто. Herr Doktor Bak aus Budapest.

Историю своего отъезда, точнее ухода из Венгрии в декабре 1956 г. доктор Бак рассказывал мне ранее в частной беседе в ноябре 2016 г.: будучи на тот момент сотрудником министерского учреждения, после месяца раздумий «ехать, не ехать» он выписал себе пропуск якобы для инспекции приграничных школ и отправился, как правильный скаут («Я же старый скаут, я знал эти горы»), в деревни поближе к Австрии. Переходя из деревни в деревню, наткнулся на русских – те отвели его к венграм, мол, разбирайтесь, венгры вернули в предыдущую деревню, но к тому моменту Бак уже вычислил, когда ходит патруль, и без особых проблем на рассвете перешел границу. Сразу после перехода сел покурить. Из кустов голос: «Вы венгры?» Несколько человек вокруг откликнулись. Голос попросил помочь перебежчикам с детьми. В Луцмансбурге беглец переоделся – во взятом с собой рюкзаке было черное пальто, шарф и шляпа – и из великовозрастного скаута превратился в молодого исследователя. Достал из ботинка припрятанные 10 долларов, купил 2 банана и бутылку кока-колы («Это была моя первая и последняя бутылка кока-колы, а ведь тогда ее еще из настоящей коки делали, а бананы я помнил еще из довоенного детства»). Потом были американская миссия в Вене, кафе «Европа» у венской оперы, нидерландское посольство (где можно было отметиться в качестве «друга Нидерландов» – у Яноша Бака была к тому времени уже опубликована небольшая статья про венгров-протестантов, бежавших от турок в XVI в. в Голландию и вернувшихся потом в Трансильванию с новыми знаниями), но в итоге будущий профессор оказался в Гёттингене, откуда потом перебрался в Канаду.

[30] Миклош Гимеш (Gimes Miklós) (1917–1958) — журналист, политик, 16 июня 1958 г. был казнен вместе с Имре Надем и Палом Малетером по обвинению в том, что явился одним из организаторов «контрреволюции», реабилитирован посмертно в 1989 г.

А. С., О. Я. Вы принимали участие в деятельности брюссельского Института Имре Надя и одновременно стали писать диссертацию в Гёттингене. Ваша дипломная работа в Венгрии была посвящена проблемам венгерского рабочего движения в конце XIX в., по сути его возникновению. А в Гёттингене вы стали писать на немецком языке диссертацию по сложной теме из средневековой истории. Почему вы сделали именно этот выбор, и был ли легок ваш путь в медиевистику?

Я. Б. Рассчитывать было не на что. Я оказался в Германии, получил предложение от Студенческого союза, который помогал беженцам-студентам, позаниматься с группой таких студентов за впечатляющие деньги, кажется, давали 200 дойчмарок в месяц. Предложение мне понравилось, я подписался, набрал группу — человек 12, те, с кем в середине декабря мы из Австрии двинулись в Германию, но добрались только к Рождеству — на границе вышла перебранка с американцами, у них тогда еще было право «опрашивать» беженцев с Востока, выяснять, что они знают про аэропорты и все в таком духе. Я сумел вывернуться и отмазать остальных — дал американцам наши имена и адрес и сказал: «Можете нас потом расспросить, мы должны добраться в пункт назначения до Рождества». Так и вышло. Близ Нюрнберга в доме Красного Креста нас должны были приписать к университету Эрлангена. Не будем забывать, что венгры были первыми беженцами в Западной Германии и вообще на Западе после войны, так что никакой системы приема беженцев еще не было — потом она появилась для чехов, боснийцев и т. д.

Я недолго учил венгерских студентов немецкому по поручению местного общества Красного Креста и Студенческого союза, а потом записался в докторантуру Гёттингенского университета. Дёрдь Хелтаи, тот самый, близкий друг моего отца, он же был секретарем районной партийной организации, принял меня в партию, а потом, после суда над Райком несколько лет провел в тюрьме, — так вот, он организовал в Брюсселе Институт Имре Надя. Организовал, будучи выразителем как раз той линии «другого социализма», значение которого, как я уже говорил, мы во времена венгерской революции переоценили, хотя эта линия была лишь одной из многих. В 56-м было много и других политических сил, от «середняков» до крайних левых. Но не надо забывать и про рабочие советы — их власть была самой значимой, они как раз представляли более «правый» социализм. Именно об этом мы пытались в брюссельском институте дискутировать, выработать какую-то программу, хотели пообщаться с другими коммунистами, которые вышли из скроенной по московским лекалам партии и намеревались создать нечто иное — они были отовсюду, от Индии до Восточного Берлина и даже до Норвегии. Я в шутку называл это «четвертым с половиной Интернационалом», оставляя место для четвертого троцкистам. Я тогда писал про рабочие советы — у меня в Институте Имре Надя должности никакой не было, т. е. я был ассистентом преподавателя на курсах.

Когда я выехал, то решил для себя: все, хватит с меня истории Нового времени, вытащил обратно свое хорошее знание латинского и стал медиевистом. Об этом и писал диссертацию — о некоторых аспектах средневекового венгерского королевства. Мой тогдашний преподаватель Перси Эрнст Шрамм[31] в Гёттингене воспринял ее с большим интересом. Я там вообще многому научился. Поначалу думал, что проучусь два семестра, потом представлю диссертацию и получу степень. Но вскоре понял, что про Средние века знаю мало, да и знания мои уже устарели. Тогда я начал серьезно заниматься, и Перси, как мы его называли, очень меня поддерживал. Хотя я хотел работать над чем-то более общеевропейским, раз уж попал теперь на «Запад», но Шрамм меня убедил заняться венгерской темой — здесь я обладал особыми знаниями и мог что-то привнести в науку.

И вот я написал диссертацию про отношения королей и сословий — и не только про коронации и регалии (этим как раз занимался Шрамм). Взялся за это отчасти потому, что мой план включить в исследование проблемную историю так называемой Короны Святого Иштвана оказался устаревшим, когда Деер сообщил мне, что у него уже готова монография о короне. Многие ученики специалистов в этой области — те, кого можно назвать «Гёттингенской школой Шрамма», «Кембриджской школой Ульмана»[32] и «Принстонской школой Канторовича»[33], — перестали заниматься символикой королевской власти и принялись изучать взаимодействия между правителями и знатью, короной и сословиями, тем, чем наши учителя не особенно интересовались — их занимала сама монархия.

Потом я сделал очередной финт – обучаясь у Шрамма, я вдруг испытал определенный скепсис насчет возможности заработать на жизнь медиевистикой. Начал думать, какие у меня есть навыки, кроме знания латинского. Оказалось, есть – еще скаутом я научился азбуке Морзе. Где с помощью азбуки Морзе можно заработать? На кораблях – я, наверное, в каком-нибудь детективе про это прочел! Написал письмо в единственную известную мне международную судоходную компанию – Hapag-Lloyd, мол, хочу стать радистом на вашем судне. Они мне ответили: «Без проблем, только надо получить сертификат в школе Почты Германии в Гамбурге». В штаб-квартиру Почты Германии было отправлено письмо с просьбой помочь в получении сертификата бедному венгерскому беженцу. Естественно, его с распростертыми объятьями ждали

[31] Перси Эрнст Шрамм (Percy Ernst Schramm) (1894–1970) — немецкий историк-медиевист, автор работ о средневековом политическом символизме и ритуале, идеологии средневекового государства, истории искусств и политической теории. Профессор истории в Гёттингенском университете (1929–1963), во время войны служил в вермахте, выступал в качестве одного из свидетелей в Нюрнбергском трибунале.

[32] Вальтер Ульман (Walter Ullmann) (1910–1983) — историк, специалист по средневековому праву.

[33] Эрнст Канторович (Ernst Hartwig Kantorowicz) (1895–1963) — историк-медиевист, специалист по средневековой политической теологии («Два тела короля» (1957)).

в Морской школе в Гамбурге. Шрамму я сказал, что хочу на пару семестров переехать в Гамбург, и он, уроженец этого города, страшно обрадовался, отрекомендовал меня Отто Бруннеру[34]*, друзья-социологи – Хельмуту Шельски*[35]*, и я отправился в Гамбург.*

Короче говоря, в школе я сказал, что уже три-четыре месяца успел проучиться, а преподаватель мне: «Что ж, посмотрим, сможете ли нагнать. Давайте посмотрим». Они тренировали азбуку Морзе для связи на море, но делали это очень медленно. Я в армии научился это делать раз в пять быстрее. Остальное было делом техники, плюс разные юридические моменты. На самом деле, в средней школе и университете главное, чему мы учимся – это изучать то, что нам попадается. Я сказал: «Дайте мне книги, которые я должен проработать». Поскольку с азбукой Морзе вопросов не было, я изучал другие книги. Четыре месяца спустя я получил сертификат с отличием и сразу же работу на маршруте Гамбург – Чикаго на «Дездемоне» – судно это было небольшое, каналы в Канаде были еще не такие широкие, как сейчас. Первое плавание по Великим озерам было очень впечатляющим. Я провел на борту несколько месяцев: мы вставали на рейд, разгружались, загружались, я впервые посмотрел Канаду и США, даже умудрился навестить дядю в Нью-Йорке. Плюс у меня появился немецкий паспорт, на линии Гамбург – Чикаго не хотели проблем с беженцем в качестве члена команды, а поскольку паспорта выдавали земли ФРГ, ганзейский Гамбург мог принять решение о том, что в интересах Германии выдать мне временный паспорт по запросу судоходной компании, годом позже я получил постоянный паспорт и гражданство.

Степень я получил в 1960 г. – диссертацию печатал на машинке на борту судна (у меня как у радиста была старая пишущая машинка) и отсылал из разных портов главы Перси Шрамму. Мне рассказывали, что он их показывал в университете со словами: «У меня есть студент – христианский миссионер, он путешествует морем и присылает диссертацию из портов стоянки». Ему, уроженцу Гамбурга, нравилось, что среди его учеников есть моряк. Мне повезло: после атлантического плавания судно зафрахтовала другая компания, в таких случаях команду могут списать без штрафа за нарушение контракта, так я вернулся в Гёттинген, где закончил диссертацию, защитился и получил докторскую степень по истории Средних веков и Нового времени 20 июля 1960 г., вторыми специальностями у меня были «История Восточной Европы» (руководитель Рейнхард Виттрам[36]*) и «Социология» (под руководством Хельмута Плесснера*[37]*).*

Что же до Института Имре Надя — там я работал, если можно так выразиться, челночным способом.

[34] Отто Бруннер (Otto Brunner) (1898–1982) — историк-медиевист, специалист по социальной истории позднего Средневековья и раннего Нового времени в Европе.

[35] Хельмут Шельски (Wilhelm Friedrich *Schelsky)* (1912–1984) — социолог, специалист по антропологической социологии.

[36] Рейнхард Виттрам (Reinhard Wittram) (1902–1973) — историк, специалист по истории Балтийского региона.

[37] Хельмут Плеснер (Helmuth Plessner) (1892–1985) — философ, социолог, один из основателей философской антропологии.

Летом, когда в университете были каникулы, я проводил в Брюсселе по несколько месяцев. Писал по несколько статей в журнал, пару рецензий, организовывал конференции — как раз тогда я и начал учиться проводить конференции, это потом стало одним из любимейших моих занятий.

Сначала я, естественно, занимался конференциями, которые проводили все эти социалисты-коммунисты — противники промосковского социализма, во Франции тогда начинает набирать силу неомарксизм — Касториадис[38] со товарищи. Была даже и в Восточной Германии своего рода социалистическая оппозиция — их терпели. Мы пытались представить, каким могло бы быть общественно-политическое устройство в русле программы Имре Надя, предложенной им в 1953 г. Центральной темой были рабочие советы как образец прямой демократии. Об этом я написал самую длинную свою статью в Revue tudes, в которой руководствовался представлениями о своеобразном «кооперативном социализме». Так продолжалось примерно до тех пор, пока друзья и коллеги, занимавшиеся параллельно экономикой и социологией, не выяснили, что все это — в том виде, в каком оно есть — не работает. Let's forget about it. Об этом писали позже Дюри Маркуш, сбежавшие на Запад представители школы Лукача — Михай Вайда, Агнеш Хеллер и их товарищи. Не помню, вышла ли тогда уже их книга «Диктатура над потребностями»[39], где они разоблачают всю эту плановую экономику, но про это вам, наверное, лучше бы Корнаи[40] рассказал. Не работает это все. Я потом понял, что Карл Маркс, который был блестящим философом и слабым экономистом, плохо понял трудовую теорию стоимости Рикардо, которая послужила одной из основ для всей марксистской теории, и с ней у него не все в порядке, и вообще со всей его теорией что-то не в порядке, и надо придумать что-то другое, пусть, может быть, ту же либеральную буржуазную демократию. Но к тому моменту, когда мы это поняли, Институт уже прекратил свое существование — когда кадаровский режим начал обещать определенного рода амнистии, венгерское «дело» сняли с повестки ООН[41]. Американская помощь составляла значительную долю в поддержке деятельности Института, мы получали деньги

[38] Корнелиус Касториадис (фр. Cornelius Castoriadis, греч. Κορνήλιος Καστοριάδη) (1922–1997) — французский философ, экономист и психоаналитик греческого происхождения, один из теоретиков группы «Социализм или варварство».

[39] *Fehér Ferenc, Heller Ágnes, Márkus György.* Dictatorship Over Needs. Oxford: Dasil Blackwell, 1983. Приведено название книги, принятое в русскоязычной научной литературе — точнее было бы перевести его как «Диктатура, которая превыше потребностей».

[40] Янош Корнаи (Kornai János) (1928) — экономист, президент Эконометрического общества (1978), Европейской, а затем и Международной экономической ассоциации, автор понятия «мягкое бюджетное ограничение». На русском языке выходили его книги «Дефицит» (1990), «Силой мысли» (2007) и «Размышления о капитализме» (2012).

[41] Венгерский вопрос стоял в повестке дня ООН с 28 октября 1956 г. до 1963 г. Основанием для его снятия явился ряд не только обещанных, но реально осуществленных в 1962 г. амнистий участникам венгерской революции 1956 г.

и из других источников, но американское финансирование прекратилось, и Институт закрыли. Не скажу, что это как-то болезненно ударило по мне лично, ведь к этому времени все как-то пристроились, у меня была должность ассистента в университете на полную ставку. У Петера Кенде[42] тоже, Хелтаи предложили целую кафедру в Америке. По иронии судьбы в соседнем с ним кабинете работал Бжезинский — слишком близко, скажем так. Пострадал от закрытия Института только Бела Сас — для него Институт был основным местом работы — он вернулся обратно в Англию на Би-Би-Си[43]. По моему мнению, он лучше всех написал историю показательных процессов[44].

А. С., О. Я. Поговорим о вашей университетской карьере. Как она складывалась?

Я. Б. Начал я с должности ассистента в Гёттингенском университете, потом на два года уехал в Англию, в оксфордский колледж Святого Антония — меня туда поместили крайне неудачно. Я хотел поехать в Англию, потому что в Кембридже был один профессор, уже упомянутый Вальтер Ульман, который занимался вопросами, похожими на сферу интересов моего научного руководителя. Но Британский совет, выдавая стипендию, увидел, что я венгр, бежавший после 1956 г., и решил, что я должен отправиться в тот колледж, где занимаются кремлинологией и подобными темами. Так я и оказался в колледже Святого Антония, где вообще не понимали, что со мной делать, кажется, я там прочел одну лекцию и провел два семинара про 1956 г., а я хотел заниматься Средневековьем. Зато я там как следует выучил английский, завел друзей — англичан, американцев и представителей многих других стран, с некоторыми дружу по сей день.

Потом я вернулся в Германию, на этот раз в Марбург — моя тогдашняя жена была там, она занималась историей искусств, уже закончила учебу. Я получил в Марбургском университете должность преподавателя и проработал там вплоть до отъезда в Америку.

А. С., О. Я. Вы успели поработать в самых разных университетах, можете сравнить — насколько, по вашим ощущениям, изменилась с тех пор университетская жизнь и в какую сторону? Какие тенденции в ней мы наблюдаем сегодня?

Я. Б. Изменилось все, конечно, очень сильно. Когда я работал в университетах в Германии, начало формироваться студенческое сопротивление, которое в итоге превратило все эти университеты из заведений

---

[42] Петер Кенде (Kende Péter) (1927) — венгерский публицист, политолог, социолог. В конце 1956 г. эмигрировал во Францию. С начала 1990-х гг. работал преимущественно в Венгрии.

[43] Бела Сас (Szász Béla) (1910–1999) — венгерский журналист, политолог. В сентябре 1949 г. был среди подсудимых на процессе по делу Л. Райка. До 1954 г. находился в заключении. С 1957 г. в эмиграции.

[44] См. на русском языке: *Сас Б.* Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. М., 2003.

для элиты в демократические учреждения. В самом начале были, конечно, эдакие анархические призывы, мол, давайте сожжем все библиотеки, ведь в них буржуазная наука, и прочие глупости. Это, кстати, было одной из причин, почему я с таким энтузиазмом поехал в Америку, когда меня пригласили. Не хотелось участвовать в еще одной бесполезной революции. Отправился я туда в первую очередь с интересом — я, и не только я, многие молодые преподаватели в Марбурге думали тогда, что все немецкие, равно как и венгерские, и русские и т. д. университеты старого прусского образца пора реформировать. Надо делать как-то по-другому. Как именно? Либо по английской, либо по американской модели. Возьмем американскую модель. Я отправился в Америку с двухлетней стипендией, чтобы посмотреть, а потом вернуться и принять участие в реформировании университета. Выяснилось, что реформа эта до какого-то момента не очень осуществима: аристократическая университетская иерархия оставалась в силе еще довольно долго — вплоть до середины 1970-х гг. В США я остаться не мог, условия выданной мне визы не позволяли находиться там больше двух лет. Тогда-то я и принял предложение Ванкуверского университета в Канаде — по крайней мере это позволяло выехать из Америки, куда я мог, по условиям программы «Фуллбрайт», вернуться только через два года. Так что поехал я в Канаду пару лет пересидеть и задержался там на 25 лет. Там был совершенно другого типа университет, который я по-настоящему полюбил, где можно было со студентами-первокурсниками всех цветов кожи и национальностей начинать с чистого листа — пусть и на уровне последнего класса традиционной гимназии, это тоже надо признать. А из них потом выбирать лучших. Именно так американцы и выигрывают в этой университетской гонке: на верхушке, в конце пути — те, кто находится на уровне докторов лучших университетов, они действительно лучшие, но выдвигаются они из очень широкого круга, выбор велик. Отчасти в этом же состояло преимущество и советской вузовской системы — в то время можно было выбирать из огромного числа учащихся тех, кто показывал блестящие научные результаты.

А. С., О. Я. Когда вы начали снова приезжать в Венгрию?

Я. Б. Первый раз попытался в 1972 г., когда отмечали 750 лет с момента принятия Золотой буллы[45] и по этому поводу была организована конференция — я тогда обратился за разрешением на въезд, тогда у меня, кажется, еще был немецкий паспорт. Мои друзья и отец прощупали почву, выяснили, что особых возражений мой приезд не вызовет. Кадаровская система работала так: тех из эмигрантов, кого им надо было бы посадить как «врагов», попросту не впускали в страну. Чтобы застраховать себя от появления, например, в газете «Торонто Стар» заголовка «Канадский профессор

[45] Золотая булла 1222 г. (лат. Bulla Aurea; венг. Aranybulla) — грамота венгерского короля Андраша II Арпада. Булла стала одним из первых в европейской истории документов, ограничивающих права монарха.

арестован в Венгрии». Для получения кредита Всемирного банка это было режиму невыгодно. Я подал на визу в январе или феврале, они протянули полгода, и только в июле я получил недельную (!) визу на участие в августовской конференции. На больший срок не давали. Я хотел ее продлить — принять участие в каком-то семейном деле, пришел в ведомство, мне говорят: «Подождите, сейчас придет сотрудник». Входит сотрудник, я его, конечно, узнал, были знакомы еще со времен MADISZ. «Привет!» — «Привет!» Спрашивает: «Как у тебя дела?» — «Сам, — говорю, — знаешь, как у меня дела, у тебя, небось, досье на меня, а так, спасибо, хорошо. Мне бы задержаться еще на недельку — семейные дела». — «Не вопрос, это мы можем устроить, мы тебе одолжение — ты нам одолжение». Я ему: «В медиевистике — что пожелаете». — «У тебя же там есть друзья?» — спрашивает. «Есть, конечно, очень даже много друзей», — отвечаю. «Может, можно о них что-нибудь?..» — «Ну уж нет, это уж вы сами в своих досье ищите, я для этого не гожусь, я — просто медиевист, преподаватель», — говорю. «Раз нет, тогда нет», — и не продлил визу. От сотрудничества я отказался. Мне за это ничего не было. Они никому вреда не причиняли — такая у них была система. Предлагали — а если ты не хотел, значит, не хотел. Прессовать — не прессовали. После этого у меня никаких проблем не было. Позднее я регулярно получал визы. Родители старели, раньше мы встречались за границей — проводили лето в Югославии, например. Потом папа умер, надо было заботиться о маме, тогда я уже мог целое лето проводить в Венгрии. Официально присутствовать [в научной жизни] еще долго было невозможно. Тибор Кланицаи один раз пригласил меня в Институт истории литературы, потом меня еще позвали на продолжительный семинар в Дебрецене. Коллеги в Будапеште пытались меня пригласить в Будапештский университет [им. Лоранда Этвеша], но секретарь парторганизации там был против, так что там я до смены режима фигурировать не мог.

В конце 1980-х гг. в Будапештском университете мне уже дружить особенно было не с кем — медиевистов там было немного. Был у одного американского университета — то ли у университета Сан-Франциско, то ли в Лос-Анджелесе — летний университет в Пеште. Организаторами его были Иштван Рев, который сейчас является директором архива Института «Открытое общество», и Габор Кланицаи, мой друг и коллега, который к тому моменту успел побывать в качестве приглашенного профессора у меня в Ванкувере. Туда меня и пригласили попреподавать. Так что еще до ЦЕУ я уже поработал в Будапеште в американском университете.

Когда же в день перезахоронения Имре Надя [лето 1989 г.] было решено сформировать Институт 1956 г., мой друг Дёрдь Литван поинтересовался, почему бы мне не приехать и не поработать вместе с ними над созданием Института как условного наследника брюссельского Института Имре Надя. Изначально мы хотели так и назвать его: «Институт Имре Надя», но тогда мы уже понимали, что надо брать шире:

1956 г. — это не только Имре Надь, но и многие другие. Так мы и назвали его «Институт революции 1956 года». Я и вернулся на родину как научный консультант работавшего — на тот момент на базе Академии — Института, проработал там 3 года, пока не был образован Центрально-Европейский университет. Возможность создать профильную кафедру по медиевистике — an offer you cannot refuse. То, что я получил шанс со своими коллегами открыть кафедру, исходя из собственных представлений и ориентируясь на свой учебный план...

А. С., О. Я. Кадар был прагматичным коммунистическим политиком, не чуждым даже некоторой тяги к реформаторству в области экономики. Одно время, в 1970-е гг. на левом фланге западного интеллектуального сообщества была даже некоторая мода на Кадара.

Я. Б. Да, Запад в какой-то момент все это «проглотил». Для меня Кадар остался убийцей — с первого момента до последнего. Тот, кто вешает моих товарищей, другом мне стать не может. Уехав за границу, я не особенно занимался венгерскими делами в отличие от того же Петера Кенде с его «Венгерскими тетрадями». Так что эти вещи меня не интересовали. Я стал специалистом по Средним векам, обретя собственное место в международной науке. Больше скажу, еще находясь в Германии, я написал большой обзор венгерской медиевистики в журнал *Historische Zeitschrift*, продемонстрировав тем самым положительные стороны венгерских исследований, при этом принципиально вынеся за скобки остаточный национализм, игравший тогда еще существенную роль. Условно марксистскими глупостями я не занимался, впрочем, как и мои венгерские коллеги. Были, конечно, и печальные примеры — как, например, Эмма Ледерер[46], которую я очень высоко ценил еще до поступления в университет и которая потом чуть не завалила меня на госэкзамене — и не потому, что я не в должной мере был марксистом, а потому что не знал про один очень важный научный спор начала XX в., т. к. считал его со своих тогдашних позиций незначительной буржуазной глупостью. Но профессор Ледерер знала, что это важно. Потом она написала несколько книг — на самом деле неплохих — в том числе «Формирование феодализма в Венгрии». Но вообще тех, кто занимался Средними веками, происходящее вокруг интересовало в меньшей степени. Случались скорее курьезные формулировки. Одна из моих любимых историй — Элемер Майус[47], имя которого в венгерской науке тогда было под строгим запретом, сдал в один из сборников товарищу Дёрдю Секею[48]

[46] Эмма Ледерер (Léderer Emma) (1897–1977) — историк, архивист, специалист по истории Средних веков.

[47] Элемер Майус (Mályusz Elemér) (1896–1989) — один из крупнейших венгерских медиевистов, автор работ о средневековых сословиях, феодах, архивист, до 1954 г. — глава Национального евангелического архива.

[48] Дёрдь Секей (Székely György) (1924–2016) — историк, специалист по истории венгерских и европейских городов и университетов, в 1956 г. был ректором Будапештского университета,

статью о налогообложении церкви в XIV в. под названием «Эксплуатация церковной десятины в XIV в.». Сама статья безупречная, содержит массу важнейшего исторического материала, только в начале, конце и середине комментарии про классовую борьбу. Полагаю, товарищ Секей их и вписал, а не сам Майус.

А. С., О. Я. Как воспринимаете то, что произошло с ЦЕУ?[49] Каким видите его возможное будущее?

Я. Б. Неприемлемо. Отвратительная подлость. Редкое безобразие — даже для сегодняшней Венгрии. Что будет в деталях — не знаю, все-таки я уже почетный профессор. Нынешний президент университета — мой коллега по канадским годам, у нас и сорок лет назад были хорошие отношения. Оценить перспективы вряд ли могу, не знаю, как они выйдут из этой ситуации. Мы создали отличную кафедру, плюс разработали и внедрили еще одну очень хорошую программу по изучению исторических памятников «Историческое наследие» (Historical Heritage), признанную на международном уровне, — не только потому, что мы хорошие историки, но и благодаря тому, что у каждого из нас большие международные связи; у меня — американские, канадские, немецкие, у Габора Кланицаи — французские, итальянские, немецкие, у Йожефа Ласловски — французские, британские. А в современном мире все решает то, насколько широкие у вас связи.

А. С., О. Я. Когда вы впервые ощутили, что мировая система коммунизма рухнет в обозримом будущем? С началом в 1980 г. массовых польских забастовок? Или с приходом к власти Горбачева?

Я. Б. Мы знали, что рано или поздно рухнет, но что так, в один день, не думали. Ни на Западе, ни здесь.

А. С., О. Я. А нынешний режим?

Я. Б. Нынешний режим, по моим ощущениям, не скоро еще рухнет. Он настолько забетонирован, что в ближайшем будущем вряд ли сменится. Особенно после того, как попал в Европе в определенную струю — поляки, итальянцы, австрийцы одни за другими сползают в это правое националистическое популистское безобразие. Не знаю, как из этого удастся выбраться. Мы стоим на пороге масштабных исторических изменений. Может случиться, что из краха, распада либеральной рыночной демократии возникнет совершенно иначе устроенный мир.

Вряд ли можно рассчитывать на то, что вся французская провинция вдруг восстанет как один человек с помощью «Вотсаппа» и «Фейсбука» против Парижа. Такие вещи заранее предвидеть невозможно. До сих пор все революции начинались в Париже, но сейчас — нет. Точно так же сложно сказать, как сможет измениться режим, превратившийся в Советском Союзе в автократию

позднее — декан Философского (историко-филологического) факультета и директор Будапештского исторического музея.

[49] Речь идет о попытках выселения университета из Венгрии правительством В. Орбана.

и завоевывающий теперь симпатии большинства, в первую очередь своей националистической составляющей. По-моему, это маловероятно, даже в долгосрочной перспективе. Он тоже забетонирован.

А. С., О. Я. Писатель Дёрдь Конрад, который всего на 4 года моложе вас, в одном из интервью как-то сказал, что ввод войск в Чехословакию 21 августа 1968 г. повлиял на него в плане формирования мировоззрения даже сильнее, чем собственный 1956 г. А как в вашем случае?

Я. Б. Дюри я знаю с детства очень хорошо. Очень даже могу себе представить такую реакцию. Главным образом потому, что первое время казалось, что чехословацкий вариант окажется жизнеспособным. И «коммунизм с человеческим лицом» в варианте Дубчека окажется приемлемым. Я тогда уже не так внимательно следил за развитием этих событий. Я находился уже совсем далеко. Поначалу мы даже с некоторым энтузиазмом смотрели на предложенную Дубчеком программу — она казалась нам близкой тому, во что мы верили. Но в то же время мы с друзьями к тому моменту уже начали понимать, что социализм не работает — какое бы у него ни было лицо. Человеческое или какое-то другое. Дюри, видимо, сильнее во все это верил. К тому же он был в Венгрии, а мы далеко.

А. С., О. Я. Оглядываясь назад, что вы можете сказать о вашем вкладе в науку, какие свои работы считает наиболее существенными? Чем занимаетесь сегодня?

Я. Б. Наверное, пятитомное двуязычное издание средневековых венгерских законов *Decreta Regni Mediaevalis Hungariae* — скоро, надеюсь, это собрание будет доступно и в Интернете. Хорошая была работа, интересная, я в процессе многому научился и много узнал. В электронном виде она принесет пользу еще и тем, что доступ к ней будет в любой точке мира — и на латинском, и в переводе на современный язык. Конечно, это не идеальное критическое издание, можно было и комментарии куда больше сделать, тем более сейчас, когда я обновлял текст для онлайн-издания, но у меня сейчас нет помощника, кто помог бы это сделать. Любопытным образом довольно много цитируют и мою диссертацию и книгу на немецком языке про позднее венгерское королевство. Полезной оказалась и обзорная таблица средневековых нарративных источников. У нее интересная история — в Германии десятилетиями пользовались книгой, написанной берлинским профессором Хайнцем Квирином, «Введение в медиевистику», и мы решили сделать вариант этой книги — не перевод на английский, а переработанное издание на английском языке, поскольку в оригинале упор, естественно, делался больше на немецкую историю. Мы начали ее делать с коллегой, который преподавал в Ирландии, а познакомились мы еще в Оксфорде. У него уже примерно треть была готова. Тогда мы еще не на компьютере все делали — дело было в начале 1980-х гг. И вдруг этот мой коллега внезапно умирает. Что стало с напечатанными на машинке материала-

ми, которые остались у него в квартире, не знаю. Но в этой книге была так называемая *Quellentabelle* – таблица источников, в том числе повествовательно-описательного характера. И наполовину готовый материал из этой части каким-то образом оказался у меня. Я взялся за дело и составил несколько более обширный обзор средневековых источников, причем в хронологическом порядке. Все справочники обычно составлены по следующему принципу: источники даны в алфавитном порядке — по названию или автору — в самых разных изданиях. Преимущество моего справочника в том, что он построен по хронологическому принципу, т. е. можно задаться вопросом: что было написано, скажем, в районе 1250 г. в Германии, Франции, Англии? Вышел этот справочник в 1980-е гг. довольно скромно на английском и на немецком. А потом, в девяностые мы в ЦЕУ для «домашнего пользования» продолжили работу над этим справочником с молодыми коллегами, которые лучше ориентировались в византийских источниках, например, знали хорватский, балканский, русский материал. Так он стал более международным. 3–4 года назад вышел более объемный вариант с пятьюшестью вступительными эссе в известном бельгийском издательстве Brepols. От коллег я не раз слышал, что этот справочник они часто и с удовольствием используют. Его мы тоже сейчас пытаемся оцифровать. Тем более что сейчас, когда что-то берешь в руки, сразу понимаешь: надо это поменять, то подправить. Думаю, это будет успешное издание и в цифровом виде. Это не столько научная, сколько научно-методическая работа, призванная показать студентам, что за источники мы читаем. И, повторюсь, та моя немецкая книжка, про которую я уже говорил, вполне актуальна и сегодня. Я много писал статей, рецензий, но никогда не считал себя выдающимся исследователем, скорее воспринимал себя как преподавателя. Не хочу забегать вперед, но мы с моим другом Гезой Палфи делаем книгу о короновании венгерских королей — с 1000 по 1916 г. Геза специалист по габсбургскому периоду, я отвечаю за Средние века. Может, еще успею закончить, если не поглупею окончательно.

А. С., О. Я. И, наконец, наверное, главный профессиональный вопрос: что делает для вас историю Средних веков увлекательной?

Я. Б. Долгое время мне казалось интересным узнавать о тех, кто не вершил судьбы, не о короле, а о тех, с помощью кого он разыгрывал свои партии, и дальше — о крестьянах, простолюдинах, которым «не пристало» быть на виду. Больше всего хотелось выяснить, что можно о них узнать, ведь в источниках о них почти ничего не говорится. Вот мне и было любопытно, что можно вычленить про тех, кого Гуревич[50] называл «молчаливым большинством» — их историю. Отчасти

[50] Арон Яковлевич Гуревич (1924–2006) — советский, российский историк-медиевист, культуролог, один из крупнейших специалистов по скандинавской истории, в 1960-е гг. подвергался резкой критике со стороны власти, был уволен из Института философии, создатель историко-антропологического направления в российской науке.

так, как это делал Арон: узнать из отражения.

Проповедник-францисканец будет в своей проповеди рассказывать такие истории, про которые знает, что они понравятся тем, кто его слушает, народу. В противном случае он бы другую историю рассказал. Это называют «цензурой фольклора» — переживает свое время та история, которая нравится. Это меня всегда очень занимало. И мне нравилось, как это делал Арон — мы с коллегой-славистом даже перевели одну его книгу на венгерский язык. Для меня была большая потеря, когда он умер. Грустно, что, когда у него появилась возможность посмотреть мир, он ослеп. Пока его не выпускали, он мог только представлять себе Европу — ту северную Европу, о которой знал буквально все. Он был одним из моих ближайших друзей.

"WE ARE ON THE VERGE OF LARGE-SCALE HISTORICAL CHANGES". INTERVIEW WITH J. BAK

Bak János M. — professor emeritus CEU (Budapest) and UBC (Vancouver) (Hungary)

Key words: Hungary, Holocaust, Stalinism in Eastern Europe, the Hungarian revolution of 1956, Western university life, medieval studies, the fall of communism in Eastern Europe, Central European University, George Soros, Viktor Orbán.

Abstract. The well-known Hungarian and Canadian expert in medieval history studies János M. Bak, a witness to many historical events of the 20th century, talks about his life and university career.

НА РУБЕЖЕ ЭПОХ
Вспоминая Валентина Семеновича Дякина

Ключевые слова: история исторической науки, В.С. Дякин, Ленинградский государственный университет, Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР, коллективная память. История России рубежа XIX–XX вв.

Аннотация. Публикация посвящена памяти и наследию выдающегося российского историка В.С. Дякина. Начав свою деятельность как историк-германист и сохранив интерес к истории российско-германских экономических связей, он оставил заметный след в исследовании истории «Думской монархии» и одним из первых обратился к изучению национального вопроса в Российской империи. Интервью А.Н. Цамутали, В.Г. Савельевой, Б.Д. Гальпериной, Л.А. Булгаковой и И.В. Лукоянова рисуют процесс становления историка, его творческую лабораторию, освещают отношение к ученикам и коллегам, демонстрируют многогранность его личности. В.В. Ведерников анализирует этапы научной биографии исследователя.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-159-184

© Историческая Экспертиза, 2019

В. В. Ведерников

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

Наш журнал продолжает цикл публикаций, связанных с именами ученых, которые оказали несомненное влияние на развитие исторической науки не только в нашей стране, но и за ее пределами. К их числу принадлежит и Валентин Семенович Дякин. Его научные труды уже были предметом анализа (*Лукоянов, Цамутали* 1997: 413–429; *Лукоянов* 2001: 29–38; *Лукоянов, Цамутали* 2002: 6–10; *Цамутали* 1999: 4–8), но, как верно заметил коллега и друг В. С. А. А. Фурсенко[1], творчество Дякина заслуживает внимания и с точки зрения того, какую эволюцию он проделал «как научный сотрудник, как ученый» (На пути к революционным потрясениям 2001: 14).

Вся научная биография В. С. Дякина говорит о том, что он всегда был в поиске научной истины, не стоял на месте, а его взгляды проделали определенную эволюцию. Мне кажется, что сквозной темой творчества историка был поиск ответа на вопрос, почему вестернизация России, начатая Петром Великим, закончилась катастрофой 1917 г., когда страна пропустила тот самый исторический поворот, который представлял альтернативу революции? Как и многие из его коллег по историческому цеху в ЛОИИ (В. А. Нардова, Ю. Б. Соловьев, Б. В. Ананьич, Р.Ш Ганелин), В. С. Дякин первоначально специализировался на изучении зарубежной истории. Думаю, что его студенческий интерес к истории Веймарской Германии 1920-х гг. неслучаен, т. к. послевоенная Германия, страна с давними культурными и гуманистическими традициями, не смогла избежать «срыва» в зоологический национализм, что привело к тяжелейшей национальной катастрофе. Иными словами, уже в ранних исследованиях был поставлен вопрос о причинах, по которым Германия упустила исторический поворот.

Кандидатскую диссертацию В. С. по тематике и структуре скорее можно отнести к работам историко-партийного жанра со всеми присущими этому жанру особенностями: во введении цитируется Отчетный доклад Н. С. Хрущева только что завершившемуся XX съезду КПСС, работы В. И. Ленина, деятелей КПГ и СЕПГ, упоминаются (но не цитируются) работы И. В. Сталина. Для написания «диссертабельного» текста этого было бы вполне достаточно. Но уже в этой работе (точнее, в автореферате) видны особенно-

Ведерников Владимир Викторович— кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского технологического института (Технического университета) (Санкт-Петербург); vedvlvik@mail.ru

[1] Фурсенко Александр Александрович (1928–2008) — доктор исторических наук, академик РАН, специалист по истории США и международных отношений XX в.

сти, присущие стилю В.С. Дякина. Это широкое использование источников, при этом источников напрямую с историко-партийной тематикой не связанных. В их числе — стенограммы Рейхстага, которые названы «чрезвычайно ценным документом», периодическая печать. Автор цитирует не только орган КПГ «Rote Fahne», но и «Vorwärts» (СДПГ), Germania (партия Центра), Berliner Tageblatt и др. (*Дякин* 1956).

Было бы крайне полезно сравнить текст диссертации и монографии, выпущенной на ее основе в 1961 г. Книга, по-видимому, подверглась существенной переработке, поскольку ссылки как на стенограммы Рейхстага, так и «буржуазную» печать единичны. Есть тексты, явно навеянные идеологическими кампаниями сталинского времени. Думаю, только под очень жестким редакторским давлением мог появиться вот такой, к примеру, пассаж: ««Встав на путь антисоветской пропаганды, “левые” быстро выродились в жалкую группку профессиональных раскольников и провокаторов и оказались за пределами рабочего движения. В течение 1926 г. лидеры “ультралевых” Маслов, Рут Фишер, Урбанс, Корш и другие были полностью изолированы от их бывших сторонников и исключены из партии» (*Дякин* 1961: 86).

Автор широко использует фонды московского Музея революции и публикации журнала «Коммунистический интернационал». Последнее позволяет Дякину решить задачу почти неразрешимую: процитировать директивные выступления лидеров Коминтерна — Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина без упоминания опальных деятелей.

Работа констатирует, что единый фронт не был реализован, а вина за это всецело лежит на руководителях СДПГ. Вывод вполне в духе ортодоксальной коминтерновской концепции. Но фактический материал, приведенный исследователем, свидетельствует об обратном: КПГ занимала сектантские позиции, выступала противником Веймарской республики («слева») и, таким образом, облегчала победу правым националистам, как это случилось во время выбора президентом П. Гинденбурга, когда коммунисты отказались образовать единый предвыборный фронт со всеми защитниками республики, голосовавшими за кандидата партии Центра В. Маркса.

Свидетельством глубокого интереса исследователя к парламентской борьбе в Веймарской республике стала его обстоятельная рецензия на книгу об истории правоконсервативной Немецкой национальной народной партии (*Дякин* 1958: 161–163).

Вернувшись в Ленинград в 1958 г., В.С. Дякин изменил свою научную специализацию. Тем не менее германская тематика наложила заметный отпечаток на его подход к исследованию как экономической, так и политической истории России. В его работах часто сопоставляется развитие двух европейских монархий — российской и германской, а монография «Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт»

(Л., 1971) стала одним из лучших исследований по экономической истории.

Как видим, уже в этой ранней работе выработан особый почерк историка: формальное соблюдение канонов марксистской историографии: обилие цитат «классиков» марксизма, использование марксистского понятийного аппарата (непосредственная революционная ситуация), политическая актуальность. И в то же время исследователь опирается на широкий круг источников, анализирует газетную публицистику разных политических направлений и стенограммы парламентских прений. Для исследовательского почерка В. С. Дякина уже в это время характерна кропотливая работа с архивным материалом.

Историк не использовал прием «неконтролируемых смыслов» (что характерно было для творчества Н. Я. Эйдельмана), более того, рецензируя рукописные работы, он всегда указывал на спорные места, вызывающие «аллюзии» (именно от Валентина Семеновича я впервые услышал это слово). Но при этом фундаментом работы является обильный фактический материал, который расширяет смыслы, позволяя вдумчивому читателю войти в творческую лабораторию автора, отбросив идеологическую шелуху. Следует сказать, что В. С. Дякин с успехом воспользовался возможностями оттепели. Благодаря усилиям М. В. Нечкиной и группы по изучению Первой революционной ситуации, возобновилось изучение реформаторской политики правительства (правда, как «побочного продукта» революционной ситуации), а лагерь либералов был отделен от правительственного и стал объектом отдельного исследования. Неизменно подчеркивая «гегемонию» пролетариата в освободительном движении, Дякин сосредоточил внимание на борьбе правительства и думской оппозиции. Его несомненным достижением был вывод о неоднородности самого правительственного лагеря, в котором он выделял «легитимистское», опирающееся на поместное дворянство крыло и крыло «бонапартистское», которое понимало необходимость умеренных реформ во имя спасения страны от угрозы революции. Традиционно советские историки признавали ядром реформ аграрные проекты Столыпина. Не отрицая этого, В. С. Дякин рассматривает преобразования Столыпина в комплексе. Не только аграрная реформа, но и реформа местного суда, создание мелкой земской единицы, замена сословного ценза имущественным, реорганизация местного управлении, вероисповедные реформы должны были покончить с крестьянской обособленностью, сделать крестьянина полноправным членом гражданского общества. По мнению В. С. Дякина, эта умеренная программа была провалена усилиями поместного дворянства, которое нашло союзника в лице Императора Николая Второго (*Дякин* 2002: 149–189).

По мнению автора, причиной революции 1917 г. стало «запаздывание» реформ, вина за которое всецело лежит на последнем российском самодержце и реакционном поместном дворянстве. Исследователь Ф. Гайда указал, что выводы Дякина, несмо-

тря на обилие ленинских цитат, перекликаются «с поздней концепцией П. Н. Милюкова» (*Гайда* 2016: 12). В сжатом виде концепцию кризиса власти В. С. Дякин изложил в предисловии к фундаментальной работе «Кризис самодержавия в России». Но тут у внимательного читателя не могут не возникнуть вопросы к автору. Если реформы — продукт революционной борьбы, то как объяснить достаточно радикальные Петровские преобразования и реформы Александра Второго? Разделение реформ на те, которые проводятся в канун революций (по восходящей линии) и после революции (по нисходящей линии), мало что объясняет. Кроме того, если реформы (любые) в перспективе «не укрепляют, а еще больше разлагают старую политическую надстройку», то не является ли оправданным со стороны власти любое противостояние переменам? И что понимать под политической надстройкой: самодержавие или монархию? (В. С. предпочитает термин «царизм».) От неограниченной власти монарх, как показали события октября 1905 и февраля 1917 г., готов был, хотя и не без колебаний, отказаться, монархия же, как свидетельствует опыт и Великобритании, и Японии, может вполне успешно совмещаться с модерном и даже быть инициатором преобразований, при проведении которых очень важна сильная и авторитетная власть.

Не менее важный вопрос касается того, когда именно государство потеряло реформистский дух, вступив в полосу кризиса. От ответа на него автор уклоняется, указывая, что 1895–1917 гг. — это лишь «последний этап этого кризиса» (Кризис самодержавия 1984: 3–8).

Совершенно очевидно, что В. С. Дякин был вынужден говорить крайне осторожно, наступая на горло собственной песне. Своеобразной «охранной грамотой» должен был стать набор ленинских цитат, сопровождающих каждое значимое утверждение автора. И только с наступлением перестройки В. С. смог без оглядки на «директивные органы» изложить суть своей концепции в серии блестящих научно-популярных статей. Историк, осторожно выражая сомнение в том, что можно давать советы прошлому из настоящего, указывая, что нужно сделать, чтобы наступили определенные последствия, все же считает, что введение представительных учреждений и создание мелкой крестьянской собственности еще было возможно в эпоху Великих реформ. Определенные шансы могли дать экономическая и политическая реформы в 1905 г. Но и в том и другом случае отрицательную роль сыграла косность самодержавия, которое не желало делиться властью с буржуазией, и отказ от разрушения общины. Ответственность с властью разделяет и поместное дворянство, которое было заинтересовано «в сохранении самодержавия и сословного строя» (*Дякин* 2002: 263).

Но если выводы о союзе царской власти и помещиков выглядят обоснованными, то экстраполяция ситуации на период Великих реформ не представляется убедительной. Крестьянская реформа, как верно указывает исследователь, ставила во главу угла не столько интересы

дворянства, сколько своеобразно понимаемые национальные интересы. Об этом, собственно, пишет и сам исследователь, объясняя сохранение общины тем, что «стадное управление», когда сбор налогов, поддержание элементарного порядка, выполнение повинностей возлагается на коллектив, позволяет не тратить деньги на содержание бюрократического аппарата. Вторая цель — сохранив общину, застраховать страну от пролетаризации (Там же: 264–265). Как раз помещики (точнее, та часть дворянского сословия, которая объединялась вокруг газеты «Весть») активно выступали против сохранения общины. И именно помещики, недовольные правительственной программой отмены крепостного права, объединились в требовании ограничения самодержавия.

Следующий очень острый вопрос — это проблема социальной базы реформ. В.С. Дякин признавал, что создание класса мелких земельных собственников было необходимым не только для предотвращения крестьянской революции, но и для формирования массовой социальной опоры российского либерализма. Проблема заключалась не столько в малоземелье («прусский, а тем более японский крестьянин, имея столько земли, сколько имел российский бедняк, считался бы богачом» (Там же: 270)), сколько в том, что при сохранении общины ведение интенсивного хозяйства было невозможно. Но ведь принудительное отчуждение помещичьей земли, в отказе от осуществления которого в 1905–1906 гг. историк упрекает правительство, только укрепило бы архаичную общину.

В.С. Дякин высказывает осторожное предположение, что осуществление программы кадетов: переход к парламентской монархии, гражданские и политические права и свободы, отчуждение части помещичьих земель — было той минимальной ценой, которую необходимо было заплатить для предотвращения революции. Но ведь аграрная программа кадетов предусматривала создание общенационального земельного фонда и консервировала общину.

Статья В.С. Дякина, подводившая итоги его исследовательской работы 1960–1980-х гг., была опубликована в начале 1991 г., когда политика перестройки вступила в стадию острейшего кризиса, который закончился сначала попыткой государственного переворота, а затем крушением советской империи. Либеральные реформы М.С. Горбачева, реформы назревшие и необходимые, привели к результату, который вовсе не был заложен в планах реформаторов. Трезвым наблюдателям (а к их числу, конечно, относился и В.С. Дякин) было очевидно, что экономические реформы должны создать средний класс — носителя либерального сознания, но для их осуществления нужна не демократия, а жесткая власть, которая не боится принимать и осуществлять непопулярные решения. И только после формирования рыночной экономики, среднего класса возникает социальная среда, способствующая упрочению либеральных политических реформ.

Можно сказать, что опыт перестроечных лет, с одной стороны, и ликви-

дация идеологических и цензурных ограничений — с другой, позволяют историку уточнить, а в чем-то и пересмотреть свою концепцию. Этот процесс не был завершен по причине безвременной кончины историка, но следы работы сохранились в его последних произведениях.

В начале 1990-х гг. В.С. готовит к печати текст статьи о структуре имущих верхов в России. Точнее было бы сказать, статья посвящена вопросу о том, какова была численность «среднего класса», поскольку условным рубежом, определявшим принадлежность к «верхам», автор избрал годовой доход в 5 тыс. рублей, доход, который вряд ли можно признать высоким. Число лиц с таким доходом было не более 100 тыс. человек. Но даже если понизить планку до 1 тыс. рублей годового дохода, то общее число его обладателей составляло чуть более 400 тыс. Среди этих лиц доля крестьян была крайне незначительна, что свидетельствует о сохранении крестьянской обособленности, о чрезвычайно медленном включении крестьян в гражданское общество (*Дякин* 1997: 127–148). Следовательно, социальная база для проведения либеральных реформ была чрезвычайно узкой.

Размышления В.С. Дякина о соотношении сильной власти, проводящей реформы в условиях, когда не сформировался средний класс, были актуализированы резким ухудшением экономической и политической ситуации в стране. Еще в конце 1980-х гг. вопрос о необходимости авторитаризма как предпосылки перехода к демократии был поставлен в статьях политологов И.М. Клямкина и А.М. Миграняна. По мнению Клямкина, «переход от дотоварной экономики к товарной никогда, нигде, ни у одного народа не осуществлялся параллельно с демократизацией. Политическим переменам всегда предшествовало более или менее длительное господство авторитарных режимов» (*Мигранян, Клямкин* 1989). Отстранение от власти, а затем и запрет КПСС сопровождались распадом Советского Союза, катастрофическим экономическим и демографическим спадом и борьбой между президентом и Съездом народных депутатов. Либеральная и демократическая интеллигенция, ранее высказывавшаяся за всевластие Советов, круто изменила позицию, однозначно высказавшись во время октябрьского (1993 г.) кризиса в пользу сильной президентской власти как гаранта радикальных экономических реформ. В споре между сторонниками президента и парламента использовались разные, в том числе и исторические аргументы. Так, в большом интервью газете «Известия» Б.Н. Ельцин заявил, имея в виду проект новой конституции: «Не буду отрицать, что полномочия Президента в проекте действительно значительные. А как бы вы хотели? В стране, привыкшей к царям или “вождям”, в стране, где не сложились четкие группы интересов, не определены их носители, где только-только зарождаются нормальные партии; в стране, где чрезвычайно слаба исполнительская дисциплина, где вовсю гуляет правовой нигилизм, — в такой стране делать ставку только главным образом на парламент?

Да через полгода, если не раньше, люди потребуют диктатора. Такой диктатор быстро найдется, уверяю вас и, возможно, в том же парламенте» (*Ельцин* 1993). Итак, президент соотнес себя не с «диктаторами», а с «царями» или «вождями», Историческую преемственность с дореволюционным прошлым подчеркивало и наименование представительного органа — Государственная дума. Все это делало востребованным профессиональные знания историка. В качестве эксперта В.С. Дякин дал оценку проекту конституции РСФСР, который был обнародован в октябре 1991 г. Он высказался за парламентско-президентскую республику, где правительство несет ответственность перед народными представителями. Историк проницательно заметил, что президентская республика «чревата авторитарными тенденциями и конфликтами», и поддержал выборность обеих палат парламента. Его замечания по внутренней организации работы народного представительства во многом повторяли наказ Государственной думы начала XX века (*Дякин* 1999а: 19–22).

Последнее публичное выступление В.С. Дякина в особняке Лаваля, где размещался Российский государственный исторический архив, состоялось вскоре после событий октября 1993 г. и было посвящено историческому опыту думской монархии. На нем присутствовали представители политических партий, научная общественность.

В.С. признал, что Ельцин, как и Николай Второй, нарушил конституцию и произвел государственный переворот, но этот переворот был обусловлен высшими интересами: он предотвратил полный развал государства. Примерно такими же аргументами пользовались и защитники действий Столыпина: осуществив изменение выборного законодательства, он-де сохранил законодательную Думу. По мнению Дякина, столыпинский переворот действительно на некоторое время стабилизировал ситуацию и поэтому был, возможно, целесообразен, но краха монархии не предотвратил. Это утверждение противоречило тем безусловно отрицательным оценкам столыпинского режима, которые историк давал прежде. Поэтому он уточняет: Столыпин нарушил закон для сохранения консервативного режима, а Ельцин — для проведения радикальных реформ. Тут, конечно, содержится явная неточность: Столыпин, как указывал исследователь, был сторонником умеренных реформ и противостоял традиционалистам. Спорным является и утверждение о том, что президентская власть обеспечила радикальные экономические преобразования. Не будем забывать, однако, что в последнем случае историк не подводит итоги, а осторожно пытается оценить направление развития. Но все же пафос выступления в другом, Дякин надеялся, что новая Государственная дума сохранит свою независимость от президентской власти. Она будет жестко контролировать бюджет, пользоваться правом запроса, каждая фракция будет иметь доступ к парламентской трибуне, что было характерным для ее дореволюционной предшественницы (*Дякин* 1999б: 16–25).

Радикальные же защитники Б. Н. Ельцина, считая главной ценностью именно экономические реформы, в сущности поддержали идею неограниченной диктатуры. По мнению публициста В. Найшуля, страна в силу исторических особенностей нуждалась не в профсоюзах и не в сильном парламенте, а в авторитарной диктатуре (*Найшуль* 1996). Для В. С. Дякина, который очень осторожно высказался в поддержку президента, ключевыми представлялись демократические ценности, воплощением которых и должна была служить полновластная Государственная дума.

Важное условие успеха реформ — гомогенная этническая среда. Еще до Первой мировой войны переход от абсолютизма к конституционализму сопровождался подъемом национальных движений. Особенно острыми были национальные конфликты в Австро-Венгрии. Из континентальных империй после Первой мировой войны удалось сохраниться только Российской, переформатированной в СССР, где, как утверждалось, к началу 1970-х гг. была сформирована новая историческая общность — советский народ. Но с началом перестройки в стране резко обострились межнациональные отношения. И это поставило на повестку дня изучение России как империи. Конечно, В. С. прекрасно осознавал полиэтничность государства и сложность проблем, стоявших перед третьеиюньской монархией, более того, одна из его ранних работ как раз и посвящена политике по отношению к немецкому населению в годы Первой мировой войны (*Дякин* 1968: 225–228). Но в коллективной монографии о кризисе самодержавия этноконфессиональные проблемы почти не затрагивались, вероятно, из цензурных соображений.

К исследованию национальной политики историк возвращается в самый разгар перестройки, в конце 1980-х гг. (*Лукоянов* 1998: 11), когда страна пережила Сумгаит и Тбилисскую трагедию, завязался сложный карабахский узел, а республики Прибалтики поставили вопрос о своем суверенитете. Задуманное автором грандиозное исследование должно было охватить период от начала XIX в. до 1917 г. К сожалению, смерть не позволила реализовать грандиозный замысел, но сохранился текст доклада, в котором автор подвел итоги, позволяющие судить об основной концепции. Фактический материал убедительно доказывает, что не существовало некоей единой правительственной политики в национальном вопросе. Отчасти это связано с разным уровнем культурного, экономического и политического развития окраин, отчасти со сложным этническим составом отдельных территорий, что приводило к межэтническим конфликтам, которые перерождались в настоящую гражданскую войну (как в Закавказье, охваченном в 1905 г. кровавыми столкновениями между армянами и азербайджанцами). В ряде случаев национальная политика формировалась под воздействием внешнеполитического фактора, как это было, к примеру, в мусульманском вопросе. Даже подход к одной и той же проблеме был разновекторным, при этом реализация любого из векторов в конечном

счете подрывала имперскую идею. Это автор иллюстрирует, анализируя политику по отношению к мусульманам. Преподавание в мусульманских школах арабского языка создавало базу для развития панисламистских идей, увеличивало влияние Османской империи, перевод преподавания на татарский язык выдвигал татар на роль лидеров в деле культурного и национального возрождения, а интенсивная русификация способствовала формированию отрицательного образа России в глазах всего мусульманского мира, увеличивала популярность исламизации и «татаризации».

Важный вывод историка заключался и в том, что «русская идея» вовсе не ставила целью защиту русского этноса, русской культуры. Напротив, она была лишь инструментом политики, направленной на сохранение самодержавия и целостности империи.

Крайне осторожный в поисках «альтернатив» и «развилок» исторического процесса, В. С. Дякин считал, что роковую роль в отечественной истории сыграло присоединение Казанского ханства и затем продвижение Московского царства на восток. Сохранись государство в границах своего этнического ядра, оно было бы свободным от национальных проблем, а население перешло бы к интенсивным методам ведения хозяйства. «В этом случае и экономическое и, следовательно, социальное и политическое развитие русского государства шло бы более быстрыми темпами, а вероятность избежать революции масштаба 1917 года была бы большей». Поэтому падение Казани В. С. Дякин считал трагедией не только татарского, но и русского народа (*Дякин* 2002: 54).

Подводя итоги, можно сказать, что в середине 1980-х гг. В. С. Дякин вносит довольно важные коррективы в свою первоначальную концепцию. Эти изменения связаны с ситуацией в стране. Во-первых, марксизм теряет свою идеологическую монополию, теперь вовсе не обязательно объяснять политические процессы исключительно классовой борьбой или подчеркивать ведущую роль пролетариата. Во-вторых, надежды на положительный эффект демократизации и рыночных реформ, порожденные сначала перестройкой, а затем курсом Ельцина — Гайдара, не оправдались. Эта «дурная бесконечность» (реформы Александра Первого — Великие реформы — реформы периода «думской монархии» — реформы М. С. Горбачева — реформы Ельцина — Гайдара) нуждалась в объяснении.

По мнению В. С. Дякина, толчок реформам дает не революционное движение и не либеральная оппозиция. Подготовку реформ инициирует сама власть, ощущающая, что «по-старому править совершенно невозможно». Подготовка реформ открывает возможность для обсуждения ранее запретных проблем общественному мнению, а это, в свою очередь, развязывает массовое рабочее и крестьянское движение. В условиях начавшейся революции задуманные реформы оказываются слишком «куцыми» и не приводят к успокоению, а только открывают новые возможности для

революционного движения. Если в советской историографии реформы были лишь «побочным продуктом» классовой борьбы, то Дякин, напротив, считает массовое движение «побочным продуктом» правительственного реформизма (Реформы или революция? 1992: 270–271).

В этом подходе без труда читается классическое ленинское определение революционной ситуации. Дело, однако, заключается в том, что в советской исторической науке это определение усилиями «школы» М. В. Нечкиной было предельно вульгаризировано. Стержнем революционной ситуации всегда изображалось именно массовое народное движение и деятельность революционного подполья.

Дякин критически оценивает модную теорию исторических альтернатив. По его мнению, есть процессы долговременного развития, порожденные ими альтернативы могут оказать решающее влияние на ход исторического развития. Влияние среднесрочных процессов гораздо менее значительно, шансы на реализацию альтернативы именно как коренного переворота ничтожны. Краткосрочные процессы влияют на текущую конъюнктуру, но принципиально ничего изменить не могут. К первым процессам В. С. относил движение Московского царства на восток и реформу 1861 г., второй вариант — это возможное образование кадетского министерства в 1906 г. и, по-видимому, программа столыпинского реформирования. Третий вариант —возможный успех Л. Г. Корнилова, который вряд ли остановил бы восходящее движение революции (Анатомия революции 1994: 51–53).

Если в своих фундаментальных работах провал реформ автор прежде объяснял воздействием поместного дворянства, небольшим историческим сроком «покоя», наконец крайним консерватизмом последнего самодержца, то теперь анализ включает массу новых факторов, прежде всего, это узость социальной базы реформаторов и полиэтничность Российской империи. Исчерпанность имперской формы существования государства была, по мнению исследователя, одной из главных предпосылок краха монархии в России (*Дякин* 1998: 6). В. С. Дякин привлек внимание к еще одной важной, но к тому времени почти неисследованной проблеме: кризису религиозного сознания у русской интеллигенции и утрате религиозной этики у народных масс. Исследователь заявил о необходимости изучить «достаточно сложные взаимосвязи религиозного и революционного сознания, которые оказали влияние на ход истории» (Анатомия революции 1994: 52).

Общий вывод автора достаточно пессимистичен: революция 1917 г. была неотвратима, а крах потерпела не только правительственная политика, но и ее либеральная альтернатива.

Историк увидел те проблемы, которые чуть позже стали предметом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых. К большому сожалению, безвременная кончина В. С. Дякина помешала воплотить эти идеи в ряд фундаментальных исследований.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Ельцин 1993 — *Ельцин Б.* Н. Как президент я больше других заинтересован в социальной стабильности // Известия. 1993. 16 ноября.

Мигранян, Клямкин 1989 — *Мигранян А., Клямкин И.* Нужна «железная рука»? // Литературная газета. 1989. 16 августа.

Найшуль 1996 — *Найшуль В.* О нормах современной российской государственности // Сегодня. 1996. 23 мая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анатомия революции 1994 — Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

Гайда 2016 — *Гайда Ф.* И. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития. М., 2016.

Дякин 1956 — *Дякин В.* С. Борьба Коммунистической партии Германии за создание единого рабочего фронта (сент. 1925 — дек. 1926): автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1956.

Дякин 1958 — *Дякин В.* С. Рец. на кн.: Liebe W. Die Deutsche Nationale Volkspartei, 1918–1924. D sseldorf, 1956 // Новая и новейшая история. 1958. № 2.

Дякин 1961 — *Дякин В. С.* Коммунистическая партия Германии и проблема единого фронта в годы относительной стабилизации капитализма, 1924–1928 гг. М.; Л., 1961.

Дякин 1968 — *Дякин В.* С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 225–228.

Дякин 1997 — *Дякин В. С.* Структура имущих верхов России в конце XIX — начале XX в.: К постановке вопроса // Английская набережная, 4. СПб., 1997. С. 127–148.

Дякин 1998 — *Дякин В.* С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX — нач. XX в. СПб., 1998.

Дякин 1999а — *Дякин В.* С. И парламентская республика, и сильный президент // На пути к революционным потрясениям. СПб.; Кишинев, 1999. С. 19–22.

Дякин 1999б — *Дякин В.* С. Выступление на вечере «Государственная дума вчера и сегодня...1906–1917–1993» 10 ноября 1993 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: сборник статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева. СПб., 1999. С. 16–25.

Дякин 2002 — *Дякин В.* С. Был ли шанс у Столыпина: сборник статей. СПб., 2002.

Кризис самодержавия 1984 — Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984.

Лукоянов 1998 — *Лукоянов И. В.* [Предисловие] // Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — нач. XX в.). СПб., 1998. С. 11.

Лукоянов 2001 — *Лукоянов И.* В. В. С. Дякин как историк // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX века. Материалы конференции памяти В. С. Дякина. СПб.; Кишинев, 2001.

Лукоянов, Цамутали 1997 — *Лукоянов И. В., Цамутали А.* Н. Памяти Валентина Семеновича Дякина // Английская набережная, 4. СПб., 1997.

Лукоянов, Цамутали 2002 — *Лукоянов И. В., Цамутали А.* Н. Валентин Семенович Дякин. Биографический очерк // Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? СПб., 2002. С. 6–10.

На пути к революционным потрясениям 2001 — На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX века. Материалы конференции памяти В. С. Дякина. СПб.; Кишинев, 2001.

Реформы или революция? 1992 — Реформы или революция? Россия в 1861–1917 гг.: материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992.

Цамутали 1999 — *Цамутали А.*Н. Валентин Семенович Дякин и его труды // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999.

Vedernikov Vladimir V. — candidate of historical sciences, associate professor of Peter the Great St. Petersburg polytechnic university (St. Petersburg)

REFERENCES

Anatomiia revoliutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'. St. Petersburg, 1994.

Diakin V.S. *Bor'ba Kommunisticheskoi partii Germanii za sozdanie edinogo rabochego fronta (sent. 1925 – dek. 1926)*: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1956.

Diakin V.S. *Byl li shans u Stolypina*: sbornik statei. St. Petersburg, 2002.

Diakin V.S. *I parlamentskaia respublika, i sil'nyi prezident // Na puti k revoliutsionnym potriaseniiam.* St. Petersburg; Kishinev, 1999, pp. 19–22.

Diakin V.S. *Kommunisticheskaia partiia Germanii i problema edinogo fronta v gody otnositel'noi stabilizatsii kapitalizma, 1924–1928 gg.* Moscow; Leningrad, 1961.

Diakin V.S. *Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma XIX – nach. XX v.* St. Petersburg, 1998.

Diakin V.S. Pervaia mirovaia voina i meropriiatiia po likvidatsii tak nazyvaemogo nemetskogo zasil'ia. *Pervaia mirovaia voina. 1914–1918.* Moscow, 1968, pp. 225–228.

Diakin V.S. Rets. na kn.: Liebe W. Die Deutsche Nationale Volkspartei, 1918–1924. Dűsseldorf, 1956. *Novaia i noveishaia istoriia*, 1958, no. 2.

Diakin V.S. Struktura imushchikh verkhov Rossii v kontse XIX — nachale XX v.: K postanovke voprosa. *Angliiskaia naberezhnaia, 4.* St. Petersburg, 1997, pp. 127–148.

Diakin V.S. Vystuplenie na vechere "Gosudarstvennaia duma vchera i segodnia...1906–1917–1993' 10 noiabria 1993 g. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii XIX–XX vekov: sbornik statei pamiati Valentina Semenovicha Diakina i Iuriia Borisovicha Solov'eva.* St. Petersburg, 1999, pp. 16–25.

Gaida F.I. *Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiia.* Moscow, 2016.

Krizis samoderzhaviia v Rossii, 1895–1917. Leningrad, 1984.

Lukoianov I.V. [Predislovie] in Diakin V.S. *Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX – nach. XX v.).* St. Petersburg, 1998, pp. 11.

Lukoianov I.V. V.S. Diakin kak istorik in *Na puti k revoliutsionnym potriaseniiam. Iz istorii Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka.* Materialy konferentsii pamiati V.S. Diakina. St. Petersburg; Kishinev, 2001.

Lukoianov I.V., Tsamutali A.N. Pamiati Valentina Semenovicha Diakina. *Angliiskaia naberezhnaia, 4.* St. Petersburg, 1997.

Lukoianov I.V., Tsamutali A.N. Valentin Semenovich Diakin. Biograficheskii ocherk in Diakin V.S. *Byl li shans u Stolypina?* St. Petersburg, 2002, pp. 6–10.

Na puti k revoliutsionnym potriaseniiam. Iz istorii Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. Materialy konferentsii pamiati V.S. Diakina. St. Petersburg; Kishinev, 2001.

Reformy ili revoliutsiia? Rossiia v 1861–1917 gg.: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma istorikov. St. Petersburg, 1992.

Tsamutali A.N. Valentin Semenovich Diakin i ego trudy. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii XIX–XX vekov.* St. Petersburg, 1999.

А. Н. Цамутали: «В ПАМЯТИ МОЕЙ ОН ОСТАЛСЯ КАК НАДЕЖНЫЙ ТОВАРИЩ, ГЛУБОКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ЧЕЛОВЕК МНОГОГРАННЫХ ИНТЕРЕСОВ»

Беседовал В. В. Ведерников.

В. В. Алексей Николаевич, когда вы познакомились с В. С. Дякиным?

А. Н. Это было в сентябре 1948 г., когда я поступил на первый курс, а он учился на втором. Запомнился мне как живой общительный студент. В это время он был, несмотря на молодость, заметной фигурой в жизни факультета, поскольку являлся деятельным участником студенческого научного общества, старостой кружка истории Нового времени. Куратором кружка была Ида Григорьевна Гуткина, очень внимательная к студентам преподавательница, считавшая себя любимой ученицей Е. В. Тарле. Со мной на курсе учились и школьные друзья В. С. Дякина — Виктор Леонидович Шейнис и Радий Исаакович Цимеринов[2]. Они были очень разными людьми. Шейниса я запомнил активным комсомольским деятелем, у него уже была от райкома комсомола рекомендация для вступления в партию. Он писал в стенгазете статьи об Антонио Грамши, об итальянской социалистической партии и рабочем движении в Италии. На кружке он сделал очень интересный доклад о социалистической партии Италии, которая в его глазах была приводным ремнем от коммунистов к трудящимся массам. Мои научные интересы к тому времени не определились окончательно, и на кружке я сделал доклад об Армии Крайовой по материалам, опубликованным в советских газетах по делу Окулицкого и других. Выступать мне было трудно, поскольку я был среди участников заседания самым молодым, а среди студентов встречались люди с большим жизненным опытом, участники войны. Во время прений в деликатной форме замечания по докладу высказал Ура Абрамович Шустер. Валентин Семенович тогда меня опекал, а сам он занимался новейшей историей

Цамутали Алексей Николаевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник СПбИИ РАН (Санкт-Петербург)

[1] Шейнис Виктор Леонидович (род. 1931) — доктор экономических наук, был депутатом Государственной думы от «Яблока».

[2] Цимеринов Радий Исаакович (1930–2017) — оператор Ленинградской студии документальных фильмов.

Германии. Приближался юбилей И.В. Сталина, и на одной из конференций Валентин Семенович сделал доклад «Сталин о фашизме». Сталин, в отличие от других политических деятелей, не был многословен, составить доклад, опираясь только на тексты вождя, было бы очень трудно, но Валентин Семенович привлек очень широкий исторический материал по истории Коминтерна, его исполкома. А кроме того, его доклад был очень артистичен, помню, как он рассказывал о немецком обывателе, который пил пиво, потом выбегал на улицу и кричал «Hoch!», не понимая, по какому поводу он кричит. И вот у нас с ним установились дружеские отношения.

Тогда на истфаке было множество стенгазет. Была газета факультета, а кроме того, выпускались газеты курсовые, а некоторые фанатики предлагали вывешивать еще и групповые стенгазеты. А помимо их, были еще такие листки — молнии. И вот я и мой однокурсник Юрий Сергеевич Колышев как-то выпустили такую молнию. Он был меня старше, очень хорошо рисовал. Жизнь у него была нелегкая. Его отец, военный инженер, погиб, а мать, военный врач, была тяжело ранена и доживала свой век в госпитале для инвалидов. Он же снимал какие-то углы или кочевал по общежитиям. Несмотря ни на что, он сохранял оптимизм и жизнерадостность, хотя вечно был голоден, и чтобы заглушить чувство голода, он выжимал штангу. Его и меня Валентин Семенович привлекал к изданию стенгазеты. И вот был такой эпизод. Историю Древнего Востока читал нам известный специалист академик В.В. Струве, но иногда его заменял коллега, Исидор Саввич Кацнельсон, работавший в Москве. Он приезжал в Ленинград, читал лекции, тоже очень хорошо. Он же принимал экзамены. Держался Кацнельсон очень доброжелательно. И однажды получилось так, что группа заочников, во главе с очень энергичной студенткой, договорилась, чтобы Исидор Саввич принял экзамены в Астории, где он обычно останавливался, приезжая в Ленинград. Этот эпизод стал каким-то образом известен, В.С. настропалил нас, и мы в молнии изобразили банкетный зал гостиницы, где студенты сдают экзамен. Вы не можете представить, какой скандал устроила нам и Валентину Семеновичу эта энергичная студентка! Говорю я об этом исключительно как о факте, характеризующем общественную активность В.С.

У меня, студента-первокурсника, сложилось впечатление о Дякине как о человеке очень одаренном. Он, по-моему, уже тогда хорошо знал немецкий. И, как я считаю, влияние его формального руководителя В.Г. Брюнина и опекавшей Валентина Семеновича Иды Григорьевны было минимальным, поскольку сам он очень многое знал. Не помню, чему была посвящена его дипломная работа. Но интерес к Германии занимал важное место в его научном творчестве. В самой Германии выше всего ценят не думские исследования Дякина, а его работу «Германские капиталы в России».

Но его способности были оценены и с несколько неожиданной стороны. И я помню такую деталь. Мы учились на втором или третьем курсе, а он был курсом старше. И вдруг

на факультет приехал вербовщик из самого строгого ведомства.

В. В. Госбезопасности?

А. Н. Да. И стал он вербовать студентов для службы. В. С. вызвали, но он отказался. Он был на курсе одним из самых ярких студентов. Но он даже и мечтать не мог об аспирантуре. Тем не менее ему повезло. После окончания вуза он остался в Ленинграде, преподавал в педагогическом училище на Выборгской стороне и был этому предельно рад. Распределение было очень жестким. Вот, к примеру, моя однокурсница Лида Шуренкова уехала в глушь — на станцию Матай Турксиба. Дело в том, что Министерство высшего образования не имело своих ставок, а Министерство образования заботилось прежде всего о своих выпускниках и отдавало университету то, что оставалось после распределения выпускников педвузов. Поэтому в Ленинграде в школы устроиться было довольно трудно.

Примерно год В. С. проработал в педагогическом училище, а затем поступил в аспирантуру Института истории в Москве. Туда же поступил и мой однокурсник Аполлон Борисович Давидсон. Я могу путаться в деталях, но какое-то время они вместе учились в Москве в аспирантуре и снимали комнату на Большой Никитской. Мои же родственники жили в районе Арбата, в Большом Афанасьевском переулке. И, бывая в Москве, я останавливался у своих родных и часто заходил в гости к своим университетским друзьям. Давидсона я заставал редко, а вот с Валентином Семеновичем мы встречались чаще. Тогда же я познакомился и с будущей женой Дякина, Валентиной Георгиевной. При этом они всегда старались меня угостить. Чаще всего на обед у них была банка красного перца.

В. В. Красного перца?

А. Н. Да, были такие болгарские консервы. Я чаще всего отказывался, понимая, что это, вероятно, все, что у них было. Меблировка — почти спартанская. В комнате из мебели стояли только диван и стол. Давидсон и Дякин поочередно спали кто на диване, кто на столе.

Валентин Семенович и Аполлон Борисович долго и безуспешно хлопотали о получении московской прописки. Так что как аспиранты они учились, имея временную прописку. И, вероятно, именно отсутствие постоянной прописки не позволило им закрепиться в Москве.

Научным руководителем у Дякина был доцент Н. И. Саморуков. Но никакого влияния на Валентина Семеновича он не оказал. Учился он своим умом. Среди его окружения были очень интересные люди, в частности, в аспирантуре вместе с ним был сын прежнего председателя Совета министров Казахстана, который возмущался национальной политикой Хрущева. Можно сказать, что Валентин Семенович был включен в атмосферу более современной жизни, которая отсутствовала в Ленинграде.

В. В. Не тогда ли зародился у Валентина Семеновича интерес к национальной проблеме, которая заняла заметную часть его исследовательской деятельности?

А. Н. Трудно сказать. Не знаю. Но почва для этого была. К национальному вопросу интерес у Дякина появился уже в ЛОИИ. Как-то в частном разговоре он сказал, что проблема существует и непременно даст о себе знать.

Затем наступает время, когда у В. С. сдают нервы, и он принимает решение ехать доцентом в Кустанай.

В. В. Так он уже защитился тогда?

А. Н. Не знаю, защитился ли он, но подал документы и был избран по конкурсу.

И вот в Москве в коридорах Института истории он случайно встречается с А. А. Фурсенко и рассказывает ему о своих проблемах. И Фурсенко говорит: «Валя, очень тебя прошу, откажись от этого предложения. В Ленинграде сейчас восстанавливается ЛОИИ, я могу тебе помочь».

В. В. А они были знакомы?

А. Н. Да, они были хорошо знакомы. Вы знаете, когда мы учились, то была такая поляризация. Всеволод Михайлович Иванов, комсорг нашего курса, а Виктор Леонидович Шейнис был его заместителем по политчасти. Потом Иванов стал парторгом курса, а на посту комсомольского лидера его сменил Р. Цомук. Они были такие залихватские комсомольско-партийные активисты. Наука им была неинтересна.

Вторая категория — спортсмены. В те годы очень популярно было самбо. Заниматься спортом должны были все, вне зависимости от своего физического состояния. Хорошо была поставлена легкая атлетика, лыжи, гребля.

Еще одна группа — участники самодеятельности. Тогда уже в университете сформировался знаменитый хор Сандлера. Был великолепный драматический коллектив, откуда вышел Игорь Горбачев. Но была еще и такая норка, как студенческое научное общество. И вот в этой норке спрятались и А. А. Фурсенко, и Б. В. Ананьич, и ваш покорный слуга, и В. С. Дякин. Были и те, кто принимал участие в разных видах деятельности. Например, Шейнис, он по разным норам бегал. Одно время он был первым человеком в комсомольско-партийной когорте. Но не чуждался и работы в СНО и с присущим ему мастерством делал яркие доклады.

Великолепные кураторы были в кружке истории СССР. Вот в кружке истории СССР (я-то сначала был в кружке Новой истории, но и туда ходил). Это Б. А. Романов и Олег Александрович Ваганов. Оба были сотрудниками ЛОИИ. Я вот недавно был на конференции памяти В. В. Мавродина и говорил, что Мавродин заслуживает уважения, поскольку, будучи деканом истфака, широко привлекал к преподаванию сотрудников Института истории. Я вовсе не хочу принизить коренных профессоров, таких как С. Б. Окунь, С. И. Ковалев и др. Но Древний мир преподавал нам В. В. Струве, основным местом работы которого было ЛОИИ. Для студентов первого курса семинары вели С. Н. Валк и Б. А. Романов. Это было своеобразным введением

в курс, которое по-старому называли просеминариями. Я был в группе, где занятия вел В. И. Петрикеев. Совсем молодые Д. П. Каллистов и В. И. Рутенбург — тоже сотрудники ЛОИИ — читали лекции. Общий курс по истории Греции читала К. М. Колобова.

В. В. Но вернемся к этой памятной встрече Дякина и Фурсенко.

А. Н. Да. Вот Фурсенко и говорит: «Возвращайся в Ленинград. Здесь и твоя мама живет».

Вот В. С. и решил вернуться на родину.

В. В. А он уже защитился?

А. Н. Не знаю, но, кажется, защита проходила в Москве. Он рассказывал, как на защиту пришел Нарочницкий, член диссертационного совета, взял его диссертацию, долго ее листал. А Нарочницкий был тогда редактором журнала «Новая и новейшая история», членом-корреспондентом Академии наук, словом, очень влиятельная персона.

После возвращения в Ленинград он сразу попал в ЛОИИ. Но ему нужно было поменять специализацию, начать заниматься историей России. Он согласился, но интерес к германской истории сохранил. А здесь он обращается к периоду рубежа веков. Вы учтите ситуацию. Приоритетным признавались исследования советского периода, одно время даже только великое десятилетие. И тут надо отметить заслугу А. Л. Сидорова, человека очень сложного, человека, который принимал активное участие в различных проработочных кампаниях. В частности, будучи проректором Московского университета, он активно боролся с космополитизмом и «буржуазным объективизмом», в жернова проработки попали не только И. И. Минц и Е. Н. Городецкий, но и такой абсолютно аполитичный и добропорядочный человек, как Н. Л. Рубинштейн.

Но в это время Сидоров указывает, что великое десятилетие, конечно, важно, но и Октябрьской революцией тоже надо заниматься. А если так, то нужно изучать и экономические и социально-политические предпосылки революции. И тем самым он спасал как исследовательскую проблему конец XIX — начало XX в. и создал большую группу из сотрудников и своих учеников и сотрудников и аспирантов ЛОИИ. Туда входили молодые К. Н. Тарновский, В. И. Бовыкин, К. Ф. Шацилло, Станислав Залесский, А. М. Соловьева и, конечно, П. В. Волобуев. В этой же группе были Р. Ш. Ганелин, Б. В. Ананьич, сюда же попадает и В. С. Дякин. Все они с утра до вечера занимаются в ЦГИА, куда с 1958 г. вместе с Валентиной Григорьевной Чернухой хожу и я. К этому времени мы из Музея революции перешли в ленинградскую группу Института славяноведения и состоим в одном профсоюзном коллективе с ЛОИИ. Валентин Семенович в это время как раз начал работать по проблеме думских партий, думской монархии. В архиве он работает с утра до закрытия, а дома у него на столе лежат стенограммы Думы. И работает он с утра до вечера, не знаю, когда он отдыхал и отды-

хал ли вообще. И это при явно плохом здоровье. В это же время меняется руководство ЛОИИ. На место М.П. Вяткина приходит Н.Е. Носов, а ученым секретарем становится Б.В. Ананьич. Это назначение состоялось 22 апреля 1962 г., а 23 апреля того же года меня взяли на работу в ЛОИИ. Секретарем парторганизации был А.А. Фурсенко. Вот они и играют такую заметную роль в общественной жизни.

При Фурсенко вступили в партию Ганелин, Ананьич, Дякин, взятая на работу научно-техническим сотрудником Валерия Антониновна Нардова. И Дякину сразу же планируют монографию. Вот эту, думскую-то.

В.В. Наверное, вы имеете в виду книгу «Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны»?

А.Н. Да. Монографию запланировали и Ю.Б. Соловьеву, когда он поступил в Институт. Он, как и Дякин, международник по своей первой специальности. И, поступая в университет, Соловьев совершенно свободно знал немецкий. А на последнем курсе я спросил, каким языком он владеет лучше всего. Он сказал: английский. При этом еще он очень хорошо знал французский. Он был потрясающих лингвистических способностей.

Валентин Семенович, думаю, хорошо знал немецкий язык, но не так хорошо, как Юрий Борисович. И мне кажется, что у Валентина Семеновича было немножко ревнивое чувство к Юрию Борисовичу.

В.В. Да, на заседаниях сектора они часто пикировались.

А.Н. Да, они почти параллельно пишут монографии, вызывающие интерес, почти одновременно становятся докторами исторических наук, старшими научными сотрудниками, и в какой-то мере их жизнь уже связана с исследованиями истории России. Но их первая специальность — история международных отношений — придает их исследованиям глубину и блеск, потому что они историки с широким кругозором. Международниками были и Ганелин, и Ананьич. Именно это позволяет им посмотреть на проблемы истории России очень широко. К этой же группе относится и В.А. Нардова, американистка по своей первой специальности.

В.В. Может быть, вы помните, как проходила защита докторской диссертации Валентина Семеновича? Я попытался найти ее автореферат, но ни в РГБ, ни в РНБ не нашел никаких следов.

А.Н. А вы и не могли ее найти. В то время еще можно было защищать докторскую по изданной монографии, что и сделал Дякин. Вскоре, однако, вновь стали требовать диссертационный текст.

В.В. Как же прошла защита докторской диссертации Валентина Семеновича?

А.Н. Я не помню подробностей, но, по-моему, блестяще. В моих глазах книга была работой высокого уровня.

В. В. Да, она носила новаторский характер. В то время сама проблема внутриполитического соперничества Думы и правительства была очень плохо исследована. Валентин Семенович одним из первых выделил в качестве участника борьбы за власть либеральную оппозицию. Он разбил гипотезу о «заговоре самодержавия», которое якобы хотело заключить сепаратный мир, предотвратив, таким образом, назревавшую революцию. Так как В. С. использовал широкий круг источников, многие из них были не опубликованы, то его выводы базировались на прочном фундаменте.

А. Н. Да, систематическая работа в архиве — характерная черта историков этого поколения. Вспоминается такая история. Вместе с нами в архиве работал и У. А. Шустер. И вот однажды я опоздал к открытию хранилища. Пришел не в 9, а в 9:15. И тут же ко мне припал Шустер: «Голубчик, что с вами, не больны ли вы, ведь архив открывается в 9, а вы опоздали. Быть может, вам нужна помощь?» Я с тех пор приходил в 8:45, а уходил в четверть седьмого. При этом Шустер всегда говорил: «Голубчик, а я еще посижу». Своим примером он показывал, что нельзя терять ни минуты.

Затем возникает проблема коллективных работ. Валентин Семенович много делает как редактор двухтомника «История рабочих Ленинграда» и затем книги «Кризис самодержавия в России».

В. В. А как родилась идея создать коллективный труд по истории рабочих Ленинграда? Книга эта, если не ошибаюсь, получила государственную премию?

А. Н. У этого издания сложная история и большое число авторов, т. к. книга охватывает как досоветский, так и советский периоды. Первое время руководителем авторского коллектива считался С. Н. Валк. Затем его сменил Валентин Семенович. Затем в какой-то момент в работу включилась Зинаида Сергеевна Мироненкова, заведующая отделом науки Ленинградского обкома, кандидат исторических наук. Думаю, вы знаете, что Институт сначала был отделением, потом филиалом московского Института, и многое зависело от позиций директора. И если А. Л. Сидоров и П. В. Волобуев старались помогать нашему коллективу, то их преемники В. М. Хвостов и А. Л. Нарочницкий вели удушающую политику. При этом Хвостов очень долго не утверждал Носова в качестве заведующего ЛОИИ, считая, что он, кандидат, не годится, хотя по анкетным данным Носов был безупречен: фронтовик, получивший партбилет в окопах. Как-то Хвостов приехал в Ленинград, не зная, что произошла смена кадров: вместо Александрова заведовать отделом науки стала Мироненкова. А Хвостов собирал все сплетни, которые только мог, у него полно было информаторов. И вот он получил информацию, что Носов держится поддержкой райкома, в частности, какой-то безграмотной инструкторши, которая раньше была уборщицей в университете, а теперь она — главный консультант по кадрам в ЛОИИ. Она, дескать, и поддерживает Носова.

Хвостов встретился с Мирончeнковой, которую и посчитал той самой безграмотной инструкторшей, и устроил ей проработку, заявив, что низовые партийные работники не имеют того кругозора, которым обладают люди, находящиеся в контакте с такими товарищами, как секретарь ЦК КПСС академик Б. Н. Пономарев. Тут Зинаида Сергеевна закипает как самовар. В конце беседы академик, вероятно, поняв, какой пост занимает Мирончeнкова и каким влиянием она пользуется, желая закончить спор миром, говорит: «Сейчас за мною приедет машина, не подвезти ли вас?» На что получает ответ: «Спасибо, но, думаю, моя машина приедет раньше». И вот Зинаида Сергеевна вводится в число членов коллектива книги. Кроме того, в число авторов, особенно по советскому периоду, были включены и те, кто не был сотрудником Института. В их числе В. А. Ежов, И. П. Лейберов, А. З. Ваксер. А из сотрудников ЛОИИ том пишут В. И. Старцев, А. Р. Дзенискевич, Л. И. Деревнина, В. М. Панеях (у него первая половина XVIII в.), а вторую половину XVIII в. пишет Л. Н. Семенова. А из нашего сектора участвуют И. А. Бакланова и Э. Э. Крузе.

В Москве же в это время в Институте истории происходит борьба группы Волобуева против Хвостова. Секретарем партбюро «прогрессисты» выдвигают Тарновского, и креатура Хвостова — Е. С. Голубцова — большинства не получает. Голубцову и Хвостова поддерживает новый глава отдела науки ЦК С. П. Трапезников. Трапезников, явный консерватор, испортивший отношения со всеми, кто считается реформатором. В Москве начались гонения на группу Волобуева. Но вот с Мирончeнковой у Трапезникова очень неплохие личные отношения, а та, в свою очередь, опекает ЛОИИ и Носова. Все это создает благоприятные условия для коллектива, который под руководством В. С. Дякина работает над «Историей рабочих Ленинграда». И эта работа, действительно, была удостоена государственной премии, премию получила и значительная часть авторов, в том числе и Валентин Семенович. Но, к сожалению, премию почему-то дали не всем, что вызвало известное напряжение в коллективе.

Вскоре формируется группа единомышленников по созданию «Кризиса самодержавия в России». И тут начинаются дебаты: когда же возник кризис — с Февральской революции, с 1905 г. или, может быть, с декабристов. Я и предложил: давайте начнем со Смутного времени. Дякин воспринял это как шутку, был очень недоволен, но ведь потом новое издание — «Власть и реформы» — начали с XVI в.

С 1970 по 1973 г. Дякин возглавляет наш отдел периода капитализма. Могу сказать, что Валентин Семенович был очень эрудированным человеком. Он следил за новинками литературы и очень удивился, что я не знал поэта Николая Тряпкина. А Валентин Семенович объяснил мне, что он не просто поэт, а достойный поэт. Удивительно, но и сам он писал стихи.

В отделе и после ухода с поста руководителя он сохранил авторитет

и уважение. Вокруг него сложился круг учеников. Как мне кажется, он ориентировал их на труды предшественников, которые надо откорректировать, посмотрев на проблему по-иному. Вот его ученик И.В. Лукоянов должен был идти по пути корректировки Б.А. Романова, А.В. Островский — Ю.Б. Соловьева, а Л.А. Булгакова должна была ревизовать наследие В.Р. Лейкиной-Свирской.

В.В. А его ученик Матвей?

А.Н. Островский.

В.В. Да, кажется, Островский.

А.Н. Да, за него Валентин Семенович очень сильно переживал. Матвей был, кажется, в заочной аспирантуре. На меня он производил впечатление человека очень способного и симпатичного. Дякин много бился за то, чтобы Матвея взяли в ЛОИИ, но безуспешно. К сожалению, я не знаю, как в дальнейшем сложилась его судьба.

В.В. А как относился Валентин Семенович к А.Я. Авреху, они ведь работали примерно на одной исторической площадке?

А.Н. Да, историки не очень любили, когда кто-то вторгался в сферу исследования, которую они считали своей монополией. Когда В.А. Нардова, определяя тематику своей будущей работы, сказала, что она хотела бы заниматься правыми партиями, то резко против выступил Ю.Б. Соловьев, считавший тему своей. Поэтому Нардова, по совету Валка, стала заниматься проблемами городского самоуправления, где впоследствии и преуспела. Помню напряженный разговор между Соловьевым и Дякиным относительно разграничения «сфер влияния». Но и сам Валентин Семенович начал заниматься столыпинщиной, темой, которую Аврех считал своей вотчиной. И вот они в дым перессорились. А я был в хороших отношениях и с Аврехом, и с Дякиным. Я пытался их примирить, и Аврех был готов заключить мир, но Дякин взял курс на борьбу до конца.

В.В. Все же, насколько я помню, когда в начале 1970-х началась травля Авреха, то В.С. предпочел в ней не участвовать.

А.Н. Да, вы правы, но Дякина задела резкая манера замечания А.Я. в его адрес.

В.В. Я помню полемические пассажи Авреха в его монографии «Царизм и IV Дума». Они, действительно, были грубыми и чрезмерно политизированными.

Скажите, а каким человеком был В.С. в повседневной жизни?

А.Н. Он любил дачное хозяйство, дома выращивал рыбок. У него была дружная семья. Мама Валентины Георгиевны очень хорошо относилась к Валентину Семеновичу и опекала его в бытовом отношении.

В.В. А за рубежом он бывал?

А.Н. Кажется, нет. Но это было связано не с какими-то ограничениями, а с его слабым здоровьем, он

вел размеренный образ жизни, поэтому дальние поездки дались бы ему с трудом. После защиты докторской он пережил инфаркт. Как-то я пришел в гости к Валентину Семеновичу, и мне встретилась его соседка. Узнав, что я тоже ученый-историк, она спросила, защитил ли я докторскую. Я ответил, что нет, и тут она произнесла: «Ну, и слава Богу. Вот Валентин Семенович как только написал, так сразу и угодил в больницу с инфарктом».

Прошло уже 25 лет, но я до сих пор с болью вспоминаю о его безвременном уходе. В памяти моей он остался как надежный товарищ, глубокий исследователь и человек многогранных интересов.

В. В. Большое спасибо за беседу.

А. Н. ЦАМУТАЛИ: «В ПАМЯТИ МОЕЙ ОН ОСТАЛСЯ КАК НАДЕЖНЫЙ ТОВАРИЩ, ГЛУБОКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ЧЕЛОВЕК МНОГОГРАННЫХ ИНТЕРЕСОВ»

Zamutali Alexey N. — doctor of historical sciences, senior researcher SPbIH RAS (St. Petersburg)

В. Г. Савельева

ВАЛЯ ДЯКИН

Так случилось, что 25 лет спустя после того, как не стало В. С., неожиданно для меня появился человек, которого я никогда не видела, но чье имя с симпатией упоминал Валентин Семенович, — Владимир Викторович Ведерников. Он предложил собрать воспоминания о Валентине Семеновиче, приурочив это к его (В. С.) девяностолетию. Это и усадило меня за стол. В. В. Ведерников — один из тех, чья судьба в свое время, так же как и судьба нашей семьи, зависела от наличия или отсутствия штампа в паспорте о праве на жительство в Ленинграде. Вынужденный отъезд пришелся на долю и В. В. Ведерникова, и первого аспиранта В. С. А. В. Островского, помочь им было некому, а вот нам с Валей повезло — в подобной ситуации каким-то образом «наколдовал» А. А. Фурсенко (об этом позже), и мы вернулись в Ленинград из Москвы, и с этого момента до конца ЛОИИ стал вторым домом Валентина Семеновича. Там, в ЛОИИ, проходило и происходит главное — работа, обязательные вторники и четверги, заседания, дружество, шахматные турниры, стычки, словом, — жизнь. Валя был азартным человеком, когда дело касалось шахмат или преферанса (было), но не до смешной драки, когда Юра Соловьев подрался с К., насколько помню, за шахматами, но не из-за шахмат... И служба — в самом нормальном смысле этого слова: выполнение любимых обязанностей на фоне меняющегося политического пейзажа.

Когда вспоминаешь близкого человека — не внутренней, постоянной памятью — присутствием его в твоей жизни, а по просьбе (или возможности) написать о нем, то очень велика опасность попасть не в ту тональность или еще того хуже — что-то невольно исказить. Жанр позволяет мне прыгать с темы на тему. Не претендуя на полноту и даже объективность, я решила дать себе «свободу» рассказывать, что вспомнится. Ведь не так важно, писал ли человек черновики (писал, кстати, в карандаше, переписывал чернилами и только потом сам печатал на «Оптиме», не более 12 страниц в день), был ли у него музыкальный слух (не было), чем болел и т. д. О человеке мог бы, кроме научных трудов, кое-что рассказать дневник, но Валя вел дневник только в юности. Кого, кроме меня, могли бы заинтересовать его первые влюбленности? Письма — но только те, где есть что-то о времени, в котором суждено было прожить жизнь. Так,

---

Савельева Валентина Георгиевна — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного института сценических искусств, вдова В. С. Дякина (Санкт-Петербург)

Семья, середина 1930-х гг.

на мой взгляд, представляет интерес нерасшифрованная переписка Валентина Семеновича с Яковом Михайловичем Светом — человеком незаурядным, очень комфортным в обыденном общении прежде всего своей естественностью, жизнелюбием и чувством юмора[1]. Они посылали друг другу не письма, а открытки — из конспирации, считая, что открытое письмо двух якобы дореволюционных «пикейных жилетов», пишущих непонятным ныне старинным шрифтом, не может заинтересовать цензоров. Как бы дореволюционные старички, ворча, позволяли себе заглянуть в будущее, во всяком случае, Софья Владимировна (советская власть) упоминается в открытках неоднократно. Валя был в письмах Яго (прозвище в узком кругу — от противного, Я. М. не был коварным) Павлом Николаевичем, как Милюков. Открытки Якова Михайловича Валя хранил, я передала их в архив ЛОИИ, Валины открытки пропали где-то в Москве, последняя жена Я. М. Светлана Федорова (кстати, дочь большевика с партийным билетом № 1) отказала Виктору Леонидовичу Шейнису в просьбе показать архив Я. М. Не менее интересна переписка с Павлом Николаевичем Зыряновым[2],

[1] Свет Яков Михайлович (1911–1987) — инженер-геолог, кандидат геолого-минералогических наук, писатель, с 1949 г. работал в издательстве «Иностранная литература».

[2] Зырянов Павел Николаевич (1943–2007) — доктор исторических наук, сотрудник Института российской истории РАН.

не прерывавшаяся несколько десятилетий. П. Н. передал мне все письма В. С. Одно, последнее, написанное карандашом (черновик) за 2–3 дня до трагического дня 10 января 1994 г., осталось неотправленным, оно хранится у меня.

На долю родившихся в 1930-е гг. пришлась «великая эпоха». Если детство Вали Дякина до 1941 г. было более-менее благополучным (как у Давида Самойлова: «Помню, мама еще молода... и мы едем, мы едем куда-то». Кстати, В. С. любил этого поэта), то 1941–1944 гг. – с эвакуацией, голодом, колючей средой Мелекесса (пункт эвакуации Публичной библиотеки в Ульяновской области, куда выехала семья), трудностями жизни уже без отца-ополченца, погибшего под Колпино, – время отрочества и взросления – вряд ли можно назвать счастливым, разве что счастьем назвать саму юность. А далее – ЛГУ в пору для Истфака не радужную. Валя поступил на Истфак в 1947 г., я – в 1950-м. Валиным сверстникам читали лекции Н. П. Полетика, Е. В. Тарле, М. А. Гуковский, О. Л. Вайнштейн... Мы, поступившие на Истфак года на 2–3 позже, их имена могли слышать лишь в критическом контексте. Борис Бернштейн[3], выпускник 1951–1952 гг., писал: «Я покинул не тот Истфак, на который поступал». Вчерашние школьники (во всяком случае, я) мало интересовались политикой, я не помню политических разговоров в школе (может быть, мне повезло – у меня были учителя еще дореволюционной закалки, а значит – осторожные), дома нас тоже щадили (о том же недавно вспоминал А. Н. Цамутали), баталии вокруг «Ленинградского дела» нас, иногородних, как-то обошли стороной. Истфак трясло. В конце 1940-х страсти кипели на фоне политических процессов: «Ленинградское дело», а ранее – постановления 1946 г. На открытых собраниях Истфака искали «безродных космополитов», а втихомолку горестно шутили: «Россия – родина слонов». Разговоры о «безродных космополитах» вызывали иронию и недоумение, а иногда запоздалый стыд (кстати, шутку С. Я. Лурье[4]: «Я – не безродный космополит, я – родовитый», – я услышала от Вали). Помню, как в нашу комнату в общежитии зашел ректор – умница, интеллигент, математик по специальности – Александр Данилович Александров (посещения студентов в общежитии были делом обычным). Мы зубрили историю Средних веков, и А. Д. спросил: «Ну, и кто же изобрел книгопечатание?» И четыре дуры в один голос: «Первопечатник Иван Федоров». А. Д. произнес протяжное: «Да-а-а», махнул рукой и вышел.

Чувство тревоги, нараставшее в начале 1950-х гг., постепенно доходило и до студентов, впереди была «проработка» последних трудов вождя, затем 1953 г. Это становилось средой обитания. При минимальной возрастной разнице (между мной

[3] Бернштейн Борис Моисеевич (1924–2015) – доктор искусствоведения, историк искусства.

[4] Лурье Соломон Яковлевич (1890–1964) – историк Античности, профессор ЛГУ в 1934–1941 и 1943–1949 гг.

В школе №157, конец 1930-х гг. В. С. – третий слева во втором ряду

и Валей три года) различие в ощущении времени было огромным. Постепенно под Валиным влиянием я отходила от эйфории новобранца. Так и сложились мои отношения с Валей — ведущий и ведомый, так и было до конца во всем, кроме быта. В быту мы ролями менялись.

Нам, поступившим на Истфак в 1950 г., предстояло учиться у оставшихся после чисток педагогов. Мы любили их, изумлялись стилю общения с нами (чего стоит «Вы», с которым к нам обращались, к тому же иногда по имени и отчеству). Восторг вызывал «гимн богам», сохранившийся в Валиных бумажках: «Истфак! Кричи “Ура”, идут профессора».

«Трудами многими дороден, знаток истории славян, идет любимый наш декан — Владим Владимович Мавродин. Хвала ему! И в Новый год он самым первым перейдет».

«А это — гордый муж Эллады, пронзивший греческую тьму. Двух первых курсов он отрада — сдают экзамен по нему» (Сергей Иванович Ковалев — автор учебника).

«Б. А. Романов — дипломат, им чуть не весь на откуп взят раздел дипломатический науки исторической». Борис Александрович на Истфаке появлялся эпизодически, всегда в окружении студентов. Валя был в их числе, я же просто стояла рядом, боясь открыть рот. Мне не пришлось слушать спецкурс Б. А., внешне он был очень красив — стройный, элегантный, величественный. Он и Сигизмунд Натанович Валк — небольшого роста, подвижный,

с «дореволюционной» бородкой — два облика профессора эпохи «доисторического материализма». Достоинство и простота. Портрет Б.А. и фотография С.Н., не помню с какого времени, стояли и стоят на Валином стеллаже. Одно лето мы провели рядом с Сигизмундом Натановичем на академдаче в Комарово. Гуляли по окрестностям втроем, я помалкивала, а у Вали с С.Н. было о чем поговорить. Валя тогда вплотную «подошел» к кадетам, оставив германскую проблематику, и обратился к истории России начала XX в. Несмотря на то, что в исторических трудах того времени кадеты упоминались лишь в негативном тоне, С.Н. каким-то образом дал понять о своих симпатиях к ним. День у С.Н. складывался всегда одинаково: ежедневно на электричке он уезжал в Ленинград, чтобы скупить в единственном киоске у гостиницы «Европейская» все иностранные (тогда преимущественно коммунистические) газеты, возвращался к обеду, а прогулки с разговорами были после ужина, когда привезенное было прочитано. У меня не хватило ума делать записи. («Дамская» сноска — воспоминание: как-то к нам в дом пришел С.Н. Семанов[5] с ящиком-магнитофоном тех времен и рассказом о том, как он разыскал в Средней Азии жену и дочь Махно. На вопрос С.Н., о чем Махно говорил с Ворошиловым, дама ответила, что помнит одно — кормила их блинами.)

К.М. Колобова: «Как слог хорош, хоть голос тонок, какие чистые глаза! Она на лекции — ягненок, зато на сессии — гроза». К.М. — мой первый научный руководитель. Работа беспомощная (сохранилась), но с педагогическим «ходом» — оценкой «5».

«Уже декабрь на примете, и у студентов робкий вид. И, говорят на факультете, что Павел Окунем убит». Семен Бенцианович мастерски читал лекции. На «Убийство Павла» сбегались даже филологи.

Как разобраться во всем многообразии Истфака? В обыденной жизни было и такое. 2-й курс, меня в коридоре отзывает замдекана С.У. с назиданием: «Зачем ты дружишь с Дякиным, он же еврей». Я растерялась, еврейский вопрос для меня, интернационалистки, был внове, я растерялась бы, если бы он сказал — казах, украинец...

Мы, новенькие, потерялись бы, если бы не (сознательная? бессознательная?) опека старшекурсников. Студенческая среда того времени условно делилась на «академистов» (применю старый термин к ребятам из СНО — студенческого научного общества) и ярых «общественников», как правило, из групп, углубленно изучающих историю партии. Надо сказать, что среди педагогов этой дисциплины (да и студентов) были люди достойные. Так, нам курс истории партии нестандартно читал мой однофамилец Владимир Александрович Савельев, в параллельной группе семинары вела Мириам Абрамовна

[5] Семанов Сергей Николаевич (1934–2011) — историк, сотрудник ЛОИИ, позднее заведовал редакцией серии «Жизнь замечательных людей».

Ковальчук[6], студенты ее жаловали, да и многие «истпартчики» — студенты эволюционировали (к примеру, интересный исследователь — Н. И. Приймак[7], тот же Г. Жуйков[8], Н. Н. Маслов[9] или Наташа Штейнберг — ей надо низко поклониться за то, что она способствовала развитию великого композитора Валерия Гаврилина)[10]. Но основная масса — бодрячки, активно участвующие в разборках житейских проблем (так досталось М. Межевичу[11] за сына, рожденного вне брака), на собраниях такого рода — а их нельзя было игнорировать — было стыдно, такое впечатление, что «ревнители» обмельчали. Прежде на собраниях в 35-й аудитории обличители искали в трудах своих коллег следы отступлений «от линии», «от классиков», теперь — от «норм морали». В этой непонятной новичкам круговерти моим «поводырем» стал Валя и близкие ему по духу люди — все это были ребята из СНО, будущий костяк ЛОИИ. Были студенческие вечеринки с неутомимым одесситом — позже известным во всем мире искусствоведом Борей Бернштейном, кумиром всех девчонок Истфака — двигателем всего светлого в темное время Юрой Марголисом[12], а рядом со мной — всегда Валя Дякин. Без его подсказки было бы трудно понять, кто есть кто на Истфаке, почему надо ходить на семинары С. Н. Валка, или записаться на факультатив тогда аспиранта Р. Ш. Ганелина, или из не очень понятного набора предложенных кафедрой Новой и Новейшей истории научных руководителей диплома выбрать честного и порядочного, но сильно пьющего Марка Николаевича Кузьмина[13]...

В. С. — студент, конец 1940-х гг.

[6] Ковальчук Мириам Абрамовна (1918–1998) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС Истфака ЛГУ.

[7] Приймак Нинель Ивановна (род. 1937) — доктор исторических наук, профессор СПбГУ.

[8] Жуйков Геннадий Семенович (1929–2010) — преподаватель ЛГУ (1955), исследователь ленинских рукописей.

[9] Маслов Николай Николаевич (род. 1925) — доктор исторических наук, в 1980-х гг. возглавлял кафедру истории КПСС в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

[10] Н. Е. Штейнберг работала в интернате, где учился В. А. Гаврилин, позднее она вышла за него замуж и создала ему дома обстановку, позволившую творить.

[11] Межевич Марат Николаевич (1932–1991) — доктор философских наук, социолог.

[12] Марголис Юрий Давидович (1930–1996) — доктор исторических наук, профессор ЛГУ.

[13] Кузьмин Марк Николаевич (1916–1985) — кандидат исторических наук, доцент ЛГУ.

На картошке. Подмосковье, вторая половина 1950-х гг.

Советоваться с Валей Дякиным, делиться самым важным, прислушиваться к его советам — это пришло еще до того, как я поняла: у него обостренное чутье на людей, особенно на тронутых фальшью, неискренних. И, наверное, еще до того, как мы решили пожениться.

Первая встреча с Валей запомнилась так: 1950 г., я в приемной комиссии ЛГУ, народу — тьма, в центре комнаты два стола с табличками — «Истфак» и «Филфак». Надо на чем-то остановиться. По-честному, мне все равно, я одинаково люблю и историю, и литературу, а вопрос, чем буду заниматься в жизни, — просто не приходит в голову. У «исторического» стола студент-очкарик как-то очень завлекательно рассказывает о загадках науки, перспективах поиска и радостях открытия (кстати, ни слова о работе школьного учителя). Что-то в этом роде, что-то, заставившее меня потянуться к «историческому» столу. Так, с Вали Дякина началось знакомство с Истфаком. В следующий раз мы встретились уже в коридоре на Менделеевской линии как старые знакомые.

В августе нас, новобранцев, вместе с 4-м курсом (Валиным) отправили куда-то в Карелию строить коровник. Во главе — комсомольский вожак Гена Жуйков, а для всеобщей радости — Юра Марголис. Кажется, это он назвал наш курс «белогвардейским» (ни одного еврея, ни одного коммуниста). Мы-то даже не поняли подтекста, мы же не знали о чистке космополитов на Истфаке...

Как я уже сказала, второй раз мы с Валей встретились уже на Истфаке. Так и встречались, пока не поженились в 1955 г. Так и жили до января 1994 г., пережив защиты диссертаций (первой — в Москве, где Валя учился в аспирантуре), бесконечные переезды в поисках приемлемого жилья, встречи с замечательными людьми, инфаркты, горечь потерь, политические встряски, словом, все как у всех с необходимой дозой стойкости и разочарований... Валя обладал аналитическим умом ученого, но в вопросах бытовых был порою растерян и даже беспомощен. Он вырос в семье без мужчин, мама — Дора Израилевна Равкина и три тетушки из многодетной семьи, еще до революции перебравшиеся из Мелитополя. Старшая из сестер — Берта — под чужой фамилией поступила в Психоневрологический институт, обро-

сла друзьями из полубогемной среды, по характеру резко отличалась от остальных сестер и по складу ума более всего была близка Вале. Быту в семье не придавали значения — по бедности. Все сестры, кроме старшей — Берты Израилевны, были какие-то поникшие, особенно после «неприятностей» 1930-х гг., коснувшихся и Валиного отца (трижды исключался из ВКП(б), но сумел избежать репрессий). Зато в семье всегда были самые новые, самые интересные — и старинные — книги, их приносила Д.И. из Публичной библиотеки, где она работала библиографом. Она сама много читала, они с Валей даже за обеденный стол садились с книгой, чем меня удивляли — в моей семье за столом обсуждались жизненные вопросы. Позже, когда в 1970 г. мы стали жить с моей мамой — Марией Кузьминичной (Д.И. уже не было в живых), Валя увидел материнскую повседневную заботу без навязчивости и претензий. Я далека от тени упрека Валиной семье, просто пытаюсь объяснить, почему так сложилось, что в Валином доме не было тепла, и, задним числом, попросить прощения за недостаток внимания к тетушкам. Они заботились как могли о двух племянниках, росших без отцов и, в сущности, в нищете. Двоюродный брат Вали, художник Виталий Тамбовцев, и его мать (одна из сестер Равкиных) жили своей жизнью как-то в стороне[14]. Теплых отношений с Виталием я не наблюдала. Зато Вале (и мне заодно) повезло с московскими родственниками — все годы пребывания в Москве каждое воскресенье мы бывали в Измайлово, где в неблагоустроенном доме жили Равкины — семья младшего брата Доры Израилевны с четырьмя детьми, веселыми, талантливыми, трудолюбивыми, гостеприимными (при скудости бюджета) Валиными двоюродными родственниками (Ира, Саша и Юра — оба биологи, в будущем доктора наук, и маленький Женя). И, конечно же, хранительница семьи — добрая, умная, негромкая, правильная воспитательница этой шумной веселой оравы — тетя Катя.

После возвращения в Ленинград из эвакуации (Мелекесс Валя вспоминал как страшный сон) началась новая жизнь. Повезло со школой и друзьями. Директором 157-й, тогда едва ли не лучшей школы города, был знаменитый Анатолий Павлович Исаев[15]. Судя по рассказам Вали и его однокашников, А.П. заменял им отца в самом простом и незаметном (к примеру, заботой о внешнем виде мальчишек...). Под влиянием географа Феодосия Титовича Коцюбинского (первый отклик в печати, первое публичное соболезнование после кончины В.С. в газете «Смена» под заголовком «Он верил, что история нужна людям» я получила от тогда неизвестного мне человека — Даниила Коцюбинского — не родственника ли?). Валя сначала собирался поступать на Географический факультет. 157-я школа дала (или создала фактом существования) Вале друзей на всю жизнь,

[14] Тамбовцев Виталий Витальевич (1930–1997) — художник-график.

[15] Исаев Анатолий Павлович (1895–1971) — заслуженный учитель РСФСР, в 1944-1965 гг. директор 157-й школы Ленинграда.

несмотря на все, что разделило впоследствии, — неразлучную долгое время пятерку. Важные вопросы друзья решали сообща. Накануне 1951 г. решением пятерки по представлению Вали Дякина я была введена в их круг и удостоилась чести встречать Новый год в их компании. Валя учился в одном классе с Димой Власовым[16], затем с Юрой Райгородским. Классом младше были Витя Шейнис и Радик Цимеринов — так же, как Валя, поступившие на Истфак. Судя по переписке, ближе всех душевно и духовно был Дима, гуманитарий по интересам, хоть он окончил Политехнический институт, защитил диссертацию и, наконец, в пенсионном возрасте с успехом (печатается) занялся литературным трудом. Диме Валя поверял свои сердечные тайны, по свойственной обоим застенчивости, в стихах. Переписка с Виктором носила скорее шутливый характер, предметом доброй иронии часто была некоторая медлительность Радика, они считали, что он медленно и мало читает, Радик объяснял это неповоротливостью глаз, Валя предложил альтернативу: двигать перед глазами книгу. Радик (его не стало в 2017 г.) более других, может быть, был открыт самой жизни: переменил профессию, стал кинодокументалистом, знал и любил поэзию, его умница-жена ввела его в круг Сахарова — Боннер. На Пушкинской, где чета останавливалась, приезжая в город, Радик был своим человеком, там ценили его юмор и оригинальный ум.

Жизнь развела людей. Юра Райгородский, один из «пятерки», уезжая в Израиль, как-то очень громко хлопнул дверью, выразив презрение к остающимся в стране. Его увлечение иудаизмом соответствовало шутке: «не мог он идиш от иврита, как мы ни бились, отличить». Виктор Шейнис «изменил» истории с политэкономией, где преуспел, ибо обладает талантом теоретика, а затем ушел в политическую жизнь. Общались они регулярно во время приездов Виктора из Москвы по «яблочным» делам. Одна из обсуждаемых ими тем — готовящийся проект конституции (Виктор был активным участником дискуссий). По просьбе Виктора Валя написал свои соображения о вопросе, волновавшем общественность: какая — парламентская или президентская — республика должна быть выстроена в новом (российском) государстве.

Виктору Шейнису я всегда буду благодарна за участие в моей «биографии»: в 1970 г. он вместе со своей подругой Нелей Волчек[17] исхлопотали мне место на кафедре марксизма-ленинизма в ЛГИТМиК, я к тому времени «выработалась», устала от школьной обстановки. Валя первоначально считал мой уход из школы ошибкой.

В поворотные моменты истории, когда почти всех охватывало эйфорическое ожидание чего-то если не светлого, то свежего, историков, в том числе Валю, останавливало

[16] Власов Дмитрий Георгиевич (род. 1930) — кандидат технических наук.

[17] Волчек Нинель Захаровна (род. 1931) — кандидат экономических наук, профессор ЛГИТМиК, ныне пенсионер.

В. С. с мамой Д. И. Равкиной, конец 1950-х гг.

в этих ожиданиях ощущение дежавю, разворачивало от современной политики к историческим аналогиям, а в жизни — к литературе и поэзии, часто неофициальной. Почти в каждом доме людей нашего круга бывали, а иногда и хранились самиздатовские книги и стихи (что порой было опасным), шли бесконечные разговоры на темы — что ЭТО было? Чего следует ожидать? Как и ожиданиям 1956 г., новым не суждено было осуществиться. При почти общем восторге при появлении «чудо-богатыря» Б. Н. Ельцина Валя был осторожен и скорее пессимистичен в прогнозах. Сейчас, когда нет в живых трех из юношеской пятерки, могу сказать, что Валя был наиболее прозорлив (назовите это хоть пессимизмом), наиболее одарен тем, что называют интуицией, свойственный ему скептицизм оборачивался проницательностью, характерной для профессионала-историка. Бывало, я спорила, не соглашалась с ним в оценках людей, но, как правило, он оказывался прав. Думаю, что это связано и с научной интуицией, но тут судить не мне. В нем не было того, что называют житейским умом, в вопросах быта он скорее был растерян, но в серьезных обстоятельствах Валя умудрялся быть последовательным, его решения были продуманы и убедительны. В тяжелой болезни он был мужествен.

Годы в аспирантуре, московский научный мир, жизнь в съемном углу, успешная защита диссертации и — полная неопределенность — что же дальше? Москвичи и все, кто обзавелся московской пропиской, были приняты в Институт истории АН. Возвращаться в Ленинград к нерешенным квартирным и «рабочим» вопросам? И тогда, порывшись в объявлениях в газетах о конкурсах

на замещении должности доцента, мы решили: едем в Кустанай, доценту обещают квартиру... Кто-то посоветовал Вале предварительно съездить в Кустанай, посмотреть, что к чему. Вернулся он подавленный — никаких перспектив для научной работы, квартиру обещают, но в отдаленном будущем, к тому же еще в поезде по дороге туда он увидел хорошо пьющего будущего коллегу. Но делать было нечего, Валя уже прошел по конкурсу. В этом подавленном состоянии он случайно встречает Сашу Фурсенко и — проблема решена буквально через два часа: едем в Ленинград. Жить. И работать в ЛОИИ!

Мы вернулись в свою «конуру» — комнатку в 12 метров буквой «Г» на Суворовском, 49, в огромной квартире (7 семей). Когда звонили в дверь, надо было считать количество звонков — нам 7, квартира без ванны, вместо нее умывальник в 5 рожков, как в казарме. Да это и была казарма — жилье для «понаехавших» в начале 1920-х гг. (Семен Павлович Дякин родом из Уварово, Тамбовской губ., был слушателем Комакадемии). Началась серия обменов комнаты, только в 1970-м мы оказались в своей квартире. Жили-были, обрастали «имуществом» — первый костюм (близилась защита), радиоприемник «Эстония» (слушать «вражеские голоса»), пишущая машинка «Москва» («Оптима» — это уже потом), Валя особенно радовался случайной, с рук, покупке 12-томника любимого Салтыкова-Щедрина — привез из московской командировки. Все тома стоят и сегодня на полке с пометками и закладками Вали. Надо сказать, что в Москве мы подружились с Юлей Шимелиович[18] во многом благодаря Салтыкову-Щедрину. Они (Валя и Юля) буквально сыпали цитатами, изумляясь, откуда он (Щедрин) знал, что праздников два — весной и осенью, и от будней они отличаются лишь усиленной маршировкой (цитирую по памяти). От Юли мы узнали подробности ареста ее отца, одного из руководителей Еврейского антифашистского комитета, его гибели, страданиях семьи «врага народа».

Но главным переживанием, можно сказать — и страстью, была работа, ну и, конечно, друзья, поездки, застолья... Здесь, в Ленинграде, открылась для Вали возможность исследования проблем, интересовавших его еще в студенческие годы. Валя отошел от изучения новейшей истории Германии. Прощанием с германской темой была монография «Германские капиталы в России» (1971 г.). В дальнейшем В.С. определил для себя рамки исследований: «не позже февраля и не левей кадета». Я почти сразу начала работать в школе, первый опыт (вечерняя школа) был своеобразным — в классах вперемешку сидели бывшие малолетки-уголовники, водители трамвайного парка им. Смирнова, был целый класс из милиционеров, приехавших на службу в Ленинград. Я проработала в школе 12 лет и никогда об этом не пожалела. В частности (а «по

[18] Шимелиович Юлия Борисовна (род. 1930) — дочь Б.А. Шимелиовича (1892–1952), главного врача центральной больницы им. Боткина, расстрелянного по делу Еврейского антифашистского комитета, в 1952 г. арестовывалась.

В зале заседаний ЛОИИ, 1970-е гг. Слева направо второй ряд: В. С., Р. Ш. Ганелин, Б. В. Ананьич. В следующем ряду за ними А. А. Фурсенко

жизни» — главным образом) потому, что школа свела меня, потом и Валю, с друзьями на всю жизнь — с Я. М. Кроль, а еще — с бывшими учениками 154-й школы. Девочка Лена (Елена Ивановна Колчина, выпуск 1967 г.)[19] позже привела к нам в дом своего юного мужа — Юру (Юрия Сергеевича) Степанова[20], ставшего для Вали духовно очень близким человеком. Лена и Юра — люди, к которым и сегодня, как говорится, тянет и в радости, и в беде. Умные, тактичные, заботливые. Смею назвать их нашей семьей. Очень люблю фотографию, где Валя рядом с 10-летней Катей Степановой стоят рядом — оба одинаково смущены...

Вообще детская тема заслуживает упоминания. Так вышло, что детей у нас не было. По народным приметам, дети и собаки тянутся к хорошим людям и пользуются взаимностью. И тянулись, хоть у Вали совсем не было опыта общения с детьми, разве что с моим младшим братом Вовой[21], но он вскоре подрос и между ними сложились скорее братские отношения. А вот дочь Вовы, тоже Катя, была Валей всерьез заинтересована. Валя интриговал ее (3–4-летнюю) необычным поведением: он почти всегда сидит в своей комнате и что-то (ЧТО?) делает. РАБОТАЕТ, в то время как другие на работу ХОДЯТ. Потом они стали друзьями, Катя быстро взрослела,

[19] Колчина Елена Ивановна (род. 1949) — врач.

[20] Степанов Юрий Сергеевич (род. 1951) — директор типографии.

[21] Савельев Владимир Георгиевич (род. 1939) — кандидат технических наук, сейчас пенсионер.

много читала, им было о чем поговорить. Еще одна необычная фотография — Валя и Катя с лопатами на даче что-то пересаживают, малину, кажется.

Дачные заботы Вали стали для меня неожиданностью. Садовый домик без удобств появился у нас тогда, когда стало ясно, что дальние поездки невозможны по состоянию здоровья. Следы этого интереса к земле и удивления перед ее плодовитостью («картофельная тема») мелькают и в переписке с П. Н. Зыряновым: Павла Николаевича необходимость копать картошку, помогая сестре, скорее удручала. Валя же трудился в саду с удовольствием. В ЛОИИ нашлись единомышленники — Лере Нардовой[22] Валя возил какую-то веточку, кажется, черноплодной рябины. Кстати, какое-то время Валя «творил» из рябины настойку.

Прежде мы в отпуск выезжали куда-нибудь — на Кавказ, в Молдавию, по Волге на теплоходе, особо запомнилась поездка по всему Енисею до Дудинки с заездом в Норильск — река необъятной ширины и разнообразия, тайга, тундра, солнце, которое не заходит за горизонт, а, чуть помедлив, всходит. И незабываемое — вросшие в промерзшую землю бараки, где живут бывшие ссыльные и их семьи. Выехать им некуда и не на что... Было неловко чувствовать себя туристом в этих местах.

Запомнились три лета в Усть-Нарве (дальние поездки были уже не под силу). Заманила компания — Усть-Нарву облюбовали Ганелины, снимавшие закуток у старой хозяйки, которой нельзя было изменить, несмотря на неудобство жилья. Они втроем ютились в домике возле реки, где на берегу всеми днями пропадал рыбак — десятилетний Женя; там же снимали дачу Кроли — Яна с мамой, Саша Фурсенко — у него «хоромы» с верандой, он там работал, остальные отдыхали. Три лета вспоминаются как едва ли не самые бездумные дни летнего отдыха с пляжем, байками Рани, полушутливой борьбой Фурсенко за права русских в Эстонии. (Было так: с моста, соединяющего Нарву и Усть-Нарву, исчезла надпись: «Советская Эстония приветствует Вас». А. А. поехал к местному начальству с вопросом: почему не приветствует? мы же вас так любим... Лозунг восстановили.) Встречались все на пляже и за обедом в столовой. Там, в Усть-Нарве, отметили день рождения Вали — храню смешной альбом-коллаж «Дякин» и фартук с кем-то вышитым афоризмом — любимым библейским выражением Валиной мамы, упомянутым на пляже при погружении в не очень теплую воду: «Не для себя живем».

Несколько лет с подачи того же А. А. Фурсенко Валя работал в редакции журнала «Звезда», ходил на заседания редколлегии, рецензировал рукописи произведений на исторические темы. Одна из рецензий — на рукопись В. С. Пикуля — с моего согласия и при посредничестве С. Л. Фирсова появилась в журнале

[22] Нардова Валерия Антониновна (род. 1929) — доктор исторических наук, до 2104 г. работала в СПбИИ РАН.

Выступление в РГИА, декабрь 1993 г.

«Новый часовой»[23]. На рецензию Валентина Семеновича книги Задорнова-старшего ответил Задорнов-сын[24]. Валю развеселила заметка в разделе «Рога и копыта» «Литературной газеты» за подписью юмориста: «На вопрос председателя народного контроля: “Почему члену редколлегии В.С. Дякину единственному выдают бесплатное молоко?”, все сотрудники единодушно ответили: “За вредность!”» (20 июля 1988 г.). Молока не давали, денег тоже, зато «Звезда» дала ему бесценное — общение с интересными людьми, сотрудниками журнала.

Я сознательно обхожу вопросы, связанные с Валиной профессиональной работой, об этом говорят его труды. Отмечу только, что жизнь в ЛОИИ, обстановка, в которой дышалось в целом свободно, хоть бывали и профессиональные, и человеческие если не конфликты, то несогласия или недоразумения (или недоумения), — эта жизнь была продолжением содружества и сотрудничества бывших выпускников Истфака, людей с общим прошлым, со всеми особенностями личных пристрастий, приятий и отторжений. Осталась в памяти Валина резкая реакция, если возникала тень халтуры, недоработки, поверхностного отношения к делу. История была для него делом жизни. Остался и листок-черновичок шутливых надписей на книгах, которые Валя дарил друзьям-коллегам:

[23] *Дякин В.С.* О рукописи В. Пикуля «Нечистая сила» // Новый часовой. 1997. № 5. С. 205–216.

[24] Задорнов Николай Павлович (1909–1992) — советский писатель, автор серии объемных исторических романов об освоении Россией Дальнего Востока. Задорнов Михаил Николаевич (1948–2017) — известный российский писатель-сатирик и юморист.

В. Н. Гиневу: «Соломкой путь стеля, блюду я два завета: не позже февраля и не левей кадета» (В. Н. занимался приблизительно тем же периодом. Валя нарушил «обет» в начале перестройки).

Б. В. Ананьичу: «Прочти меж делом пару строчек, не для души, так хоть для почек» (Тут два «подтекста». Валя всегда быстро реагировал на работы, переданные ему в подарок или на рецензию, чего хотел и от других. Второе — какая-то тетка, пролезая без очереди перед Б. В. за арбузом, изрекла: «Я не для себя, я для почек»).

Р. Ш. Ганелину: «Книгу прими без укора и не суди ее строго. “Все мы смешные актеры в театре Господа Бога”».

В. А. Нардовой: «Наш опыт, без сомнения, так подытожить вправе я: “Да!” — самоуправлению! Долой самодержавие!»

В. Г. Чернухе[25]: «Сходна в общем тема наша, все же каждому свое: Вы заваривали кашу, мне расхлебывать ее».

В. М. Панеяху[26]: «Ну и книга, — скажет Витя, — в указатель загляните: перечислил пол-Европы, ни одной холопьей... морды».

В. И. Старцеву[27]: «Прими подарок, о, Виталий, поля для контрмаргиналий».

А. А. Фурсенко: «Пусть переплет подвел немножко, за это слишком не вини, встречай меня не по обложке, хоть в заголовок загляни» (намек на занятость А. А.).

А. Н. Цамутали: «История — как суд. Подследственных не счесть. Вот в этом деле их проходит триста шесть. Я вывел их на свет, и я им всем судья. Судить историков — профессия твоя».

Отношения со сверстниками в ЛОИИ был продолжением сложившихся на Истфаке в годы учебы. Судьбу своего дела Валя связывал со своими «приемными детьми» — аспирантами. Аспиранты — отдельная тема, можно сказать, домашняя. У Вали было несколько аспирантов, не всегда «наследники по прямой». Так, А. В. Островский и С. Л. Фирсов пришли со своей темой соответственно от В. И. Селицкого[28] и Ю. Д. Марголиса, а стажер с большим опытом научной и административной работы В. П. Яковлев — практически с готовой диссертацией. Поворот к науке и опыт прежней работы в ЛГУ открыли Владимиру Петровичу возможность реализовать организаторские способности и душевные качества на посту главы Комитета по культуре в непростых условиях культурной столицы. Из «глубинки» появился И. В. Лукоянов. После школьной практики поступила в аспирантуру открытая всем пово-

[25] Чернуха Валентина Григорьевна (1930–2014) — доктор исторических наук, сотрудник СПбИИ РАН.

[26] Панеях Виктор Моисеевич (1930–2017) — доктор исторических наук, сотрудник СПбИИ РАН.

[27] Старцев Виталий Иванович (1931–2000) — доктор исторических наук, в 1961–1982 гг. научный сотрудник ЛОИИ.

[28] Селицкий Владислав Иосифович (род. 1918) — историк, зав. кафедрой Ленинградской высшей партийной школы.

В кабинете В. С., 2005 г. Слева направо: Л. А. Булгакова, М. К. Савельева, А. В. Островский, И. В. Лукоянов, С. К. Лебедев, С. Л. Фирсов

ротам научной жизни Л. А. Булгакова. Стажировался у В. С. и будущий историк Молдавии и Приднестровья, ныне зав. кафедрой истории Приднестровского университета Николай Вадимович Бабилунга, человек общительный и остроумный, часто бывавший в нашем доме.

Большой интерес и уважение В. С. вызвала нравственная позиция Георгия Николаевича Митрофанова (отца Георгия). Знакомство В. С. с ним было связано с оппонированием на защите диплома в ЛГУ, посвященного истории кадетской партии. Тема вырастала в кандидатскую диссертацию, контакты В. С. и Г. Н. на эту тему продолжались до критического для Г. Н. момента — ему предстоял принципиальный выбор дальнейшей судьбы: либо светский карьерный рост с обязательным вступлением в партию, либо поступление в духовную семинарию и далее в духовную академию. Г. Н. пришел к В. С. с уже готовым решением (Г. Н. стал позднее не только священником, но и профессором духовной академии), оно-то и вызвало глубокое уважение.

Хотя формально моим научным руководителем являлся Б. В. Ананьич, фактически я «на собственной шкуре» почувствовала руку научного руководителя дома. Особенно придирчив был В. С. к архивной работе и систематизации материала.

Своих аспирантов В. С. любил прежде всего за талант, трудолюбие,

они бывали у нас дома, и я часто слышала их жаркие споры. Споры никогда не касались чего-то личного, это нельзя назвать и пресловутым наставничеством. В. С. ценил способность каждого из «детей» отстаивать свою позицию, часто (особенно в случае с А. В. Островским) не совпадавшую с точкой зрения «шефа». Дома, когда они бывали у нас, я часто слышала возражения «строптивых»: они, к счастью, не были «овечками».

Для каждого из аспирантов общение с В. С. было по-своему и взаимно важным. Л. А. Булгакова до сих пор считает личной научной потерей вынужденное расставание с В. С., полагая, что под его руководством она давно бы защитила докторскую диссертацию. Не знаю, что по этому поводу думает И. В. Лукоянов, но Валя считал его самородком — и не ошибся. Слишком рано, в 2015 г. ушел из жизни один из «строптивых» (в хорошем смысле слова они все были строптивыми) Валиных аспирантов А. В. Островский. Их споры по разным вопросам — нормальная ситуация для обоих, нормальна и эволюция в отношениях — единомышленник при выборе темы диссертации вскоре становился оппонентом, а значит, и цель (обоюдная) достигнута. В буче политических размежеваний А. В. никогда не скрывал своей приверженности к марксизму в его незамутненном виде, за что некоторые коллеги причислили его к коммунистам чисто советского толка. А. В. считал, что из-за этого его «не пускают» в «чистую», «лоишную» науку, но всегда тянулся к научной среде ЛОИИ. Это было правдой только отчасти: его нельзя было куда-то «не пустить». Когда выяснилась близость взглядов большинства сотрудников сектора капитализма на методы и труды Б. Н. Миронова[29], именно А. В. публично выразил это общее отношение, опубликовав рецензию на книгу Б. Н. Миронова[30]. А. В. был честным до самоотверженности, он часто бывал прямолинеен, но никогда конъюнктурен.

На последней стадии работы учеников Валентина Семеновича тревожили вещи формальные — «проходимость» темы через совет по защитам. Озабоченность избранной темой Фирсова при его поступлении в аспирантуру была связана не столько проблематикой (церковь и государство; судя по архивным выпискам, В. С. тема эта интересовала давно) и способностями С. Л. (В. С. считал его талантливым человеком), сколько новизной постановки церковной темы на «светский» совет. Та же причина и при сходных обстоятельствах возникла при «надвигающейся» защите И. В. Лукоянова. Тут дело было в другом: И. В. по-новому подошел к проблеме, за много лет до этого разработанной кумиром для своих учеников Б. А. Романовым, как казалось некоторым членам совета, «закрытой» Борисом Александровичем. Валентин Семенович настоял на изъятии соответ-

[29] Миронов Борис Николаевич (род. 1942) — профессор СПбГУ, до 2018 г. — научный сотрудник СПбИИ РАН.

[30] См.: Отечественная история. 2011. № 6.

ствующей главы из кандидатской диссертации и на разработке темы в грядущей (в этом В. С. не сомневался) докторской диссертации. И не ошибся.

Домашние посиделки у нас «родных» аспирантов по поводу работы не были похожи на разговоры старшего с младшим, учителя и ученика. Да и темы бесед часто выходили за рамки намеченного делового разговора. Все Валины «дети» заняли в науке место, предназначенное честным ученым, далеким от конъюнктурных поворотов, все они разные — были и остаются, их роднит при всей сложности и разнообразии их научных интересов тонкое понимание как исторического документа, так и реалий сегодняшнего дня. Все они одной с В. С. группы крови. Если есть школа Б. А. Романова, то смею предположить, что в этой школе был класс В. С. Дякина (как, должно быть, и другие классы). Валя был неплохим классным руководителем. По части порядочности, благородства — классным.

Конечно, это не случайность, что с самого января 1994 г. они всегда рядом, я всегда ощущаю их присутствие в моей жизни. Года два назад услышав от меня о наших постоянных контактах, об их заботе обо мне, В. А. Нардова, несколько удивившись, сказала: «Пожалуй, никто из Валиных коллег не мог бы похвастать этим». Думаю, что она, скорее всего, не права, но я-то права на 100 процентов. И это не моя, а их и Вали заслуга.

Не могу считать случайностью озабоченность его бывших аспирантов научным наследием В. С. после его внезапной смерти. То, что осталось в черновиках и записях, с огромной ответственностью и, позволю сказать, не жалея сил и времени сделали его «дети» — аспиранты и те, кто считал его своим по духу. Если бы не они, не было бы книги «Деньги для сельского хозяйства». Если бы не Сергей Львович Фирсов, монография, готовая к печати и исчезнувшая из плана изданий ЛОИИ, должно быть, так и осталась бы в рукописи. В связи с этой книгой хочу привести отрывок из письма мне Лео Хеймсона[31]: «...Чтобы дать тебе представление об интересе к работе Валентина в среде моих профессиональных знакомых: один из моих аспирантов, который закончил блестящую монографию о роли кооперативов в сельском хозяйстве России до революции, зашел ко мне, как только узнал о книге Вали, и прочел ее до конца у меня дома». «Деньги для сельского хозяйства» передал Лео Борис Колоницкий.

Параллельно с хлопотами Сергея Фирсова другой Валин аспирант вместе со своей женой (Игорь и Света Лукояновы) взялись за немыслимую работу — разобрать и перевести в «читабельный» вид Валины выписки из архивов, посвященные теме, которая ждала своего раскрытия в задуманной и неосуществленной монографии «Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.)». (Рецензию на работу см. в журнале

[31] Хеймсон Леопольд (1927–2010) — профессор Колумбийского университета.

Отечественная история, 2001 г. № 6, ее автор –А. В. Островский.) Надо сказать, что не только по смыслу (отбор выписок), но и технически работа была адская — у Вали мелкий и не всегда разборчивый почерк. При издании этого тома (1000 страниц) подспорьем были заметки В. С. и концептуальная статья, которая стала предисловием книги. Одновременно редколлегией сборников «Нестор» (главным редактором которых был И. В. Лукоянов) и «Английская набережная», при участии С. Л. Фирсова и С. К. Лебедева, готовились к изданию ранее не публиковавшиеся статьи и заметки Вали. И. В. Лукоянов, преодолев некоторое сопротивление, поместил ответ В. С. А. Я. Авреху на «критические» замечания последнего, а покойный Ю. Д. Марголис, однокурсник В. С., добавил свои соображения по поводу стиля научной полемики в Википедии. К слову, инициатива помещения в Википедии статьи о В. С. принадлежала А. Л. Гоцу, формально с В. С. не связанному (но замечу, что все в этом мире переплетено. Если не ошибаюсь, А. Л. Гоц работает в том же отделе Публички, где трудились мама и тетя В. С.). Не могу не упомянуть Б. М. Виттенберга, который откликнулся на публикацию трудов В. С.[32] Усилиями А. В. Островского вышел в свет сборник статей В. С., опубликованных в разное время в периодической и научной печати: «Был ли шанс у Столыпина?» (СПб., 2002).

Каждая из публикаций стоила труда и нервов тех, кто считал общение с В. С. ценным. Я знаю, при всей сложности характеров всех упомянутых мною людей, при часто не совпадающих взглядах и представлениях о жизни, их всех объединяло одно — то, что свойственно нормальной исторической школе, чье бы имя она ни носила, — их труды строго документированы, их отношение к источнику — трепетное и творческое одновременно, их эрудиция и стремление (интуитивное, в крови) увидеть ПРОЦЕСС, а это ведь и есть сама история. Не хочу приписывать это влиянию В. С. Скорее это объясняет их человеческую тягу к «учителю». Они для В. С. и, надеюсь, друг для друга оказались средой обитания ученых с одной группой крови. Тепло вспоминаю дружеские визиты четы Лебедевых, словом, тех, в ком я и не подозревала прежде очень близких Вале людей. Надеюсь, у каждого из них что-то теплилось в душе, что заставляло возвращаться к его рукописям, время от времени приходить в его дом, а главное, сделать что-то в память о В. С. Как будто чувствуя Валину посмертную беззащитность, его «дети» (позволю себе эту вольность) год за годом напоминали о нем.

Вале не дано было жить в старости. Но фактически он знал старость, но не знал дряхлости и дряблости преклонного возраста. Последние годы изматывали бессонницей, обилием таблеток и постоянным обострением сердечного заболевания. Он отказался от многого из того, что любил — от дальних поездок, от походов в театр, от встреч, которые считал необязательными, хотя и приятными. Валя берег силы

[32] Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 10–13.

для работы, а работал ежедневно... Если материалы для задуманной книги о национальной политике все-таки увидели свет, то другие замыслы — а В. С. предполагал подготовить исследования на тему «церковь и государство» и об экономическом развитии России — осели в тетрадках с выписками. Ныне они хранятся в архиве ЛОИИ.

ВАЛЯ ДЯКИН

Saveleva Valentina G. — candidate of historical sciences, associate Professor of the Russian State Institute of performing arts, widow of V. S. Dyakin (St. Petersburg)

Б. Д. Гальперина: «Я ЧАСТО ВСПОМИНАЮ ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВИЧА, ДУМАЮ, ЧТО СЛЕДОВАЛО БЫ СДЕЛАТЬ МНОГО БОЛЬШЕ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ ОБ ЭТОМ ВЫДАЮЩЕМСЯ УЧЕНОМ»

Беседовал В. В. Ведерников.

В. В. Белла Давидовна, вы хорошо знали В. С. Скажите, когда вы познакомились с ним?

Б. Д. Мне трудно вспомнить, при каких обстоятельствах произошло наше знакомство. Думаю, что это было уже после того, как Валентин Семенович вернулся из Москвы и стал сотрудником ЛОИИ. Оказалось, что и жили-то мы рядом, на Староневском, его дом был буквально напротив нашего дома. Летом моя мама жила в Разливе на даче, там же, в Разливе, отдыхали Валентин Семенович и его жена Валентина Георгиевна. И, конечно, общались в Институте истории и Центральном государственном историческом архиве, где с 1978 г. я возглавляла отдел публикации документов. Сюда, в архив, Валентин Семенович приходил почти ежедневно.

В конце 1950-х гг. в Институт истории пришла талантливая молодежь. По роду своих исследовательских интересов я хорошо знала молодых исследователей из сектора истории советского общества: О. Н. Знаменского, Г. Л. Соболева, В. И. Старцева. Чуть постарше был Ю. С. Токарев, неформальный лидер этой группы.

В моем восприятии Дякин и Старцев, люди очень разные, в чем-то были похожи друг на друга. Их объединяла жажда жизни, любовь к литературе и искусству, широкие исследовательские интересы. Ни того, ни другого нельзя назвать людьми одной темы. Им помогало в этом многообразие знаний.

Друзьями Валентина Семеновича были П. Н. Зырянов и В. В. Шелохаев. Дякин редко выезжал из Ленинграда, но на защиту Шелохаева в Москву он приехал. У него были хорошие отношения с П. Н. Зыряновым. Я знаю, что с Зыряновым они находились в интенсивной переписке. Когда Зырянов узнал

Гальперина Белла Давыдовна — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

о кончине Валентина Семеновича, он, сам переживший сердечный приступ и только что выписавшийся из больницы, приехал в Санкт-Петербург, чтобы попрощаться с другом, как мы его вместе с Валентиной Георгиевной ни отговаривали, опасаясь за его здоровье.

В. В. Валентин Семенович постоянно работал в архиве. Вы с ним встречались в известном всем историкам особняке Лаваля?

Б. Д. Да, в 1978 г. руководство ЦГИА решило организовать отдел публикации документов и предложило мне возглавить его. Работа была нелегкая, приходилось забывать о своих исследовательских задачах, но отдел заработал. Помню, как в одно время мы занимались сразу четырьмя исследовательскими проектами, но все же это не мешало нам регулярно обмениваться мнениями, обыкновенно во время обеденного перерыва. Мы обычно не обсуждали научные проблемы, а говорили о новинках литературы и культуры, эрмитажных выставках, новых театральных постановках и т.д. Я очень люблю наш город, и, бывало, особенно если на душе тяжело, я в обеденный перерыв уходила в Эрмитаж. Благо особняк Лаваля, где тогда помещался ЦГИА, и Эрмитаж находятся неподалеку друг от друга. Бывало, если настроение плохое или чувствую усталость, то схожу на малых голландцев, полюбуюсь Невой и Петропавловским собором из окон Зимнего дворца — и становится легче.

А вот В. С. Дякин лечился по-иному. Как вспоминает В. А. Нардова, когда он чувствовал недомогание, то, пересиливая себя, шел на работу в архив, и ему становилось лучше.

В. В. А его ученики бывали в архиве, когда работал Дякин?

Б. Д. Не знаю. Я, по крайней мере, учеников его никогда вместе с учителем в архиве не встречала. Но вокруг Валентина Семеновича сложилась школа талантливых исследователей: А. В. Островский, И. В. Лукоянов и др.

В. В. Все же о чем вы говорили с Валентином Семеновичем во время перерыва?

Б. Д. Мы много говорили о литературе, обсуждая творчество и русских классиков, и зарубежных писателей. Валентин Семенович читал «Новый мир», поэтов-шестидесятников.

В.В, А театральные пристрастия В. С. в чем заключались?

Б. Д. В это время в городе было немало интересных театров. Конечно, он бывал и в театре Комиссаржевской, и в Ленсовета, он обратил внимание и на Малый драматический, когда туда пришел Додин, но, конечно, ведущим театральным коллективом был БДТ. И новые работы Товстоногова мы активно обсуждали.

Могу сказать, что Дякин проявлял себя как очень остроумный собеседник. Сейчас анекдоты отошли в прошлое, а тогда политические настроения проявляли себя в этих миниатюрных остроумных рассказах. Один из анекдотов Дякина помню до сих пор: «В ресторан входит одетый с иголочки гражданин,

который просит у официанта принести холодные закуски, лафитничек водки и газету “Правда”. Вскоре официант приносит еду.

— А газета? — спрашивает посетитель.

— Сегодня “Правда” не выходит, — отвечает официант.

— Хорошо, голубчик! А теперь, принеси мне осетровой ухи с шампанским и газету “Правда”.

Вновь официант приносит заказанное, но без газеты.

— А почему нет газеты “Правда”?

— Она же не выходит сегодня!

— А-а! Ну тогда принеси мне кофе со взбитыми сливками, ликер и газету “Правда”!

— Вы что, издеваетесь? Я же сказал, что “Правда” сегодня не выходит!

— Не выходит?! Так говори же об этом, говори, говори!»

В. В. Когда я был аспирантом в ЛОИИ, то меня всегда удивляло, как В. С. с увлечением рассказывал о своей даче. Вы его знали в качестве дачника?

Б. Д. Конечно.

В. В. Когда же у него появилась дача?

Б. Д. Дача у него появилась довольно поздно. Мы встречались в Разливе, куда на лето уезжала моя мама с отчимом. По соседству у друзей жили и Дякины. Я приезжала к маме каждую субботу, а вечером в воскресенье уже надо было уезжать. Обычно вместе со мною на поезд спешил и Валентин Семенович. И вот в электричке, которая ехала минут 40, наши разговоры продолжались.

В. В. Валентин Семенович входил в редколлегию «Звезды». Он что-то об этом говорил?

Б. Д. Он опубликовал в журнале несколько своих статей. Именно Дякин написал внутреннюю рецензию на книгу В. С. Пикуля «Нечистая сила». И роман этот не был напечатан в журнале. Рецензия потом ходила в самиздате, и ее впервые воспроизвели уже после смерти Дякина в 1997 г. Он не боялся высказывать свое мнение по тем темам, которые вызывали его возражения.

Я скажу, что Валентин Семенович хорошо владел словом. Он мог бы быть прекрасным преподавателем, но, к сожалению, преподавал немного, в основном в Институте усовершенствования учителей. Вспоминаю такой случай. Я однажды оказалась на его докладе в Институте истории. И поразилась, как красиво и правильно он говорил, говорил совершенно неказенным языком. И хотя доклад был о сельском хозяйстве, он не был скучным. Валентин Семенович обладал умением очень серьезные вещи разъяснить просто.

В. В. А как складывались его отношения с коллегами в институте?

Б. Д. Одно время он заведовал сектором в ЛОИИ.

В. В. Да, в 1970–1973 гг.

Б. Д. Но это было недолго, и он вскоре ушел с должности. Не знаю, с чем это было связано, но скажу, что В. С. не любил административной работы, о чем мне говорил. Он любил заниматься наукой, а она трудно совместима с административной деятельностью.

В. В. А личные качества?

Б. Д. Он отличался крайним педантизмом. Никогда не опаздывал. Если обещал прийти в 19, то именно в это время и придет, ни минутой позже, ни минутой раньше. Всегда выполнял свои обещания и сердился, если коллективная работа запаздывала из-за нерасторопности одного из сотрудников.

За несколько дней до кончины он почувствовал себя плохо, но врача не вызывал, потому что на столе у него лежала работа, которую ему надо было прочесть и написать отзыв. В Академическую больницу он пошел вскоре после Нового, 1994 г., 10 января. К сожалению, прием затянулся, т. к. врачи обменивались впечатлениями от праздников и пили чай. И возможно, что это и сыграло роковую роль. Направившая на консультацию в Институт скорой помощи врач не посмотрела на рентгеновский снимок, а он показывал обширный отек легких. Через несколько часов после госпитализации он скоропостижно скончался.

Я часто вспоминаю Валентина Семеновича, думаю, что следовало бы сделать много больше для сохранения памяти об этом выдающемся ученом. Например, можно было бы провести конференцию, посвященную его творчеству.

Б. Д. ГАЛЬПЕРИНА: «Я ЧАСТО ВСПОМИНАЮ ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВИЧА, ДУМАЮ, ЧТО СЛЕДОВАЛО БЫ СДЕЛАТЬ МНОГО БОЛЬШЕ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ ОБ ЭТОМ ВЫДАЮЩЕМСЯ УЧЕНОМ»

Galperina Bella D. — doctor of historical sciences, Professor (St. Petersburg)

Л. А. Булгакова

ИСТОРИК ПО ПРИЗВАНИЮ

Валентин Семенович Дякин принадлежал к поколению шестидесятников, появление которых ознаменовало собой наступление новой эпохи в жизни страны. После XX съезда стали открываться архивы, у историков появилась возможность работать с подлинными документами императорской России. Оттепель порождала надежды на ослабление цензуры и правдивое осмысление исторического процесса. Еще живы были историки старой петербургской школы, корни которой уходили в глубь веков.

В 1955 г. после двухлетнего перерыва был возрожден Ленинградский отдел Института истории АН СССР (с 1968 г. Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР). В числе его сотрудников был патриарх археографии и источниковедения, ученик академика А. С. Лаппо-Данилевского Сигизмунд Натанович Валк. Тесные связи с ЛОИИ до самой своей кончины в 1957 г. поддерживал ученик А. С. Преснякова Борис Александрович Романов.

У С. Н. Валка и Б. А. Романова не было шансов войти в сонм академиков АН СССР, но огромная заслуга этих выдающихся ученых состояла не только в их творческом наследии, но и в воспитании достойных учеников, способных продолжать кропотливый труд историков и отличать истинное от наносного, сиюминутного. По существу это была нить, связывавшая историков старой школы с молодым поколением историков, к которому принадлежали Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, Н. Е. Носов, В. М. Панеях, А. А. Фурсенко. Память о С. Ф. Платонове, А. С. Лаппо-Данилевском, Н. С. Лихачеве, в особняке которого со временем разместилось ЛОИИ, и многих других выдающихся историках свято чтилась в старых стенах восстановленного научного учреждения.

В 1958 г. выпускник Ленинградского государственного университета и аспирантуры Института истории АН СССР, кандидат исторических наук В. С. Дякин органично вошел в обновленный состав ЛОИИ, с которым была неразрывно связана вся его последующая жизнь. К тому времени В. С. уже зарекомендовал себя как вдумчивый и авторитетный историк, обладающий большим творческим потенциалом.

Его научная деятельность началась с изучения новейшей истории Гер-

---

Булгакова Людмила Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПбИИ РАН (Санкт-Петербург)

мании. Обратившись к истории России, В.С. с увлечением работал над ключевыми проблемами последнего царствования. Ему под силу было изучение политики, экономики, финансов, предпринимательства, аграрной истории, национальных отношений. Чем бы он ни занимался, его труды приобретали фундаментальный характер. Выход каждой его книги становился значительным событием в научной среде.

Одним из первых В.С. углубился в изучение истории Государственной думы, когда казалось, что история российского парламентаризма представляет собой чисто теоретический интерес. Употребляя принятую тогда терминологию, он выходил далеко за рамки узкоклассовых понятий, анализировал программы главных игроков на политической арене страны и реальные трудности осуществления их замыслов. В его монографии «Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917» (Л., 1967) впервые в советской историографии расстановка политических сил была отражена без оглупления царского правительства и преувеличения роли большевиков в политической борьбе.

Многогранный талант В.С. как исследователя проявился в изучении им влияния германских капиталов на становление электротехнической отрасли русской промышленности в дореволюционную эпоху. Его монография «Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт» (Л., 1971) стала существенным вкладом в изучение роли и места иностранных инвестиций в экономике страны. Признавая большое значение иностранных капиталовложений, В.С. отмечал противоречивые последствия и хищнический характер деятельности германских предприятий в России.

Большое внимание уделил В.С. столыпинской аграрной реформе, когда о П.А. Столыпине чаще вспоминали как о «вешателе» в связи со «столыпинскими галстуками», и никто даже не помышлял об увековечивании памяти знаменитого реформатора. В.С. убедительно показал неоднородность правящей элиты и принципиальную разницу позиции Столыпина и правых монархистов, в отличие от которых премьер-министр осознавал острую необходимость реформ. Дякину удалось установить тесную связь аграрных преобразований с местной реформой, проведению которой из своих сословных интересов препятствовало объединенное дворянство («Столыпин и дворянство (Провал местной реформы)» // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период» (Л., 1972); «Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг.» (Л., 1978)).

Продолжение преобразований после убийства Столыпина осложнялось политической борьбой, перипетии которой всесторонне рассмотрены В.С. в монографии «Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.» (Л., 1988). Политика царского правительства находила свое отражение в экономике, предпринимательстве, финансах. В опубликованной спустя три года

после кончины В.С. его монографии «Деньги для сельского хозяйства, 1892–1914 гг. Аграрный кредит в экономической политике царизма» (СПб., 1997) он пришел к выводу о хроническом запаздывании правительственных преобразований, что было характерно не только для аграрной сферы.

Скептическое отношение к успехам столыпинской реформы В.С. обосновал и в ряде своих статей. Еще в 1990 г. в № 12 журнала «Звезда» была опубликована его полемическая статья «Был ли шанс у Столыпина?» Ввиду актуальности поставленного вопроса избранные статьи В.С. вошли в книгу, изданную под тем же названием в 2002 г. Каждая статья В.С., по моему мнению, является образцом исторического исследования по конкретному вопросу. Он не писал конъюнктурных, «проходных» работ на заказ, не думал о рейтинге и не гнался за актуальностью, но оказалось, что проблемы, которыми он занимался, остаются актуальными в наши дни.

В последние годы жизни В.С. готовил капитальный труд по национальной политике. Эта работа не была им завершена. Однако, понимая ее значение, его ученик И.В. Лукоянов подготовил и в 1998 г. опубликовал собранные В.С. ценнейшие материалы в книге «Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.)». Эти материалы стали путеводной нитью для многочисленных исследователей национального вопроса.

Дякин быстро вникал в суть исследований других историков по широкому спектру проблем, умел вычленить самое главное, отсечь второстепенное и как взыскательный редактор, на мой взгляд, не имел себе равных среди коллег. Еще в 1972 г. был опубликован первый том «Истории рабочих Ленинграда. 1703 — февраль 1917», ответственным редактором которого выступил В.С. Ему удалось объединить разноплановые исследования коллег по истории петербургских рабочих и придать цельность этому труду, в 1975 г. удостоенному Государственной премии СССР. В.С. шутливо замечал, что стал лауреатом Госпремии, будто бы не написав ни одной строки о рабочих. Однако все участники этого коллективного труда единодушно признавали главную роль В.С. как его руководителя и редактора.

Заслуги В.С. в изучении российской истории начала минувшего века трудно переоценить. Без него вряд ли было бы возможно фундаментальное исследование внутренней политики последнего царствования. Итогом многолетней работы историков ЛОИИ по этой проблематике стала коллективная монография «Кризис самодержавия в России, 1895–1917», опубликованная в 1984 г., вызвавшая большой общественный резонанс и послужившая мощным импульсом для дальнейших исследований и разработок в этой области отечественной истории. Дякину принадлежала инициатива написания этого крупномасштабного труда. Он стал подлинным вдохновителем и руководителем работы творческого коллектива, ответственным редактором этой монографии и автором значительной ее части.

До последних дней В. С. продолжал работу над изучением реформ начала XX в. После его кончины было опубликовано еще одно капитальное исследование, в которое вошли написанные им главы. Коллективная монография «Власть и реформы. От самодержавия к советской России» (СПб., 1996; 2-е изд., М., 2006) была издана под редакцией его товарища и сподвижника Б. В. Ананьича, который не уставал повторять, что «без Вали издание многое потеряло». Отдавая должное присущей Борису Васильевичу скромности, нельзя не заметить, что кончина Валентина Семеновича нанесла ЛОИИ сильнейший удар.

В. С. Дякин был одним из тех, кто определял благородный творческий дух ЛОИИ, в котором тогда работала плеяда замечательных историков. Бок о бок трудились специалисты высочайшей квалификации по всеобщей и российской истории разных эпох: А. И. Доватур, А. Д. Люблинская, В. И. Рутенбург, К. Н. Сербина, М. Е. Сергеенко, Е. Ч. Скржинская и др. Чтобы избежать идеологического давления, историки стремились в своих исследованиях уйти в глубь времен. В этом смысле особенно трудно приходилось тем, кто изучал причины и предпосылки революции.

Российская история XX в. ассоциировалась тогда с историей КПСС и вызывала отторжение своей неприкрытой идейностью, устоявшимися догматическими схемами и чеканными партийными идеологемами. В исторической памяти еще свежи были сталинские репрессии и идеологические кампании, ломавшие жизнь «уклонистов» от жесткой линии партии. В таких условиях историки ЛОИИ проводили разыскания в архивах, противопоставляли конкретные факты грубым идеологическим построениям и подводили читателя к выводам, показывающим всю сложность исторического процесса. Примечательно, что написанные ими работы сохраняют свою значимость в наше время.

Блестящий стилист, остроумный собеседник, человек широкого кругозора и энциклопедической эрудиции, он был великим тружеником и всегда работал с полной отдачей. Его отличали чрезвычайная добросовестность, скрупулезность и тщательность. Он мастерски обосновывал и проводил свои идеи так, что цензорам и оппонентам нелегко было к нему придраться. Когда он рассуждал о людях и событиях изучаемой им эпохи, невольно возникало впечатление, будто он сам жил в то время и был лично знаком с героями своих книг. Написанные им тексты очень емкие, в нескольких фразах, в одном абзаце заключено глубокое содержание. Из-за ограниченного листажа ему часто приходилось отжимать подробности и, по его словам, «резать по живому», о чем теперь остается только сожалеть.

Дякин был неформальным лидером группы, впоследствии отдела истории СССР периода капитализма. Когда мы провожали его в последний путь и на кладбище в Комарово остались самые близкие ему люди, чл.-корр. РАН Р. Ш. Ганелин,

прощаясь с ним, сказал, что у нас в отделе была тройка, которая везла за собой тяжелый воз, и В. С. был в этой тройке коренником. Ганелин не назвал двух других в этой тройке, но все понимали, что он имел в виду академика Б. В. Ананьича и самого себя. Действительно, эта «тройка» выдающихся историков работала в напряженном ритме, не щадила себя и увлекала за собой коллег.

Мне не раз задавали вопрос, почему В. С. Дякин не стал академиком? По своему вкладу в изучение истории он, несомненно, заслуживал этого высокого звания. Мне представляется, что старшие коллеги оберегали его для науки. По слабому здоровью он не мог часто ездить в Москву и по своей натуре не способен был что-то пробивать, командовать, администрировать. Его руководство научной работой основывалось на признанном научном авторитете, а не на официальных званиях.

Он был очень восприимчив, подобно человеку без кожи, с обнаженными нервами. В. С. был всецело сосредоточен на своей работе и не отличался выдержкой и «дипломатичностью» в общении с начальством. Его опыт официального руководства группой в 1970–1973 гг. закончился ссорой с директором ЛОИИ Н. Е. Носовым. Руководство группой перешло тогда к Р. Ш. Ганелину, который, как говорил В. С., «закрыл собой амбразуру». Сам В. С. не придавал значения наградам и почестям. Для него главным была творческая работа, над которой он самозабвенно трудился, отдавая ей все свои силы.

Еще в 1967 г. В. С. перенес инфаркт после благополучной защиты своей докторской диссертации, не дававшей ни малейшего повода для беспокойства. Ему было тогда 36 лет. С тех пор он стал соблюдать строгий режим, в котором все было подчинено работе. Когда он собирал материал для монографии, то с утра к открытию обычно направлялся в архив на Английскую набережную, где сосредоточенно работал, позволяя себе лишь короткий перерыв на перекус.

Столовой или буфета в архиве не было, и В. С. спускался в полуподвальное помещение гардероба, доставал из портфеля бутерброды и термос с чаем и, стоя, принимался за еду. Он приветствовал проходивших мимо знакомых и любезно предлагал им присоединиться к своей трапезе. Посетителей в архиве тогда было немного, все друг друга знали или знакомились и обменивались репликами на ходу.

По возвращении домой он после небольшой передышки садился за письменный стол и вновь принимался за работу, обдумывая свои архивные находки. После 9 часов вечера ему лучше было не звонить — он готовился ко сну, чтобы утром по заведенному порядку снова двинуться в архив. Мне кажется, в архивных разысканиях им владел азарт охотника, и его добыча давала ему обильную пищу для размышлений.

После того, как основной материал для монографии был собран, В. С. приступал к ее написанию. Сначала он карандашом набрасывал текст своим бисерным почерком, затем

неоднократно стирал и переделывал написанное, оттачивая свою мысль, и только потом брался за перо. Компьютеры у нас стали появляться в 90-х гг., и сейчас даже трудно себе представить, как мы без них обходились — по многу раз резали, клеили, переписывали и перепечатывали свои тексты. Для В.С. компьютерная эра так и не наступила. Пишущая машинка «Оптима» осталась единственным используемым им техническим средством.

Письменный стол в своем домашнем кабинете В.С. держал в идеальном порядке. На полке размещались толстые тетради, аккуратно заполненные архивными материалами по теме исследования. Книги он брал из библиотеки ЛОИИ — филиала Библиотеки Академии наук. По его прикидкам для написания текста требовалось примерно столько же времени, сколько для сбора материала. Такова была годами выверенная организация работы в его творческой мастерской.

Он был чрезвычайно пунктуален, выполнял плановые задания точно в срок и порой, едва ли не единственный в отделе, даже опережал отпущенное на них время. Коллеги шутили, что В.С. совсем не похож на русского, который по пословице долго запрягает, но быстро едет. Он всегда «быстро ехал», не ждал, когда на него снизойдет вдохновение свыше, работал методично, без творческих простоев и, заканчивая одну книгу, успевал подготовить задел для следующей.

Если прибегнуть к спортивным аналогиям, то его можно назвать марафонцем. Он проходил свою жизненную дистанцию, всеми силами устремляясь к одной цели. При этом В.С., не задумываясь, нарушал трудовую дисциплину и в присутственные дни позволял себе пораньше уходить с работы, чтобы не трястись в переполненном трамвае в часы пик и поскорее вернуться к оставленным на письменном столе рукописям. Никому и в голову не приходило удерживать его на службе — коллеги знали, что он распорядится своим временем наилучшим образом.

Нам было по пути, и В.С. нередко звал меня уйти вместе с ним. Наш маршрут он называл «экскурсионным»: трамвай проезжал Петропавловскую крепость, с Петроградской стороны шел по Троицкому мосту через Неву, огибал Марсово поле и, минуя Лебяжью канавку, Летний сад и Михайловский замок, через Фонтанку сворачивал к Литейному проспекту. За разговорами время пролетало незаметно. Мы беседовали на самые разные темы: обсуждали последние новости, институтские дела, вышедшие книги, театральные премьеры.

Валентин Семенович рассказывал о себе, делился воспоминаниями, а я больше слушала и задавала вопросы. В непринужденном общении передо мной раскрывался богатый внутренний мир этого замечательного историка и человека. По-моему, он был прирожденным историком, в старину сказали бы, историком от Бога. В.С. вспоминал, что увлекся историей еще в детстве и на всю жизнь. В ранние школьные годы он рисовал карты

несуществующих стран и сочинял их историю. Потом настало время для серьезных занятий.

Несмотря на свою занятость, В.С. много читал. Из русской классики он отдавал предпочтение произведениям М.Е. Салтыкова-Щедрина и неоднократно их цитировал. Он превосходно разбирался в литературе и поэзии Серебряного века, следил за литературными новинками, регулярно читал «Иностранную литературу», выписывал и за многие годы хранил журнал «Новый мир».

В одну из наших поездок В.С. обрушился с критикой на рукопись романа Валентина Пикуля «Нечистая сила». Дякин входил в редколлегию журнала «Звезда» и во внутренней рецензии категорически высказался против публикации этого романа. Его коробил разухабистый стиль автора и вольное обращение с историей, раздражала «клубничка» и грубейшие ошибки неофита. Рецензия Дякина распространялась по рукам в 70–80-е гг. на пике популярности Пикуля и в 1997 г. была напечатана в журнале «Новый часовой».

Книги Пикуля выходили миллионными тиражами и были нарасхват. Под его пером история вперемешку с вымыслом превращалась в занимательное приключение. Соглашаясь с критическими замечаниями В.С., я объясняла ажиотажный спрос на книги плодовитого писателя информационным голодом и неудовлетворенной потребностью читателей в исторической литературе. Дозированная, препарированная и обезличенная история не устраивала «самый читающий народ».

В другой раз (дело было в 1983 г.) по дороге домой мы обсуждали исторический роман Сергея Залыгина «После бури». Насколько суров был В.С. в оценке романов Пикуля, настолько уважительно он отнесся к творчеству Залыгина. Жизнь героя романа, бывшего белогвардейского офицера после Гражданской войны взволновала Дякина. По его мнению, глубокое проникновение писателя в суть исторических событий 1920-х гг. и судеб «бывших людей» ставило это художественное произведение в один ряд с документами эпохи. В его устах это была наивысшая похвала.

Личность историка, его мировоззрение, взгляды не могут не отражаться на его творчестве. По своим убеждениям В.С. был либералом и, подобно профессорам былого времени, симпатизировал кадетской партии. За приверженность трудам Милюкова друзья иногда в шутку называли его Павлом Николаевичем. Помню, как начитавшись «Вех» и литературы начала XX в., тогда еще малодоступной для читателей, я позволила себе выпады в адрес русской интеллигенции и даже написала какой-то критический опус. Прочитав его, В.С. укоризненно покачал головой и с грустью сказал: «Нас так мало, а Вы еще нападаете». Он был интеллигентнейшим человеком, человеком высокой культуры и безупречной нравственности.

Он близко к сердцу принимал происходившие в стране политические события. Тягостное впечатление произвела на него нашумевшая в марте 1988 г. газетная статья Нины Андреевой «Не могу поступать-

ся принципами». В.С. сочувствовал «межрегионалам» — оппозиционной Межрегиональной группе на съездах народных депутатов, безоговорочно стоял за изменение политического режима в стране и, быть может, первоначально в своем стремлении не допустить возврата к прошлому не предполагал последствий масштабного разрушения российской государственности. Как свое личное горе переживал он «августовский путч» 1991 г. и создание ГКЧП.

Валентин Семенович пользовался большим авторитетом среди коллег. Именно его они без колебаний избрали руководителем философско-методологического семинара после ухода О.Л. Вайнштейна, видного медиевиста, глубокого знатока философии и методологии истории. В.С. высоко держал планку семинара, заседания которого носили характер дискуссий по животрепещущим методологическим проблемам исторических исследований.

С докладами на семинаре выступали научные сотрудники ЛОИИ А.Д. Люблинская, В.Н. Гинев, Б.Ф. Егоров, М.Б. Свердлов, А.П. Павлов, известный социолог В.А. Ядов, философ В.В. Макаров и др. Дякину удавалось заинтересовать аудиторию и наполнить, казалось бы, отвлеченные философские понятия конкретно-историческим содержанием, например, связать герменевтику с источниковедением, марксистский формационный подход с этапами и закономерностями развития страны, пресловутую классовую борьбу с историей сословий.

Доброжелательная обстановка в отделе «капиталистов» располагала к творческому поиску. Это был сплоченный коллектив единомышленников, преданных своему делу и понимавших друг друга с полуслова. Они работали словно наперегонки, держа круговую оборону от наскоков идейных противников и радуясь успехам товарищей по перу. В эту когорту замечательных историков вместе с В.С. Дякиным входили: Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, В.Н. Гинев, В.А. Нардова, Ю.Б. Соловьев, А.Н. Цамутали, В.Г. Чернуха.

Отстаивая свои убеждения, они не могли не учитывать сложившуюся в стране политическую обстановку. Угроза закрытия уникального научного учреждения, каковым оставалось ЛОИИ, как Дамоклов меч, постоянно висела над их головами. Давным-давно отгремели словесные баталии западников и славянофилов. Но все-таки с большой долей условности их можно было бы назвать «западниками». Почти все они в той или иной мере владели иностранными языками, читали западную литературу по специальности и, как Дякин, начали изучение истории с зарубежных стран, что расширяло кругозор и давало возможность для сравнения. В беседах с иностранными коллегами они легко находили общий язык в прямом и переносном смысле.

Дякин с уважением и теплотой отзывался о московских коллегах, с которыми познакомился еще в студенческие и аспирантские годы: А.Б. Давидсоне, Т.М. Исламове, Н.М. Пирумовой,

Л. Н. и И. М. Пушкаревых, В. А. Твардовской. Он переписывался и поддерживал близкие контакты с П. Н. Зыряновым, проявлял большой интерес к работам В. В. Шелохаева, А. Е. Иванова и других москвичей. Собственно говоря, он следил за достижениями коллег, независимо от места их службы и жительства или национальности.

Доверительные отношения установились у В. С. с американским историком, профессором Колумбийского университета Леопольдом Хаймсоном (Хеймсоном), который называл его своим главным консультантом. Мне неизвестны обстоятельства их знакомства, но это была давняя дружба двух выдающихся ученых, которая значительно поспособствовала сближению историков наших стран. Как рассказывал мне другой американский историк Николай Валентинович Рязановский, он и Хаймсон были первыми западными историками, приехавшими в Советский Союз после смерти Сталина. По его словам, под присмотром КГБ им было трудно налаживать контакты с советскими коллегами.

Вероятно, знакомство Хаймсона и Дякина состоялось позднее, когда стали выходить книги В. С. по российской истории. Бывало, они часами беседовали, спорили и находили общие точки соприкосновения. В последний раз они встречались дома у В. С. незадолго до его кончины. Насколько я помню, Лео был очень обеспокоен состоянием здоровья Дякина, жаловавшегося на боли в сердце, и предлагал ему лечение в США. Разговор шел также о создании Европейского университета в Петербурге и об учениках Дякина.

По собственному опыту могу сказать, что В. С. относился к своим ученикам по-отечески, подбирал «ключик» к каждому, никогда не навязывал своего мнения и учил опираться на исторические источники, подвергая их критическому анализу. Старшим среди нас был А. В. Островский. По нелепой причине — отсутствия у него ленинградской прописки ему не удалось остаться в ЛОИИ, что очень затруднило его исследовательскую работу. Тем не менее он не сдавался и продолжал работать в полную силу, возможно, даже в ущерб своему здоровью. Он был ярким полемистом марксистского толка и с горячностью отстаивал свои идейные убеждения. Его жизнь оборвалась в 2015 г., но того, что он успел сделать, с лихвой хватило бы не на одного историка.

Большие надежды возлагал Дякин на И. В. Лукоянова, отдавая должное его упорству, целеустремленности и работоспособности. Теперь можно с уверенностью утверждать, что Лукоянов оправдал эти надежды и сейчас находится в расцвете своих творческих сил. Я занималась другой эпохой и сюжетами, далекими от основных интересов В. С., но он быстро улавливал главное в моей работе и его советы точно попадали в цель. Мне кажется, что В. С. меня немного баловал и, скрепя сердце, позволял, так сказать, сходить с рельсов и отвлекаться на непрофильные темы.

За консультацией к нему нередко обращались другие аспиранты, со-

искатели и иностранные стажеры, например, ныне известный японский профессор Кимитака Мацузато. В отделе никогда не делили учеников на своих и чужих, наши мэтры общались с нами на равных и всегда были готовы подставить свое плечо. Иногда к нам наведывались иностранные ученые. В. С. с заинтересованным вниманием относился к их работам и способствовал наведению мостов с зарубежными историками.

Честно говоря, в советское время контакты с иностранными коллегами были довольно ограниченными. Правда, в 1970 г. в Ленинграде прошел V Международный конгресс по экономической истории, в котором приняли участие сотрудники ЛОИИ, наши историки регулярно участвовали в советско-финских симпозиумах по социально-экономической истории, Скандинавских чтениях. Однако настоящий прорыв в отношениях специалистов разных стран, изучавших историю России периода поздней империи, произошел в годы перестройки.

В июне 1990 г. в Ленинграде состоялся международный коллоквиум историков, в центре которого стоял вопрос о соотношении реформ и революции в российской истории. Впервые лицом к лицу встретились советские и зарубежные историки, многие из которых прежде знали друг друга только по работам. В Ленинграде тогда собрался цвет исторической науки. В гостинице «Советской» высадился «несоветский десант» из Америки и Европы. Наиболее многочисленным был передовой отряд историков из США во главе с Л. Хаймсоном. Это были Ф. Вчисло, Дж. Маккей, А. Рибер, У. Розенберг, Р. Уортман, Д. Филд, Г. Фриз, Т. Эммонс и Л. Энгельштейн. Из ФРГ приехали: Б. Бонвеч, А. Каппелер и М. Хильдермайер, из Великобритании П. Гэтрелл и из Франции Ю. Шеррер.

Дякин и Хаймсон были сопредседателями коллоквиума, докладчиками и активными участниками дискуссий. Форма коллоквиума позволяла любому желающему свободно высказываться по обсуждавшимся проблемам. Оживленные дискуссии велись и в кулуарах этого представительного форума. Спустя два года материалы коллоквиума были опубликованы под названием «Реформы или революция? Россия, 1861–1917». Надо ли добавлять, что ответственным редактором этого сборника стал В. С. Дякин?

В январе 1993 г. состоялся следующий международный коллоквиум, посвященный «анатомии революции» 1917 г. Это был последний коллоквиум, в котором участвовал Дякин. Мне запомнилось, что Хаймсон тогда неоднократно подходил ко мне с вопросами: «Где ваша молодежь? Почему в зале мало молодых историков? Почему не присутствуют студенты?» Складывалось впечатление, что в то время его особенно волновала подготовка молодого поколения российских историков.

Хаймсон обсуждал с Дякиным возможные формы международного сотрудничества. Именно они стояли у истоков Европейского университета в Петербурге. По-моему, многолетнее знакомство с Дякиным,

образом мыслей наших историков и направлением работы петербургской исторической школы сыграли немаловажную роль при выборе местонахождения этого университета. Наверное, не все получилось так, как задумывали основатели. Однако, несмотря на все трудности, международные коллоквиумы по российской истории продолжаются и каждые два-три года организуются Европейским университетом при участии Санкт-Петербургского института истории РАН, бывшего ЛОИИ.

Думаю, что я не ошибусь, если замечу, что работа была смыслом жизни В. С. Он не мыслил своей жизни без научного творчества. Все было подчинено этой цели. Конечно, мы многим обязаны двум замечательным женщинам, которые окружили его вниманием и создали все условия для того, чтобы он мог плодотворно работать. Я имею в виду Валентину Георгиевну Савельеву, жену Валентина Семеновича, и его тещу Марию Кузьминичну Папунову, радушную хозяйку и хранительницу домашнего очага. Заботливая женская рука ощущалась и в ухоженном внешнем облике В. С. Он всегда был подтянут, сиял чистотой и опрятностью в белоснежной рубашке, отутюженном костюме и до блеска начищенной обуви. Порядок во всем соблюдался им неукоснительно.

Жена Валентина Семеновича, чуткий и отзывчивый человек, тоже историк, до сего времени преподает и является профессором Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства. Они познакомились и сблизились еще в студенческие годы. Мыкались по съемным углам, пожили в ленинградской коммуналке. Только в зрелые годы, на пятом десятке своих лет путем утомительных обменов с участием тещи выменяли отдельную квартиру. Всю жизнь они прожили душа в душу, вместе делили радости и горести. После кончины мужа Валентина Георгиевна сберегла его рукописи и сделала все возможное, чтобы его неопубликованные труды были изданы.

Дякин был домоседом — поистине его дом был его крепостью, только в тиши своей петербургской квартиры он чувствовал себя спокойно и уютно. В свой летний отпуск он по настоянию жены иногда уезжал на две-три недели в Дом творчества кинематографистов в Репино или в пансионат ветеранов науки вблизи парков Пушкина и Павловска. Даже там он не расставался со своими рукописями и продолжал работать. На моей памяти однажды он поддался уговорам жены и рискнул отправиться с ней в далекое путешествие на теплоходе по Енисею. Впечатлений от этой поездки было много, но опыт дальних путешествий больше не повторялся.

Валентина Георгиевна всегда сильно тревожилась о здоровье мужа. Чтобы побудить его чаще бывать на природе, она купила небольшой участок с домиком в садоводстве «Климовец» в черте города. От метро к садоводству можно было быстро доехать на автобусе. Неподалеку находился живописный Шуваловский парк с «наполеоновскими прудами», в которых купались в жаркую погоду, но что-то я не слышала,

чтобы В.С. когда-либо этим воспользовался. К нашему удивлению, он понемногу втянулся в работы на участке, занялся мелким ремонтом домика, со знанием дела заговорил о компосте, но надолго «на даче» не задерживался и всякий раз возвращался ночевать домой.

Вторым домом для В.С. было ЛОИИ. Привычный размеренный ритм жизни в отделе изредка нарушался жаркими дискуссиями, как это бывало, например, когда обсуждались работы Б.Н. Миронова. Но чаще наши заседания носили спокойный, деловой характер. Обсуждения продолжались и за стенами отдела. Прохаживаясь по коридору или устроившись там на потертом диванчике с очередной рукописью в руках, В.С. обменивался мнениями с коллегами. У него не было ни малейших признаков «звездности», общаться с ним было легко и просто. Он учитывал замечания, размышлял и говорил, что его книги приобретают законченный вид в результате этих обсуждений.

Работы В.С. обладают поразительным свойством — они не устаревают. Разумеется, время идет, и жизнь продолжается, меняется ракурс исследований, появляются новые материалы, подрастает молодое поколение ученых со своей интерпретацией исторических событий, но труды В.С. остаются в научном багаже историков. Посвятив свою жизнь изучению истории, он оставил значительный след в историографии и в памяти коллег. На таких людях даже в самые тяжелые времена держится общее дело историков. Будучи историком по призванию, Валентин Семенович Дякин всю свою жизнь оставался верен своему предназначению, трудился на совесть и отдал все свои силы любимому делу.

ИСТОРИК ПО ПРИЗВАНИЮ

Bulgakova Lyudmila A. — candidate of historical sciences, senior researcher SPbIH RAS (St. Petersburg)

И. В. Лукоянов

ВАЛЕНТИН СЕМЕНОВИЧ ДЯКИН: ГЛАЗАМИ УЧЕНИКА

Валентин Семенович Дякин... Я часто общался с ним, когда был его аспирантом, всего четыре с небольшим года. Выбор научного руководителя — всегда до известной степени дело случая. Меня с В. С. познакомила Валерия Антониновна Нардова, которая тогда возглавляла аспирантуру в ЛОИИ. Почему с ним? Я что-то говорил о своих интересах, не думаю, что это произвело впечатление, но я упомянул время — начало XX в. В. А. как-то многозначительно назвала его фамилию, я понял, что он — «главный» по периоду. Знакомство состоялось тут же, мы сели на диван, дело происходило на втором этаже «дома Лихачева». Худощавый, одетый в темноватый костюм, с видом типичного интеллигента того, конца 1980-х гг., времени, с глазами, немного укрытыми массивными очками, но взгляд — умный, внимательный, немного улыбчивый. Сразу привлекло то, что он вел себя почти на равных, внимательно слушал, ничего не диктовал, ни на чем не настаивал, показывал очевидную заинтересованность в разговоре с собеседником, говорил очень доброжелательно (кто я был тогда для него — потенциальный аспирант ЛОИИ, не более того). Конечно, это располагало к нему. По работам я, разумеется, представлял, с кем познакомился. Вывод сделал сразу — в аспирантуру к В. С. Потом были вступительные экзамены (осень 1989 г.) и закрепление за В. С. научного руководства. Не возьмусь объяснить почему, но тогда очных аспирантов было очень мало, помню, что я несколько лет был чуть ли не единственным на целый «сектор капитализма» — а это 10 докторов наук, каждый — с именем в науке, думаю, что самое сильное по ученой части подразделение в ЛОИИ. Отнеслись ко мне очень хорошо, сейчас я понимаю, что эта готовность помочь, которая исходила буквально от всех сотрудников, была счастливым случаем, ЛОИИ нельзя назвать типичным в этом отношении местом. Также бросилась в глаза в целом доброжелательная атмосфера внутри, между коллегами. Конечно, сразу было видно, а потом стало понятно, что отношения нельзя назвать полной идиллией, но они были корректными, и проблемы абсолютно не простирались на учеников.

В. С. вел себя как старший коллега и наставник, готовый в любой момент помочь, подсказать, но никогда

Лукоянов Игорь Владимирович — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург); lukoianov@yandex.ru

не навязывал свое мнение. Определение темы будущей диссертации было для меня несколько неожиданным процессом. Меня удивила его осторожность, казавшаяся для конца 1980-х гг. запредельной, когда рамки для исследований применительно к началу XX в. резко расширились. Тем не менее помню короткий монолог В.С., который сводился примерно к следующему: хорошо бы заняться уроками российской буржуазии из Первой русской революции, но нельзя. Почему нельзя? Он не углублялся в объяснения, но дал понять, что далеко не все сюжеты по истории императорской России были даже во время перестройки «диссертабельны». В итоге В.С. сам предложил тему: газета «Новое время» и круг ее авторов в первую половину царствования Николая II (т.е. до 1905 г.). Почему «до»? В.С. объяснил, что строго «разводит» эпоху, которой занимается сам и по которой работают его ученики, чтобы в случае атаки на него не подвергать их опасности. Он не конкретизировал, что за опасности, но я понял, что это отголоски «историографии» А.Я. Авреха. Забегая вперед, скажу, что я со временем «сдвинул» тему в область политики, сформулировав ее для себя как «самодержавие и реформы» до 1905 г. От «Нового времени» и его авторов в диссертации осталась лишь небольшая глава. В.С. не препятствовал, скорее, как мне казалось, наблюдал за моими исследовательскими усилиями с интересом.

Тема для меня была новой, я очень мало знал про ту эпоху, не говоря уже про газету «Новое время», да и литературы почти не имелось. В.С. сразу ориентировал меня на работу в архиве (газетный зал Публички тогда не работал, БАН закрыта после пожара, комплект газеты имелся только в библиотеке ЦГИА, на набережной Красного флота). Помню первый поход в ЦГИА: он показал, где и что есть в архиве, представил меня зав. читальным залом Серафиме Игоревне Вареховой, по ее реакции я понял, что моя рекомендация как ученика В.С. — это в ее глазах много. Не могу не сказать доброго слова в ее адрес: и без того весьма доброжелательно относившаяся к читателям, она оказывала им неоценимые услуги по части поиска необходимых документов. В.С., как я понял, имел большой кредит уважения, отношения были какими-то очень человечными и близкими, совершенно не напоминали формальное исполнение обязанностей перед читателем по принципу «я тут одна, а вас таких много».

Я провел в архиве почти безвылазно более полугода, осиливая подшивку «Нового времени» за 10 лет. Времени было достаточно, чтобы познакомиться с тем, как работает В.С. Бросалась в глаза его пунктуальность: он приходил рано, буквально к открытию архива, и так же строго работал до последних минут. Во время перерыва на обед (тогда в ЦГИА не имелось ни буфета, ни столовой, читатели разбредались кто куда) В.С. предпочитал брать еду с собой. Помню: ровно в 13 часов он поднимался из-за стола, спускался в гардероб, где доставал термос и бутерброды. Этот ритуал повторялся день за днем, когда он работал в ЦГИА. Заметно было, как он ценит рабочее время: на досужие разговоры В.С. старался

не отвлекаться, но к нему всегда можно было обратиться с вопросом и тут же получить ответ.

Он познакомил меня с тем, как работает с документами — просто показал, ничего специально не рекомендуя и тем более не навязывая. Он «брал» архивное дело целиком, фиксируя о нем разностороннюю информацию: хронологические рамки, жанр и номенклатуру документов, их характер (черновики, отпуски, копии и т. п.). Насколько помню, В. С. никогда не переписывал тексты полностью, цитаты, разумеется, подбирал, но, как правило, не слишком значительного объема. Можно сказать, что это были аналитические конспекты. Практически каждый документ описывался очень тщательно, включая подписи, пометы, характер подачи текста, тут же его содержанию часто давались оценки. Я не слишком обращал внимание на то, над какими сюжетами он тогда работал, но помню, как В. С. предупреждал, что брать нужно все интересное из того, что попалось в руки, и сетовал, что в молодости он не придавал этому значения, поэтому много чего пропустил. Писал он всегда в толстых (по 96 листов) ученических тетрадях в клеточку очень убористым, занимавшим каждую линию, но понятным почерком. Использовал чаще всего чернильные ручки, это было несколько необычно для времени господства шариковых. В. С. объяснил технологию дальнейшей работы с тетрадями: все их содержимое в виде кратких названий сюжетов он переносил на карточки, затем расставлял их в определенном порядке согласно продуманной схеме для нового исследования, и дальше писал уже сам текст, сначала от руки, затем «перестукивал» на машинке (иногда, вероятно, сам, но для такой работы в ЛОИИ существовало машбюро). Выглядело трудоемко, но такая организация позволяла «выжимать» из источников очень много. В. С. очень ценил коллег, которые внимательно и много работали с архивным и газетным материалом, и, наоборот, с некоторым презрением относился к «сочинителям», представлявшим идеи, но не тратившим усилий на то, чтобы обстоятельно подкрепить их фактическими данными.

На службе, в ЛОИИ, он бывал в дни присутствия, по вторникам и четвергам с 14 часов. Дорога от дома занимала около часа, В. С. предпочитал ездить на трамвае, тогда это было возможно. В ЛОИИ сотрудников было больше, чем сейчас, соответственно, и жизнь института выглядела оживленнее. Я, как правило, также был в институте в присутственные дни. Помню заседания сектора и выступления В.С: говорил он обычно ближе к концу любого обсуждения. Речь не была длинной, но продуманной, слушать его было легко. Осталось ощущение, что к его словам и оценкам прислушивались, часто их принимали как общую позицию. Внешне все казалось бесконфликтным, но по рассказам сотрудников я слышал, что В. С. был не только принципиальным, но иногда и резким.

Его научное руководство сводилось к помощи, к ответам на вопросы и т. п., но никогда это не было диктатом либо менторством. За работой он следил, напоминал о необходимо-

сти готовить публикации, хотя и не давил. Лишь близко к концу завершения трехлетнего срока аспирантуры он стал настойчиво требовать сначала схему диссертации, а затем и весь ее текст. Читал мои рукописи (точнее, распечатки — с начала 1990-х я имел возможность набирать тексты на ПК, тогда уже появившихся) внимательно, делал немалое число помет разного характера, это были не только возражения. По их характеру мне было понятно, что более всего он ценит самостоятельные идеи и наблюдения, особенно если они подкреплены аргументами. Тогда, к счастью, «методологические основы» в виде «марксизма-ленинизма» перестали быть обязательными, но помню, что к цитатам из «Полного собрания сочинений» В. И. Ленина он относился с известным презрением, справедливо полагая, что там можно найти много взаимоисключающего и на любой случай. Сам В. С., как говорил, делал из цитат «забор», призванный оградить его собственные построения от излишнего внимания цензуры. Придирки Авреха воспринимал остро, прямо говорил, что это политический донос, к самому же Авреху относился с нескрываемой брезгливостью, стараясь вообще не упоминать его в своих работах. В. С. не ценил Авреха еще и потому, что тот плохо знал архивы, поэтому его многочисленные сочинения никогда не опирались на массивы документов. В. С. это не только хорошо понимал, но и подчеркивал.

Самому В. С. не повезло в жизни с учителями. Руководителя своей дипломной работы в университете В. Г. Брюнина он упоминал лишь мельком, фамилию научного руководителя его кандидатской диссертации в Москве Н. И. Саморукова я услышал лишь после кончины В. С. Из других предшественников и старших коллег в своем кабинете он держал фото С. Н. Валка. Помню, что с большим уважением В. С. отзывался о Б. А. Романове, однако не смотрел на его труды как на «священное писание». В конце работы над диссертацией, когда я подготовил значительный текст, посвященный истории безобразовского предприятия на Дальнем Востоке перед русско-японской войной (меня интересовал больше всего механизм ведения дальневосточной политики, который, как это было очевидно, выходил за рамки нормального), он с интересом выслушал мои соображения о том, как можно пересмотреть некоторые оценки Романова, но посоветовал не делать этого в кандидатской диссертации и резко сократить этот раздел.

О своих коллегах мне В. С. рассказывал немного. У меня сложилось впечатление, что В. С. работал замкнуто, не поддерживая ни с кем из коллег по ЛОИИ близких отношений (исключая его ученицу Л. А. Булгакову). Едва ли не лучшим его другом был П. Н. Зырянов, работавший в Москве. Это обстоятельство отчасти проступило в конце 1991 г., когда проводился «набор» в новую, уже российскую Академию наук. В. С. казался очевидным кандидатом, но в итоге не прошел... Несколько месяцев спустя я прямо (и, наверное, бестактно) спросил: почему? В. С. рассказал, как это было, из его слов было понятно, что новые члены РАН рекрутировались и тогда тоже не всегда в соответствии с их научными заслугами.

Однако некоторая дистанция в отношениях с коллегами никак не распространялась на учеников. Когда я впервые появился у В. С. дома (а это было вскоре после появления в ЛОИИ), ко мне отнеслись сразу приветливо, как к хорошему знакомому, никакой формальности или холодности не ощущалось и в помине. Я и сейчас с большой теплотой вспоминаю тещу В. С. Марию Кузьминичну — чувствовалась ее хозяйская роль, со мной же она вела себя как бабушка.

Я защитил кандидатскую диссертацию 9 ноября 1993 г., оказавшись последним из «остепененных» учеников В. С. при его жизни. В то время жизнь летела с калейдоскопической быстротой. Взгляды менялись, идеалы ломались беспощадно. Сам В. С., не скрывавший своих умеренных симпатий кадетской партии и ее лидеру П. Н. Милюкову, в начале 1990-х постепенно разочаровывался в них. По моему впечатлению, причиной стали не новые материалы о них, а тогдашняя российская действительность: крах перестройки, крушение СССР, расстрел Белого дома. Думаю, что российская демократия и в начале XX в., и в его конце плохо коррелировала с состоянием общества: и в том, и в следующем случае были розовые надежды на свержение старого строя, но они не приводили к установлению демократического строя, оборачиваясь общим упадком. Это явилось большим разочарованием для В. С. Вообще, он заметно переживал происходившее тогда, было видно, что судьба России ему не безразлична.

ВАЛЕНТИН СЕМЕНОВИЧ ДЯКИН: ГЛАЗАМИ УЧЕНИКА

Lukoyanov Igor V. — doctor of historical sciences, Professor (St. Petersburg)

AT THE TURN OF THE ERAS. REMEMBERING VALENTIN SEMENOVICH DYAKIN

Key words: history of historical science, V.S. Dyakin, Leningrad State University, Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR, USSR Academy of Sciences, collective memory. History of Russia at the turn of the XIX–XX centuries.

Abstract. The publication is dedicated to the memory and heritage of the outstanding Russian historian V.S. Dyakin. Having begun his activity as an expert in the German history, and having retained interest in the history of Russian-German economic ties, he left a noticeable mark in the study of the history of the "Duma Monarchy" and was one of the first to turn to the study of the national question in the Russian Empire. Interviews with A. N. Tsamutali, V. G. Savelyeva, B. D. Halperina, L. A. Bulgakova and I. V. Lukoyanov reflect the process of forming of the historian, show his "creative laboratory", illuminate the attitude towards students and colleagues, and demonstrate the versatility of his personality. V. V. Vedernikov analyzes the stages of the academic biography of the researcher.

Н. П. Таньшина

250 ЛЕТ НАПОЛЕОНУ БОНАПАРТУ: ПО СЛЕДАМ ЮБИЛЕЯ

Ключевые слова: историческая память, историческое сознание, массовое сознание, Наполеон Бонапарт, 250-летний юбилей Наполеона, Первая империя.

Аннотация. Статья посвящена изучению трансформации исторической памяти о Наполеоне Бонапарте на основе анализа юбилейных мероприятий, посвященных 250-летию со дня его рождения. Статья основана на широком комплексе новейших источников: интервью ведущих французских историков, опубликованных в дни празднования юбилея; материалах личных бесед автора статьи с французскими исследователями, а также личных наблюдениях за изучаемыми событиями в дни юбилея Наполеона Бонапарта в Аяччо 13–15 августа 2019 г. В рамках статьи проводится компаративный анализ юбилейных торжеств, связанных с 200-летием Первой империи и коммеморациий, посвященных 250-летию Наполеона, и анализируются изменения, происходящие в массовом и историческом сознании французов за последние годы.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-249-266

Наполеон притягивает и отталкивает, завораживает и вызывает неприятие, но никого не оставляет равнодушным. В свое время Виктор Гюго заметил, что французы то показывают, то прячут Наполеона, не в силах прийти к окончательному решению, и эти слова не потеряли своей актуальности и по сей день[1]. 15 августа 2019 г. исполнилось

© Н. П. Таньшина, 2019
Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Москва); horoshovo@mail.ru

[1] О Наполеоне в исторической памяти и политической культуре Франции см.: (*Таньшина* 2019: 146–166).

250 лет со дня рождения одного из самых известных и популярных французов (в запросах поисковой сети Google Наполеон Бонапарт занимает второе место после Иисуса Христа). Как отметили этот юбилей во Франции? Какова была позиция властей и мнение известных французских историков, отреагировавших на это событие по горячим следам в ряде интервью или выразивших свое мнение в личных беседах?

Все познается в сравнении. Для того, чтобы понять позицию властей, необходимо сравнить ее с той, каковой она являлась в 2004–2015 гг., когда праздновался двухсотлетний юбилей Первой империи. Мероприятия тех лет продемонстрировали не только интерес и даже страсть французов к Наполеону, но и его отрицание, а также расхождение между официальной позицией властей и общественным мнением. В 2005 г. президент Жак Ширак отменил все церемонии на государственном уровне; в декабре того же года французское правительство отказалось праздновать 200-летие Аустерлица, в 2012 г. — ехать на праздничные мероприятия в Россию, посвященные Бородинской битве, а в 2015 г. — участвовать в мероприятиях, посвященных Ватерлоо, под предлогом, что не празднуют поражение.

Если политические элиты стремились дистанцироваться от Наполеона как от «завоевателя Европы» и «диктатора», более того, он их раздражал, то французский народ превратил его в одного из своих популярнейших национальных героев. В 2015 г. французский историк Эмиль Керн, автор работы о «наполеоновской легенде», задался вопросом: была ли цепь коммемораций похоронным звоном для Наполеона и нужно ли ждать 2021 г., двухсотлетнего юбилея со дня его смерти, чтобы вновь разгорелось пламя интереса к его имени и его мифу? Или с императором покончили? (*Kern* 2016: 219). Вовсе нет, — справедливо восклицает автор! Спровоцированная торжествами полемика вокруг имени Наполеона только усилила его позиции в культурном и медийном пространстве. По словам профессора университета Париж-Сорбонна и президента Института Наполеона Жака-Оливье Будона, император, без сомнения, является одной из самых популярных исторических фигур как во Франции, так и во всем мире (Ibid.: 9).

Итак, французские историки ждут 2021 г., «пропуская» 2019-й, год 250-летнего юбилея со дня рождения Наполеона Бонапарта. Почему так происходит, ведь 250 лет — тоже круглая дата? По словам известного французского историка, крупного наполеоноведа Пьера Бранда, дело в том, что французы празднуют «столетия», отсюда и все юбилейные мероприятия: двести лет Французской революции, двести лет Первой империи, двести лет со дня смерти Наполеона. По словам историка, весьма скромные торжества, посвященные 250-летнему юбилею, продиктованы вовсе не позицией властей, а именно тем, что это «не круглая» дата. Как отметил в своем интервью еженедельнику правоцентристской ориентации «Le Point» директор Фонда Наполеона Тьерри Ленц, власти оказывают

поддержку в подготовке мероприятий 2021 г. По словам историка, в государственной администрации Фонд «встретил людей мотивированных и готовых поддержать проекты, которые обычным бюджетам были не под силу». Так было, например, когда Фонд работал с Министерством иностранных дел на Святой Елене; так было в том случае, когда Фонд помогал национальным архивам реставрировать наполеоновские фонды; так было в ходе организации подписки в пользу реставрации могилы императора и наполеоновских монументов в Отеле инвалидов (*Lentz* 2019).

Власти — это, прежде всего, президент. Если в 2005 г., как уже отмечалось, Жак Ширак практически свернул официальные праздничные мероприятия (по словам Тьерри Ленца, может, это было и к лучшему, с учетом того, как официальные мероприятия проводились), то какова позиция президента Эммануэля Макрона, которого нередко сравнивают с Наполеоном? По мнению французского историка Артура Шевалье, с которым мы еще познакомимся, точки соприкосновения между Э. Макроном и Наполеоном были, когда Макрон был кандидатом, и непосредственно после его победы на выборах. Теперь же историк «ждет Аустерлица» и задается вопросом, где же «маршалы» Макрона (*Chevallier* 2018a)?

Президент Макрон, очевидно, отдает должное Наполеону. Не случайно во время официального визита во Францию президента России В. В. Путина вместе они посетили Галерею славы в Версале, открытую

Торжественное возложение венков на площади Фоша

королем Луи-Филиппом в 1837 г. для прославления величайших битв французской истории, включая наполеоновские сражения. Вместе с президентом США Дональдом Трампом Э. Макрон посетил Собор инвалидов и, по сути, был гидом американского президента, что, по мнению Т. Ленца, подтверждает его хорошее знание наполеоновской проблематики. Такая позиция Макрона сразу привлекла к нему внимание общественности, тем более что президент стал первым главой государства, посетившим в этом качестве могилу Наполеона, начиная с конца XIX в., а именно со времени визита императора Николая II в Париж в 1896 г. По словам Тьерри Ленца, Макрон тем самым как бы говорит: да, мы знаем нашу историю, мы являемся ее наследниками, мы гордимся ею, ничего не утаивая и не занимаясь постоянным самобичеванием. Как отмечает

историк, Эммануэль Макрон знает и, вероятно, любит историю страны, которой руководит. Но в то же время его позиция по отношению к Наполеону не всегда четко определена и подвержена конъюнктурным влияниям (*Lentz* 2019).

Если президент Жорж Помпиду в 1969 г., в год двухсотлетия со дня рождения Наполеона, посетил его родной город, Аяччо (это был его первый визит в качестве президента) и произнес там две речи, в которых сделал упор на том, что Наполеон является создателем современной Франции, то президент Макрон юбилейные торжества на Корсике не посетил. В этот день он был на юге Франции, где присутствовал на церемонии по случаю 75-й годовщины высадки союзников в Провансе. В присутствии глав Гвинеи и Кот д'Ивуара президент поблагодарил африканских солдат, участвовавших в освобождении Франции во время Второй мировой войны, и призвал мэров переименовать площади и улицы в их честь. «Без них мы не были бы сегодня свободными гражданами», — заявил он. Главные французские телеканалы вели прямые включения именно из Прованса, а не из Аяччо (Стыдится ли Франция Наполеона 2019).

В то же время нельзя сказать, что официальные власти проигнорировали праздничные мероприятия на Корсике, проходившие с 13 по 15 августа. На торжествах присутствовал глава Сената Жерар Ларше, т. е. второе лицо в государстве после президента. В своей краткой речи политик напомнил, что Республика, да и сам Сенат многим обязаны Бонапарту. Именно при императоре была создана верхняя палата французского парламента.

Присутствие главы Сената было высоко оценено городскими властями. В частности, мэр Аяччо Лоран Марканжели подчеркнул, что он рассматривает это как великую честь и признак исторического примирения. «Республика сильна тогда, когда она признает всю свою историю. Наша страна не должна стыдиться своих поражений в войнах и не должна сожалеть о тех, в которых она победила», — заявил мэр Аяччо (Там же).

О мероприятии, на котором присутствовали и потомки Наполеона, а именно Шарль Наполеон с сыном Жаном-Кристофом и невесткой (19 октября 2019 г. принц Жан-Кристоф женился на австрийской принцессе графине Олимпии Арко-Ценнеберг), рассказали в основном местные СМИ, а агентство France-Presse ограничилось коротким сообщением, что потомки Бонапарта приняли участие в «наполеоновских днях» на Корсике, в частности в реконструкции битвы под Аустерлицем. В этом событии участвовали 700 реконструкторов, приехавших со всей Европы. Les Journées Napoléoniennes, три дня, которые потрясли Аяччо, были незабываемыми! Конечно, это было вавилонское столпотворение, но столпотворение великолепное! Кони и люди не смешались: коней как раз не было, но население Аяччо, наверное, удвоилось: войсковые соединения из разных стран, особенно многочисленные — из Чехии, Италии и самой Франции, русские были

неуловимы: мне их так и не удалось застать, и никто не знал, где эти русские), толпы туристов (в отелях Аяччо не было свободных мест!). Три дня праздничных мероприятий в режиме нон-стоп: дефиле войск, реконструкция сражений, балы, лекции, круглосуточная жизнь бивуака, грохочущий Аустерлиц, торжественная месса 15 августа, официальные церемонии с не менее официальными, но симпатичными лицами, праздничный фейерверк и концерт на площади Шарля де Голля! При этом город был абсолютно открыт, никаких заграждений и кучи полиции. Не знаю, каким образом, но мне удавалось оказываться в самой гуще событий: шествие по городу в непосредственной близости, или в тени, двух императоров, дяди и племянника; на торжественной церемонии открытия каким-то образом очутилась у самой трибуны, на реконструкции Аустерлица (историк и журналист Давид Шантеранн, главный редактор журнала «Revue du souvenir napoléonien» в качестве ведущего был великолепен!) — вообще в зоне боевых действий, а на церемонии возложения цветов на площади Фоша — прямо у монумента императору! На узких средневековых улочках Аяччо встреча в веках выглядела потрясающе: толпы туристов, дамы в чепчиках и пышных юбках, наполеоновские маршалы, гвардейцы, плюмажи, волынки, барабаны и, конечно, Наполеон — partout-partout: вот император прогуливается по Аяччо, заходит в кафе и фотографируется с туристами, вот и сами

Жизнь бивуака

кафе и отели, названные его именем, многочисленные сувениры — partout, его имя слышно partout... Vive l'Empereur во время дефиле кричали, но не сказать, чтобы часто[2], а вот нынешний глава дома, 33-летний красавец Жан-Кристоф пользовался необыкновенной популярностью! Жил в живописном, но вполне обычном отеле Сан-Карло Цитадель, никому не отказывал в фотосессии (ему, правда, всегда приходилось приседать — редкий турист дотянет до его почти двухметрового роста), всегда был очень приветлив и улыбчив! На торжественной мессе в кафедральном соборе епископ в своей проповеди упомянул и Аустерлиц, и Наполеона, и даже пошутил, чем вызвал одобрительный смех паствы. Потом вся эта огромная толпа направилась по узенькой улочке к дому,

[2] Как отметил Тьерри Ленц, говоря о праздновании 200-летия Ватерлоо, 200 тыс. зрителей собрались там не для того, чтобы кричать: «Да здравствует император!», что не имело смысла, но для того, чтобы понять, узнать, пережить опыт (*Lentz* 2019).

где родился Бонапарт (а накануне Филипп Перфеттини из Palais Fesch-musée прочел очень живую и яркую лекцию о детстве Наполеона и рассказал, как становятся императорами), где были возложены цветы, а потом и на площадь Фоша к памятнику Наполеона, после чего вип-персоны уединились на краткий фуршет в мэрии, но и для публики после зрелища был хлеб, причем угощение было тем же, что для избранных: вино, прохладительные напитки и пончики с фирменным корсиканским сыром броччио.

Но в целом в эти дни о Наполеоне газеты писали немного, а интервью с историками опубликовали издания, как правило, правой ориентации. Президент Макрон в тот день о Бонапарте не сказал ни слова. И, беседуя с друзьями и коллегами вечером 15 августа в Аяччо, я поняла, что их это сильно задело. О том, что о Наполеоне мало говорят, с сожалением написал на страницах правой «Le Figaro» бывший вице-председатель Национального собрания и бывший госсекретарь по заморским территориям Франции при президенте Николя Саркози Ив Жего. Именуя Наполеона самым известным деятелем, «написавшим славные страницы национальной истории», среди наполеоновского наследия он особо отметил Гражданский кодекс, Банк Франции, разделение страны на префектуры. «Несмотря на темные и, естественно, спорные страницы в истории его правления, Наполеон и в начале XXI века остается легендой. После двух столетий бурной полемики его личность, наконец, становится полноправной частью истории», — подчеркнул Жего. В своей колонке политик также отметил, что «отрицание исторической памяти создает образ страны без корней, которая стыдится своего прошлого, отказывается прославлять героев из страха полемики и под давлением сторонников покаяния» (Стыдится ли Франция Наполеона 2019).

Это заявление правого политика весьма симптоматично. В том, что касается восприятия и оценок Наполеона, очень ярко проявляется политическая ангажированность французов. Как в целом Французская революция, Наполеон Бонапарт разделяет правых и левых, и отношение к нему зависит от политической ориентации. Если Доминик де Вильпен восторгается Наполеоном[3], то Лионель Жоспен, политик левого направления, в своей книге, опубликованной в 2014 г. (*Jospin* 2014), писал о «наполеоновском зле» и обвинял Наполеона, среди прочего, в изобретении авторитарной формы правления. Французский писатель А. Шевалье назвал эту работу «симптоматичной книгой смущения левых по отношению к Наполеону» (*Chevallier* 2018a).

Впрочем, как отметил Тьерри Ленц, каждый политик «имеет у себя в голове своего маленького Наполеона, не говоря уже о том, что некоторые мечтают быть им. Стыдясь его, они прячут его в недрах своих библиотек. Он, без сомнения, присутству-

[3] Книга о Наполеоне Доминика де Вильпена была опубликована на русском языке: (*Вильпен* 2003).

ет во всех исторических размышлениях политиков, если они видят дальше кончика своего носа и думают о чем-то еще, кроме своих избирательных кампаний» (*Lentz* 2019).

***

Итак, вплоть до недавнего времени в целом для политических элит Франции Наполеон был персоной «неполиткорректной», диктатором и завоевателем. Сейчас ситуация в восприятии Наполеона и его оценка элитами меняются. Об этом говорили в своих недавних интервью по поводу юбилея известные французские историки, такие как Тьерри Ленц, Пьер Бранда, Давид Шантеранн и ряд других. Пьер Бранда в интервью региональной ежедневной газете «La Nouvelle republique» заявил, что «сегодня меньше фанатиков и хулителей, даже по сравнению с 10 или 15 годами назад». По словам исследователя, «Наполеон возвращается в Историю» (Napoléon, la naissance d'un mythe 2019). А упоминавшийся выше Ив Жего выразил надежду, что двухсотлетие кончины императора в 2021 г. станет поводом почтить в лице Наполеона Бонапарта героя и вернуть должное внимание к истории Франции (Стыдится ли Франция Наполеона 2019).

Историк и журналист Давид Шантеранн в предисловии к номеру журнала «La Revue du souvenir napoléonien», посвященному юбилею Наполеона, ставит риторический вопрос: чем была бы Франция, Европа, да и весь мир без Наполеона, человека, который изменил ход истории? «Какова была бы судьба

Памятник Наполеону на площади Фоша

Революции, если бы на момент взятия Бастилии ему не исполнилось бы 20 лет? А эти сорок сражений, среди которых самые замечательные образцы военного искусства, эти славные страницы и прославленные герои? Как мы можем представить современное общество без Гражданского кодекса, без всех его знаменитых творений, список которых является очень длинным, и в котором фигурируют на почетном месте Банк Франции, Почетный легион, лицеи, государственный совет, префектуры. Чем бы был XIX в. без романтиков – Стендаля, Шатобриана, Гюго, Байрона, Ламартина, Бальзака, Толстого, которые столько писали о нем? Он доминирует надо всем. Он повсюду. Он родился в Аяччо, ровно 250 лет назад» (La Revue du souvenir napoléonien 2019).

По словам Тьерри Ленца, Наполеон является частью французской

истории, и память жива как обо всем хорошем, так и обо всем плохом, что он сделал. В своей книге «Наполеон и Франция» историк подчеркивает, что «настало время для беспристрастного изучения наполеоновской истории. Надо отказаться от стереотипов и клише, от черной и белой легенд, надо, наконец, спокойно подумать о Первой империи и ее создателе» (*Lentz* 2015: 7).

При этом, по его словам, Наполеон — это не только прошлое, но и настоящее: он «порой говорит нам о нас, о французах и европейцах XXI в.» (Ibid.: 8). Наполеон, утверждает Тьерри Ленц, хотят этого или нет, является отправной точкой национальной памяти, и это связано не только с воспоминаниями о военных победах и славе, которой он покрыл французов. Наполеон для Тьерри Ленца — это прежде всего человек. Человек, совершавший ошибки и закончивший свою карьеру головокружительным падением. Но он является «редким в истории примером руководителя с очень хорошо устроенной головой». Наполеон — это человек синтеза и инноваций, это политик, знавший, чего он хочет, и претворявший свои планы в жизнь, причем не в одиночку, но предоставляя всему поколению возможность участвовать в этом процессе. Наполеон — это «гений и государственный менеджер в одном лице». При этом, отмечает Т. Ленц, необходимо учитывать обстоятельства прихода Наполеона к власти: война внутри страны и за ее пределами, пустая казна, полная дезорганизация государственного аппарата, более 100 тыс. французов, находившихся в эмиграции. И всего за два года Бонапарт направил Францию к разрешению этих проблем. Главное в Наполеоне для Т. Ленца — это его понимание необходимости синтеза между старым и новым, а также решительные действия и безукоризненное управление людьми и процессами.

В результате, как и многие другие историки, Т. Ленц утверждает, что Наполеон создал современную Францию, и не только Францию. При Наполеоне «произошла консолидация того, что и сегодня является основой институтов нашей страны и институтов некоторых из наших соседей». Наполеон, по словам ученого, проводил «социальный проект, охвативший всю Европу», пусть он и окончился поражением. Как политик он — человек равенства, сторонник государства, свободного от религиозных споров, поборник жесткой административной и финансовой политики, сильной власти как таковой (которая, по мнению Т. Ленца, вовсе не была диктаторской). Наполеон — это сторонник правительства, которое в реальности делало то, что декларировало; наполеоновское правительство — это правительство, которое имело разумный и сбалансированный проект, располагало средствами для достижения общего блага; это правительство, воспринимавшее государство в качестве высшего арбитра, понимавшего социальные запросы и умевшего на них реагировать». Все эти критерии власти, по справедливому замечанию Тьерри Ленца, не потеряли своей актуальности и сейчас (*Lentz* 2019).

Если Пьер Бранда и Тьерри Ленц — уже весьма опытные историки, то что думают о Наполеоне исследователи молодые? О том, что Наполеон является связующим звеном между Францией старого порядка и Францией революционной говорит 34-летний историк и муниципальный советник Ниццы, автор книги «История революций во Франции» Гаёль Нофри (*Nofri* 2019). По словам историка, современная Франция чествует в Наполеоне своего создателя, а Франция вечная празднует юбилей одного из своих самых аутентичных героев. Бонапарт произвел настоящий переворот в мире и для мира. Переворот политический, военный и институциональный, но также нравственный, философский и гуманитарный. Его имя и память о нем синонимичны действию, взлету и быстроте (Ibid.).

По словам Г. Нофри, все усилия Наполеона были направлены на восстановление государства, т. е. на то, чтобы позволить стране возобновить нормальный ход своего развития. Наполеон, по его мнению, был не только символом беспорядка и потрясения, но и человеком стабильности и порядка. Для Франции он остается автором ее кардинальной трансформации, совершенной в сложнейший исторический момент. Наполеон, утверждает историк, «олицетворяет собой возвращение к национальной гармонии» (Ibid.).

В 2018 г. вышла книга Артура Шевалье под названием «Наполеон без Бонапарта» (*Chevallier* 2018b). Это уже вторая книга о Наполеоне автора, родившегося в 1990 г. В интервью обозревателю «Le Figaro» Александру Вевечио от 12 октября 2018 г. издатель и писатель поделился своим мнением о Наполеоне.

Вечерняя площадь Фоша

Наполеон Бонапарт — это не только реальный человек, это миф, который начал конструировать он сам. Или, как верно заметил Пьер Бранда, миф начинает конструироваться еще с колыбели его матерью Летицией (Napoléon, la naissance d'un mythe 2019). Со временем же Наполеон реальный и Наполеон мифологический, Наполеон художественный образ переплелись настолько, что их стало трудно различить.

А. Шевалье же не видит в Наполеоне ничего мистического. По его словам, «интерес к жизни Наполеона заключается как раз в том, что в ней не было ничего легендарного, чудесного и мистического. Она объяснима. Наполеон не является героем притчи,

он человек, который максимально раздвинул пределы истории, написанной для него. Он стучал ногами в двери, и они открывались. Он доказал, что ни один человек никогда не был столь прекрасен, как в момент, когда он бросал вызов своей собственной судьбе, когда отказывался играть роль, написанную для него учителями и отцами» (*Chevallier* 2018a). То есть, хоть это и американизм, но Наполеон — это типичный пример *self made man*. Так Наполеона воспринимают современные французы (и значки с такой надписью можно приобрести в сувенирных магазинах Аяччо), так его воспринимали солдаты Великой армии, хотя для них, конечно, он был не только отцом, но и Богом (вспомним «Сельского врача» Оноре Бальзака). То есть это человек, который сам себя сделал и который, как справедливо заметил Пьер Бранда, даже свои неудачи умел скрывать и превращать в успех (Napoléon, la naissance d'un mythe 2019).

Наполеон для А. Шевалье — это не миф, а модель. При этом он считает наполеоновское правление не завершением революции, а ее кульминацией. «Революция обязана сохранением своей модели, авторитетом своей политики и воплощением своих амбиций Наполеону I». Что касается войн Империи, то автор склонен их воспринимать в качестве продолжения войн Французской революции и, как и его старшие коллеги, не считает нужным их стыдиться (*Chevallier* 2018a).

Эти изменения весьма показательны: Наполеон вновь начинает восприниматься целостно. Ведь, как правило, долгие годы его личность фрагментировалась: и политиками, и историками он не воспринимается как единый человек: Бонапарт и Наполеон — это две разные планеты. Если с генералом Бонапартом связывались позитивные завоевания Революции, то император Наполеон являлся ее обратной стороной, эксцессом. Теперь же, на мой взгляд, происходит определенное возвращение к оценкам, свойственным временам Шарля де Голля и Жоржа Помпиду. Президент Помпиду, выступая 15 августа 1969 г. в Аяччо, подчеркнул, что Наполеон для него — это не только человек Революции, но человек порядка и государственной власти[4]. И в целом, если мы сравним выступление Помпиду и высказывания современных французских историков и ряда политиков, то они очень похожи, а слова президента Помпиду, произнесенные в Аяччо, очень созвучны сегодняшним настроениям: «За несколько лет, почти за несколько месяцев, Первый консул создал современное французское государство» (Napoléon, de l'histoire à la légende 2000: 441).

***

Меняется ситуация и в образовании, в начальной, средней и высшей школе. Ведь вплоть до недавнего времени Наполеону не было места ни в школе, ни в университете. Ведущий и старейший наполеоновед Франции Жан Тюлар, с именем которого как раз и связаны перемены в университете, в интервью газете

[4] Полный текст выступления Ж. Помпиду см.: (Napoléon, de l'histoire à la légende 2000).

«Le Monde» с сожалением отметил, что в современном университетском пространстве Наполеон не находит себе места (*Tulard* 2019). Ведь наполеоновская проблематика, как и в целом проблематика Французской революции, политически ангажирована, и университет в полной мере отражает эту ситуацию. Левые политики не принимают наследие Наполеона, и левые историки тоже. Например, университет Гренобля, который считается левым в плане политической ориентации, «изгоняет» Наполеона из учебной программы, студенты почти не изучают наполеоновскую эпоху, да и специалистов по этому периоду нет, а для университетской профессуры Наполеон никогда не являлся приоритетной темой.

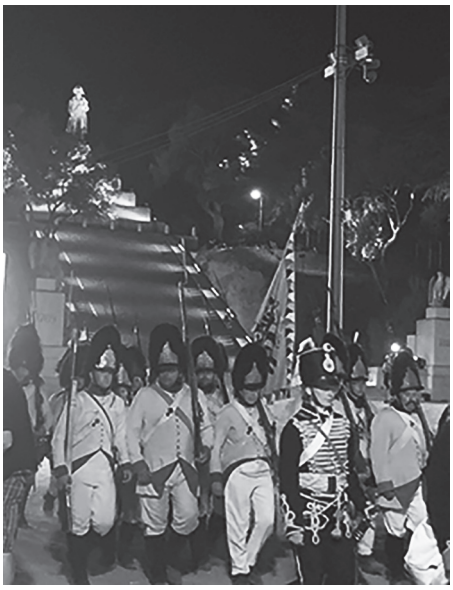
Сходная ситуация наблюдалась до последнего времени и в средней школе. Первой империи уделялось очень мало внимания в школьных программах. По словам историка Ксавье Модюи, автора книги «Человек, который хотел всего» (*Mauduit* 2015), несмотря на десятки тысяч томов, посвященных Первой империи (Жан Тюлар подсчитал, что каждый день со времени смерти императора в мире появляется новая работа о нем), история Наполеона может быть резюмирована в нескольких строках. Например, в учебнике начальной школы 1950-х гг. история Наполеона была построена на двух тезисах: «Генерал Бонапарт выиграл все битвы. Он этим воспользовался, чтобы стать императором». И далее: «История императора Наполеона окончилась плохо. Это происходит со всеми, кто подавляет свободу». В другом

Площадь де Голля. Сбор реконструкторов

учебнике содержится такое резюме: «Наполеон I, став императором в 1804 г., победил австрийцев, пруссаков, русских, но никогда не смог победить Англию. Но в итоге именно англичанам он и достался» (Ibid.: 8).

Сейчас ситуация начала меняться. По словам Тьерри Ленца, Наполеон возвращается на первый план в школьные программы, прежде всего в начальные классы (там теперь отводится от 11 до 13 часов на тему «Французская революция и Империя: новая концепция нации»). Тьерри Ленц возлагает надежды на министра образования Жана-Мишеля Бланке, который выступает за меньшую политизированность школьных программ. По словам историка, школьники не только откроют для себя Наполеона, но и в целом весь XIX в. французской истории, который «выпадал»

Реконструкция Аустерлицкого сражения

из учебных программ. Как отмечает Тьерри Ленц, ученики весьма удивятся, узнав, что во Франции между 1800 и 1870 гг. произошло еще кое-что, кроме завоевания Алжира. Не случайно статья в «Le Point» называется так: «С 1 сентября ученики узнают немного больше о Наполеоне». Важно еще научить и преподавателей, которые во время своей учебы также получили совсем немного знаний о Консульстве и Империи, Реставрации и Июльской монархии (поэтому на сайте Фонда Наполеона (https://www.napoleon.org/) есть много информации, полезной для преподавателей).

Да и самим историкам есть что изучать, ведь наполеоновская проблематика не была долгие годы приоритетной: изучали прежде всего Французскую революцию, но без Наполеона. Благодаря Жану Тюлару и его ученикам, а также Франсуа Фюре и его ученикам Наполеон обретает свое место в научном пространстве. По словам Тьери Ленца, сейчас обращаются к сюжетам, которые прежде считались банальными: политическая, административная, дипломатическая, юридическая и социальная история Наполеона, не говоря уже о военной истории. Вот уже на протяжении десяти лет Фонд Наполеона выделяет семь ежегодных стипендий. По мнению историка, досадно, что только сейчас пришли к осознанию того, что изучение наполеоновской эпохи как переходной между старым порядком и новой, революционной и постреволюционной Францией необходимо для понимания истории страны как таковой (*Lentz* 2019).

По словам Жана Тюлара, современная Франция, несмотря на отторжение Наполеона политическими элитами, остается «глубоко наполеоновской». «Территориальное, политическое, законодательное, институциональное наследие Наполеона для французского общества и мира в целом объективно беспрецедентно», — отмечает историк (*Tulard* 2019).

«Несмотря на все за и против, современная Франция — это он», — утверждает Пьер Бранда. Непосредственные достижения правления Наполеона являются неразрывной частью его магнетизма и его ауры. А «маленький капрал» является создателем современного государства. По окончании бакалавриата, лицеисты могут благодарить (или упрекать) императора, который был создателем и лицея, и бакалав-

риата. Префекты — Наполеон. Банк Франции? Тоже Наполеон, и таких примеров можно привести множество, —продолжает Пьер Бранда (Napoléon, la naissance d'un mythe 2019).

Не столь однозначно негативны и оценки европейской политики Наполеона. Если еще пять лет назад вспоминать о Наполеоне, покорившем Европу силой оружия, было неполиткорректно, то теперь такие заголовки, пусть и с вопросительным знаком, как «Наполеон — отец Европы?», воспринимаются не так скептично, как и размышления Наполеона о «федералистской европейской системе». Теперь историки говорят, что европейские планы Наполеона были созвучны идее Римского договора. «Он начинает воображать судьбу Европы по Римскому договору, с общей армией, экономикой и монетным союзом, с франком, который сейчас еще используется в Швейцарии» (Ibid.).

***

2019 г. был отмечен целым рядом научных мероприятий: выставки, конференции, лекции, мероприятия реконструкторов. Фонд Наполеона совместно с Музеем армии организовал подписку по сбору средств (по словам президента Фонда Наполеона Виктора-Андре Массена, требуется 800 тыс. евро) для реставрации могилы Наполеона в Соборе инвалидов к двухсотлетнему юбилею со дня смерти Наполеона (La Revue du souvenir napoléonien 2019: 78). Это важно, ведь каждый год, как подчеркнул президент Фонда Наполеона, могилу Наполеона посещает 1 млн туристов (Ibid.). 1 июня 2019 г. в Париже состоялась церемония в честь сына Наполеона, герцога Рейхштадтского, ушедшего из жизни 22 июня 1832 г., а 22 июля общество «le Souvenir napoléonien» организовало торжественную процессию к его могиле в Соборе инвалидов. 5 июля в Виттеле состоялся коллоквиум «Наполеон и образ», посвященный образу Наполеона в массовом сознании и пропаганде. В Аяччо, на родине Наполеона, с 13 по 15 августа, как уже отмечалось, была организована целая серия мероприятий. 15 августа торжественная церемония состоялась в Соборе инвалидов. Ассоциация имперских городов, созданная в 2011 г. в замке Жозефины Богарне Мальмезон и объединяющая 18 городов, среди которых Ницца, Ля-Рош-сюр-Йон, Рамбуйе, Сен-Клу, Шатору, Биарриц, Аяччо, учредила литературную премию за лучший роман

Месса в кафедральном соборе Аяччо 15 августа

Возложение цветов у «Дома Бонапарта»

о Наполеоне и Первой империи. Уже состоялся целый ряд научных конференций, в том числе международных. В частности, 8–13 июля в Гренобле проходил 17-й конгресс Международного наполеоновского общества. И это далеко не полный список. Появился целый ряд новых книг известных историков: Ж. Тюлара, Т. Ленца, П. Бранда и др. Драма Эдмона Ростана «Орленок» со времен ее создания в 1900 г., с Сарой Бернар в роли сына Наполеона, является одной из самых известных пьес французского репертуара, хотя, парадоксально, ставится очень редко. Однако в августе 2019 г. на разных сценах она шла семь раз (Ibid.: 58). Весьма популярна новая версия компьютерной игры о Наполеоне «Napoleonic Total War III» (Ibid.: 66–67).

То есть интерес к имени и наследию Наполеона не затихает, а французский народ превратил его в одного из своих популярнейших национальных героев. Тьерри Ленц в своем интервью отметил, что он поражен популярностью Наполеона и его дела. Книги о Наполеоне прекрасно раскупаются, места памяти активно посещаются, события, посвященные императорскому периоду, имеют сумасшедший успех, залы конференций и публичных лекций переполнены. В 2015 г. реконструкция битвы при Ватерлоо мобилизовала 5 тыс. людей в униформе, причем все это были добровольцы, и собрала 120 тыс. зрителей (*Lentz* 2019).

Власти Франции вполне готовы использовать незатихающий интерес к имени Наполеона, ставшего общепризнанным и весьма прибыльным брендом. Об этом свидетельствует развитие наполеоновского туризма; многочисленные наполеоновские сувениры, продающиеся в магазинах Аяччо, в сувенирных лавках Музея армии и дворца Фонтенбло обоснованы скорее логикой бизнеса, чем духом празднований. В Монтерё, департаменте Луаре, в 2021 г. планируют открыть историческую деревню, посвященную императору. Работы оценены в 200 млн евро, для парка уже выделено 200 га вдоль линии TGV Париж – Марсель, а работы курируют Шарль Наполеон и Ж.-О. Будон (правда, как полагает П. Бранда, вряд ли парк будет открыт к 2021 г.). Кроме того, на Святой Елене с 2017 г. функционирует аэропорт – «самый бесполезный аэропорт в мире», как его окрестили журналисты, – все это французские власти вполне готовы использовать.

При том что Наполеон — это национальный бренд, нельзя сказать, что общество когерентно в своей оценке Наполеона; как политические элиты и историческое сообщество, оно тоже разделено, и отношение политизированных французов к Наполеону неоднозначно. Этот раскол имеет как политический ракурс: левые не принимают наполеоновское наследие, так и возрастной: поколение старше сорока относится к Наполеону терпимее, нежели молодежь. В целом из бесед с французскими коллегами и друзьями у меня сложилось мнение, что у каждого есть свой Наполеон... Вот, например, мнение парижанина Тьерри Коллежья, приехавшего в Аяччо специально на юбилей. Тьерри — большой поклонник императора и организатор туристических маршрутов по Парижу времен Революции и Империи. По словам Тьерри, многочисленные туристы, приехавшие в Аяччо за своей порцией моря и солнца, получили гораздо больше, а «торжества должны напомнить французам и иностранным туристам о заслугах Наполеона: он вывел Францию из десятилетнего революционного хаоса, осуществил реформы с целью модернизации общества и государства, создал институты, эффективно функционирующие по сей день; способствовал развитию меритократии вместо традиционных привилегий старого порядка, связанных с происхождением». Конечно, продолжает Тьерри, «Наполеон вверг Францию в невероятную и незабываемую авантюру, но без этого не было бы целого поколения писателей-романтиков, таких как Гюго, Бальзак, Стендаль и т. д.». И, подводя итог, Тьерри Коллежья привел высказывание Шарля де Голля: «Невозможно измерить все то, что Наполеон сделал для престижа Франции». Как видим, Тьерри почти дословно повторяет то, о чем писали упоминавшиеся выше историки и политики.

Принц Жан-Кристоф Наполеон Бонапарт на площади Фоша

А вот мнение жителя Аяччо, бывшего учителя, а ныне пенсионера Жака Шарлона, активно участвующего в общественной и культурной жизни города. «Наполеон I! Кому не знакомо имя этого крупного политического и военного деятеля! О нем опубликованы сотни тысяч работ, и историки пишут как хорошее, так и плохое о Наполеоне, не прекращая его то восхвалять, то хулить. Его история настолько увлекательна, что не оставляет нас. Что касается меня лично, то "наполеоновская душа" сопровождает меня, можно сказать, с колыбели. И я горжусь тем, что 250-летний юби-

лей императора был торжественно отпразднован в его родном городе, Аяччо. Это был незабываемый праздник для всех!» Отмечу, и Тьерри Коллежья, и Жак Шарлон закончили свои размышления одной и той же фразой: «Vive l'Empereur!»

***

Какой же итог можно подвести? Наполеон продолжает разделять французов. В то же время 250-летний юбилей показал, что ситуация в обществе меняется. Это касается и политической элиты, и системы образования, и состояния исторической науки. Наполеон возвращается в Историю, частью которой он не просто являлся, он создавал ее, как создавал современное французское государство. Наполеон дал французам чувство национальной гордости и национального величия. Президент де Голль в беседе с Андре Мальро замечательно сказал об этом: «Он оставил Францию меньшей, чем он ее нашел, это так... Но это как с Версалем: его надо было создавать. Нельзя торговать величием» (*Malraux* 1971: 102). Вот и современные французы, на мой взгляд, снова хотят ощутить это чувство величия, как раньше, при Наполеоне и де Голле, а не быть просто младшим партнером заокеанских друзей. Об этом совсем недавно заявил и президент Макрон. Поэтому абсолютно прав Тьерри Ленц, утверждая, что Наполеон — это не только прошлое. Переосмысление роли и места Наполеона в истории является, в определенной мере, переосмыслением роли и места Франции в объединенной Европе и формирующемся многополярном мире.

Осталось подождать совсем немного, юбилея 2021 г., чтобы проверить, насколько глубоки эти изменения. Конечно, вряд ли огромный поток туристов хлынет на Святую Елену. Хотя, кто знает, ведь как говорил корсиканец Наполеон Бонапарт, «невозможное — это не по-французски». А это очень льстит национальному самолюбию.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Стыдится ли Франция Наполеона? 2019 — Стыдится ли Франция Наполеона? URL: http://m.ru.rfi.fr/frantsiya/20190817-styditsya-li-frantsiya-napoleona.

Chevallier 2018a — *Chevallier A.* Napoléon a été le héros des classes populaires // Le Figaro. 10.12.2018. URL: http://www.lefigaro.fr/vox/histoire/2018/10/12/31005-20181012ARTFIG00339-napoleon-a-ete-le-heros-des-classes-populaires.php.

La Revue du souvenir napoléonien 2019 — La Revue du souvenir napoléonien. 2019. № 93.

Lentz 2019 — *Lentz T.* À la rentrée, les élèves vont découvrir un peu mieux Napoléon // Le Point. 15.08.2019. URL: https://www.lepoint.fr/histoire/thierry-lentz-les-elites-ont-souvent-le-napoleon-honteux-15-08-2019-2329965_1615.php.

Napoléon, la naissance d'un mythe 2019 — Napoléon, la naissance d'un mythe // La Nouvelle republique. 11.08.2019. URL: https://www.lanouvellerepublique.fr/a-la-une/napoleon-la-naissance-d-un mythe?fbclid=IwAR0JRJTNwwcOaq3LVayq-doHrIbyPywgjNHUW5Div6g05lYdJqFmj39QJaU.

Nofri 2019 — *Nofri G.* On a la tête qui tourne à l'évocation de tout ce que Napoléon a entrepris // Le Figaro. 22.08.2019. URL:

http://www.lefigaro.fr/vox/histoire/on-a-la-tete-qui-tourne-a-l-evocation-de-tout-ce-que-napoleon-a-entrepris-20190815.

Tulard 2019 — *Tulard J.* La BD est devenue un véhicule de la culture historique // Le Monde. 2019. 9 janvier.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вильпен 2003 — *Вильпен де Д.* Сто дней, или Дух самопожертвования. М., 2003.

Таньшина 2019 – *Таньшина Н. П.* Наполеон Бонапарт в исторической памяти: между мифом, брендом и легендой // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 146–166.

Chevallier 2018b — *Chevallier A.* Napoléon sans Bonaparte. Paris, 2018.

Jospin 2014 — *Jospin L.* Le Mal napoléonien. Paris, 2014.

Kern 2016 – *Kern E.* Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du premier empire. Paris, 2016.

Lentz 2015 — *Lentz T.* Napoléon et la France. Paris, 2015.

Malraux 1971 — *Malraux A.* Les chenes qu'on abat. Paris, 1971.

Mauduit 2015 — *Mauduit X.* L'homme qui voulait tout. Napoléon, faste et propagande. Paris, 2015.

Napoléon, de l'histoire à la légende 2000 — Napoléon, de l'histoire à la légende: actes du colloque des 30 novembre et 1er décembre 1999, organisé par le Musée de l'armée, Hôtel national des Invalides. Paris, 2000.

250 YEARS FOR NAPOLEON BONOPARTE: IN THE WAKE OF THE JUBILEE

Tanshina Nataliya P. — Dr. Hab. (History), professor of the General History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher of the Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies at the Faculty of History, State academic university for the humanities; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Key words: historical memory, historical consciousness, mass consciousness, Napoleon Bonaparte, Napoleon's 250th anniversary, the First Empire.

Abstract. The article is devoted to the study of the transformation of the historical memory about Napoleon Bonaparte on the basis of the analysis of anniversary events dedicated to the 250th anniversary of his birth. The article is based on a wide range of recent sources: the interviews of leading French historians published in the days of the anniversary celebration; the materials of personal conversations of the author with French researchers, as well as personal observations of the studied events in the days of Napoleon Bonaparte's jubilee in Ajaccio on August 13–15, 2019. The article provides a comparative analysis of the anniversary celebrations (associated with the 200th anniversary of the First Empire) and commemorations (dedicated to the 250th anniversary of Napoleon) and analyzes the changes taking place in the mass and historical consciousness of the French in recent years.

REFERENCES

Chevallier A. *Napoléon sans Bonaparte*. Paris, 2018.

Jospin L. *Le Mal napoléonien*. Paris, 2014.

Kern E. *Napoléon. Deukh cents ans de légende. Histoire de la mémoire du premier empire*. Paris, 2016.

Lentz T. *Napoléon et la France*. Paris, 2015.

Malraux A. *Les chenes qu'on abat*. Paris, 1971.

Mauduit X. *L'homme qui voulait tout. Napoléon, faste et propagande*. Paris, 2015.

Napoléon, de l'histoire à la légende: actes du colloque des 30 novembre et 1er décembre 1999, organisé par le Musée de l'armée, Hôtel national des Invalides. Paris, 2000.

Tan'shina N.P. Napoleon Bonapart v istoricheskoi pamiati: mezhdu mifom, brendom i legendoi. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2019, no. 3, pp. 146–166.

Vil'pen de D. *Sto dnei, ili Dukh samopozhertvovaniia*. Moscow, 2003.

И. Р. Петров

ОБОРОНА БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ В 1939 г. И СВИДЕТЕЛЬСТВО КАПРАЛА ЯНА САМОСЮКА

Ключевые слова: Брест, Брестская крепость, Вторая мировая война, Гудериан, Кривошеин, передача Бреста 22.09.1939, польская кампания, Радзишевский.

Аннотация. В статье рассматривается свидетельство польского очевидца, на основании которого современные историки выдвигают версию о том, что защита Брестской крепости подразделениями польской армии в 1939 г. продолжалась до 27 сентября, т. е. ее обороняли сначала от немецких войск, а затем от советских. На основе привлеченных архивных материалов, в первую очередь журнала боевых действий XIX армейского корпуса вермахта, показывается недостоверность этого свидетельства. Также уточняются обстоятельства проведенного 22 сентября при передаче города торжественного марша немецких войск.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-267-274

С сюжетом, который будет обсуждаться в этой статье, русскоязычный читатель впервые познакомился в начале прошлого десятилетия. Белорусский историк Владимир Бешанов, рассказывая о защите польскими войсками Брестской крепости в сентябре 1939 г., писал (*Бешанов* 2004: 89–93)[1]:

«Поздним вечером [16 сентября], когда огонь немецкой артиллерии стал менее интенсивным, из крепости через Саперные ворота вышли командование и штаб обороны, маршевые батальоны 34-го и 35-го полков, караульные батальоны, артиллеристы, рота связи, обоз и машины с ранеными. С наступлением ночи дорога на Тересполь была запружена отступавшими польскими частями. Прикрывать отход остались солдаты 82-го маршевого батальона. <...>

© И. Р. Петров, 2019
Петров Игорь Романович — независимый исследователь (Мюнхен, Германия); ip2882@gmail.com
[1] Рассказ воспроизводится и в последующих переизданиях книги.

В Кобринском укреплении гремел бой. Два связных, посланных к капитану В. Радзишевскому с приказом отходить, не вернулись. Позднее выяснилось, что командир заявил своим подчиненным, что разрешает им отступить, но сам будет сражаться. Солдаты решили остаться на позициях вместе с ним. <...>

Ночью 17 сентября остатки батальона с одним орудием скрытно покинули позиции на Кобринском укреплении и, преодолев железнодорожное полотно, вновь заняли оборону в форту Сикорского. В течение двух суток немцы занимались очисткой крепости и, считая, что форт пуст, не обращали на него внимания.

19 сентября появился мотоциклетный патруль с парламентерами, предложившими полякам сдаться в связи с бессмысленностью дальнейшего сопротивления. Это предложение не было принято. Германские солдаты блокировали форт, установили несколько гаубиц и с утра 20 сентября начали систематический обстрел укреплений. Однако артиллерийский огонь фугасными снарядами среднего калибра не мог причинить гарнизону особых потерь, а пехота противника не атаковала. Форт находился на хорошо просматриваемой и простреливаемой с высоких валов открытой местности, и генерал Гудериан решил передать эту "занозу" русским.

Вечером 22 сентября после мощного артиллерийского налета в форт попытались ворваться два советских бронеавтомобиля. Первый из них поляки подожгли выстрелом из пушки, второй свалился в ров. Затем в атаку трижды поднималась советская пехота. Каждый раз она несла потери. 23 сентября "братья по оружию" были заняты приемосдачей Бреста и крепости. 24-го и 25-го вновь были предприняты попытки овладеть фортом Сикорского атаками с разных направлений.

Наконец, 26 сентября советские военачальники подошли к делу серьезно: была применена тяжелая артиллерия и предпринят массированный штурм. Защитники форта в этот день понесли тяжелые потери, но снова удержали позиции. Вечером перед фортом появились советские парламентеры, выразившие "недоумение" по поводу сопротивления польских солдат, ведь Красная Армия пришла, чтобы помочь полякам, а потому они должны сложить оружие и сдаться. На это В. Радзишевский ответил, что если русские не являются врагами, то должны оставить в покое польский форт. Однако все ресурсы обороняющихся были исчерпаны. Ночью капитан собрал последних защитников, поблагодарил за службу и посоветовал всем способным передвигаться самостоятельно пробираться домой. К утру в форту остались только тяжелораненые. Капитан В. Радзишевский с небольшой группой добрался до деревни Мухавец. Здесь в доме местной жительницы они переоделись в гражданскую одежду, оставили документы и разошлись в разные стороны. Радзишевский направился в Брест, а затем в Кобрин, где должна была находиться

его семья. Он нашел жену и дочь, но скоро по доносу был арестован, передан в НКВД [и впоследствии расстрелян в Катыни]».

Практически ту же версию повторил в своей статье в газете «Rzeczpospolita» и польский историк Анджей Пшевозник (*Przewo nik* 2010), со ссылкой на которого она вкратце воспроизведена даже в катынском мартирологе (Убиты в Катыни 2015: 624).

Первоисточником этого яркого и безусловно сенсационного рассказа является изданная в 1992 г. книга польского исследователя истории Брестской крепости Ежи Сроки (*Sroka* 1992: 99–101). В ней приводятся показания бывшего капрала Яна Самосюка от 5 сентября 1981 г. (Ibid.: 152), и изложение Бешанова является слегка адаптированным пересказом свидетельства Самосюка.

К обсуждению книги Сроки мы вернемся чуть позже, а пока попробуем верифицировать показания Самосюка по другим источникам. Около полудня 23 сентября (т. е. на следующий день после вступления в город) командир 29-й танковой бригады С. М. Кривошеин отправил в штаб советской 4-й армии следующее донесение (*Мельтюхов* 2009: 414)[2]:

«К 13:00 22.9.39 бригада после 90 км марша сосредоточилась у входа в Брест-Литовск. В 16:00 (точно по времени, установленному протоколом) вступил с бригадой в город, где прошла процедура замены флагов и приветствия германских войск. Из частей германской армии остались до 12:00 23.9 отд[ельные] мелкие части, которые сейчас уже выходят. Ночь в городе прошла спокойно. Пехота — полк. т. Фомина прибывал с 22:00 22.9 до 10:00 23.9. Бронепоезд прибыл в 22:00 22.9. Поставил требование герм[анскому] командованию освободить линию Высоко-Литовск, Клец не позже 12:00 24.9. Состояние мат[ериальной] части бригады на пределе износа, машины проработали в среднем до 100 часов без серьезных осмотров. Необходимо дать для бригады 3 дня на приведение в порядок мат[ериальной] части. Срочно выслать зап[асные] части Т-26, особенно моторы (необходимо 45). По-прежнему плохо с бензином и маслом. Прошу направить по ж[елезной] д[ороге] цистерны с горюче-смазочными материалами. Настроение людей отличное. Потерь нет. Аморальных явлений нет. Организация власти идет очень медленно и плохо. Наших людей, обеспечивающих это, нет. Необходимо в Брест срочно выслать нужных работников. Немцы все магазины и учреждения разграбили даже с казармами и крепостью. Бригаду расположил в казармах польского бронедивизиона. Жду Вашего приказа».

Итак, вопреки рассказу Самосюка советский комбриг ничего не знает ни о неудавшемся штурме форта прошлым вечером, при котором якобы были потеряны два бронеавтомобиля, ни о потерях советских войск. На этом можно было

[2] Благодарю уваж. П. Козлова за указание на источник.

бы поставить точку, однако предположим несколько конспирологический вариант искажения или утаивания информации в советских источниках и обратимся к источникам немецким, а именно к журналу боевых действий XIX армейского корпуса, который осаждал Брестскую крепость в 1939 г.

Вечером 14 сентября наступавшая с северо-востока 10-я танковая дивизия вермахта овладела городом Брест, но не крепостью, которую продолжала защищать польская армия. С наступлением темноты 20-я пехотная моторизованная дивизия вермахта подошла к крепости с севера, остановившись у железнодорожной насыпи. По приказу генерал-лейтенанта Хайнца Гудериана, командующего XIX корпусом (в состав которого входили обе дивизии), с утра 15 сентября начался артобстрел, а за ним и штурм крепости. Вскоре стало ясно, что крепость сдаваться не собирается: немецкое наступление забуксовало, дважды поляки даже контратаковали позиции передового немецкого полка, вновь отступившего к железнодорожной насыпи (Bericht über die Kämpfe...).

Следующая попытка штурма была предпринята на следующее утро. Видя, что и она грозит захлебнуться, Гудериан лично отправился под стены крепости, что стоило жизни его адъютанту подполковнику Браубаху, смертельно раненому ружейным выстрелом (КТВ XIX А.К.)[3]. Лишь одной немецкой роте удалось пробиться с севера до внутренней стены крепости, но и она из-за недостатка боеприпасов была вынуждена отступить, потеряв половину личного состава. Ближе к вечеру Гудериан принимает решение отказаться от штурма до подхода дополнительной артиллерии и приступить к осаде крепости. В вечерней сводке особо отмечается упорство, с которым поляки защищают крепость, не обращая внимания на артобстрел.

Но — к изумлению Гудериана — на следующее утро оказывается, что ночью все польские офицеры покинули крепость — приказ об отступлении на запад в направлении Тересполя отдал начальник крепостного гарнизона генерал К. Плисовский (*Sroka* 1992: 88, 90), — а оставшиеся в ней солдаты прекратили сопротивление. Таким образом, ранним утром 17 сентября немецкие войска вошли в Брестскую крепость с запада (20-я дивизия) и с северо-востока (10-я танковая дивизия).

Однако в других населенных пунктах польские войска продолжали сопротивление. В частности, еще две дивизии XIX корпуса были остановлены: 3-я танковая перед Влодавой (к югу от Бреста), а 2-я пехотная перед Кобрином (к востоку от Бреста). Кроме того, к северу от Бреста (в районе Высокого) немецкому тылу угрожали польские кавалеристы, стремившиеся прорваться в Беловежскую Пущу. Командующий корпусом приказал 20-й дивизии остаться в Бресте (ответственность за крепость возлагалась при этом на 76-й пехотный полк), а 10-й танковой отойти из города на северо-восток, в Турну.

[3] Последующее изложение основывается на том же источнике.

В тот же день Гудериан узнал (сначала из радиосообщения) о вступлении на территорию Польши советских войск и получил приказ установить демаркационную линию Владимир-Волынский — Влодава — Брест — Каменец — Белосток. 18 сентября разведбатальону 20-й дивизии в Залесье (к западу от Бреста) пришлось отражать нападение польского отряда, поддержанного местными жителями. К вечеру того же дня 2-й пехотной дивизии после упорного сопротивления удалось взять Кобрин, 3-я танковая дивизия, взяв Влодаву, наступала на Савин и Любомль, где шли тяжелые бои, которые продолжались и на следующее утро. 2-я дивизия тем временем получила приказ о передислокации на запад от Бреста (т. к. Кобрин находился за демаркационной линией).

Во второй половине дня 19 сентября в Пугачево (юго-восточная окраина Бреста) прибыли три поезда с вооруженными поляками (которые, очевидно, рассчитывали избежать советского плена, попав в немецкий), на разоружение которых 20-я дивизия направила один из своих батальонов. Вечером Гудериан фиксирует, что противник фактически прекратил сопротивление, тем не менее потери 3-й танковой дивизии за этот день составили 154 человека. Последний сравнительно крупный польский отряд в немецком тылу был обнаружен утром 20 сентября в Виляново (к западу от Высокого): 60–80 кавалеристов, 11 офицеров и радиостанция.

Примерно в то же время с приехавшим в Брест советским комиссаром обсуждалась точная демаркационная линия, фотограф из роты пропаганды сделал снимок склонившегося над картой комиссара. Авиаразведка сообщила о вооруженных польских колоннах к югу от Хелма (Холма), но это была уже не зона ответственности корпуса, и 3-я танковая дивизия получила приказ отходить в Бяла-Подляску.

21 сентября немецкие части оттягивались за демаркационную линию, а в Брест прибыла направленная Кривошеиным советская комиссия в составе капитана Губанова и батальонного комиссара Панова. Они пообедали вместе с немецкими офицерами и составили план передачи города, которую запланировали на следующий день. По этому плану советский батальон, которому будут переданы город и крепость, должен прибыть в 8 утра (здесь и далее время немецкое), на 14 часов была намечена праздничная церемония передачи города (в русском черновике соглашения фигурирует слово «парад», в немецком оригинале Vorbeimarsch, т. е. «прохождение торжественным маршем» (Vereinbarung...)), после чего немецкие войска должны были покинуть Брест, оставляя нетранспортабельных больных (которых должны эвакуировать позже) и передавая советской стороне польских военнопленных.

Однако 22 сентября передовая группа русских войск прибыла в Брест лишь около 11 утра, объясняя опоздание тем, что покинутый немцами Кобрин был снова занят поляками и уже направлявшейся в Брест колонне пришлось повернуть назад.

При обсуждении деталей парада-марша Кривошеин настоял на том, что советская сторона будет в нем участвовать лишь в качестве зрителей («иначе советские экипажи не увидят прохождения немецких войск»), хотя и выставит свой военный оркестр в дополнение к немецкому. В итоге с получасовым опозданием мимо Гудериана и Кривошеина прошел полк 20-й дивизии вермахта, усиленный разведбатальоном и двумя артдивизионами (KTB XIX A. K.) Присутствующие в качестве зрителей советские танкисты, равно как и советский военный оркестр из 8 человек, произвели не самое благоприятное впечатление на Гудериана (роль оркестра на самом деле выполнял взвод регулировщиков, обученных игре на духовых инструментах (*Кривошеин* 1962: 234)).

К слову: несмотря на все предосторожности и назначенных офицеров связи на следующий день, 23 сентября, между немецкими и советскими войсками произошло боестолкновение: под Видомлей небольшой отряд советских кавалеристов напал на разведбатальон 10-й танковой дивизии: и те, и другие приняли визави за поляков — кавалеристы потеряли двух человек убитыми и двух ранеными (Bericht über den Zusammenstoß...).

Но вернемся к свидетельству капрала Яна Самосюка. Уже сам его публикатор Ежи Срока выразил (проигнорированное Бешановым при републикации) сомнение в географической привязке рассказа: дело в том, что форт Сикорского, он же форт Граф Берг, расположен к северу от Брестской крепости, именно оттуда наступала 20-я пехотная дивизия вермахта: пройти незамеченными сквозь их позиции, да еще катя с собой орудие, справедливо представлялось Сроке невозможным. Поэтому он собственной волей перемещает место действия рассказа Самосюка из форта Сикорского в форт № V, расположенный к югу от крепости (*Sroka* 1992: 101, 102).

Однако ознакомление с документами XIX армейского корпуса вермахта ставит крест и на этой версии: как сказано выше, в журнале боевых действий скрупулезно отмечались любые, самые незначительные сообщения об обнаружении польских отрядов в немецком тылу, но ни о каких поляках, обороняющих тот или иной форт Брестской крепости, нет ни слова. А ведь по рассказу Самосюка, немцы сначала посылают к форту мотоциклетный патруль с парламентерами, затем устанавливают гаубицы и обстреливают форт — все это обязано было отразиться в журнале. К тому же в крепости с каждым днем росло число военнопленных — от тысячи утром 17 сентября до семи тысяч к вечеру 21 сентября (KTB XIX A. K.), и вооруженная группа в непосредственной близости от них представляла более чем серьезную угрозу безопасности немецких тылов, в том числе — после 22 сентября — оставленным в Бресте тяжелораненым немецким солдатам. Наконец, ни в каких документах о передаче города нет ни слова об отряде Радзишевского, так что если бы советские войска действительно бы начали штурмовать форт уже вечером

22 сентября, т. е. непосредственно после ухода немецких войск, то для предварительного обнаружения этого отряда им бы пришлось прибегнуть к телепатии.

Недаром в рассказе Самосюка усомнился другой польский исследователь истории Брестской крепости, Йозеф Гереш (*Geresz* 1994: 54). Наконец, согласно еще одному свидетельству, опубликованному тем же Срокой, жительница деревни Муравец, расположенной к югу от Бреста, Анна Требик встретила капитана Радзишевского в сопровождении нескольких солдат и офицеров в кустах у берега Буга утром 18 сентября. Они оставили у нее свои документы (впоследствии ставшие достоянием историков (*Sroka* 1992: 103)), поели, переоделись в гражданскую одежду и с наступлением сумрака ушли. Дата 18 сентября повторена в свидетельстве Требик дважды (*Kinski*: 1994: 463) — либо она на день ошиблась, и речь идет об утре предыдущего дня, либо Радзишевский и его товарищи, не успев выйти из крепости на запад с основными силами, вышли из нее на юг и днем 17 сентября скрывались где-то к югу от крепости. Показательно, что Срока, приводя содержательную часть свидетельства Требик, дату игнорирует вовсе (*Sroka* 1992: 103). Предполагать, что Радзишевский и его спутники переоделись в гражданскую одежду с тем, чтобы снова вернуться в крепостной форт и его защищать, было бы нелепо.

Итак, свидетельство капрала Яна Самосюка, на фундаменте которого историк Ежи Срока и его эпигон Владимир Бешанов построили миф о двухнедельной защите Брестской крепости в 1939 г., представляется недостоверным. В его географической привязке сомневался даже сам публикатор, привлечение же немецких первичных документов и свидетельства Анны Требик опровергает как его фактологическую, так и временную привязки. На участке XIX армейского корпуса вермахта польские войска продолжали упорное сопротивление до 20 сентября, нанеся немалый урон 3-й танковой дивизии, но это происходило не в Бресте, а к югу от него, между Влодавой и Хелмом.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Кривошеин 1962 — *Кривошеин С. М.*. Ратная быль: записки командира механизированного корпуса. М.: Молодая Гвардия, 1962.

Bericht über die Kämpfe... — Bericht über die Kämpfe um die Zitadelle von Brest-Ltowsk vom 14.9–17.9.39. Bundesarchiv Freiburg, RH 21–2/18. Bl. 34–36.

Bericht über den Zusammenstoß...– Bericht über den Zusammenstoß mit russischen Streitkräften am 23.9.39 // ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12478. Д. 82. Л. 20.

КТВ XIX А. К. — Bundesarchiv Freiburg, RH 21-2/3.

Przewoźnik 2010 — *Przewoźnik A.* Ostatni obrońca Twierdzy Brześć // Rzeczpospolita. № 84 (8595). 10–11 апреля 2010 г.

Vereinbarung... — Vereinbarung über die Übergabe der Stadt Brest-Litovsk und das weitere Vorgehen der russ. Truppen // ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12474. Д. 286. ЛЛ. 10–17.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бешанов 2004 — *Бешанов В. В.* Брестская крепость. Минск: Беларусь, 2004.

Мельтюхов 2009 — *Мельтюхов М. И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. М.: Вече, 2009.

Убиты в Катыни 2015 — Убиты в Катыни. Книга Памяти польских военнопленных — узников Козельского лагеря НКВД, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года / сост. А. Э. Гурьянов, А. Рачинский, А. Дзенкевич. М.: Звенья, 2015.

Geresz 1994 — *Geresz J.* Twierdza niepokonana. wierdza niepokonana: obrona cytadeli w Brześciu nad Bugiem we wrześniu 1939 r. Biała Podlaska — Międzyrzec Podlaski, 1994.

Kinski 1994 — *Kinski J.* Pro Memoria / W. Radziszewski // Wojskowy przegląd historyczny. 1994. № 3.

Sroka 1992 — *Sroka J.* Obrońcy twierdzy brzeskiej we wrześniu 1939 roku. Biała Podlaska, 1992.

THE DEFENSE OF THE BREST FORTRESS IN 1939 AND THE TESTIMONY OF CORPORAL JAN SAMOSYUK

Petrov Igor R. — independent researcher (Munich, Germany)

Key words: Brest, Brest fortress, Guderian, handover of Brest on 22.09.1939, Krivoshein, Poland campaign, Radziszewski, Second World War.

Abstract. The article gives the evidence of a Polish eyewitness, which let the contemporary historians put forward the version that the defense of the Brest Fortress by units of the Polish army in 1939 lasted until September 27, i.e. it was first defended from German troops, and then from the Soviet. The article, based on the archival documents, primarily the military journal of the XIX Wehrmacht army corps, proves the unreliability of this evidence. The concrete circumstances of the solemn march of German troops held on September 22 during the city's transfer are also specified.

REFERENCES

Beshanov V.V. *Brestskaia krepost'*. Minsk: Belarus', 2004.

Geresz J. *Twierdza niepokonana. wierdza niepokonana: obrona cytadeli w Brześciu nad Bugiem we wrześniu 1939 r.* Biała Podlaska — Międzyrzec Podlaski, 1994.

Kinski J. Pro Memoria, W. Radziszewski. *Wojskowy przegląd historyczny*, 1994, no. 3.

Mel'tiukhov M.I. *17 sentiabria 1939. Sovetsko-pol'skie konflikty 1918–1939.* Moscow: Veche, 2009.

Sroka J. *Obrońcy twierdzy brzeskiej we wrześniu 1939 roku.* Biała Podlaska, 1992.

Ubity v Katyni. Kniga Pamiati pol'skikh voennoplennykh – uznikov Kozel'skogo lageria NKVD, rasstreliannykh po resheniiu Politbiuro TsK VKP(b) ot 5 marta 1940 goda, sost. A.E. Gur'ianov, A. Rachinskii, A. Dzenkevich. Moscow: Zven'ia, 2015.

И. И. Баринов

СМЕРТЬ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ: НОВЫЕ ВЕРСИИ УБИЙСТВА ГЕНЕРАЛА РОМАНОВСКОГО, 1920 г.

Ключевые слова: Белое движение, Иван Романовский, русская эмиграция, Константинополь.

Аннотация. Статья посвящена событиям вокруг убийства Ивана Романовского, белого генерала, одного из основателей Добровольческой армии, произошедшего в Константинополе весной 1920 г. По общепринятой версии, Романовский был убит террористом, мстившим ему за поражение белых армий. С подачи журналиста Романа Гуля, личность покушавшегося отождествляется с белым поручиком Мстиславом Харузиным. На основе ранее неизвестных документов производится попытка реконструировать события того дня и выдвигается несколько новых гипотез относительно произошедшего.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-275-286

Весной 1920 г. русская эмиграция оказалась взбудоражена убийством Ивана Романовского. Начальник штаба и ближайший соратник генерала Деникина был застрелен в здании русского посольства в Константинополе 23 марта (5 апреля по новому стилю), в день своего прибытия из Крыма. На фоне череды тяжелых поражений белых внезапная и загадочная гибель одного из организаторов Добровольческой армии смотрелась особенно зловеще. Через три дня, 26 марта, Романовский был похоронен на греческом кладбище в районе Шишли «неподалеку от церкви» (*Агапеев* 1927: 118–119), однако могила до наших дней не сохранилась. Очевидно, она была затеряна уже давно — в настоящее время русские захоронения раннего периода не выделяются (*Сигирджи* 2018: 207–215, 232–235). Также невозможно локализовать примерное место захоронения: как сообщили автору в конторе кладбища, записи 1920-х гг. погибли во время пожара еще в 1936 г.

Стоит отметить, что среди других руководителей Белого движения генерал Романовский остается

© И. И. Баринов, 2019
Баринов Игорь Игоревич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (Москва); barinovnoble@gmail.com

не очень известной фигурой. Тем не менее в личностном плане он являлся классическим представителем офицерской элиты старой армии. Широко образованный (выпускник Николаевской академии), имевший как боевой, так и штабной опыт, Романовский сочетал в себе черты педантичного администратора (в Главном штабе он занимался кадровыми вопросами), путешественника-разведчика и востоковеда. Его смело можно отнести к плеяде подобных офицеров, в которую входили будущие генералы Лавр Корнилов, Николай Юденич, Карл Маннергейм, Андрей Снесарев, Петр Козлов. Кто-то из них впоследствии примет новую власть, другие будут с ней бороться. Романовский выступил против большевиков и в феврале 1918 г. возглавил штаб Добровольческой армии. Следующие два года он возглавлял «мозговой» центр белых войск на юге России.

Как отмечали современники, по какой-то причине Романовский не был популярен в армии. Очевидно, офицеров раздражало чрезмерное, по их мнению, влияние Романовского на Деникина. Кроме того, на генерала как члена Особого совещания (деникинского правительства) возлагали ответственность за внутреннюю нестабильность на подконтрольной белым территории, негативно влиявшую на успех военных операций. Особую неприязнь Романовский вызывал у монархически настроенной части офицерства, которая безосновательно приписывала ему связи с идейными врагами белых. В этом смысле последней каплей стала Новороссийская эвакуация в марте 1920 г., которая шла в атмосфере дезорганизации и паники и сопровождалась гибелью тысяч военнослужащих и гражданских лиц. Хотя Романовский к тому времени уже сложил свои полномочия, он автоматически был отнесен к числу виновных (Русские без Отечества 2000: 435–436). Как вспоминал военный агент в Константинополе генерал Владимир Агапеев, уже после убийства британский главнокомандующий Джордж Милн, вызвавший его для объяснений, заявил ему: «О большом заговоре на жизнь генерала Романовского знали все!» (*Агапеев* 1927: 115).

Практически одновременно обе стороны — русское посольство и британские власти, контролировавшие район, где произошло убийство, — начали следственные мероприятия. Достаточно быстро им удалось установить, что в течение предыдущих нескольких дней какие-то лица, по виду русские офицеры, периодически интересовались в посольстве, прибыл ли Романовский (*Слободской* 1925: 81). Англичане, допросившие тех, кто находился в здании дипмиссии, нашли нескольких свидетелей покушения. По их показаниям удалось составить словесный портрет убийцы — высокий худощавый шатен в офицерской форме мирного времени (Русские без Отечества 2000: 437).

Уже на стадии расследования стали озвучиваться различные мотивы произошедшего. Одни считали, что Романовскому мстили за поражения белых, другие утверждали, что убийство так или иначе связано с новороссийской катастрофой, и он просто попался под руку. Нако-

нец, возникло предположение, что генерал был ликвидирован большевистским агентом с целью обезглавить Белое движение (Там же: 438–439). По словам Агапеева, все версии сходились в одном: речь шла о «политической мести» Романовскому (*Агапеев* 1927: 109). Из-за этого британское командование, которое, очевидно, было в курсе слухов, поспешило эвакуировать Деникина из Константинополя.

Одновременно шли поиски убийцы. У английской полиции, занимавшейся этим делом, не было сомнений, что это был кто-то из русских офицеров. Однако в те дни в турецкой столице их были десятки тысяч, и найти одного по весьма скудным приметам было весьма затруднительно. Не помогла ни награда 1000 фунтов, назначенная за выдачу виновного, ни угроза Милна выслать всех офицеров обратно в Крым, если поиски не дадут результата (Там же: 118–119). Расследование забуксовало, и его пришлось свернуть. У русского посольства же не было ни сил, ни средств, чтоб его продолжать. Главные вопросы — кто был непосредственным исполнителем убийства, имел ли он сообщников, и кто за ними всеми стоял — остались открытыми.

Прошло без малого шестнадцать лет. В феврале 1936 г. в парижской газете «Последние новости», одном из наиболее авторитетных печатных органов русской эмиграции, была опубликована небольшая статья небезызвестного в то время журналиста Романа Гуля. В ней под броским заголовком «Кто убил генерала Романовского?» автор приводил «сенсационные» документы, переданные ему «лицом, заслуживающим абсолютного доверия». Как следовало из них, убийцей был поручик Мстислав Алексеевич Харузин, сотрудник константинопольского отделения Освага (пропагандистской структуры деникинского правительства). Там же Гуль дал небольшую биографическую справку. Согласно ей, Харузин родился в 1893 г. в состоятельной семье, окончил московскую гимназию Медведниковых и с ранних лет заинтересовался Востоком. Это привело его в Лазаревский восточный институт, где он занимался изучением Турции и турецкого языка. Увлекшись археологией, Харузин в 1914 г. участвовал в экспедиции в Египет, однако в связи с началом войны вернулся в Россию. Начав службу в Красном Кресте, в 1915 г. он поступил в Михайловское артиллерийское училище, которое окончил перед Февральской революцией (*Гуль* 1936: 4).

Вопреки ожиданию Гуля, его статья не произвела желаемого эффекта. Так, описание обстоятельств убийства фактически было пересказом очерка Агапеева, вышедшего еще в 1927 г. Более того, сразу возникли вопросы к источникам информации. В самой статье Гуль отметил, что получил сведения от соученика Харузина по московской гимназии, однако обстоятельства дела были раскрыты Гулем только в мемуарах. По словам автора, в гостях у публициста Якова Рабиновича он познакомился с его другом, востоковедом Александром Пьянковым. За чаем тот сообщил Гулю, что у него есть собственноручное письмо его школьного друга Харузина, где

он признается в убийстве генерала Романовского, а также его официальные документы и фотография. В изложении Гуля, Харузин якобы пришел к Пьянкову после убийства и оставил большой конверт, запечатанный сургучом, с просьбой вскрыть в случае его гибели (*Гуль* 1984: 140–141). Почему Пьянков решил обнародовать их только через шестнадцать лет и при помощи Гуля, автор не уточнял. Что касается судьбы документов, то Гуль упоминает, что их якобы «заиграл» заведующий редакцией «Последних новостей» Поляков, и у него самого осталась лишь фотография Харузина (Там же: 143).

Сегодня, спустя почти сто лет после константинопольских событий, у нас есть возможность проверить детали произошедшего. В первую очередь это касается биографии предполагаемого убийцы Романовского. Личное дело Мстислава Харузина сохранилось среди актов Императорского Московского университета. Как следует из документов, он родился 23 июня 1893 г. в Ревеле (ЦГА 1: Л. 5), это подтверждает и оригинал метрической записи (TLA: Л. 18 об. — 19). Его отец, купеческий сын Алексей Харузин, сделал при последнем царе головокружительную карьеру, за двадцать лет пройдя путь от рядового чиновника до заместителя министра внутренних дел и сенатора[1]. Мать Мстислава, Наталья Васильевна фондер-Ховен, была дочерью адмирала из обрусевших балтийских немцев. Детство Харузина-младшего прошло в семейном особняке на Арбате (Борисоглебский переулок, № 3, здание было снесено в середине 1960-х, сейчас на его месте стоит один из новоарбатских небоскребов). Учился он действительно в Медведниковской гимназии, расположенной в 10 минутах ходьбы от дома, и окончил ее в июне 1912 г. с серебряной медалью. В его аттестате было всего две четверки — по математической географии и по физике (ЦГА 1: Л. 3).

Уже в школьные годы у Мстислава появился выраженный интерес к исторической науке. Очевидно, прямое влияние на это оказало размещение в здании гимназии в 1907 г. Московского археологического института. Особо интересовали Харузина-младшего две области — история Франции и история Древнего Востока, причем последняя в итоге перевесила. Как следует из гимназического отчета, уже в 5-м классе он выступил с рефератами «Тотемизм диких народов и его следы в обрядах и верованиях галлов» и «Ассиро-вавилонская религия». В 6-м классе им были сделаны доклады «Остатки религиозных переживаний в религии галлов», «Средневековый французский эпос» и «Рыцарская литература». В 7-м классе гимназист подготовил выступления на тему «Схоластики и гуманисты», «Ассиро-вавилонская культура», «Влияние вавилонской религии на Библию» и «Бог Мардук» (Краткий очерк... 1912: 164, 171–173, 175).

Через месяц после окончания гимназии Харузин подал прошение

[1] Отец Мстислава, Алексей Николаевич Харузин (1864–1932), будучи высокопоставленным царским чиновником, вместе с тем оставил глубокий след и в науке как этнограф и антрополог. Умер при советской власти в заключении (прим. отв. редактора).

на имя ректора Московского университета и 13 июля 1912 г. был зачислен на историко-филологический факультет (ЦГА 1: Л. 1). Говоря о Лазаревском институте, Гуль (или его информант), скорее всего, спутал Мстислава с его дядей, историком Николаем Харузиным (1865–1900), в свое время преподававшим там этнографию. В университете Харузин-младший специализировался на древних хеттах и летом 1914 г. ездил в Сирию, а не в Египет. Об этой поездке Харузин написал свою первую научную статью — «В столице хеттских царей», посвященную раскопкам хеттского города Кархемиша. При этом, по словам автора, он побывал там полулегально и только «благодаря знакомству с местными арабами» (*Харузин* 1915: 23). Поскольку археологи (в том числе Томас Лоуренс, впоследствии получивший известность как Лоуренс Аравийский) работали на территории Османской империи, то могло возникнуть представление, что Харузин занимался именно Турцией.

С началом войны Харузин, имевший отсрочку от армии (ЦГА 1: Л. 23), поступил на правах вольноопределяющегося в Трухменский передовой отряд Российского Красного Креста, где служил уполномоченным его отец. Приказом по войскам 4-й армии от 15 марта 1915 г. Мстислав Харузин был награжден солдатской Георгиевской медалью 4-й степени, которая вручалась за храбрость или иные боевые заслуги (РГВИА: № 125/14). В этом смысле замечание Гуля о том, что Харузин «сам никогда на фронте не был и войны не видел» (*Гуль* 1984: 150), представляется весьма спорным. Более того, в феврале 1916 г., еще до окончания университета, бывший санитар обратился в ректорат с просьбой выдать ему выпускное свидетельство для дальнейшего поступления в военное училище (ЦГА 1: Л. 25). Досрочно сдав экзамены в марте 1916 г., Харузин уехал в Петроград, где поступил юнкером в Михайловское артиллерийское училище. Высочайшим приказом от 22 декабря 1916 г. он был произведен в прапорщики «с зачислением по полевой легкой артиллерии» (Дополнение... 1916: 2).

Где находился Харузин в следующие полтора года, остается неясным. В своих воспоминаниях, законченных в середине 1920-х гг., его тетя Вера Харузина отмечала, что он пропал без вести на фронте (*Харузина* 1999: 9). Для тех лет это была характерная формулировка, чтобы отвадить от семьи подозрение в связях с вероятным противником новой власти. Впрочем, даже без этого родители и младший брат Мстислава, оставшиеся в Советском Союзе, в 1930-е гг. были репрессированы. Как бы то ни было, в мае 1918 г. комиссия при историко-филологическом факультете под председательством профессора Роберта Виппера приняла у Харузина выпускной экзамен по древней истории (ЦГА 1: Л. 29–31). В деле к отметке о сдаче экзамена приложен оттиск его статьи о вооружении хеттов, вышедшей в 1917 г. в сборнике Московского общества по исследованию памятников древности (*Харузин* 1917). Вместо ожидавшегося продолжения академической карьеры Харузин вновь исчезает и появляется лишь восемнадцать лет спустя в статье Гуля.

Любопытно, что в советское время работы Харузина активно цитировались в профильных изданиях (*Дзевялтовский* 1919: 66; *Постовская* 1961: 420), хотя авторы, очевидно, и не подозревали о дальнейшей судьбе своего коллеги.

Вернемся к обстоятельствам убийства. Как уже говорилось, оно имело большой резонанс, благодаря чему у нас есть несколько подробных свидетельств мемуарного характера. С их помощью можно примерно восстановить ход событий того дня.

23 марта 1920 г. около 15 часов на босфорском рейде встал британский линкор «Император Индии», на борту которого находились Деникин, Романовский и генерал Хольмэн, бывший начальник британской военной миссии на юге России. Примерно в 16:15 катер доставил их на пристань Топхане, где прибывших встретили военный агент Агапеев и британские офицеры. Деникин и Романовский сели в один из поданных автомобилей, который поднял их с Галаты наверх, в Перу, где располагалось русское посольство. Поверенный в делах Якимов проводил их через второй вестибюль и бильярдную в свою квартиру (*Агапеев* 1927: 110).

Дальше версии событий начинают розниться. В одном источнике говорится, что Деникин попросил Романовского послать кого-нибудь на катер, где он забыл папку с документами. Тот вышел во двор посольства, отправил шофера только что прибывшего Агапеева обратно на пристань и вернулся в здание (Русские без Отечества 2000: 433). По словам другого очевидца, Романовский сам ездил за документами (*Слободской* 1925: 80). Из мемуаров Деникина вообще не следует, что он куда-то посылал Романовского (*Деникин* 2005: 817). Также непонятно, где генерал встретился со своим убийцей: по разным данным, тот вошел в посольство вслед за Романовским или поджидал его в вестибюле (*Слободской* 1925: 80; *Гуль* 1984: 145–146). Согласно свидетельским показаниям, это произошло около 17 часов (*Слободской* 1925: 80).

Наиболее противоречива информация о том, как стрелявший покинул здание. На этот счет существуют две версии, различающиеся в деталях. По одной из них, из бильярдной он поспешил на второй этаж, чтобы выйти через черный ход. Поскольку там оказалось заперто, он подошел к дверям в зал, где его увидел и впустил кто-то из беженцев. Оттуда убийца спустился вниз, вышел на улицу и сел на трамвай в сторону Каракея (Русские без Отечества 2000: 434; *Слободской* 1925: 80). По другой версии, обнаружив, что обе двери закрыты, покушавшийся вернулся в вестибюль и, воспользовавшись общим замешательством, скрылся — по разным данным, прошел через коридор квартиры военного агента к боковому выходу и исчез в переулках Перы или вышел во двор и сел на трамвай в направлении Шишли (Русские без Отечества 2000: 448; *Гуль* 1984: 146).

Хотя различные изложения событий порой выглядят противоречиво, их роднят два главных момента. Во-первых, убийца точно знал, что Романовский прибыл, и, во-вторых,

ему была хороша известна схема посольских помещений. Это дает повод для дальнейших рассуждений. Очевидно, что стрелявший действовал не один. На самом деле, даже в условиях сумятицы, царившей в посольстве, если бы один и тот же офицер все время приходил и спрашивал о Романовском, он неминуемо навлек бы на себя подозрения. В этом смысле убийца, скорее всего, узнал о прибытии генерала от кого-то. Так, непосредственный свидетель событий упоминал в своих мемуарах, что убийца Романовского узнал о его приезде от княгини Урусовой, занимавшейся организацией благотворительных обедов для русских беженцев (*Слободской* 1925: 80). То, что покушавшийся свободно ориентировался в посольском здании и моментально появился в нужном месте, может указывать на то, что он действительно работал в местном офисе Освага, расположенном ровно в двух минутах быстрой ходьбы от посольства.

Изучение обстоятельств убийства Романовского показывает, что действовал хладнокровный и выдержанный человек, способный с первого раза нанести своей жертве смертельные ранения и скрыться с места преступления. В изложении Гуля Харузин, напротив, предстает «обремененным маниями» фанатиком, неуравновешенным позером (*Гуль* 1984: 150). Подобные персонажи ведут себя совершенно подругому. Ярким примером может послужить неудавшееся покушение на Павла Милюкова, произошедшее два года спустя в Берлине. Тогда ультраправый монархист Петр Шабельский-Борк открыл беспорядочную стрельбу в зале, разрядив два пистолета и ранив несколько человек, но ни разу не попал в самого Милюкова и был схвачен. Кроме того, Харузин, по словам Гуля, никогда не видевший войны, «нередко высказывал близким желание “попробовать волю” — “убить”». Как уже говорилось, это утверждение не соответствует действительности, да и сам Гуль не удерживается от замечания, что его собственное изложение отдает «достоевщиной» (Там же: 149–150).

Итак, убийцей Романовского, очевидно, был опытный офицер, привыкший обращаться с оружием и действовать в экстремальной ситуации. Это описание в принципе подходит Харузину. Тем не менее последние достоверные документы о нем относятся к маю 1918 г. Хотя на фотографии, оказавшейся в распоряжении Гуля, и фотографии из личного студенческого дела действительно изображен один и тот же человек, оригиналов опубликованных документов Гуль предоставить на смог. Это касается, прежде всего, некой собственноручной записки Харузина, где он сознается в убийстве: сравнить ее с подлинными образцами почерка не представляется возможным.

Определенные вопросы есть и к Пьянкову. Он действительно учился в одной школе с Харузиным (ЦГА 2: Л. 3), однако оценить характер их взаимоотношений сложно. На самый поверхностный взгляд, их мало что связывало. Во-первых, Харузин был на четыре года старше: когда Пьянков только-только окончил гимназию, он уже выпустился из университета. С другой стороны,

Харузин с ранних лет был увлечен историей, тогда как Пьянков первоначально хотел поступать на медицинский и оказался на истфиле из-за нехватки мест (Там же: Л. 1). Наконец, медалист Харузин, выступавший с научными докладами, несомненно, был школьной звездой. Пьянков же учился средне, ничем себя не проявлял и выбыл из университета весной 1917 г., сразу после первого семестра (Там же: Л. 20–21).

Следует заметить, что из официальной биографии Пьянкова неочевидно, как он попал в Константинополь. Как следует из документов, 25 марта 1920 г. 22-летний Александр Николаевич Пьянков был эвакуирован из Новороссийска на остров Лемнос, откуда уже 28 мая того же года выехал в Крым (ГАРФ 1: Л. 54 об.; ГАРФ 2: Л. 7) и в итоге действительно эвакуировался из Севастополя в турецкую столицу (ГАРФ 3: Л. 84 об.). Когда именно это произошло и сколько Пьянков оставался в Константинополе, непонятно. Кроме того, как уже говорилось, мы не знаем, какие отношения на самом деле связывали Пьянкова с Харузиным. Более того, согласно некрологу Пьянкова, в 1920 г. он уже был студентом Берлинского университета (*Daumas* 1967: 228). В этой связи возникает вопрос, могли ли Харузин и Пьянков вообще пересекаться в Константинополе. Рассказ Гуля о том, что Харузин разыскал в огромном городе своего соученика, чтобы передать ему личные документы, в этом смысле не внушает доверия.

Резюмируя сказанное, можно выдвинуть три основные версии:

Версия 1. Харузин не имеет отношения к убийству Романовского

В основе этого предположения лежит тот факт, что о службе Харузина в белых структурах в Константинополе весной 1920 г. мы знаем только из статьи Гуля. Других документальных свидетельств, подтверждающих или опровергающих этот сюжет, нет. В картотеке Государственного архива Российской Федерации есть упоминание о том, что поручик Харузин по состоянию на ноябрь 1919 г. служил в «особой организации осведомления при главнокомандовании ВСЮР», однако неясно, где он находился территориально. Среди актов эмигрантского Главного справочного бюро в Константинополе сохранился список от 10 (23) сентября 1920 г. В нем среди жителей города фигурирует поручик Мстислав Алексеевич Харузин, 1893 г. рождения, проживавший по адресу улица Чеблюк-Чешме (Çöplükçeşme Sokağı), дом 25 (ГАРФ 4: Л. 40 об.). Примечательно, что перпендикулярно Чеблюк-Чешме (сейчас она называется Эски-Чешме, Eski Çeşme) проходит улица Сакыз Агачи (Sakız Ağacı Caddesi), на которой располагался Русский археологический институт, к тому времени уже закрытый. В этом учреждении Харузин непременно должен был побывать во время своей поездки на Ближний Восток в 1914 г.

Получается, что полгода спустя после событий предполагаемый убийца Романовского продолжал спокойно жить в Константинополе под своей фамилией. В этом смысле можно полагать, что Гуль, получив фотографию, в погоне за сенсацией досочинил историю.

Версия 2. Харузин – орудие в руках заговорщиков

Если принять первую версию, то речь идет о неизвестном террористе-одиночке, однако в данном случае Харузина как исполнителя убийства следует рассматривать в общем контексте политических интриг среди руководства Белого движения. После гибели Романовского белый лагерь разделился. Одни считали, что за убийцей стоял Врангель, который таким образом устранил серьезного конкурента. Ключевая роль здесь отводилась близкому сотруднику и эмиссару Врангеля в Константинополе, Алексею фон Лампе, и военному агенту Агапееву. Именно последний, как считалось, под благовидным предлогом задержался по дороге в посольство и оповестил убийцу о прибытии Романовского. Другие, напротив, отмечали, что Врангель не мог не знать, что Романовский был в подавленном состоянии и, вслед за своим другом Деникиным, не собирался больше участвовать в политической деятельности. В этой связи его устранение не имело смысла.

Если допустить, что против Романовского существовал заговор генералов, то им, очевидно, требовался не фанатик, а надежный и опытный человек. В поисках исполнителя заговорщики действительно могли выйти на Харузина. В данном отношении его служба в контрразведке как раз играет важную роль — в таком случае он несомненно был в курсе общего положения белых и, как и многие офицеры, держал злобу на Романовского. В эту же логику укладывается и дальнейшая судьба Харузина. Так, впоследствии он мог осознать, что его использовали вслепую для сведения счетов, и покончить с собой. В другом случае, после успеха покушения заговорщики могли его ликвидировать: в «Очерках русской смуты» Деникин приводит слух о том, что убийцу Романовского утопили в Босфоре (*Деникин* 2005: 818).

Версия 3. Харузин – член тайной ультраправой организации

В ходе Гражданской войны в среде белых возник (вернее сказать, возродился) целый ряд организаций черносотенного характера, политическая программа которых носила выраженные черты теории «жидомасонского заговора». В их представлении движущей силой русской революции были евреи, стремившиеся распространить свое влияние на весь мир. Известно, что на юге имели активное хождение «Протоколы сионских мудрецов» — главная антисемитская подделка XX в. Ультраправые активисты требовали вести борьбу за «подлинное» национальное возрождение и призывали очистить Особое совещание от «разрушителей России» (*Иванов, Чемакин* 2017: 112).

Подобные идеи пользовались большой популярностью в армии, однако не находили поддержки у руководителей Добровольческой армии (*Ганелин* 1992: 126). Как Деникин, так впоследствии и Врангель стремились сдерживать погромные настроения и закрывали праворадикальные издания. Романовскому же, которого, как и раньше, обвиняли в поражениях на фронте, теперь стали

приписывать связи с большевиками и масонами (Русские без Отечества 2000: 433). Под влияние упомянутых теорий мог попасть и Харузин. Так, его отец был членом черносотенного Русского собрания, а свойственная гуманитарию рефлексия, преломившись через травматические события последних лет, могла подготовить благодатную почву для конспирологических настроений. Членом одной из многочисленных ультраправых организаций Харузин мог стать еще на юге России, тогда же в его голове могла созреть мысль об убийстве Романовского.

В свете этой гипотезы возникают вопросы к дальнейшей судьбе Харузина. По общепринятой версии, он направился из Константинополя в Ангору для установления контактов с генералом Мустафой Кемалем и пропал без вести. Однако он мог поехать и в совершенно противоположную сторону — в Германию. К такому выводу могут подтолкнуть следующие обстоятельства.

После революции многие университетские интеллектуалы, спасаясь от голода и возможных репрессий, выезжали из Петрограда и Москвы на юг. Не найдя работу в большевистской Москве, Харузин мог отправиться в Киев (этот город был ему знаком со времен службы санитаром на Юго-Западном фронте). Украина тогда находилась под контролем Германии, с которой у советской России были дипломатические отношения, и этот путь можно было проделать относительно спокойно. Именно там Харузин мог впервые войти в контакт с правыми политиками и военными, вербовавшими офицеров для антибольшевистских формирований. Как раз в это время в Киеве находились и Владимир Пуришкевич, один из лидеров дореволюционных черносотенцев, и полковник Федор Винберг, знаковая фигура для правомонархической части эмиграции. В научной литературе его упоминают среди тех, кто в начале 1919 г. привез в Германию русский текст «Протоколов сионских мудрецов» (*Kellogg* 2005: 63). На Украине Харузин мог вступить в белую Южную армию, которая позже вошла в состав Донской, а затем и деникинской армии.

Таким образом, Харузин мог быть связан с правыми радикалами задолго до приезда в Константинополь. Скрываясь после покушения на Романовского, он вполне мог отправиться к Винбергу, который в это время жил в Берлине. До 1924 г. там в качестве стипендиата находился и Пьянков. Этим можно объяснить то, как личные бумаги Харузина попали к нему. Как бы то ни было, дальше след Харузина теряется. Нельзя исключать, что он остался в Германии, или же переехал в какую-то другую страну, где жил под вымышленным именем. По крайней мере, среди множества корреспондентов нацистских структур, занимавшихся «еврейским вопросом», до сих пор остаются неидентифицированные персонажи.

***

Несмотря на большой резонанс, убийство Романовского уже не могло повлиять на расстановку сил в Белом движении. Оно стало ско-

рее финальным символическим актом для тех, кто не был согласен с политикой Деникина. Вероятно, поэтому «сенсационная» публикация Гуля по сути не вызвала никакой реакции. В более широком смысле следует отметить, что подобное упрощенчество уводит в сторону от понимания целого ряда феноменов переломной эпохи. Так, на примере Харузина мы можем видеть, какими различными могли быть жизненные траектории и мотивации тех, кого собирательно именуют «белыми офицерами», и насколько значительную роль здесь мог играть элемент случайности. Это касается и стремления сделать далеко идущие обобщения о социальной группе, исходя из разрозненных, зачастую не соответствующих действительности фактов из биографий ее представителей. Впрочем, Гуль едва ли мог выйти за рамки тогдашней атмосферы, когда люди ждали простых ответов на сложные вопросы. В каком-то смысле мы до сих пор используем удобную парадигму для понимания Гражданской войны в России, тогда как этот мрачный эпизод показывает, что реалистичными могут оказаться даже самые «неудобные» версии событий.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГАРФ 1 — ГАРФ. Ф. Р5982. Оп. 1. Д. 68.

ГАРФ 2 — ГАРФ. Ф. Р5982. Оп. 1. Д. 141.

ГАРФ 3 — ГАРФ. Ф. Р5982. Оп. 1. Д. 20.

ГАРФ 4 — ГАРФ. Ф. Р5982. Оп. 1. Д. 97.

РГВИА — РГВИА. Картотека бюро учета потерь. Ящик 3764-Ц.

ЦГА 1 — ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 326. Д. 2111.

ЦГА 2 — ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 330. Д. 1756.

TLA — TLA = Tallinna Linnaarhiiv, городской архив Таллинна. Ф. 1414. Оп. 2. Д. 68.

Агапеев 1927 — *Агапеев В.*П. Убийство генерала Романовского // Белое дело. Кн. 2. Берлин, 1927.

Гуль 1936 — *Гуль Р.* Кто убил генерала Романовского? // Последние новости. 1936. № 5435.

Гуль 1984 — *Гуль Р.* Я унес Россию: апология эмиграции. Т. 2. Нью-Йорк, 1984.

Деникин 2005 — *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 5. М., 2005.

Дополнение... 1916 — Дополнение к Высочайшему приказу, отданному декабря 22-го дня 1916 года.

Краткий очерк... 1912 — Краткий очерк внешнего устройства и постановки учебно-воспитательной части Московской гимназии имени Медведниковых. М., 1912.

Слободской 1925 — *Слободской А.* Среди эмиграции: Киев — Константинополь, 1918–1920. Харьков, 1925.

Харузин 1915 — *Харузин М.* В столице хеттских царей // Экскурсионный вестник. Кн. 1 (1915). С. 22–38.

Харузин 1917 — *Харузин М.*А. К вооружению хеттов // Сборник в честь профессора В.К. Мальмберга. М., 1917. С. 136–145.

Харузина 1999 — *Харузина В.Н.* Прошлое: воспоминания детских и отроческих лет. М., 1999.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ганелин 1992 — *Ганелин Р.*Ш. Белое движение и «Протоколы сионских мудрецов» // Россия и русское зарубежье. Ч. 1. СПб., 1992.

Дзевялтовский 1919 — *Дзевялтовский С.* Империализм в древнем мире. М., 1919.

Иванов, Чемакин 2017 — *Иванов А.А.*, *Чемакин А.*А. Всероссийская народно-

государственная партия В. М. Пуришкевича: программа, структура и печатные органы // Новейшая история России. 2017. № 2.

Постовская 1961 — *Постовская Н. М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе, 1917–1959 гг. М., 1961.

Сигирджи 2018 — *Сигирджи М.* Спасибо, Константинополь! По следам белоэмигрантов в Турции. СПб., 2018.

Русские без Отечества 2000 — Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. М., 2000.

Daumas 1967 — *Daumas F.* Alexandre Piankoff (1897–1966) // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1967. № 65.

Kellogg 2005 — *Kellogg M.* The Russian Roots of Nazism: White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945. Cambridge, 2005.

DEATH IN CONSTANTINOPLE: NEW VERSIONS OF THE ASSASSINATION OF GENERAL ROMANOVSKY, 1920

Barinov Igor I. — candidat of science (History), Researcher at the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow)

Key words: White movement, Ivan Romanovsky, Russian emigration, Constantinopole.

Abstract. The article examines the events surrounding the murder of Ivan Romanovsky, a White Russian general, one of the founders of the Volunteer White Army, which took place in Constantinople in the Spring of 1920. According to the generally accepted version, Romanovsky was assasinated by a terrorist who probably avenged him for the defeat of the White armies. As reported by journalist Roman Gul', the personality of the assassin was identified with White Russian Poruchik Mstislav Kharuzin. Based on previously unknown documents, an attempt is made to reconstruct the events of that day, aiming to suggest new hypotheses regarding the murder.

REFERENCES

Daumas F. Alexandre Piankoff (1897–1966). *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*, 1967, no. 65.

Dzevialtovskii S. *Imperializm v drevnem mire.* Moscow, 1919.

Ganelin R.Sh. Beloe dvizhenie i "Protokoly sionskikh mudretsov'. *Rossiia i russkoe zarubezh'e.* Ch. 1. St. Petersburg, 1992.

Ivanov A.A., Chemakin A.A. Vserossiiskaia narodno-gosudarstvennaia partiia V.M. Purishkevicha: programma, struktura i pechatnye organy. *Noveishaia istoriia Rossii*, 2017, no. 2.

Kellogg M. *The Russian Roots of Nazism: White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945.* Cambridge, 2005.

Postovskaia N.M. I*zuchenie drevnei istorii Blizhnego Vostoka v Sovetskom Soiuze, 1917–1959 gg.* Moscow, 1961.

Russkie bez Otechestva: Ocherki antibol'shevistskoi emigratsii 20–40-kh godov. Moscow, 2000.

Sigirdzhi M. *Spasibo, Konstantinopol'! Po sledam beloemigrantov v Turtsii.* St. Petersburg, 2018.

Н. Д. Асташова

ИСТОРИЯ ПРОСТРАНСТВА, ИЛИ ПРОСТРАНСТВА ИСТОРИИ?

Рец.: *Бордюгов Г. А.* Пространства российской истории XX–XXI веков / составление и предисловие: Дмитрий Андреев. М.: АИРО-XXI, 2019. 352 с.

Ключевые слова: пространственный подход, кризис истории, постмодернистское мышление, симуляция, размноженная событийность.

Аннотация. В тексте представлена критика «пространственного подхода» в исторической науке, а также анализ ее кризисного состояния в условиях современности.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-287-292

Выход книги «Пространства российской истории XX–XXI веков» стал ярким событием в научной публицистике этого года. В сборник избранных работ вошли статьи, экспертные комментарии и интервью, в которых представлен анализ российской истории XX–XXI вв. сквозь призму представлений о «пространстве власти» и «пространстве памяти», образующих пеструю мозаику событий прошлого и настоящего нашей страны. Этот труд выделяется среди многообразия подобных изданий последних лет, в первую очередь за счет «пространственного подхода» к истории.

Неоспоримым достоинством книги является обилие малоизвестных исторических фактов. Легкая манера изложения, втягивающая читателя в гущу событий, позволяет сохранить ясность восприятия таких тяжелых моментов нашего недавнего прошлого, как революции, репрессии, послевоенное восстановление, постперестроечный период. Не лишенные эмоциональности комментарии оставляют свободное поле

© Н. Д. Асташова, 2019
Асташова Надежда Дмитриевна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижний Новгород); nadya.astashova@mail.ru

для самостоятельных размышлений читателя.

Книга состоит из трех частей: концептуальной, конъюнктурной и персональной. Введение определяет цели работы, объясняет принципы компоновки материала по главам. Одной из главных задач данного издания называется популяризация исторического знания в современном обществе, в связи с чем составитель посчитал оправданным отказ от ссылок на научную литературу и источники информации, «чтобы сделать работы Геннадия Бордюгова доступными и понятными максимально широкой аудитории — а потому и не перегружать их специфической академической атрибутикой, отсутствие которой вовсе не является свидетельством ненаучности» (с. 8). Однако текст изобилует специфической терминологией, которая неоднозначно понимается в виду отсутствия ссылок даже специалистами, не говоря уже о широком круге читателей. Например, довольно часто используется понятие «симулякра», которое без ссылок на работы Ж. Бодрийяра так и остается читателем непонятым. Другой пример. Использование формулировок «пространство жизни» и «жизненный мир» вызывает недоумение: если «жизненный мир» — устойчивое философское и социологическое понятие, нашедшее наиболее полное обоснование в работах Шутца, Гуссерля и Хабермаса, то почему отсутствует упоминание о нем в тексте; если же это собственный термин автора, то принцип научности обязывает давать авторское объяснение «нового» термина. Аналогичные замечания можно высказать и в отношении понятий отчуждения, нарратив, когнитивная история, архетипическое.

Сильная диспропорция объема и содержания частей книги (I часть — 228 страниц, II часть — 62 страницы, III часть — 18 страниц) создает благодатное поле для полемики в основном по отношению к первой части («Концептуальное»), содержащей теоретические и концептуальные модели современного видения истории и исторической науки. Вторая («Конъюнктурное») и третья («Персональное») части представляют собой достаточно легкое чтение, составленное из историко-политологических эссе, поэтому видится целесообразным сосредоточиться на анализе наиболее сложной и объемной первой части книги.

Первый раздел книги — «Концептуальное» — посвящен «пространственной» презентации исторической реальности, которая стала своеобразной изюминкой сборника. Несмотря на то, что в тексте мы встречаем довольно много различных контекстов использования понятия «пространство» (пространство истории, пространство власти, пространство жизни, пространство публичной политики, ландшафтное пространство, пространство симулякров), отсутствует обоснование использования именно этого термина. Мы не находим и ответов на вопрос: почему пространственно-временной континуум рассматривается исключительно как «пространственный», хотя в свете исто-

рического исследования кажется логичным рассуждать больше о времени и его формах?

В статье «Модернизация или мобилизация — стратегическая развилка 2004 года» описываются плоская и пирамидальная схемы пространственных измерений истории. Например, для западного общества характерна плоская и двухмерная «матрица мобилизации», в которой институт власти растворен в элите, а социальное напряжение возникает между элитой и народом, включенном в «пространство власти». В российском же обществе существует совершенно иная модель, принципиально отличная от западной. В России образуется трехмерная пирамидальная структура социальной организации, где энергия социального действия сконцентрирована на вершине властной пирамиды (с. 15–30). Соответственно, возникает вопрос: почему «пространства» Запада и России представлены в разных не пересекающихся измерениях, хотя находятся в одном географическом пространстве? И каким образом Россия может «копировать опыт Запада», если системы координат не совпадают? Здесь становится очевиден метафорический подход к использованию понятия «пространства», который не находит аргументационной поддержки в тексте.

В книге обнаруживается интересный феномен: при всей критичности по отношению к деконструктивизму постмодернизма (с. 204) автор активно использует его философские построения, выраженные в отсутствии логического обоснования использования при «пространственном» конструировании исторической реальности философских конструкций, которые излагаются на уровне долженствования. По всей видимости, предполагается, что есть некое априорное понимание истории, одинаково понятное всем читателям.

Тем не менее необходимо осознавать, что наши оценки неотделимы от актуального философского восприятия действительности, в науке условно обозначенного как «постмодернистское мышление», в котором пространство истории, развиваясь ризоморфно и спонтанно, превращается в «паутину событий» (*Делез, Гваттари* 2010), а представления о времени дробятся размноженной событийностью. В такой трактовке история содержит в себе множество историй, в которых события не просто связаны друг с другом, но и происходят одновременно, таким образом становится возможным конструирование нескольких вариантов одного события или даже серии событий, что мы и наблюдаем в монографии «Пространства российской истории XX–XXI веков».

Г.А. Бордюгов, рассуждая о «пространстве памяти», выступает с критикой симулятивного характера его измерения истории. Однако, согласно философии А. Бадью, в эпоху постмодерна само событие становится тождественно представлениям о нем в нашем воображении (*Бадью* 2003: 56), т.е. фиксация в пространстве/времени исторического события происходит через его описание. Соответственно,

исторический факт не существует вне автора. Археолог, древний летописец или современный историк имеют равные претензии на объективность истории. Таким образом, «доминирование пространства памяти в пространстве жизни» (с. 98) не может иметь негативной окраски, поскольку современная история живет в авторском описании, неотделимом от социально обусловленного мироощущения конкретной эпохи.

В связи с этим иной смысл приобретает и «кризис истории», о котором пишет Г.А. Бордюгов (с. 203–204), рассуждая об игре с «пространством памяти», «новых» способах интерпретации исторических фактов, в которых мы сталкиваемся с совсем неожиданным лицом истории, иной ее презентацией и «отчуждением между историей и памятью» (с. 77). Мы должны понимать, что актуальное восприятие истории определяется фрагментированным человеческим восприятием, ставшим следствием погруженности сознания в виртуальную реальность Интернета. А. Моль определяет такой тип мышления как «мозаичное»: человек познает действительность волей случая, «от случайного к случайному», знания о мире складываются из разрозненных обрывков, которые соединяются стихийно, не образуя никакой структуры (*Моль* 2008: 44–45). Такая картина мира не предполагает существования каких-либо устойчивых построений, линейной связанности событий. По мнению Ф. Джеймисона (*Джеймисон* 2019), главной жертвой постмодернистского сознания стала история.

Здесь Г.А. Бордюгов абсолютно прав в том, что современное историческое знание образует «пространство симулякров» (с. 99), опасность которого заключается во все большем отрыве индивида от физической реальности: историческое событие лишается своего обязательного условия — наличия артефакта, а фиксация его в сознании человека происходит только в рамках интернет-образа. Физическое пространство как непосредственное поле, на котором разворачивается история, исчезает: конкретика ландшафтной, этнической и культурной определенности исторического факта настолько размыта, что говорить о ней становится не принято в современных рассуждениях об истории. Появляется история «вообще», «интернет-история», «история — а я так вижу». Таким образом, можно сделать уверенный вывод о превращении «истории пространства», с ее ландшафтной, культурной, этнической локализованностью, в «пространство историй», где фиксация события обусловлена лишь его символическим описанием.

Конечно, долго и пространно можно рассуждать о духе времени, но не стоит забывать, что он (дух времени) не существует вне сознания живых людей — наших современников, своими действиями или бездействиями определяющих его. Ответственность за отсутствие границ, неопределенность и субъективность современного исторического знания ложится на плечи профессионального исторического сообщества, которое замкнулось само в себе, превратило историю в на-

уку ради науки, профессиональный исторический анализ просто исчез из публичной жизни общества.

Ввиду такой ситуации образовавшийся информационный вакуум заполняют блогеры, журналисты, политики, шоумены, имеющие самое смутное представление об исторической реальности. Возникает когнитивное искажение — конфабуляция (Большой психологический словарь 2003), при котором воображение индивида восполняет недостаток информации, и он начинает воспринимать продукт фантазии в качестве реального события. Так обыватель начинает довольствоваться только тем, что он однажды понял или не понял, но в любом случае поделился с другими в условиях дефицита исторического (профессионального) знания. Поэтому совершенно не случайно Ж. Бодрийяр констатирует состояние современного социума как «общества дилетантизма» (*Бодрийяр* 2001).

Критика, которую Г.А. Бордюгов адресует научному сообществу (с. 105, 159, 162, 201–202), не участвующему ни в формировании исторической политики, ни в формировании «пространства памяти», как никогда злободневна. Мы имеем абсолютно жуткие метаморфозы социальной реальности, в которой история превращается в культ (с. 104) или манипуляторную технологию (с. 190). Поэтому нельзя, как справедливо считает автор своевременной книги, игнорировать ситуацию, когда «нас преднамеренно сталкивают лбами, заставляя полемизировать о тенях “давно минувших дней”, заполняя этими тенями все пространство переживаемого ныне момента, насильственно удерживая в прошлом и не пуская в настоящее и тем более — в будущее...» (с. 201).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бадью 2003 — *Бадью А.* Манифест философии. СПб., 2003.

Бодрийяр 2001 — *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 2001.

Большой психологический словарь 2003 — Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. М., 2003. URL: https://psychology.academic.ru (дата обращения: 10.07.2019).

Делез, Гваттари 2010 — *Делез Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. М., 2010.

Джеймисон 2019 — *Джеймисон Ф.* Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма. М., 2019.

Моль 2008 — *Моль А.* Социодинамика культуры. М., 2008.

THE HISTORY OF THE SPACE OR SPACE HISTORY?

Rev.: Bordiugov G. A. Prostranstva rossiiskoi istorii XX–XXI vekov, sostavlenie i predislovie: Dmitrii Andreev. Moscow: AIRO-XXI, 2019. 352 p.

Astashova Nadezhda D. — PhD in philosophy, senior teacher of the Philosophy department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod)

Key words: space approach, the crisis of history, post-modern thinking, simulation, reproduced eventfulness.

Abstract. The text presents a critique of the "space approach" in historical science, as well as an analysis of its crisis state in modern times.

REFERENCES

Bad'iu A. *Manifest filosofii*. St. Petersburg, 2003.

Bodriiiar Zh. *Sistema veshchei*. Moscow, 2001.

Bol'shoi psikhologicheskii slovar', pod red. B. G. Meshcheriakova, akad. V. P. Zinchenko. Moscow, 2003. URL: https://psychology.academic.ru (data obrashcheniia: 10.07.2019).

Delez Zh., Gvattari F. *Kapitalizm i shizofreniia: Tysiacha plato*. Moscow, 2010.

Dzheimison F. *Postmodernizm ili kul'turnaia logika pozdnego kapitalizma*. Moscow, 2019.

Mol' A. *Sotsiodinamika kul'tury*. Moscow, 2008.

А. Т. Безаров

РУМЫНСКИЕ ЖЕРНОВА ХОЛОКОСТА

Рец.: *Левит И. Э.* Шоа — Холокост — Катастрофа: Еврейский вопрос в политике диктатуры И. Антонеску. В 2 т. Тирасполь: ООО Литера, 2015.

Ключевые слова: евреи, Румыния, Холокост, Транснистрия, Буковина, Бессарабия, И. Антонеску.

Аннотация: Рецензируемая двухтомная монография известного молдавского историка И. Э. Левита посвящена событиям Холокоста в Румынии 1939–1944 годов. Автор глубоко проанализировал причины и характер этого драматического периода в истории румынских евреев, восстановил хронологию массового убийства евреев на оккупированных фашистской Румынией территориях современных Молдовы и Украины. Ценность книги заключается в том, что ее автору в целом удалось доказать политическую ответственность режима И. Антонеску за многочисленные факты геноцида еврейского населения в годы Второй мировой войны.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-293-304

Тема Холокоста в современной исторической литературе остается напряженной во всех смыслах. Изучать историю массового уничтожения еврейского населения в годы Второй мировой войны непросто, наверное, уже потому, что понимание логики организации тотального террора, направленного против шестимиллионного мирного еврейского населения, выходит за пределы нормальной человеческой психики. Однако организаторы массовой казни европейских евреев приписывали своим акциям идеологический смысл, что несомненно привело к тому, что историография Холокоста стала более чувствительной к колебаниям современной политики памяти. Национальные нарративы истории, как известно, склонны мифологизировать историческое прошлое, создавать национальные концепты политической жизни своих стран. Проблемы истории Холокоста остаются питательной средой для всевозможных манипуляций и спекуляций в современной исторической науке тех стран, в истории которых это явление было особенно противоречивым. К числу таких стран относится и Румыния, в которой усиление национализма стало характерной чертой ее внутриполитического развития в 1930-х гг. Тем не менее

© А. Т. Безаров, 2019
Безаров Александр Трояновичъ – доктор исторических наук, доцент, ассистент кафедры истории Нового и Новейшего времени Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича (Черновцы, Украина); alex.bezarov@gmail.com

Румыния в межвоенный период оказалась убежищем для многих евреев, преследуемых властями других государств. И в этом, пожалуй, состоял один из главных парадоксов политики государственного антисемитизма, которая сопровождала более-менее мирную жизнь румынских евреев вплоть до начала Второй мировой войны и закончилась, к сожалению, их Катастрофой.

Собственно, об этом парадоксе, на наш взгляд, идет речь в двухтомнике известного молдавского историка Изяслава Эликовича Левита, который, впрочем, не склонен рассматривать эти явления как парадоксальные. Автор глубоко проанализировал причины и характер Холокоста в Румынии, представил внушительный исторический материал, который дает возможность восстановить хронологию исторической драмы румынских евреев в 1939–1944 гг. Книга является библиографической редкостью. Ее тираж составил всего 100 экземпляров, что естественно подогревает исследовательский интерес к ее содержанию.

Первый том монографии посвящен истории еврейского вопроса в межвоенной Румынии до момента депортации евреев Бессарабии и Буковины в Транснистрию осенью 1941 г.

Исследование предвосхищается анализом современной историографии проблемы. Неоднозначность подходов историков к проблеме Холокоста в Румынии обнаруживается в острой полемике автора с теми исследователями, которые пытаются пересмотреть результаты массового уничтожения евреев в Румынии. В частности, И. Э. Левит справедливо заметил, что несмотря на то, что в современной историографии Холокоста достигнуты определенные успехи в преодолении «темных пятен» истории Катастрофы румынского еврейства, декретированная свобода слова и печати, либеральное ее токование, особенно в посткоммунистических странах, позволили тем не менее открыто и без ограничений проповедовать антисемитизм (т. 1, с. 12). Автор подверг резкой критике откровенных фальсификаторов истории, а также тех исследователей, которые в силу политической конъюнктуры отрицали Холокост как в самой Румынии, так и на оккупированных ею в годы войны территориях. Левит аргументированно опроверг мнение многих румынских и молдавских историков о том, что якобы лично генерал И. Антонеску не был причастен к массовому убийству евреев или то, что он применял не антисемитские, а дискриминационные меры в отношении евреев, что, мол, румынский диктатор желал только «ограничить» участие евреев в экономике страны (т. 1, с. 31).

Обстоятельный анализ социально-экономического и политического положения евреев России и Румынии в конце XIX — начале XX в. позволил автору сделать весьма тонкое замечание о том, что в государственной политике этих двух стран преобладал религиозный, а не расовый антисемитизм (т. 1, с. 110–111). Не вызывает сомнений авторский тезис о том, что советские евреи, особенно в межвоен-

ный период истории СССР, были лояльными гражданами. Многие евреи были широко представлены в органах советской власти, в экономической и культурной жизни Советского Союза. Евреи в этой стране забыли об антисемитизме (т. 1, с. 115).

Казалось бы, что в соседней Румынии наблюдались аналогичные процессы. Под давлением стран Антанты в «послеверсальской» Румынии еврейский вопрос стабилизировался. В 1928 г. румынский парламент признал иудаизм одной из исторических религий Румынии, а еврейская община получила статус юридического лица. В довоенной Румынии были легализованы почти все религиозные и политические движения. Даже немногочисленная группа евреев-сефардов в Бухаресте, как отмечал автор, отличалась своим весомым политическим значением. В Буковине и в Марамуреше сохранили свое традиционное влияние хасиды, которые оставались лояльными гражданами Румынии, в парламенте которой 5 еврейских депутатов защищали интересы еврейских общин Буковины, Бессарабии и Трансильвании. Наконец, в 1930 г. была создана Еврейская партия (т. 1, с. 119).

Однако политическая ситуация в Румынии резко обострилась в связи с ростом антисемитизма в стране. После того, как евреи Румынии под нажимом западноевропейских стран в 1923 г. получили конституционные свободы и права, по Румынии прокатилась волна антисемитских выступлений. По мнению автора, центрами румынского антисемитизма стали университетские города (Клуж, Яссы, Бухарест и Черновцы), а носителями антиеврейской (фашистской) идеологии была студенческая молодежь. Духовным лидером румынских фашистов был А. К. Куза (т. 1, с. 121).

Автор выделил несколько этапов в развитии румынского фашизма, определил интересы и политические взгляды его идейных вдохновителей, в частности К. З. Кодряну, привел многочисленные примеры первых всплесков антисемитизма в довоенной Румынии. Любопытно, что дерзкий убийца черновицкого школьника Д. Фалика Н. Тоту впоследствии стал активистом «Железной гвардии» и тайным агентом сигуранцы (т. 1, с. 122–130). Следовательно, как утверждает автор, именно румынские студенты устраивали первые еврейские погромы в Кишиневе, Клуже, Орадя. В апреле 1930 г. председатель Ассоциации христианских студентов, антисемит, убийца префекта полиции г. Яссы К. З. Кодряну создал «Железную гвардию», в состав которой входили участники «Легиона Михаила Архангела». Соратником К. З. Кодряну в фашистском движении был Х. Сима (т. 1, с. 124). В 1930-х гг. происходили процессы становления идеологии румынского фашизма, а его видными теоретиками стали О. Гога, Т. Херсени, А. Рында, К. Папаначи, Н. Паулеску, Т. Типэреску, М. Полихрониаде, А. Рэзмерицэ, которые призывали румынские власти к «окончательному решению еврейского вопроса» в духе немецкого нацизма. Как отмечал Левит, «Железная гвардия», которая получала щедрые субсидии

из Берлина, фактически превратилась в агентуру гитлеровцев в Румынии, а будущий советник И. Антонеску по еврейскому вопросу Р. Лека непосредственно контактировал с ведомством А. Розенберга в Германии (т. 1, с. 137–138).

Известно, что евреи принимали активное участие в революционных процессах в странах Восточной Европы, поддерживали развитие коммунистического движения в межвоенный период, приветствовали создание первого в мире социалистического государства в России. Увлечение определенной части восточноевропейского еврейства революционными идеями также стало одним из заметных факторов в процессе усиления антисемитизма в Румынии. Например, в Черновцах в 1934 г. жандармами была арестована группа румынских коммунистов, среди которых евреи составляли абсолютное большинство. После начала Второй мировой войны еврейское население Румынии стали подозревать, как оказалось, вполне оправданно, в политической неблагонадежности, а то и прямо обвиняли в подрывной деятельности в пользу Советского Союза. В связи с этим исследование Левитом событий лета 1940 г., когда был решен вопрос о включении Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР, сквозь призму обострения еврейского вопроса в Румынии вызывает определенный интерес. Так, автор убежден в том, что у евреев Буковины и Бессарабии были веские причины проявлять особую радость по поводу прихода сюда Красной армии. Они надеялись, что советская власть наконец избавит их от растущей юдофобии в Румынии (т. 1, с. 152). Однако надежды бессарабских и буковинских евреев молниеносно вызвали ответную волну антисемитизма в Румынии, захлестнувшую даже ту часть еврейского населения, которая сохранила остатки прежней лояльности румынским властям (т. 1, с. 155)[2]. Как утверждает автор, до конца 1940 г. в СССР репатриировалось около 200 тыс. румынских евреев, которые спасались бегством от надвигавшейся на них Катастрофы (т. 1, с. 161).

Если первая глава была посвящена историческим предпосылкам и причинам Холокоста в Румынии, то все последующие четыре части первого тома монографии Левита представляют собой мартиролог жертв массового убийства евреев. Автор описал все известные ему случаи геноцида еврейского населения Румынии. Например, уже после отступления советских войск в июле 1941 г., в еврейских местечках Буковины (Милиево, Садагура, Чудей, Герца, Новоселица) вспыхнули первые еврейские погромы, организованные румынскими военными (т. 1, с. 292–297). В Черновцах в начале июля 1941 г. было зверски уничтожено несколько тысяч евреев, сожжена хоральная синагога, в которой сгорело 60 свитков Торы (т. 1, с. 299). Этнические чистки

[2] Автор привел любопытный пример, когда отступавшие из Северной Буковины румынские войска расстреляли 1 июля 1940 г. на еврейском кладбище в г. Дорохой процессию по случаю похорон еврейского солдата Я. Соломон, который погиб в Герцах, защищая своего румынского командира от пули советского танкиста.

происходили по всей территории Северной Молдавии. В примечаниях к третьей главе (т. 1, с. 364–381) опубликованы списки погибших евреев Буковины и Бессарабии.

Левит глубоко изучил структуру и условия создания концентрационных (транзитных) лагерей для евреев. Так, в конце июля 1941 г. в одном только Садагурском лагере под Черновцами румынские фашисты сосредоточили около 6 тыс. арестованных, среди которых большая половина были евреями (т. 1, с. 382). Евреев из Единецкого лагеря использовали на строительстве шоссейной дороги Хотин-Черновцы (т. 1, с. 403), а самым большим лагерем для евреев в Бессарабии, по мнению автора, был лагерь в Вертюжанах, в котором было сконцентрировано 23 тыс. евреев (т. 1, с. 405). История создания Кишиневского и Черновицкого гетто занимает отдельные параграфы первого тома. Показательной была позиция И. Антонеску, который в разговоре с губернатором Буковины, в частности, сказал: «Избавь мне Буковину от евреев, в противном случае я избавлюсь от тебя» (т. 1, с. 424). Впрочем, как писал Левит, кондукэтор не питал такой звериной ненависти к евреям Буковины, как к бессарабским. На заседании румынского правительства 5 сентября 1941 г. И. Антонеску заявил, что «Буковина оказала большее сопротивление большевистскому господству, в то время как бессарабцы уступили во всех областях...». (т. 1, с. 459).

Однако главная трагедия буковинских и бессарабских евреев разыгралась в Транснистрии, куда осенью 1941 г. были депортированы десятки тысяч евреев. Решение еврейского вопроса в Транснистрии, так же как и в Бессарабии и Буковине, определялось планами румынизации и колонизации этой местности между Днестром и Бугом. «Дикая румынизация», как справедливо заметил автор, касалась не только евреев, но и армян, болгар, гагаузов (т. 1, с. 448). Провал «блицкрига» вермахта под Сталинградом, к счастью для евреев, не позволил режиму Антонеску реализовать свои планы по отселению остатков румынских евреев за Урал, а Транснистрия превратилась в «свалку ненужных людей» (т. 1, с. 450).

Важным, как нам кажется, было замечание автора о том, что депортация евреев Бессарабии и Буковины в Траснистрию была чисто румынской акцией, тогда как этническая чистка в междуречье Прута и Днестра осуществлялась румынскими властями совместно с гитлеровцами. Согласно подсчетам Левита, в Транснистрию до конца 1941 г. было депортировано 101 405 евреев (т. 1, с. 483), а за весь период оккупации — 146 423 еврея. Более 90 тыс. депортированных евреев были коренными буковинцами (т. 1, с. 486). В период от начала войны и до конца ноября 1941 г. на территории Бессарабии и Буковины было уничтожено 77 тыс. евреев (т. 1, с. 488). Автор был абсолютно правым, когда, сравнивая депортацию евреев Румынии и депортацию десятков тысяч людей из западных пограничных областей, включенных в состав СССР в 1939–1940 гг., признал, что советская акция носила классовый и политический характер, тогда как

в Румынии «неблагонадежными элементами», подлежащими депортации из прифронтовой зоны, были исключительно евреи (т. 1, с. 223).

В своем исследовании Левит сосредоточился не только на грустной статистике замордованных румынскими фашистами евреев, на характеристике их моральных и физических страданий, но и на попытках еврейской политической элиты Румынии остановить насилие. Так, руководитель Федерации еврейских общин Румынии А. Шафран во время своей встречи с патриархом Румынской православной церкви Никодимом надеялся повлиять на руководство страны. Но психологическое напряжение во время обсуждения еврейского вопроса достигло такого предела, что, как пишет автор, раввин потерял сознание. 16 октября 1941 г. А. Шафран встречался с митрополитом Буковины Г. Смердя, который пообещал ему убедить маршала Антонеску отказаться от уничтожения румынских евреев (т. 1, с. 513–514). Но, к сожалению, мало уже кто мог изменить решение Антонеску.

Во втором томе книги со всей скрупулезностью восстановлена хроника преступлений режима Антонеску против еврейского населения. Впечатляют средневековая модель массовой казни евреев в оккупированной Одессе 23–25 октября 1941 г. (т. 2, с. 36–68), кровавая резня евреев в Голтянском и Березовском уездах Бессарабии (т. 2, с. 156–184) и грандиозность планов маршала Антонеску в его намерении «окончательно решить еврейский вопрос» в Румынии (т. 2, с. 352–366). За период с июля 1941 и по декабрь 1942 г. в Транснистрии, как писал Левит, от рук фашистов и их местных пособников, а также от холода, голода и болезней погибло около четверти миллиона евреев (т. 2, с. 156). В бывшем совхозе «Богдановка» за три недели (с 21 декабря 1941 по 15 января 1942 г.) было уничтожено 54 тыс. евреев. Автор привел любопытные примеры того, что немецкая зона оккупации оказалась страшнее для евреев, чем собственно румынская, «где евреев хотя бы не убивали» (т. 2, с. 130); что среди полицаев были не только украинцы, но и евреи[3]; что второй после убийства причиной массовых смертей евреев были эпидемии тифа и дизентерии, которые безжалостно выкашивали всех жителей гетто (т. 2, с. 131), а также того, как местное украинское население оказывало помощь еврейским узникам Транснистрии (т. 2, с. 133).

В своих выводах автор опирался на значительный массив архивных документов, мемуаров и материалов периодической прессы. Широко представлена современная молдавская и румынская историография

[3] Случай уникальный в своем роде. Председателем юденрата (управления делами в еврейском гетто) в Жмеринке стал выпускник Венского университета, депортированный осенью 1941 г. из Черновиц, адвокат А. Гершман, который в совершенстве владел немецким, французским и румынским языками. Благодаря его усилиям евреи Жмеринского гетто получили возможность не только соблюдать все религиозные обряды, учить своих детей в импровизированной школе, но даже иметь собственный театр (т. 2, с. 111)! Впрочем, как пишет автор, Гершман был причастен к массовым казням евреев, за что и был в декабре 1944 г. приговорен советским судом к расстрелу (т. 2, с. 112).

проблемы. Тем не менее в заключении Левит был вынужден признать, что «установить с математической точностью число евреев, погибших от рук фашистов в Румынии и на контролируемых ею территориях в 1940–1944 гг., в силу известных причин не представляется возможным... Количество жертв геноцида можно определить только ориентировочно» (т. 2, с. 508). Однако согласно авторским подсчетам, их было не менее 330 тыс. человек (т. 2, с. 509). Многие факты, приведенные на страницах монографии, еще живут в исторической памяти местного населения[4]. Автору этих строк известны многочисленные устные истории бывших узников гетто Транснистрии, а также тех украинцев, которые спасали евреев от смерти.

Исследование отличается непредвзятым, профессиональным подходом историка в оценках явлений Холокоста. Левит, как нам кажется, мужественно оставался «по ту сторону добра и зла» в освещении откровенных сцен массового террора на землях Бессарабии и Буковины, несмотря даже на то обстоятельство, что родственники Изяслава Эликовича также были его жертвами (1, с. 394).

Некоторые фрагменты монографии заслуживают отдельного внимания. Например, на с. 92 (т. 1) автор отмечал, что банды эсэсовцев, уничтожавших евреев в 1941–1944 гг. в Траснистрии, были прямыми потомками немецких колонистов, переселившихся в конце XVIII в. в Новороссию из Бадена, Данцига, Баварии и Саксонии. К сожалению, каких-либо доказательств в пользу своей гипотезы автор не привел. С другой стороны, очевидно подразумевалась внушительная община немецких меннонитов, которые переселились в южнороссийские губернии в эпоху Екатерины II. Известно, что меннониты в Крыму и Екатеринославской губернии были самой многочисленной колонией немцев на юге России в начале XX в.[5] Тем не менее утверждение Левита о том, что их потомки якобы принимали непосредственное участие в Холокосте на территории Бессарабии или даже Украины, требует, на наш взгляд, соответствующей аргументации.

На фоне явных преимуществ монографии, немногочисленные ее недостатки можно признать скорее досадными упущениями автора. Например, на страницах книги представлена, как нам кажется, далеко не вся современная украинская историография Холокоста в Румынии (т. 1, с. 41–44). События, связанные с политикой И. Антонеску в еврейском вопросе, проблемы антисемитизма в межвоенной Румынии, репрессии против евреев

[4] Так, жительница с. Путила Черновицкой обл. П. В. Шинкарюк (1954 г.р.) очень хорошо помнит рассказ ее отца В. Г. Бевзана, который проходил военную службу в Румынской армии в 1938–1941 гг. в Тимишоаре и Кимполунге, о том, как происходила депортация евреев и конфискация их имущества.

[5] По мнению современной украинской исследовательницы Н. В. Венгер, в 1914 г. количество меннонитов только в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях составляло около 70 тыс. человек (см.: *Венгер* 2009: 641).

Буковины в годы Второй мировой войны были и остаются предметом для довольно серьезных исследований, в частности черновицких историков[6]. В библиографическом списке монографии, увы, отсутствует коллективное исследование украинских историков о преступлениях режима Антонеску в отношении народов Буковины и Бессарабии[7]. Кроме того, сравнительный анализ статистических данных о количестве жертв Холокоста в Румынии с привлечением широкого круга опубликованных и неопубликованных украинских источников позволил бы избежать объективных трудностей в авторских расчетах количества еврейских жертв репрессий, переосмыслить роль отдельных чиновников в организации, например, депортации евреев из Буковины. Так, недавно украинскому исследователю О. Суровцеву удалось обнаружить в фондах Государственного архива Черновицкой области документ, который проливает свет на решение румынских властей в декабре 1941 г. оставить в Черновцах несколько тысяч евреев, известных в современной исторической литературе Холокоста как «Траяновы евреи»[8].

Первая глава первого тома монографии Левита («Исторические предпосылки Холокоста в Румынии и на контролируемых ею в 1941–1944 гг. территориях») оказалась, на наш взгляд, слишком описатель-

[6] Например, см.: (*Піддубний* 2008; 2019; *Суровцев* 2009; 2010; 2011; 2012).

[7] (Реабілітовані історією 2007). Авторы данного сборника документов привели несколько иные, чем у Левита, статистические сведения о количестве пострадавших за годы режима Антонеску евреев Буковины. Так, всего за время диктатуры Антонеску из Буковины было депортировано 75 тыс. евреев. Количество жертв при этом составило 64 тыс. чел., из которых 10 892 еврея были расстреляны непосредственно в городах и селах Черновицкой области. Всего из Буковины и Бессарабии, как отмечали авторы сборника, было депортировано 108 тыс. евреев. Из 56 тыс. буковинских евреев, оказавшихся в Транснистрии, домой возвратилось около 6 тыс. человек. К сожалению, уточнить общее количество уцелевших евреев Буковины нам не удалось. По мнению Левита, всего на Буковине после депортации 1941 г. осталось не более 16 тыс. евреев (т. 2, с. 464), хотя в первом томе его монографии фигурируют другие цифры (т. 1, с. 472–473). Обильная статистика на страницах книги не позволяет уловить логику авторского подсчета.

[8] Примар (бургомистр) Черновцов Траян Попович в декабре 1941 г. своим решением фактически освободил от депортации в Транснистрию более 5 тыс. черновицких евреев (т. 1, с. 435). В свою очередь, губернатор Буковины К. Калотеску, который вместе с Т. Поповичем и военным комендантом В. Ионеску возглавлял Комиссию по эвакуации евреев, также выдавал «авторизации» (разрешения остаться в городе) евреям, признанным Комиссией как необходимые для края специалисты. Однако Левит не уточнил, чем собственно отличалась «авторизация Поповича» от «авторизации Калотеску» (т. 1, с. 436). Также не совсем понятно, какому количеству евреев, таким образом, удалось избежать депортации из Черновцов и Буковины в целом. Тем не менее известно, что инициатором выдачи «авторизаций» 20 тыс. черновицких евреев был не К. Калотеску и даже не И. Антонеску, о чем писал Левит (т. 1, с. 434), а генеральный консул Германии в Черновцах Ф. Шелгорн, который рассматривал евреев как незаменимый компонент в экономическом развитии города. Таким образом, по мнению О. Суровцева, в Черновцах до марта 1944 г. осталось 14 215 евреев (см.: *Суровцев* 2019). Следует заметить, что Левит на удивление скуп в своих оценках деятельности Т. Поповича, которого, как известно, за спасение многих еврейских жизней в Черновцах признали в 1987 г. Праведником мира. Автор монографии небезосновательно заметил, что выдача «авторизаций» черновицким евреям сопровождалась диким разгулом коррупции и взяток, в чем, очевидно, была заинтересована местная румынская администрация. Был ли Т. Попович причастен к фактам коррупции в процессе «урегулирования» еврейского вопроса в Черновцах, Левит не сообщил.

ной, насыщенной общеизвестными фактами из истории еврейского вопроса в Российской империи, которые к тому же имеют весьма косвенное отношение к предмету данного исследования. Отдельные выводы автора выглядят не совсем убедительными. Например, на с. 78 (т. 1) автор утверждает, что 90 % всех евреев Подолии и Волыни были убиты во времена Б. Хмельницкого, а сам гетман Украины был «главным истребителем евреев». Но, во-первых, подобные обвинения требуют как минимум ссылки на соответствующий источник, которой в монографии, увы, не оказалось, а, во-вторых, учитывая острую полемику в современной историографии по поводу характера еврейских погромов и количества их жертв во времена Хмельничины, приведенные автором коннотации следует признать чересчур категорическими. Также автор, по-видимому, заблуждался, когда на с. 101 (т. 1), описывая эпоху Николая I, отмечал, что система винных откупов в России была введена в 1872 г., а председателем «десятой по счету» комиссии по еврейскому вопросу в 1883 г. был назначен граф К. И. Панин (т. 1, с. 106) (на самом деле председателем комиссии был граф К. И. Пален).

Рассуждая о причинах и предпосылках развития антисемитизма в межвоенной Румынии (т. 1, с. 116–149), автор справедливо связывал их с обострением еврейского вопроса, усилением румынского национализма и фашизма, попытками правых политических партий противостоять «коммунистической угрозе» со стороны СССР. Вследствие этих процессов в Румынии была установлена диктатура Кароля II. С этим выводом сложно не согласиться. Однако последующее утверждение автора о том, что «кузисты и легионеры находили весьма благодатную почву для своей антисемитской агитации в Бессарабии, где пламя юдофобии, раздутое в начале XX в. русскими черносотенцами, воплощенное на практике в многочисленных кровавых погромах, не погасло ни на минуту, даже в революционные дни 1917 г.» (т. 1, с. 127), вызывает у нас сомнения. В частности, не совсем понятно, какое отношение к возникновению румынского фашизма и антисемитизма в 1930-х гг. имели русские монархисты Бессарабской губернии в начале века. Во всяком случае, убедительных примеров, иллюстрирующих обозначенную автором взаимосвязь, на страницах книги мы не нашли.

Тем не менее автор справедливо подчеркивал, что Румыния была страной, в которой политика государственного антисемитизма имела глубокие традиции. Следовательно, основания для румынского антисемитизма были и без учета в процессе его развития элементов русского, украинского или даже молдавского антисемитизма. Румынский фашизм был вполне, как нам кажется, самостоятельным историческим феноменом. Хотя очевидно, что автор связывал его развитие с явлениями европейской геополитики второй половины 1930-х гг., а именно с угрозой «русского большевизма» и растущим экспансионизмом Германии (т. 1, с. 144–147). С другой стороны, Левит убежден, что «для молодого поколения румын

армия была школою антисемитизма, пройдя через которую многие будущие генералы и полковники стали проводниками политики геноцида евреев в годы диктатуры И. Антонеску, который и сам прошел эту школу» (т. 1, с. 90).

На удивление мало внимания исследователь уделил собственной истории евреев Буковины (т. 1, с. 111), если учитывать тот факт, что евреям именно этого региона бывшей империи Габсбургов автор заслуженно посвятил не менее сотни страниц своей тысячестраничной монографии.

Но, пожалуй, главным недостатком книги следует признать отсутствие в ней именного и географического указателя. Это значительно усложняет поиск конкретной информации на страницах двухтомника. Текст явно «перегружен» длинными цитатами и малопонятной статистикой. Излишняя детализация тех или иных событий, на наш взгляд, не всегда оправдана их значением в истории Холокоста, отвлекает внимание от предмета исследования. При чтении отдельных глав создается впечатление, что перед нами скорее хроника исторических событий и мартирология фашистского режима, чем критическое осмысление во многом уже известных исторических фактов и процессов. Впрочем, общие выводы автора несколько компенсируют этот недостаток.

Таким образом, монография доктора исторических наук И. Э. Левита является фундаментальным исследованием истории Холокоста в Румынии. Уникальные материалы, собранные и проанализированные автором, касаются трагических страниц истории не только румынских евреев, но, прежде всего, евреев Украины, России и Молдовы. Тем не менее эта книга о подробностях Холокоста в Румынии, о том, как, а главное кто убивал невинных евреев. Несмотря на некоторые дискуссионные моменты исследования, монография выгодно отличается взвешенным авторским подходом в изучении непростых исторических процессов, определенной корректностью (учитывая, естественно, объективный дефицит точных статистических данных) в подсчетах жертв трагедии и уважением к историческому источнику. Именно привлечение значительного количества разнообразных исторических источников (особенно мемуарного характера) позволило И. Э. Левиту создать адекватную историческую панораму Холокоста в Румынии, буквально пошагово восстановить хронику событий тех лет, реконструировать образы государственных деятелей Румынии, проследить эволюцию их взглядов и поведения в контексте политики геноцида евреев. Очевидно, что труд известного историка будет по достоинству оценен международным научным сообществом, станет важным этапом в развитии современной историографии Холокоста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Венгер 2009 — *Венгер Н.* В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обще-

ством (1789–1920). Днепропетровск, 2009.

Піддубний 2008 — *Піддубний І.* Становище євреїв у Румунії міжвоєнного періоду // Історична панорама: Збірник наукових статей ЧНУ. Спеціальність «Історія». 2008. № 6. С. 30–41.

Піддубний 2019 — *Піддубний І. А.* Партії, парламент, король та уряд. Розвиток і взаємодія елементів політичної системи Румунії у 1918–1940 рр.: наук. ред. О. І. Сич. Чернівці, 2019. 912 с.

Реабілітовані історією 2007 — Реабілітовані історією. Науково-документальна серія книг. У 27 томах: головна ред. колегія: Тронько П. Т. та інші. Чернівецька область. Кн. 1: обласна ред. колегія: Павлюк В. І. та інші. Чернівці: Чернівецьке обласне відділення пошуково-видавничого агентства «Книга пам'яті України», 2007. 598 с.

Суровцев 2009 — *Суровцев О.* Трагедія єврейського населення м. Чернівці у жовтні-листопаді 1941 року // Питання історії України*:* Збірник наукових статей. 2009. Т. 12. С. 121–126.

Суровцев 2010 — *Суровцев О.* Спогади буковинського єврейства — важливе джерело у дослідженні подій Голокосту // Питання історії України*:* Збірник наукових статей. 2010. 13. С. 193–201.

Суровцев 2011 — *Суровцев О.* Спротив буковинського єврейства під час подій Голокосту: приклади, роздуми та подолання міфів // Питання історії України: Збірник наукових статей. 2011. Т. 14. С. 169–176.

Суровцев 2012 — *Суровцев О.* До питання про антисемітську пропаганду румунської влади в Північній Буковині у 1941–1944 роках (на матеріалах газети «Bucovina») // Питання історії України: Збірник наукових праць кафедри історії України ЧНУ. Чернівці, 2012. Т. 15. С. 117–121.

Суровцев 2019 — *Суровцев О.* Німецький консул Чернівців і порятунок євреїв у жовтні 1941 року // XII Буковинська міжнародна історико-краєзнавча конференція, присвячена 185-й річниці від дня народження Юрія Федьковича та 160-й річниці від дня народження Степана Смаль-Стоцького. Тези доповідей, Чернівці, 1–2 листопада 2019 р. Чернівці: Технодрук, 2019. С. 58–60.

ROMANIAN MILLSTONES OF THE HOLOCAUST

Rev.: Levit I. E. Shoa — Kholokost — Katastrofa: Evreiskii vopros v politike diktatury I. Antonesku. V 2 t. Tiraspol': OOO Litera, 2015.

Bezarov Alexander T. — doctor of historical sciences, associate professor, assistant of the Department of modern and contemporary history, Yurii Fedkovych Chernivtsi National University (Chernivtsi, Ukraine)

Key words: Jews, Romania, Holocaust, Transnistria, Bukovyna, Bessarabia, I.Antonescu.

Abstract. The two-volume monograph of the famous Moldavian historian I. E. Levit under review is devoted to the events of the Holocaust in Romania from 1939 to 1944. The author deeply analyzed the causes and nature of this dramatic period in the history of the Romanian Jews, restored the chronology of the mass murder of Jews in the territories of modern Moldova and

Ukraine occupied by fascist Romania. The value of the book lies in the fact that its author as a whole managed to prove the political responsibility of the I. Antonescu regime for the numerous facts of the genocide of the Jewish population during the Second World War.

REFERENCES

Piddubnii I.A. *Partiї, parlament, korol' ta uriad. Rozvitok i vzaemodiia elementiv politichnoї sistemi Rumuniї u 1918–1940 rr.*: nauk. red. O.I. Sich. Chernivtsi, 2019, 912 p.

Piddubnii I. Stanovishche evreїv u Rumuniї mizhvoennogo periodu. *Istorichna panorama*: Zbirnik naukovikh statei ChNU. Spetsial'nist' "Istoriia', 2008, no. 6, pp. 30–41.

Reabilitovani istorieiu. Naukovo-dokumental'na seriia knig. U 27 tomakh: golovna red. kolegiia: Tron'ko P.T. ta inshi. Chernivets'ka oblast'. Kn. 1: oblasna red. kolegiia: Pavliuk V.I. ta inshi. Chernivtsi: Chernivets'ke oblasne viddilennia poshukovo-vidavnichogo agentstva "Kniga pam'iati Ukraïni', 2007, 598 p.

Surovtsev O. Do pitannia pro antisemits'ku propagandu rumuns'koї vladi v Pivnichnii Bukovini u 1941–1944 rokakh (na materialakh gazeti "Bucovina'). *Pitannia istoriї Ukraïni*: Zbirnik naukovikh prats' kafedri istoriї Ukraïni ChNU. Chernivtsi, 2012, vol. 15, pp. 117–121.

Surovtsev O. Nimets'kii konsul Chernivtsiv i poriatunok evreїv u zhovtni 1941 roku. *XII Bukovins'ka mizhnarodna istoriko-kraєznavcha konferentsiia, prisviachena 185-i richnitsi vid dnia narodzhennia Iuriia Fed'kovicha ta 160-i richnitsi vid dnia narodzhennia Stepana Smal'-Stots'kogo.* Tezi dopovidei, Chernivtsi, 1–2 listopada 2019 r. Chernivtsi: Tekhnodruk, 2019, pp. 58–60.

Surovtsev O. Spogadi bukovins'kogo evreistva – vazhlive dzherelo u doslidzhenni podii Golokostu. *Pitannia istoriї Ukraïni*: Zbirnik naukovikh statei, 2010, 13, pp. 193–201.

Surovtsev O. Sprotiv bukovins'kogo evreistva pid chas podii Golokostu: prikladi, rozdumi ta podolannia mifiv. *Pitannia istoriї Ukraïni*: Zbirnik naukovikh statei, 2011, vol. 14, pp. 169–176.

Surovtsev O. Tragediia evreis'kogo naselennia m. Chernivtsi u zhovtni-listopadi 1941 roku. *Pitannia istoriї Ukraïni*: Zbirnik naukovikh statei, 2009, vol. 12, pp. 121–126.

Venger N.V. *Mennonitskoe predprinimatel'stvo v usloviiakh modernizatsii Iuga Rossii: mezhdu kongregatsiei, klanom i rossiiskim obshchestvom (1789–1920).* Dnepropetrovsk, 2009.

В. Б. Аксенов

ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТ В ПЕЧАТНОЙ ФОРМЕ

Рец.: 1917 год. День за днем. Сборник документов, воспоминаний, дневниковых и газетных записей: 18+ / сост. Сергей Лунев, Артем Соколов; науч. ред. Игорь Баринов. М.: Vatnikstan, 2019. 308 с.

Ключевые слова: 1917, революция, рецензия, периодика, археография.

Аннотация. Автор рецензирует сборник документов, посвященный повседневной жизни столиц в 1917 г., который стал продолжением интернет-проекта 2017 г. На фоне падения общей культуры публикации исторических документов отмечается низкий археографический уровень проделанной работы, при этом автор рецензии, признавая определенные эвристические успехи составителей сборника, делает конструктивные предложения об изменении структуры книги.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-305-311

Столетний юбилей революции 1917 г. миновал, однако по инерции продолжают выходить публикации, начатые или задуманные в 2017 г. Как это часто бывает, юбилейный год не стал прорывом в осмыслении событий прошлого, он оказался не более чем поводом в лучшем случае к популяризации современных научных концепций, в худшем — к псевдонаучным инсинуациям. Традиционно последними оказалось богато интернет-пространство, которое со временем обретает и традиционную печатную форму. Как правило, это приводит к профанации научных текстов, среди которых особое место занимает публикация исторических источников.

Одним из самых оригинальных проектов 2017 г. в Интернете оказался «1917 г. Свободная история» М. Зыгаря, представлявший собой попытку отразить настроения известных деятелей прошлого в форме публикаций от их имени социально-сетевых сообщений в ежедневном режиме[1]. К такой постмодернистской форме интерпретации истории, предпринятой дилетантом[2], едва ли уместно предъявлять научные требования. Другим небезынтересным интернет-проектом 2017 г.,

© В. Б. Аксенов, 2019
Аксенов Владислав Бэнович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); vlaks@mail.ru

[1] URL: https://project1917.ru/.

[2] Впрочем, М. Зыгарь не смог преодолеть искушение «объяснить» своим читателям революцию 1917 г., опубликовав 900-страничную «историю русских революций в лицах», что не приблизило его к пониманию прошлого.

претендовавшим на бóльшую научность, стала инициатива выпускников и аспирантов исторического и филологического факультетов МГУ «1917. День за днем». С 1 января по 31 декабря авторы публиковали документы, раскрывавшие повседневную жизнь современников, их заботы, политические и экономические ожидания в конкретный день 1917 г. Среди источников — периодическая печать, а также дневники и воспоминания современников событий, которые были разбиты по темам быт, политика, криминал, социальные проблемы и т. д. Кроме источников публиковались на ресурсе и научно-популярные статьи на тему российской революции. Однако проблемой оказалось то, что ни создатель проекта — аспирант С. Лунев, ни его редакция в лице кандидата исторических наук А. Соколова (или тем более филолога Е. Мельничук) не являлись специалистами по 1917 г. Поэтому главным недостатком проекта сразу стало отсутствие научных комментариев к публикуемым материалам, тем более что ряд цитируемых источников передавал распространенные в прошлом слухи, которые неискушенные читатели вполне могли принять за факты. Так, например, в опубликованном отрывке за 1 марта 1917 г. из воспоминаний гардемарина Н. Вредена упоминались «полицейские с пулеметами», размещенные «в стратегических пунктах города»[3]. В свое время в историографии шла дискуссия о пулеметных точках («протопоповских пулеметах»), в результате которой исследователи пришли к выводу о том, что полиция не имела отношения к пулеметной стрельбе с крыш домов (*Мельгунов* 1961; *Волобуев* 2000: 76; *Румянцев* 2015: 38–54). Подобная некритичная перепечатка документов способствует распространению мифологизированных образов прошлого. Другим недостатком интернет-ресурса стало произвольное приписывание мемуарных отрывков тому или иному дню месяца. Вероятно, хронологию следовало выстраивать с помощью дневников и газет, а воспоминания приводить как общие характеристики периода. По истечению сроков проект был закрыт? и его авторы объявили сбор средств на публикацию сборника документов, обещая, что «книга будет не просто подытоживать 1917daily.ru, это будет отдельная большая работа». Однако «большой работы» не получилось.

Рецензируемое издание сохранило все «детские болезни» своей интернет-площадки, к тому же обзавелось собственными осложнениями. Вызывает удивление, что книга имеет научного редактора — кандидата исторических наук И. Баринова. Казус в том, что как таковой научно-справочный аппарат в сборнике отсутствует. Справедливости ради отметим, что в тексте встречаются краткие биографические справки об авторах публикуемых дневников и мемуаров, при этом упоминаемые в самих источниках деятели остаются «безвестными» для читателя.

Книга представляет собой ежедневную подборку документов, каждый месяц открывается краткой справ-

[3] URL: http://1917daily.ru/sources/vreden-01-03-2/.

кой о наиболее значимых событиях (иногда два-три за месяц, некоторые важные события пропускаются), а заканчивается «библиографией» (в действительности списком источников, т. к. научная литература по теме отсутствует) и именным указателем. В отличие от интернет-ресурса в книге нет тематической структуры, все отрывки из документов приводятся в случайном порядке, в результате чего в голове читателя может образоваться достаточно сумбурная картина российской революции. Конечно, в событиях 1917 г. стихийное преобладало над организованным, да и в сознании современников отсутствовало понимание происходящего, но едва ли эту идею следует доносить до читателя подобным образом.

Источники личного происхождения публикуются по уже изданным печатным сборникам, а также интернет-ресурсам (sic!). Таким образом среди них нет тех, которые бы впервые вводились в научный оборот. Вероятно, именно по этой причине отсутствуют какие-либо археографические пояснения — авторы сборника перенаправляют читателей к более ранним изданиям. Дневники, мемуары обывателей и известных политических деятелей идут вперемешку, без комментариев, в результате чего свидетельства сторонних наблюдателей, как, например, московского обывателя Н. П. Окунева, или молодого человека, гардемарина Н. Вредена (ошибочно названного в книге Реденом, вслед за публикацией его воспоминаний «Центрполиграфом»), и таких известных политиков, как А. Ф. Керенский, М. В. Родзянко, чьи интерпретации революции определялись их собственной ролью в событиях, оказываются равнозначными.

Не было бы смысла писать критическую рецензию на сборник, выпущенный аспирантом С. Луневым (оставив это его научному руководителю), если бы его соавтором и научным редактором не значились остепененные историки. Неужели А. Соколов с И. Бариновым не имеют представлений о том, какие научные требования предъявляются к публикации документов? Конечно, «1917. День за днем» не задумывался как академический труд, но на фоне постоянно выходящих околонаучных исторических публикаций профессиональным историкам следует поддерживать определенную планку. Для чего авторам было бы полезно освежить в памяти курс археографии (см.: Актуальные вопросы... 1981; Правила издания... 1990; *Валк* 1991; *Добрушкин* 1992; *Степанский* 2004; и др.).

Можно было бы назвать книгу «хрестоматией» и указать, что она несет исключительно учебно-ознакомительные функции, была написана в качестве дополнительных материалов к определенному учебно-методическому комплекту по истории 1917 г., но отсутствие тематической структуры и научных комментариев сильно снижает ее учебный потенциал. Таким образом, сложно представить себе аудиторию, для которой книга могла бы быть полезной: неискушенный читатель запутается в ворохе свидетельств, искушенный останется неудовлетворен археографическим уровнем.

Тем не менее было бы несправедливо ограничиться одними замечаниями, т. к. у проекта есть некоторый нереализованный потенциал. С. Лунев проделал определенную эвристическую работу, были собраны небезынтересные свидетельства эпохи. Дело за малым: структурировать материал и снабдить его комментариями. Прежде всего для облегчения задачи и повышения источниковедческой ценности сборника есть смысл сконцентрироваться лишь на одном виде источника — периодической печати, тем более что С. Лунев является специалистом по периодике. Этот вид источников до сих пор недооценен, хотя он представляет значительный интерес в рамках социально-политической истории, истории повседневности. Газеты включают в себя широкий спектр документов: это и популярно-аналитические тексты, хроника общественно-политической жизни, криминальные сводки. За годы цензуры большую роль приобрели разделы «Вести и слухи», которые вели многие издания. Слухи как самостоятельный вид устных источников крайне важен для понимания общественных настроений (тревог и надежд обывателей). Вместе с тем интерпретация газетами слухов позволяет понять политические стратегии тех или иных сил. Партийные издания могли фабриковать слухи или направлять уже существующие против своих врагов. Так, например, когда весной 1917 г. в Петрограде и Москве распространялась паника по поводу «черных авто» (несмотря на то, что пресса неоднократно перепечатывала слухи о «черных авто», этот сюжет не отразился в рецензируемом издании), газета «Правда» предложила свою версию того, кем были «люди черных автомобилей»: кадетами из числа гласных Петроградской городской думы (*Аксенов* 2017: 112–141). Тем самым встреча в периодике устных и письменных текстов весьма интересна с точки зрения источниковедческого исследования. Не менее любопытно сопоставление газетных письменных и визуальных текстов. Например, «Петроградский листок» в 1917 г. достаточно быстро реагировал на политические события актуальными карикатурами (в этом отношении газетная карикатура отличается от журнальной карикатуры, которая из-за своей инерционности часто не успевала за событиями), а также вел зарисовки уличной повседневной жизни. В последние годы историки обращают внимание на источниковый потенциал рекламных и брачных объявлений. Исследование этих вопросов в предисловии смогло бы существенно поднять статус книги. 1917 г. — хоть и короткий, но исключительно яркий период в истории отечественной прессы, что полностью оправдывает ограничение материалов сборника выдержками из периодической печати.

Тем не менее следует расширить список используемых газет. Так, в сборнике используется партийная периодика — кадетская «Речь», эсеровская «Дело народа», — однако отсутствует меньшевистская и большевистская пресса. Стоило бы добавить меньшевистскую «Рабочую газету» и большевистскую «Правду». Кроме того, одной из самых информативных газет следует на-

звать «Биржевые ведомости» (предпочтительнее «Вечерний выпуск»), а используемую бульварную периодику — «Маленькая газета», «Газета-копейка» — можно разнообразить «Петроградским листком».

Следовало бы также подумать о тематической структурализации. Не отказываясь от ежедневной формы подачи материала, ввести тематические маркеры либо внутри месяца выделить разные тематические блоки с собственной хронологией. Правила археографии не ограничивают публикатора, наоборот, они позволяют подобрать оптимальный способ организации материала и исторических источников.

Остается надеяться, что данная критика будет воспринята авторами положительно и поможет в будущем поднять профессиональный уровень их работ, тем более что сегодня на историческом поприще хватает халтурных проектов дилетантов, формирующих общественное мнение в отношении событий прошлого.

Приходится констатировать, что даже крупные издательства в погоне за прибылью часто не утруждают себя подготовкой качественных комментариев или предисловия, которые отсутствуют, например, в серии «Свидетели эпохи» издательства «Центрполиграф» или «Военных мемуарах» издательства «Кучково поле» и пр. Последнее издательство в 2015 г. в серии мемуаров выпустило полухудожественное произведение И. Зырянова (*Арамилев В.* В дыму войны. Записки вольноопределяющегося), а в 2014 г. решило снабдить издание дневника П. Е. Мельгуновой-Степановой научным аппаратом, но подготовивший вступительную статью и комментарии В. Д. Лебедев не понял, что работал не с первоначальным текстом, а позднейшей рукописью, в которой Мельгунова-Степанова и С. П. Мельгунов делали редакторские пометки и вставки, выделявшиеся в квадратные скобки. Лебедев, ничтоже сумняшеся, заменил все квадратные скобки на круглые, в результате чего изначально следовавшие в круглых скобках пояснения дневника и позднейшие редакторские добавления слились в один текст. Это привело, например, к тому, что у читателей складывалось впечатление, что Мельгунова-Степанова каким-то образом уже 20 июля 1918 г. знала о том, что расстрелян не только бывший император, но и все члены его семьи, хотя в действительности первые слухи на этот счет появились лишь осенью того же года.

На фоне катастрофического падения качества публикаций исторических источников профессиональным историкам следует быть особенно внимательными в своей исследовательской и публикационной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аксенов 2017 — *Аксенов В. Б.* «Черное авто» как символ революционного насилия в 1917 г.: фобия, мифологема, эмоциональный стимул // Антропологический форум. 2017. № 32. С. 112–141.

Актуальные вопросы... 1981 — Актуальные вопросы истории, теории и методики публикации документов. М., 1981.

Валк 1991 — *Валк С. Н.* Избранные труды по археографии. Научное наследие. СПб., 1991.

Волобуев 2000 — *Волобуев П. В.* По поводу числа убитых и раненых в Петрограде в дни Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. // Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Статьи. М., 2000.

Добрушкин 1992 — *Добрушкин Е. М.* Основы археографии. М., 1992.

Мельгунов 1961 — *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 г. Париж, 1961.

Правила издания... 1990 — Правила издания исторических документов в СССР. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 1990.

Румянцев 2015 — *Румянцев А. Г.* «Полицейские пулеметы» в Феврале 1917 года: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей. СПб., 2015. С. 38–54.

Степанский 2004 — *Степанский А. Д.* Археография отечественной истории XX века. Учебное пособие. М., 2004.

INTERNET PROJECT IN PRINTED FORM

Rev.: 1917 god. Den' za dnem. Sbornik dokumentov, vospominanii, dnevnikovykh i gazetnykh zapisei: 18+, sost. Sergei Lunev, Artem Sokolov; nauch. red. Igor' Barinov. Moscow: Vatnikstan, 2019, 308 p.

Aksenov Vladislav B.— candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of Russian history, RAS (Moscow)

Key words: 1917, revolution, review, periodicals, archeography.

Abstract. The author reviews a collection of documents dedicated to the everyday life of the capitals in 1917, which was a continuation of the Internet project in 2017. Against the background of the fall of the general culture of publication of historical documents there is a low level of archeographical level of the work done, and the author of the review, recognizing certain heuristic success of the compilers of the collection, makes constructive suggestions for changing the structure of the book.

REFERENCES

Aksenov V. B. "Chernoe avto' kak simvol revoliutsionnogo nasiliia v 1917 g.: fobiia, mifologema, emotsional'nyi stimul. *Antropologicheskii forum*, 2017, no. 32, pp. 112–141.

Aktual'nye voprosy istorii, teorii i metodiki publikatsii dokumentov. Moscow, 1981.

Dobrushkin E. M. *Osnovy arkheografii*. Moscow, 1992.

Mel'gunov S. P. *Martovskie dni 1917 g.* Parizh, 1961.

Pravila izdaniia istoricheskikh dokumentov v SSSR. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Moscow, 1990.

Rumiantsev A. G. "Politseiskie pulemety' v Fevrale 1917 goda: mif ili real'nost'? *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: Novye podkhody i vzgliady*. Sb. nauch. statei. St. Petersburg, 2015, pp. 38–54.

Stepanskii A. D. *Arkheografiia otechestvennoi istorii XX veka*. Uchebnoe posobie. Moscow, 2004.

Valk S. N. *Izbrannye trudy po arkheografii. Nauchnoe nasledie*. St. Petersburg, 1991.

Volobuev P. V. Po povodu chisla ubitykh i ranenykh v Petrograde v dni Fevral'skoi burzhuazno-demokraticheskoi revoliutsii 1917 g. *Akademik P. V. Volobuev. Neopublikovannye raboty*. Stat'i. Moscow, 2000.

П. Г. Черемушкин

Рец.: *Волобуев В. В.* Польша в советском блоке: от «оттепели» к краху режима. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. 272 с.

Ключевые слова: Польша, советский блок, советско-польские отношения, польский кризис 1970 г., польский кризис 1980–1981 гг., движение Солидарности в Польше, падение коммунизма в Восточной Европе, Владислав Гомулка, Войцех Ярузельский, Лех Валенса, Иоанн Павел II.

Аннотация. Рецензируется сборник очерков по ключевым проблемам истории послевоенной Польши в контексте ее принадлежности к советскому блоку.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-312-323

«Польши больше не существует в нашем медийном пространстве, о ней говорят или плохо, или ничего», — сказала одна коллега-историк, узнав о моем профессиональном интересе к полонистике. Причина понятна: после обострения конфронтации России с западным миром, начавшегося в 2014 г., в Польше ожили извечные и постоянные страхи в отношении восточного соседа, правопреемницы Российской империи и СССР (согласно традиционному польскому взгляду, «советской империи»), и этим страхам стали находить новые подтверждения[1]. Попытки взаимного обсуждения спорных вопросов на разного рода совместных форумах (в том числе комиссии историков) зачастую приводили к обнародованию длинных списков взаимных претензий, что не способствовало улучшению взаимопонимания. Сегодняшнее отношение к Польше в России в тех случаях, когда оно лишено официально поддерживаемого неприятия, отличается равнодушием, и ситуация в этом смысле резко отличается от советских времен, когда польские темы постоянно присутствовали в научно-общественном и культурном дискурсе. На российском книжном и новостном рынке крайне редко (особенно после 2016 г.) можно встретить

© П. Г. Черемушкин, 2019
Черемушкин Петр Гѐрманович — доцент Московского государственного лингвистического университета, кандидат искусствоведения (Москва)

[1] Так, устами одного из влиятельных телеведущих официальных российских каналов было заявлено, что «из всех восточноевропейских вонючек Польша — самая вонючая», а уж слова В. М. Молотова (октябрь 1939 г.) о Польше как «уродливом детище Версальского договора» в Варшаве не забывали никогда.

работу, содержащую серьезный анализ процессов, происходящих или происходивших в Польше, и это в полной мере касается истории этой страны во второй половине XX в. Одним из несомненных исключений в этом смысле стал сборник работ российского историка, старшего научного сотрудника Института славяноведения и балканистики РАН Вадима Волобуева, который глубоко исследует ключевые проблемы польской истории XX в. и советско-польских отношений. И делает это с максимальной беспристрастностью, тщательно выбирая формулировки и язык для обсуждения деликатной тематики.

«Польша в советском блоке: от “оттепели” к краху режима» — так называется книга, изданная в 2018 г. университетом Дмитрия Пожарского и вышедшая в серии «Холодная война». В нее включен целый ряд статей, собранных под общей обложкой, на которой изображены главные герои недавнего польского прошлого: лидер движения «Солидарность» и позже президент страны Лех Валенса, папа римский Иоанн Павел II и генерал Войцех Ярузельский, последний глава ПНР. Все эти люди в политическом плане остались в XX в. с холодной войной, противостоянием СССР с Западом и борьбой поляков с советскими порядками. Эпоха, их породившая, навсегда ушла в прошлое вместе с самым «веселым бараком» в социалистическом лагере (как тогда называли Польскую народную республику), где всегда происходили процессы, вызывавшие повышенный интерес у советской интеллигенции и опасения у власть имущих, то и дело прорывавшиеся великодержавным пренебрежением «маленькой страной с великим кинематографом». Однако не только Валенса и папа римский Иоанн Павел II были важными фигурами того времени, о которых теперь часто склонны забывать. В. Волобуев представляет читателю таких исторических личностей, как коммунисты Болеслав Берут и Владислав Гомулка, философ Лешек Колаковский, маршал Константин Рокоссовский, сдерживавший в 1956 г. неприятие обществом режима советского типа при помощи танков, а также кардинал Стефан Вышиньский, то разжигавший польское недовольство и бунтарские настроения, то остужавший страсти, кипевшие в стране. Кто сейчас помнит таких деятелей, как партийные чиновники и офицеры госбезопасности Мечислав Мочар или Франтишек Шляхчиц? А ведь в ПНР это были влиятельнейшие лица, крупнейшие интриганы, боровшиеся за власть и составлявшие так называемую группировку «партизан». Все эти фигуры развернуто представлены в книге Вадима Волобуева.

Польша была важнейшей страной советского блока, которая, как справедливо пишет Волобуев, находилась у советских руководителей на особом счету. «Динамика общественно-политических изменений в стране нередко заставляла Москву пристально вглядываться в польские события», — отмечает он во введении к сборнику, читать который интересно каждому, кто следил и следит за положением в этой стране. Необходимость пристального государственного взгляда

на происходящее в Польше привела к тому, что в Советском Союзе сформировалась большая когорта полонистов (или, как говорили в 1980-е гг. в редакции соцстран ТАСС, «поляковедов»), которая в силу естественных причин понемногу сходит со сцены. Вадим Волобуев, продолжая лучшие традиции отечественной полонистики, анализирует малоизученные проблемы польской истории периода оттепели и «развитого социализма», о которых в России вспоминают крайне редко. «Над социалистическим строем в Польше изначально тяготел "первородный грех" привнесенности, усугубленный особенностями исторической памяти, важной составляющей которой являлась борьба с Россией», — отмечает Волобуев в заключении к своей книге. «Невзирая на пропаганду советско-польской дружбы и отмежевание КПСС от царского империализма, массовое сознание поляков не разделяло Российскую империю и Советский Союз», — справедливо считает автор книги.

Польша изменилась с советских времен, но в основополагающих вещах осталась той же и не перестала быть страной, заслуживающей (как и польская культура) очень серьезного внимания, подтверждением чего стало недавнее присуждение Нобелевской премии по литературе польской писательнице Ольге Токарчук. Происходящие в Польше политические процессы, рост популизма и национализма, укрепление римско-католической церкви даже в отсутствие такого противника, как мировой коммунизм, противостояние с Евросоюзом, при том что эта страна стала основным получателем субсидий из Брюсселя — все это заставляет вспомнить меткое высказывание одного из лучших российских полонистов позднего советского поколения ныне покойного Н. И. Бухарина (тезки и однофамильца влиятельного деятеля большевистской партии), сделанное им западному дипломату: «Раньше Польша была нашей головной болью. Теперь это ваша головная боль».

Ныне пришло время рационально проанализировать весь сложный период становления и функционирования советского режима в Польше, его многочисленные кризисы (1956, 1968, 1970, 1976, 1980–1981), процесс перехода власти от Польской объединенной рабочей партии к оппозиции, выразившийся в проведении круглого стола в 1988–1989 гг., что и делает московский историк Вадим Волобуев. Большой интерес вызывает раздел об отношениях католической церкви к общественно-политическому кризису в Польше в декабре 1970 — январе 1971 г., написанный на основе документов Архива внешней политики Российской Федерации. В основе анализа лежат донесения советских дипломатов о положении в Польше того времени, показывающие, насколько точно советское руководство было информировано о происходящем в Польше. Становится очевидным, что в секретных сводках писали одно, а на широкой публике говорили другое. Сейчас трудно себе представить, что в то время в Польше работали большой корпункт ТАСС, состоявший из пяти человек, бюро агентства печати

«Новости» и представительства других советских СМИ[2].

В своих статьях, объединенных в книгу, Волобуев особенно тщательно и дотошно разбирает именно те сложные и противоречивые моменты польской истории, за которые доныне не брались или почти не брались российские исследователи, связанные идеологическими и прочими предрассудками. Это, прежде всего, вопрос польско-еврейских отношений и роль евреев-коммунистов в установлении в Польше советского режима после окончания Второй мировой войны[3]. До сих пор для Польши, как ни странно, еврейский вопрос остается актуальным даже несмотря на то, что евреев в стране практически не осталось. Как известно, территория Польши времен Второй мировой войны стала одним из основных мест Холокоста. Сложность взаимоотношений евреев и поляков в последние десятилетия не раз поднималась в общественных дискуссиях, идущих в Польше, она находила отражение и в кино, в творчестве таких режиссеров, как Петр Павликовский («Ида»), Анджей Вайда («Страстная неделя»), Владислав Пасиковский («Колоски»). Волобуев исследует эту тему деликатно и без сползания в крайности, подробно анализирует причины, в силу которых поляки еврейского происхождения оказались в 1945 г. в высшем партийном руководстве Польши, в госбезопасности и в журналистских кругах.

Для политического обозревателя и даже культуролога в книге найдется полезный и тщательный обзор положения евреев в довоенной Польше (они составляли почти 10% населения страны), представит интерес и анализ генезиса роли и места евреев в польском послевоенном обществе, в его обустройстве. «После прихода к власти в соседней России большевиков к обычной неприязни (поляков) добавились подозрения в просоветской ориентации евреев. При этом ярлык “жидо-коммуны” часто клеился не только на евреев-коммунистов, но и на социалистов, позволявших себе высказывать антикатолические и антиправительственные взгляды», — пишет Волобуев. После окончания Второй мировой войны участие евреев в структурах новой власти стало для части польского общества подтверждением старого тезиса о «жидо-коммуне». Автор приводит цитату из газеты польского эмигрантского правительства, где отмечается, что Польшей правят евреи и большевики.

---

[2] Когда я знакомился со статьей Волобуева, посвященной кризису на Балтийском побережье 1970 г., в памяти моей всплывал образ деда, членкора АН СССР Вацлава Леоновича Кретовича, в то время читавшего при мне (ребенке) газету «Трибуна люду» — орган ЦК ПОРП — и бурно обсуждавшего с моим отцом события в Гданьске, повышение цен, гибель рабочих, отставку партийного лидера Владислава Гомулки. Именно тогда, в раннем возрасте, я узнал, что в наших газетах могут писать одно, в польских другое, а в западных радиостанциях говорить совершенно третье.

[3] Пожалуй, ранее ничего более основательного о бытовании еврейского вопроса в условиях коммунистического режима на русском языке читать не приходилось за исключением, может быть, трудов Геннадия Костырченко, которые все же в большей степени посвящены истории еврейского вопроса в СССР.

«Высмеиваемый до войны лозунг “жидо-коммуны” теперь реализуется на практике. Польские коммунисты не имеют никакой власти. Евреи захватили все рычаги власти», — писала газета. Действительно в период сталинизма в Польше с 1944 по 1956 г. высокие посты занимали три еврея — министр промышленности Хиляры Минц, министр иностранных дел Зыгмунд Модзелевский и заместитель премьер-министра по вопросам общественной безопасности Якуб Берман. Причем Берман и Минц вместе с Болеславом Берутом формировали «узкое руководство», которое задавало тон в разных областях партийной и общественно-экономической жизни, что отмечает Волобуев, углубляясь, таким образом, в тему, долгое время табуированную (до него из российских полонистов к ней обращался разве что А. М. Орехов). Волобуев справедливо замечает, что функционеры-евреи не принимали никакого участия в культурной и религиозной жизни польских евреев, поскольку считали себя, прежде всего, коммунистами, а уже потом евреями. Израильские политики впоследствии подвергали критике (цитируем В. Волобуева) «позорную роль данных лиц, немало которых отличились в пропаганде ненависти к нашему национальному возрождению и нашему государству». Волобуев акцентирует внимание на большом количестве евреев в органах госбезопасности послевоенной Польши, заслуживших недобрую славу среди поляков своими варварскими методами работы и преследованиями тех лиц, которые в общественном мнении считались поборниками польской независимости. Из 450 руководящих работников общественной безопасности в 1944–1956 гг. евреями были почти 30 %. Весьма примечательно в этой связи приводимое В. Волобуевым высказывание одного из влиятельных партийных деятелей еврейского происхождения Романа Вэрфеля об упущениях в кадровой политике на этом направлении, оно носит то ли трагикомический характер, то ли характер черного юмора. «Даже в пытках нужно соблюдать определенные принципы. Сташека должен бить другой Сташек, а не Мойша», — говорил Вэрфель. Волобуев объясняет кадровые перекосы в польской госбезопасности послевоенного времени тем, что «коммунисты, прошедшие через польские тюрьмы и, нередко, советские лагеря, отличались фанатичной приверженностью своей идеологии, а потому воспринимали послевоенные польские реалии как очередной этап в войне труда и капитала. Они с готовностью записывались в ряды сотрудников госбезопасности, спеша воплотить в жизнь обуревавшую их идею». «Впрочем, поляков среди таких людей было не меньше, чем евреев», — констатирует он далее.

Автор справедливо называет «военные переживания» важным фактором того, что евреи шли в ряды тех, кто устанавливал советскую власть в послевоенной Польше: жизнь в гетто, фашистские концлагеря, доносительство соседей — после всего этого приход Красной армии воспринимался евреями как долгожданное избавление от шестилетнего ужаса, а потому они намного охотнее, чем большинство поля-

ков, шли на сотрудничество с новой властью. «Нельзя скидывать со счетов и мстительные побуждения: долгое время трактуемые как люди второго сорта, а затем методично уничтожаемые в гитлеровских лагерях смерти, евреи наконец получили возможность расквитаться сполна со своими обидчиками — немцами и поляками», — пишет автор.

Среди пропагандистов нового социалистического искусства в послевоенной Польше Волобуев называет людей еврейского происхождения Павла Хоффмана, Ежи Борейшу, Ежи Помяновского, Адама Шаффа и выдающегося поэта Юлиана Тувима. Но почему-то забывает легендарного музыканта, пианиста Владислава Шпильмана, который после долгих лет укрывания от нацистов стал одним из главных руководителей польского радиокомитета, создателем многочисленных шлягеров коммунистической Польши, которые исполнялись и в Советском Союзе. Широко известен фильм «Пианист» Романа Поланского о судьбе Владислава Шпильмана. Однако звездные часы еврейского присутствия в руководстве народной Польши продолжались недолго.

Весьма любопытно читать в книге Волобуева о призывах «к ограничению числа евреев в руководстве страны» со стороны маршала двух народов Константина Рокоссовского. Уже после смерти Сталина в октябре 1953 г. министр обороны ПНР Рокоссовский информирует советника посольства СССР о том, что в политуправлении Войска Польского кадры укомплектованы по семейному и национальному принципу с преимуществом евреев. Волобуев приводит известный факт о том, что у маршала не сложились отношения с руководством ПОРП, «которое считало его чужеродным телом в своем организме». «Однако вряд ли столь прямолинейный человек, как Рокоссовский, стал бы прибегать к разного рода грязным приемам, чтобы опорочить кадровый состав политуправления Войска Польского. Представляется, что он был искренен, когда указывал, что данное ведомство укомплектовано по семейному и национальному признаку», — пишет Волобуев. Вообще, затрагивая еврейский вопрос в контексте становления советских порядков в Польше, автор совершенно справедливо выделяет его как один из ключевых вопросов борьбы за власть в коммунистической верхушке ПНР вплоть до 1968 г., когда произошла одна из крупнейших антисемитских чисток в польском руководстве.

В этом смысле особенно интересно представлена фигура Владислава Гомулки, который был не только жертвой сталинских репрессий в Польше, но и вошел в историю как гонитель евреев после войны между Израилем и арабскими государствами летом 1967 г. Арестом Гомулки, которого при Сталине обвиняли в «правонационалистическом уклонизме», руководил офицер еврейского происхождения Юзеф Святло, бежавший в 1953 г. на Запад. Затем Святло стал работать на радио Свободная Европа, разоблачая методы польской госбезопасности. Волобуев объясняет бегство Святло тем, что в Москве был арестован

и расстрелян всесильный шеф госбезопасности Л. Берия, который покровительствовал национальным спецслужбам в странах так называемой «народной демократии». И вслед за уничтожением Берии могли начаться чистки в органах народной Польши. Волобуев прекрасно представляет эту бесконечную череду, если не сказать чехарду, рокировок, «перетягиваний каната». Особенно точно это представлено в рассказе о борьбе за власть группировок так называемых «натолинцев» и «пулавян» внутри ПОРП, понять суть которой теперь может только очень искушенный в истории Польши человек. Для меня было неожиданно узнать, что отец знаменитого кинорежиссера Агнешки Холланд Генрик Холланд, будучи видным коммунистическим журналистом Польши, покончил с собой, выбросившись из окна, когда его пришли арестовывать. «41-летний Холланд был одним из наиболее заслуженных марксистских публицистов Польши. Коммунист с довоенным стажем, он был первым из рядовых членов партии, кто еще в апреле 1956 года на собрании Варшавского партактива поставил вопрос о реабилитации Гомулки — хотя ранее нападал на него за правонационалистический уклон. Холланд активно включился в процесс обновления после 1956 года. Во время встречи со своей знакомой журналисткой Алицией Завадской, муж которой был корреспондентом французской газеты “Монд”, Холланд рассказал о секретном докладе Хрущева на XX съезде с разоблачением культа Сталина, а в квартире Завадской была установлена подслушивающая аппаратура». После этого к Холланду и явились сотрудники госбезопасности, которые обвинили его в шпионаже и предъявили ордер на обыск. Этот драматический эпизод с самоубийством Холланда привел к тому, что на похоронах журналиста собралось множество деятелей, как тех, кто активно выступал за расширение гражданских свобод, так и тех, кто еще недавно клеймил последних, а теперь оказался под ударом партийных антисемитов, отмечает историк.

По мнению В. Волобуева, «предпосылкой для межэтнической напряженности внутри марксистской партии Польши являлся слишком большой, непропорциональный по отношению к общей численности населения страны, процент в них евреев». «Причинами этого являлись преследования, которым подвергались многие евреи в довоенной Польше, тяжелые экономические условия существования значительной части еврейского меньшинства в стране, а также известные симпатии некоторых еврейских кругов к СССР, как к государству, якобы лишенному национальных предрассудков и внесшему решающий вклад в разгром фашизма», — отмечает историк.

В. В. Волобуев, оставаясь в рамках научности, все же не чужд определенным построениям в области альтернативной истории. Он размышляет, в частности, над тем, что могло бы произойти, если бы так называемые «партизаны» Мочара смогли отстранить от власти Гомулку, который, по мнению автора, был слишком привержен формулам коммунистического интернацио-

нала, чтобы допустить чрезмерную «этнизацию» (читай полонизацию) официальной идеологии. По оценке историка, Польша в этом случае «превратилась бы в аналог национально-коммунистической диктатуры наподобие Румынии, КНДР или Советского Союза периода позднего сталинизма». Думаю, что такое развитие событий Польше бы не грозило, просто в силу национальных особенностей польского народа, с большим сомнением воспринимавшего советские порядки в любом их проявлении. В этом смысле очень показательна глава, посвященная католической церкви в Польше, которая, как известно, служила институтом, объединявшим польское общество в период разделов страны.

Большая часть книги Волобуева основана на польских источниках. Однако есть и исключение, о котором упоминалось ранее. Автор, как отмечалось, получил доступ к материалам архива внешней политики МИД России в части, касающейся дипломатических донесений из Польши в период рабочих волнений на Балтийском побережье в 1970 г. В этом смысле подтверждается то особое внимание, которое советское руководство придавало происходящему в Польше в то время. Статья «Католическая церковь и общественно-политический кризис в Польше в декабре 1970 — январе 1971 года» начинается с пространной цитаты из донесения совпосла А. Б. Аристова, который высоко оценивает мастерство и логику выступления одного из католических епископов. Посол отмечает, что церковь активно работает с молодежью, организуются всякого рода спортивные кружки, в костелах, особенно в сельской местности, вывешиваются списки запрещенных церковью кинофильмов и пьес. «Борьба ведется особенно в сельской местности за каждого прихожанина. Если ксендз заметил, что из его прихода какой-то верующий человек несколько раз не посетил костел, он, как правило, садится на мотоцикл и едет к этому человеку в его дом или квартиру, и если этот верующий жив и здоров, то он сам, а если нужно с помощью членов семьи или группы верующих соседей добивается возвращения его в число посещающих костел», — докладывал в Москву посол СССР. «Приведенный документ весьма наглядно свидетельствует, что борьба за души между атеистической властью и католическим духовенством была далеко от завершения», — справедливо отмечает историк, подчеркивая при этом важнейшую роль, которую в этот период времени играл примас Польши кардинал Стефан Вышиньский. (Величественный памятник кардиналу на улице Новый Свят может увидеть каждый, кто посещает Варшаву в наши дни.)

Автор отмечает, что, несмотря на непримиримую вражду между коммунистической властью и церковью, следует отметить определенную долю лицемерия как с той, так и с другой стороны. «Находящиеся у власти марксисты хотя и преследовали костел как пережиток “буржуазно-помещичьей Польши”, но вместе с тем категорически отрицали дискриминацию граждан по религиозному признаку. В то же время среди духовенства был

распространен взгляд на правящую партию как на несуверенную и временную власть, навязанную Советским Союзом, хотя на словах церковная иерархия заявляла о признании существующего строя и всячески отмежевывалась от обвинений в политической борьбе», — пишет Вадим Волобуев, отмечая, какой гнев в партийном руководстве вызвало знаменитое письмо польского епископата немецкому в ноябре 1965 г. «Мы прощаем вас и сами просим прощения». «Письмо это, написанное на волне проходившего тогда II Ватиканского собора, вызвало отторжение В. Гомулки уже самим фактом обращения поляков к гражданам другого государства через голову официальных структур», — замечает Волобуев. При том что костел осудил действия милиции при разгоне студенческих демонстраций в 1968 г., он сохранил молчание в связи с вводом частей Войска Польского в Чехословакию в составе группировки Варшавского договора. В партийном руководстве молчание костела было воспринято как безмолвное одобрение, и примасу Стефану Вышиньскому было позволено получить загранпаспорт и поехать в Ватикан на собор.

В польском обществе сложилось своеобразное двоевластие, где политическая жизнь на высшем уровне была узурпирована марксистами, тогда как на местном уровне наиболее важной фигурой оставался ксендз, о чем с тревогой сообщали советские дипломаты. Так, вице-консул в Гданьске В. Федоров информировал Москву, что в местной прессе не бывает антирелигиозных выступлений и даже в марксистской литературе не упоминается краеугольное изречение Маркса «Религия — опиум для народа». А уж когда перед сталинской высоткой в Варшаве появился гигантский алтарь для проповеди папы римского Иоанна Павла II, это вызвало настоящий шок в Москве.

Весьма интересно Волобуев описывает линию поведения римско-католической церкви в связи с повышением цен в декабре 1970 г., что привело к настоящему бунту в Гданьске, который перекинулся и на другие города. В Гданьск, Гдыню и Щецин вошли войска. «Положение было настолько серьезным, что Политбюро было вынуждено отправить в отставку В. Гомулку вместе с рядом его соратников», — напоминает автор, отмечая, что в это время в польском партийном руководстве звучали даже опасения советского военного вторжения в Польшу. Примас проявил весьма сдержанную позицию, заявив, что польский народ, имевший за плечами тяжкую драматическую историю, не мог рисковать, поскольку еще были живы воспоминания о подавленных движениях в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г. По мнению церковных властей, то же самое могло случиться и в Польше, если бы события вышли из-под контроля. К слову сказать, аналогичную позицию Вышиньский занял и в 1981 г., когда незадолго до своей кончины буквально на коленях просил лидера профдвижения «Солидарность» Леха Валенсу отказаться от всеобщей забастовки.

«Вышиньский не пошел на обострение отношений с государственны-

ми властями, понимая, что открытое выступление церкви на стороне участников декабрьских демонстраций поставило бы костел в положение враждебной организации, действующей против государственного строя», — пишет Волобуев. В то же время представители костела выразили сочувствие рабочим и их семьям, оказавшимся без кормильцев. Епископат выступил с посланием к соотечественникам, автором которого был будущий папа римский Кароль Войтыла. В нем осуждалось насилие в отношении участников акций протеста. Сообщая об этом в Москву, вице-консул в Гданьске Трофимов называет выступления ксендзов «подстрекательскими проповедями, проникнутыми будто бы заботой о человеке». В свою очередь консул в Кракове В. Нестерович докладывал в МИД, что в день празднования «Божьего тела» особую роль играл архиепископ Кароль Войтыла, который назвал огромные жертвы на Балтийском побережье причиной того, что власти услышали верующих. «По данным друзей в Кракове, в процессиях приняло участие до 35 тысяч человек, что значительно больше, чем в предшествующие годы», — приводит Волобуев строки из дипломатической депеши. Тем не менее автор справедливо считает, что епископат неуклонно проводил линию политического «минимализма», причиной чего являлись геополитические соображения, вынуждавшие католических иерархов действовать с оглядкой на СССР и принимать во внимание неполный суверенитет Польской народной республики. Такую же линию проводили и партийные руководители, что мы хорошо знаем из истории введения военного положения в Польше в 1981 г., и в этом смысле «товарищи» и священники смыкались друг с другом. Как говорил один из моих начальников по ТАСС, бывший сотрудник Международного отдела ЦК КПСС, «Запомните, все поляки заодно! Что Ярузельский, что папа римский Войтыла! Все заодно!»

С большим интересом читается глава «Круглый стол: ожидания и действительность», посвященная организации и проведению переговоров между властью и оппозицией в 1988–1989 гг., приведших к демонтажу просоветского режима в Польше. Нынешняя оценка круглого стола в Польше значительно отличается от той, что была еще два десятилетия назад: теперь вместо позитивных оценок чаще всего звучат негативные, с употреблением выражения «сговор элит». Вокруг истории круглого стола сформировалась «черная легенда», как пишет Волобуев. Сегодня многим кажется, что падение социализма в Польше, как и в других странах, было предопределено, являлось естественным развитием событий. Однако в то время это было не так очевидно, что и отмечает автор книги. Мне в это время пришлось быть в Варшаве на преддипломной практике от факультета журналистики МГУ, и я отлично помню, что следили мы за подготовкой и организацией круглого стола с вниманием и азартом, как за абсолютно непредсказуемым диковинным зрелищем или процессом. «Круглый стол отнюдь не мыслился его участниками как мероприятие по слому общественно-политической системы Народной Польши.

Такой характер он приобрел позже, на волне выборов 4 июня 1989 года, принесших оглушительную победу оппозиции», — пишет Волобуев, отмечая значительную роль в реформировании польской экономики последнего коммунистического правительства Мечислава Раковского. Волобуев приводит слова бывшего советника Александра Квасьневского, который говорил, что участники круглого стола со стороны власти «пытались исправить ПНР, а вместо этого создали Третью Республику». Круглый стол обрастает мифами, понемногу стираясь из памяти, точно отмечает автор. «Многие поляки уже не ощущают всей глубины перелома, случившегося в 1989 году, и поэтому склонны недооценивать роль тех людей, чья деятельность способствовала этому перелому», — пишет историк.

Весьма интересно Волобуев представляет роль Войцеха Ярузельского в организации переговоров круглого стола и приводит цитату, содержащую оценку его личности. Один из партийных деятелей говорил, что Ярузельский был человеком, «чей несомненный ум был парализован страхом, лояльностью к большому соседу, обидами, одиночеством и недоверием к оппозиции». Но при этом именно Ярузельский ввел в оборот выражение «круглый стол», выступая на VII пленуме ЦК ПОРП в июне 1988 г. Однако первым, кто предложил переговоры властей и оппозиции, был публицист и философ Адам Михник, который обратил внимание на пакт Монклоа, ставший началом перехода Испании от режима Франсиско Франко к демократии. И тем не менее в отношении круглого стола, в работе которого приняло участие 57 человек, остается множество непроясненных фактов. Достаточно сказать, что в конце 1989 г. по приказу Ярузельского и министра иностранных дел Чеслава Кищака были уничтожены все стенографические записи заседаний ЦК ПОРП и сожжены личные дела участников круглого стола.

«Круглый стол явился ярким доказательством степени отчуждения власти от народа в 1980-е годы. Без этого отчуждения не случилось бы крушения правящей партии в столь короткие сроки. Поляки своими голосами смели правящий режим ПНР, а Москва не могла, как раньше, вмешиваться в процессы в Польше», поскольку Советский Союз находился в состоянии реформирования и стремительного ослабления, отмечает Вадим Волобуев. По мнению автора, Перестройка сделала возможным круглый стол, а он в свою очередь сделал возможными первые частично свободные выборы, которые и подвели черту под историей ПНР.

Со слов польского историка Р. Судзиньского Волобуев ставит темы, которые еще ждут своего изучения в истории круглого стола. Это, прежде всего, влияние советского фактора на положение в Польше. Ставила ли Москва четкие рамки для перемен? По всей вероятности, в Москве уже было ясно, что «доктрина Брежнева», о завершении которой формально было объявлено только в декабре 1989 г., уже не действовала. И хотя Москва еще пыталась блефовать в этом вопросе, устами начальника управления информации и печати МИД СССР

Геннадия Ивановича Герасимова было сказано, что доктрину Брежнева сменяет доктрина Синатры: «каждый может идти своим путем». Что касается анализа западного фактора в процессе перемен в Польше, то об этом написано достаточно много, в том числе и в мемуарах президента США Джорджа Буша-старшего. Не вызывает сомнения, что паломничества Иоанна Павла II безусловно оказывали огромное влияние на настроения в обществе, особенно его проповедь о том, что на Польшу «снизойдет дух святой и изменит обличье этой земли».

Книга Вадима Волобуева стала редким по нынешним временам трудом по истории Польши в XX в. и, несомненно, станет полезным чтением для каждого, кто интересуется страной и народом, отношения с которым у России всегда были непростыми. Российский историк новой генерации глубоко изучил обозначенные им проблемы и представил их читающей публике элегантно и со вкусом. Следует констатировать, что в отечественной полонистике сложился интересный и серьезный специалист по истории Польши XX в.

Rev.: *Volobuev V. V.* Pol'sha v sovetskom bloke: ot “ottepeli” k krakhu rezhima. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2018. 272 p.

Cheremushkin Petr G. — candidate of art history, associate Professor of the Moscow State linguistic University (Moscow)

Key words: Poland, the Soviet bloc, Soviet-Polish relations, the Polish crisis of 1970, the Polish crisis of 1980–1981, the Solidarity movement in Poland, the fall of communism in Eastern Europe, Władysław Gomułka, Wojciech Jaruzelski, Lech Wałęsa, Ioannes Paulus PP. II.

Abstract. A collection of essays on key problems of the history of post-war Poland in the context of its belonging to the Soviet bloc is reviewed.

А. А. Тесля

«НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК» В «СОВРЕМЕННИКЕ»*

Рец.: *Вдовин А. В.* Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М.: Молодая гвардия, 2017. 298 с.: ил. (серия: «Жизнь замечательных людей», вып. 1639).

Ключевые слова: женская эмансипация, история русской критики, история русской общественной мысли, литературный быт, семиотика поведения.

Аннотация. Рецензируемая книга является новейшей биографией Добролюбова – рассмотрением его жизни в широком историко-культурном контексте, с преимущественным вниманием к тому, как литературные модели влияют на жизненные практики, а потребность в осмыслении последних влияет на восприятие литературы.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-324-331

В отечественной историографии последних десятилетий таким фигурам, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов – или, продолжая ряд в более поздние времена, как Михайловский или Плеханов, – не повезло. С одной стороны, сохранялась инерция прежнего восприятия – с другой стороны, в принципе, являющаяся лишь задником первой, – осуществлялась «переоценка» прежних фигур, с заменой знака – и поиском идеологически более привлекательных фигур. При этом зачастую и до сих пор игнорируется тот факт, что идейные споры, преемственности и влияния в XIX в. отнюдь не совпадали ни с теми идеологическими схемами, которые чертили сами участники баталий, ни с последующими. Так, последующее включение Белинского в цепочку «революционных демократов» оказывалось принимаемым и оппонентами – в результате чего оказывались если не без внимания, то на периферии исследовательских интересов иные

© А. А. Тесля, 2019
Тесля Андрей Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта; mestr81@gmail.com
* Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

генеалогии. Здесь достаточно напомнить хотя бы известный спор 2-й половины 1850-х гг. из-за наследия Белинского и важность последнего для оппонентов Чернышевского и Добролюбова — или, например, значение уже самого Добролюбова и влияние критики последнего для целого ряда русских интеллектуальных направлений, не только весьма далеких, но нередко и прямо противостоящих «революционным демократам» и их наследникам — как, например, для нововременцев.

Задача биографа в случае Добролюбова весьма сложна — во-первых, дабы его персонаж ожил, ему потребно отдалиться от канонических изображений, за полтора века ставших окончательно схематичными. Биографу не только необходимо прочесть Добролюбова свежим взглядом, оставить непроизвольно приходящие на ум готовые схемы и интерпретации — но и донести этот взгляд до читателя. Во-вторых, и это даже гораздо большая проблема, чем первая, — сама жизнь Добролюбова очень коротка, всего двадцать пять лет, к тому же не насыщенных внешними событиями. Она укладывается в элементарное повествование: родился, учился — сначала в родном городе, Нижнем Новгороде, затем в Петербурге, попутно перечислившись из духовного сословия в светский разряд людей, рано оказался сиротой, помогал по мере сил братьям и сестрам, зарабатывал уроками, попутно начал печататься — дарование было оценено, как и невероятная работоспособность. В 22 года стал основным критиком «Современника», к 24, уже совсем серьезно больной, поехал за границу, вернулся в Петербург — и вскоре умер. В последний год писал уже меньше, чем ранее, — смерть подбиралась.

Обе эти трудности Вдовин блистательно решает одним приемом — через обильное введение биографического материала, нарушающего канонический облик Добролюбова. При этом он делает не только своего персонажа живым — т. е. внутренне напряженным, с внутренним конфликтом (обретая тем самым материал для драматургии изложения), но и одновременно получает возможность взглянуть на критические статьи Добролюбова в динамике, увидеть их не как «изложение взглядов», а в том числе и как попытки автора разобраться в значимых для себя вопросах.

В последней, 6-й главе книги Вдовин достаточно подробно рассказывает историю посмертной «канонизации» Добролюбова — где употребление понятия «канонизации» оказывается не очень далеким от своего прямого значения, поскольку и Некрасов, и Чернышевский во многом выстраивают образ покойного критика по моделям представлений о «светском святом». Одномерности образа Добролюбова способствует и его восприятие неприятелями — от Герцена до Тургенева, подчеркивающими его сухость, ядовитость, безжизненность/мертвенность и т. п. Переведенные в другой оценочный план те же качества превращаются в черты разночинческого святого, всецело преданного своему делу, отчужденного от мирской суеты и не идущего на компромиссы с ней.

Однако для самого Чернышевского важным и волнующим как в живом Добролюбове, так и в посмертных размышлениях о нем было именно сочетание аскетизма, идейной устремленности, почти подвижнического журнального труда — и страстности, любовных увлечений и элементарного сексуального влечения. Как отмечает Вдовин, Добролюбов был, кажется, единственным — в довольно узком кругу людей, которых Чернышевский знал близко и которых знал с этой стороны — кого он рассматривал как «новых людей» и кто имел подобную, в глазах Чернышевского насыщенную, сексуальную жизнь: регулярные посещения проституток, опыт сожительства с одной из них, остзейской немкой Терезой Грюнвальд и т. п.

Собственно, приводимые подробности интимной жизни Добролюбова и разрушают созданный канон — двухмерный, предполагающий, что критик если не сводится целиком к «реальной критике», то разве что с дополнением в виде революционных стремлений, которые не могут напрямую войти в подцензурную печать и запечатлеваются через намеки, иносказания, метафоры. Но если сама интимная жизнь Добролюбова скорее обыденна для молодых петербургских разночинцев этих лет — отличаясь от обыкновенного лишь тем, что Добролюбов действительно выкупит Терезу из публичного дома и даст ей средства и возможности начать новую жизнь (чем она, судя по всему, не воспользуется), — то в глазах Чернышевского, в отличие от возникающего во многом его же собственными усилиями канона, именно это представляет особенный интерес и ценность, как опыт «новых людей», устроения новой жизни, нового быта, что отразится во всех основных его художественных текстах, от «Что делать?» до «Пролога».

И в том, и в другом случае Добролюбов подлежал канонизации — но в первом варианте, оказавшемся по существу единственным, он прославлялся как воплощенная идея, тогда как во втором — значимом для Чернышевского, пытавшегося в том числе и сразу после смерти Добролюбова прославить его именно в его повседневности, опыт закончился провалом. Публика, присутствовавшая на вечере в пользу Литературного фонда, где Чернышевский 2 марта 1862 г. читал свои воспоминания о друге, оказалась в недоумении:

«То, что казалось Чернышевскому уникальной особенностью поведения “нового человека”, для публики совпадало с соблюдением житейских норм. “Фиаско в реформе нравов” — это определение публициста “Библиотеки для чтения” [П.В. Боборыкина. — *А.Т.*] как нельзя более точно характеризует провал Чернышевского. В самом деле, одни слушатели — из высшего сословия — не распознали в его сумбурном выступлении разночинческого поведенческого кода; другие — разночинцы — не угадали, что в этой абсолютно “нереволюционной” системе поведения и кроется та этическая революция, проповедником которой скоро станет Чернышевский-романист» (с. 244).

Впрочем, именно большей части из тех текстов Чернышевского, которые были посвящены описанию, прояснению и анализу жизни Добролюбова — которая мыслилась как образец поведения «нового человека» — не повезло: написанные после «Что делать?» «Алферьев» и «Повести в прозе», отложившиеся в архивах Петропавловской крепости, оказались доступны публике только в 1906 и 1930 гг. соответственно.

Весьма примечательно и различие бытовых форм поведения между, с одной стороны, «людьми 40-х годов», независимо от их сословной принадлежности, и, с другой — Чернышевским и Добролюбовым. Так, для последних «уклад и ценности кружковой жизни были <...> абсолютно чужды», и Добролюбов «стремился демонстрировать это старшему поколению» (с. 131). Так, по воспоминаниям И. И. Панаева, Тургенев однажды не выдержал и охарактеризовал собеседнику претившее ему различие:

«В нашей молодости мы рвались посмотреть поближе на литературных авторитетных лиц, приходили в восторг от каждого их слова, а в новом поколении мы видим игнорирование авторитетов. Вообще сухость, односторонность, отсутствие всяких эстетических увлечений, все они точно мертворожденные. Меня страшит, что они внесут в литературу ту же мертвечину, какая сидит в них самих. У них не было ни детства, ни юности, ни молодости — это какие-то нравственные уроды» (с. 131).

«Семинарист» Добролюбов, как и его старший товарищ Чернышевский, были выходцами из обеспеченных и образованных семей, верхней части белого духовенства — и социальное положение их семей облегчало их дальнейший социальный подъем. При этом ощущение ущемленности — во многом отражающееся и во встречающихся мемуарных оценках происхождения из «бедных семей» — связано с той средой, в которую они стремились войти и во многом осуществили свое намерение: круг литераторов 1840–1850-х гг. был кругом среднего дворянства или людей, ориентированных и вполне воспринявших культуру последнего (как, например, В. Боткин, в сословном плане принадлежавший к купечеству). Но ценой восхождения в том числе были и реализация навыков, и следование в связи с этим поведенческим моделям, расходившимся с этим кругом, — для поднимающихся вверх «поповичей в миру» значимы были «светский аскетизм», трудолюбие, в том числе и демонстративное — и никак не «свобода от авторитетов», но поклонение таким авторитетам, которые давали возможность самим становиться, через приобщение к ним, инстанцией оценки по отношению к непосредственному окружению — как авторитет «науки», «точного знания», Фейербаха или «новых людей».

Некоторые утверждения автора выглядят, однако, довольно сомнительно. Так, например, на с. 127, обращаясь к социологическим аспектам истории литературы и журналистики, Вдовин пишет[1]:

[1] В данном случае ссылаясь на К. Ключкина, но в тех текстах последнего, на которые дана ссылка, подобных формулировок мы не нашли — см.: (*Ключкин* 2016: 206), — но там речь идет об анонимности критика и публициста — и в качестве примера приводится Г. Елисеев (кстати,

«Наконец, демократическая идеология оказалась крайне выгодной и с чисто экономической точки зрения, поскольку предполагала понижение статуса авторского имени критика или публициста на страницах журнала (анонимность) и, как следствие, уменьшение гонорарной ставки. Чтобы прокормиться, критик должен был писать для каждого номера очень много, чем Чернышевский с Добролюбовым и занимались» (с. 127).

Прежде всего отметим, что анонимность критики — скорее наследие предшествующих журнальных традиций и различного отношения к авторству в случае литературного или критического произведения: так, напомним, большая часть критик в 1820–1830-е гг. выходит либо анонимно, либо под псевдонимами, криптонимами и т. п. Однако более значительное возражение вызывает иное утверждение в приведенном пассаже — тезис об «уменьшении гонорарной ставки», тем более что именно в 1830–1850-е гг. складывается журнальная экономика, создающая возможность профессионализации труда писателей и критиков. В условия вынужденного многописания одинаково оказываются погружены как разделяющие демократическую идеологию Белинский и Добролюбов, так и достаточно отчужденный от нее Дружинин, а «Москвитянин» оказывался для А. Григорьева не вполне приемлемым журналом в том числе и потому, что не обеспечивал достаточно пространства для многописания и, с другой стороны, не мог — в силу небольшой подписки — предоставить гонорары для относительно безбедного существования. Собственно, сами же данные, приводимые Вдовиным, демонстрируют, что доходы Добролюбова в «Современнике» оказывались весьма значительными — и в 1859–1860 гг. были соразмерны профессорским окладам, что, разумеется, обусловливалось невероятной, поражавшей самого Некрасова производительностью Добролюбова. В любом случае странным звучит тезис об «уменьшении гонорарной ставки» в условиях, когда гонорар вообще делается нормой только с 30-х гг., с наступлением «торгового», «смирдинского» периода русской словесности.

Впрочем, обсуждение данных сюжетов служит для автора дорогой к плодотворному наблюдению о меняющейся позиции Добролюбова к «Современнику». Подобно Чернышевскому, он обращается к журналистике в поисках заработка — при этом глядя на свою работу вполне отчужденно (напомним, что до самой смерти его статьи выходят либо без авторства, либо с подписью «-бов» или «Лайбов» — и одним из важнейших действий по созданию культа Добролюбова станет выход в 1862 г. собрания его сочинений, впервые однозначно увязывающий большой массив текстов с именем автора). Но уже в 1859 г., через два года после начала регулярной журнальной работы, он пишет своему институтскому

известный пример материального успеха журналиста, его фигура послужила прототипом для язвительной зарисовки в «Братьях Карамазовых»).

приятелю Ивану Бордюгову (28.VI): «Современник» «для меня все более становится настоящим делом, связанным со мной кровно» (цит. по: с. 128). Если в конце обучения в Педагогическом институте и в начале сотрудничества в журнале он ищет «настоящего дела», то «к 1859-му убедился, что журнальное поприще и есть то “общее” и единственно верное дело, которое он должен делать ради достижения всеобщего блага» (с. 128).

Внимательное перепрочтение массива текстов, опубликованных Добролюбовым в 1857–1861 гг. в «Современнике» и «Свистке», дает Вдовину возможность фиксировать не только быстрое становление концепции «реальной критики», но и если не отказ от нее, то проблематичность ее к последнему году жизни Добролюбова. При этом биограф отмечает, что если вовне Добролюбов выступает в качестве критика предыдущего поколения, «лишних людей», от лица людей «новых», то для самого автора предметом постоянного сомнения выступает действительная состоятельность последних, и в первую очередь самого себя — речь идет о способности оправдать хоть часть ожиданий, а не повторить опыт предшественников. Иными словами, напряженность критики и заостренность нападения, вызывающие острую реакцию со стороны Герцена, — это и несколько юношеский страх за самого себя, сомнения в себе, отыгрывающиеся в радикализме размежеваний и обвинений. Разрыв с предшествующим должен не дать возможности или, по крайней мере, отчасти помешать проявиться всему тому, что видишь в других и склонность к чему видишь и в своем собственном поколении: это вариант заклинания, которое должно изменить саму реальность.

В работе есть масса частных плодотворных наблюдений и замечаний, перечислять которые нет никакой возможности, но остановимся хотя бы на одном из них, посвященном новому пониманию «народности». Вдовин фиксирует появление нового наполнения «народности» у Добролюбова в статье 1858 г. «О степени участия народности в развитии русской литературы» — которое отсутствует у его ближайшего старшего коллеги, Чернышевского:

«В отличие от романтиков 1830-х годов, Белинского 1840-х и Аполлона Григорьева 1850-х, понимавших “народность” как некий живой организм, метафизическую сущность, воплощение духа нации через язык, образы и сюжеты, Добролюбов вкладывал в это понятие отражение интересов простонародья (прежде всего крестьян). Он использует словосочетание “голос народа” и предлагает переписать всю историю России от Владимира до наших дней исключительно с точки зрения простого народа — крестьян, мещан, солдат. <...> Такая позиция предполагает тотальное переписывание истории русской литературы: Добролюбов утверждает, что, в сущности, от “Слова о полку Игореве” до Лермонтова и Гоголя в ней не было ни одного “народного” автора или сочинения, в котором бы полноценно выразились интересы простого народа.

<...> он не только оспаривал традиционный исторический нарратив Карамзина (история государства), но и подрывал “Историю русского народа” Николая Полевого, у которого под народом подразумевалась нация — все сословия русского общества» (с. 136–137).

Не столько отзвуки, сколько отражение аналогичных размышлений можно увидеть в выходивших и готовившихся в эти же годы трудах Костомарова, посвященных «бытовой», повседневной стороне русского прошлого, а в первую очередь — в новой волне интереса к фольклору и этнографическим изысканиям.

Биография Добролюбова работы Вдовина — очень насыщенный, сжатый текст, плодотворно отходящий от биографической схемы за счет включения в жизнеописание истории образа Добролюбова после его смерти, ведь применительно к любой «исторической фигуре» частью ее биографии — в ряде случаев важнейшей — является именно посмертная история, которая одновременно оказывается генеалогией современного интереса к данному персонажу, а археология образа позволяет выстроить множественность персонажей, образовавшихся от одного исходного лица. Завершая эту историю, автор рассказывает о значении Добролюбова для новомирской критики 1960-х гг., в первую очередь представленной Владимиром Лакшиным — когда критическое наследие Добролюбова звучало как обоснование призыва к «правде». Как для публицистов первого новомирского редакторства Твардовского имя Добролюбова санкционировало требование «необходимости искренности в литературе (читай — и в жизни)» (с. 273). Собственно, и включение Добролюбова в советский канон в начале 1930-х не произошло без трудностей — ведь «реальная критика» оказывалась в сложном отношении к «идейности» произведений, поскольку оказывалось, что большой автор потому и значим, что выражает реальность независимо от своих идейный предпочтений и склонностей, независимо от того, что «намеревался сказать». И вместе с тем Добролюбов оказывался в 1930-е гг. вполне «каноничен», поскольку именно за критиком оказывалось последнее слово и именно он, согласно Чернышевскому, представал истинным «главой литературы», вслед за поэтом (до 1830-х) и прозаиком[2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вдовин 2011 — *Вдовин А.* Концепт «главы литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjatus, 2011.

Ключкин 2016 — *Ключкин К.* Литературные предприятия Некрасова 1840-х годов и формирование дискурса российской публичной сферы. Ст. 1 и 2 // Карабиха. Историко-литературный сборник. Вып. 9. Ярославль, 2016. С. 172–209.

[2] См. подробнее: (*Вдовин* 2011).

"THE NEW PERSON" IN THE "SOVREMENNIK"

Rev.: *Vdovin A. V.* Dobroliubov: raznochinets mezhdu dukhom i plot'iu. Moscow: Molodaia gvardiia, 2017. 298 p.: il. (seriia: "Zhizn' zamechatel'nykh liudei', vyp. 1639).

Teslya Andrei A. — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University

Key words: female emancipation, the history of Russian criticism, the history of Russian social thought, literary life, semiotics of behavior.

Abstract. The book which is reviewed is the latest biography of Dobrolyubov — an examination of his life in a broad historical and cultural context, with a primary focus on how literary models affect life practices, and the need to comprehend the latter affects the perception of literature.

REFERENCES

Vdovin A. *Kontsept "glavy literatury' v russkoi kritike 1830–1860-kh godov*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjatus, 2011.

Kliuchkin K. Literaturnye predpriiatiia Nekrasova 1840-kh godov i formirovanie diskursa rossiiskoi publichnoi sfery. St. 1 i 2. *Karabikha. Istoriko-literaturnyi sbornik.* Vyp. 9. Iaroslavl', 2016, pp. 172–209.

Л. Прайсман

НОВАЯ КНИГА О БОРИСЕ САВИНКОВЕ

Рец.: Три брата (То, что было): Сборник документов / составители, авторы предисловия и комментариев К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова. М.: Новый хронограф, 2019. 1016 с.

Ключевые слова: Борис Савинков, русское революционное движение, эсеры, большевизм, революция 1917 в России, ОГПУ, гражданская война в России, русская эмиграция.

Аннотация. Рецензируемый сборник содержит письма, статьи, воспоминания видного деятеля русского революционного движения и писателя Бориса Савинкова и двух его братьев, также оставивших след в истории революционного движения.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-332-340

В издательстве «Новый хронограф» вышел в свет сборник документов «Три брата (То, что было)». Его составители, авторы предисловия и комментариев: доктор исторических наук К. Н. Морозов и кандидат исторических наук А. Ю. Морозова. Сборник содержит письма, статьи, воспоминания трех братьев, представителей русской интеллигентной семьи первой четверти XX в. Необычным в этой семье было то, что один из братьев Б. В. Савинков был выдающимся деятелем русского революционного движения, ключевой фигурой самой мощной террористической организации 1-й половины XX в. «Боевой организации партии социалистов-революционеров», а после того, как революция произошла, но пошла не по тому пути, о котором он мечтал, он стал одной из самых ярких фигур антибольшевистского лагеря, боровшегося с большевиками с первого дня большевистского переворота до 15 августа 1924 г., когда Савинков был арестован агентами ОГПУ в Минске, куда его заманили в ходе чекистской операции «Синдикат II».

Во время перерывов в его бурной деятельности террориста, политического деятеля, руководителя одной из основных антибольшевистских организаций в России в 1918 г. «Союз защиты родины и свободы» Савинков написал повести «Конь бледный» и «Конь вороной», роман «То, чего не было», автобиографические «Воспоминания террориста». Его книги каждый раз вызывали бурные споры. После опублико-

© Л. Прайсман, 2019
Прайсман Леонид Григорьевич– историк, специалист по истории еврейства в России, истории российского революционного движения и Гражданской войны (Израиль); praismana@gmail.com

вания «Коня бледного» участники революционного движения засомневались в революционности самого Савинкова, а после выхода «Коня вороного» многие его соратники по антибольшевистскому лагерю задумались о его антибольшевизме.

Типичной для многих участников революционного движения была судьба старшего брата Александра — неоднократные аресты, ссылка в город Олекминск Якутской губернии и самоубийство 23 мая 1905 г. в возрасте 31 года. Младший брат Виктор, в юности член революционных кружков, талантливый художник, участвовавший в выставках Бубнового валета, затем артиллерийский офицер, участник Гражданской войны и антибольшевистского движения. В эмиграции он написал очень интересные воспоминания о революции, Гражданской войне «Записки 1920–1927».

Документам, приведенным в книге, предшествует предисловие почти на 200 страниц, в котором составители, приводя биографические сведения о трех братьях, постарались разобраться в истории русского революционного движения и событий русской революции и Гражданской войны. Составители, пожалуй, с наибольшей во всей литературе о главном герое книги Борисе Савинкове полнотой постарались понять этого крайне сложного и противоречивого человека: «Искренность в Савинкове порождала склонность к рефлексии. И он, пытаясь понять мир вокруг себя, свое место, место своих товарищей, цели борьбы, средства, которые они используют, не вписывался во многое, да, наверное, не мог бы вписаться. Но таких людей, с таким обостренным чувством восприятия и желанием отрефлексировать, не останавливаясь ни перед чем, не очень-то любят. Но не любящих Савинкова тоже можно понять — Савинков участвует в постановке самых громких покушений на Плеве и великого князя Сергея Александровича и тут же сомневается, можно ли убивать даже во имя идеи. Он рискует своей жизнью и жизнью своих товарищей и жалуется в 1907 г. в Париже Фигнер, недавно только отсидевшей в тюрьме 21 год, что ему не на что купить новые лайковые перчатки взамен порвавшихся».

Составители сборника подробно останавливаются на идейных исканиях Савинкова, на сомнениях в допустимости террора: «Допустимо ли насилие или нет? Допустимо ли убийство или нет?», нашедших выражение в повести «Конь бледный» и в романе «То, чего не было (Три брата)». Они справедливо пишут: «Оценивая эту попытку морально-этических поисков Савинкова и других эсеров, можно констатировать, что они родились не на пустом месте, а действительно вытекали из реальных противоречий доктрины и жизни. Решить их, конечно же, не удалось, но уже сама попытка поставить их и отстаивать само право на их решение делали им честь, но шансы на то, что революционная среда пересмотрит свои уже сложившиеся взгляды, были невелики...»

Очень важной чертой Савинкова, мешавшей ему во всех его начинаниях, была неспособность разбираться в людях. Он продолжал верить в Азефа уже после рассказа

Бурцева о разоблачениях Лопухина и задал Бурцеву поразительный по своей наивности вопрос: «Я обращаюсь к Вам, Владимир Львович, как к историку русского революционного движения, прошу Вас после всего, что мы Вам рассказали о деятельности Азефа, сказать нам совершенно откровенно, есть ли в истории русского освободительного движения, где были Гершуни, Желябовы, Сазоновы, и освободительном движении других стран более блестящее имя, чем имя Азефа?» (*Бурцев* 1989: 44). Но Азеф был другом, руководителем нашего героя в его деятельности, который умел обманывать и более проницательных людей как в революционном, так и в правительственном лагере. Но как Савинков мог летом 1917 г., будучи товарищем министра и управляющим военного министерства, предлагать мелкого аферист М. М. Филоненко на пост министра иностранных дел, является полной загадкой. Ф. А. Степун писал о разговоре с Савинковым: «Этот разговор отчетливо остался у меня в памяти, потому что я не мог не рассмеяться, когда Савинков выдвинул кандидатуру Филоненко на пост министра иностранных дел. Мой смех явно обидел Бориса Викторовича, и между нами произошла легкая размолвка» (*Степун* 1995: 429).

И все же совсем загадочным представляется то, что мелкие агенты ОГПУ смогли довольно просто заманить Савинкова в Россию. Жаль, что авторы предисловия не остановились на этой черте характера нашего героя — он верил тем людям, которым хотел верить. В 1920 г. после всех неудач, постигших Савинкова в борьбе с большевистской диктатурой, после поражения основных большевистских сил на севере, на востоке и на юге России, Савинков идет в Польше на союз с атаманом-разбойником С. Н. Булак-Балаховичем. Составители сборника писали: «В борьбе с большевиками Б. Савинков готов был сотрудничать даже с С. Н. Булак-Балаховичем, несмотря на все его отрицательные стороны, так как его отряды <...> представляли реальную силу». Это желание бороться с большевиками в союзе с кем угодно, кто готов был с ними бороться, толкало Савинкова на союз с генералами А. И. Деникиным, М. А. Алексеевым и даже с Верховным правителем России адмиралом А. В. Колчаком. Морозовы очень хорошо показывают его меняющиеся оценки действий генералов и Добровольческой армии. Но принципиальная позиция Савинкова заключалась в том, что только при единении буржуазных и демократических элементов можно победить большевиков: «спасти Россию без честного единения буржуазии и демократии невозможно». Он писал о своих действиях: «Мы имеем смелость, не боясь “запачкаться”, положить начало этому единению. Вопрос в том, смогут ли “товарищи” (я говорю о государственно мыслящих из них) понять, что им судьба дает переэкзаменовку, и что переэкзаменовку эту они обязаны выдержать, иначе притязания буржуазии будут законны, ибо те, кто спасает Россию, ею и будет распоряжаться». Но союз с генералами давался очень непросто. Виктор Савинков писал о впечатлении Бориса об этих переговорах: «Брат <...>

приходил с совещаний обыкновенно очень злой и со свойственной ему иронией рассказывал мне, как три генерала не могут никак прийти к соглашению, как они спорят о пустяках целыми часами, расходятся, сходятся снова, снова настаивают на своих требованиях». Многие офицеры люто ненавидели Савинкова, для них он был революционер, ничем не лучше большевиков. Ненависть заходила так далеко, что дважды предпринимались попытки его убить.

После неудачного пребывания на Дону Б. Савинков поехал в Петроград и Москву. Сам Савинков в различных письмах, статьях и выступлениях по-разному писал и говорил о целях этой поездки. Составители книги приводят отрывок из «Записок В. Савинкова»: «В конце концов, видя, что в Новочеркасске каши не сваришь, что если будет что-то организовано, то именно "черносотенно-монархистская генеральская контрреволюция", брат с полномочиями от Корнилова и Алексеева в кармане (на всякий случай) уехал на север, чтобы потом появиться в Москве и Ярославле». В Москве весной 1918 г. Савинков развивает бешеную деятельность и создает «Союз защиты родины и свободы». В брошюре «Борьба с большевиками» он вспоминал: «Мы формировали отдельные части всех родов оружия. В основу формирований был положен конспиративный принцип, с одной стороны, и принцип кадров, с другой. <...> полковой командир знал всех своих подчиненных, взводный знал только своего ротного командира. Все офицеры получали жалование от штаба "Союза" и несли только две обязанности: хранить абсолютную тайну и по приказу явиться на сборный пункт для вооруженного выступления. <...> К концу мая мы насчитывали в Москве и в 34 провинциальных городах России до 5500 человек, сформированных по одному образцу: пехоты, артиллерии, кавалерии и саперов. <...> в Москве они [члены Союза. — *Л.* П.] подготовляли убийство Ленина и Троцкого и готовились к вооруженному выступлению».

Савинков писал абсолютную правду. И при этом у опытного конспиратора, одного из руководителей Боевой организации, у которого правила конспирации должны были войти в плоть и кровь, проявлялось какое-то непостижимое легкомыслие в соблюдении правил конспирации. Именно об организации Савинкова писал генерал Б. И. Казанович, посланный командованием Добровольческой армии в Москву летом 1918 г.: «Все эти организации производили впечатление чего-то несерьезного. Велись списки, распределялись роли на случай будущего восстания. <...> Особенно была развита страсть к спискам: одна такая организация была ликвидирована большевиками, потому что при случайном аресте одного из ее членов нашли список всех ее членов с подробными адресами и даже номерами телефонов» (*Казанович* 1922: 197–198). Речь идет именно о «Союзе защиты родины и свободы».

Но несмотря на аресты, Союз продолжал энергично готовиться к восстанию. 5 июля 1918 г. восстания вспыхнули в ряде городов

Поволжья. Наиболее мощные выступления произошли в Ярославле, Муроме и Рыбинске. Составители сборника справедливо пишут: «... отказ от первоначального плана поднятия восстания в Москве, под предлогом опасности ввода в нее немецких войск и реализация планов восстания в Ярославле, Рыбинске и Муроме, соединение с десантом было скорее решением военного (из которых собственно и состоял весь штаб СЗРиС), а не политика. Опыт Февральской революции и Октябрьского переворота (забегая вперед, августовского путча 1991 г.) и отчасти весь опыт Гражданской войны показал совершенно явственно, что судьба страны в моменты революции и дестабилизации решается в столице». Но в «Союзе защиты родины и свободы» окончательное решение принимал Б. Савинков и ответственность за принятие ошибочного решения (восстание в провинции, а не в Москве) несет именно он. Составители сборника указывают на то, что 6 июля в Москве произошло восстание левых эсеров. Но трудно сказать, как бы повели себя левые эсеры дальше в этой ситуации, ведь Савинков летом 1918 г. был для них контрреволюционером и восстание Союза могло сплотить их с большевиками.

Савинков считал главной причиной неудачи восстания отсутствие союзной помощи. Он неоднократно об этом писал и заявлял. Особенно много он говорил об этом на суде в Москве в 1924 г. Но когда А. Ф. Керенский в 1918 г. заявил главе французского правительства в присутствии министра иностранных дел С. Пишона «...об обещаниях, данных в Москве от имени французского правительства <...> Клемансо неожиданно вздрогнул, голосом, полным удивления и негодования заявил, что он об этом не знает, и, обратившись к Пишону, спросил, известно ли тому что-нибудь. Пишон поспешно пробормотал: “Нет”» (*Керенский* 2006: 478). Морозовы справедливо пишут: «...обещания Савинкову давали одни чины, а решения принимали другие — более высокопоставленные, порой, как позже выяснилось, даже не знавшие об этих обещаниях». В надеждах Савинкова на союзников прослеживается какое-то легкомыслие и авантюризм. Как можно надеяться на обещания часто второстепенных представителей союзных миссий, не имеющих в условиях Гражданской войны надежных каналов связи со своими правительствами. Какое огромное расстояние нужно было пройти союзному десанту от Архангельска до Ярославля и Рыбинска! Союзники за всю Гражданскую войну не смогли занять даже Вологду, что же говорить о Ярославле. Савинков, видимо, не посмотрел на карту, строя свои грандиозные планы. Основное восстание должно было состоятся в Рыбинске, где находились большие военные склады и куда были направлены основные силы «Союза» во главе с самим Савинковым. А вспомогательное — в Ярославле, где было около ста полубезоружных офицеров и где во главе восстания стоял талантливый руководитель полковник А. П. Перхуров. Восстание в Рыбинске было подавлено в тот же день, а Перхуров сумел продержаться в Ярославле 17 дней. Вспоминается мрачная шутка тех

лет, что если бы во главе восстания в Рыбинске стоял Перхуров, а в Ярославле — Савинков, то повстанцы захватили бы Рыбинск и потерпели бы поражение в первый день в Ярославле.

После восстаний в Ярославле, Муроме и Рыбинске Савинков бежал в Казань. Отличаясь необыкновенной храбростью, он записался в лучшую часть Народной армии — Отдельную стрелковую бригаду особого назначения под командованием полковника В.О. Каппеля и участвовал в боях. Хотя Комуч и Савинков представляли третий путь в Гражданской войне, Савинков действиями Комуча был недоволен. Он писал: «Эта неустойчивость “Народной армии” происходила <...> от того, что “Комитет Учредительного собрания” во многом повторял ошибки Керенского». Савинков несправедлив в отношении Комуча. Составители сборника нашли никогда не опубликованные строки Савинкова, где он писал о настоящей причине его отрицательного отношения к Комучу: «... Не “Союз”, а партия социалистов-революционеров и Комитет членов Учредительного собрания были поддержаны чехословаками, когда чехословаки овладели Самарой. Под охраной их штыков было образовано с.-р. Самарское правительство, которое и приступило в июне месяце к формированию Народной армии, потерпевшей впоследствии поражение...»

Составители сборника отметили противоречивые свидетельства Савинкова о его роли в Комуче. В ряде писем он позволял себе писать невероятные вещи. Они нашли его письмо на французском языке, в котором утверждалось: « ...правительство, которое там сформировалось (Комитет членов Учредительного Собрания), пригласило меня войти в Военное ведомство, что я и сделал в качестве помощника министра...». Совершенно фантастическое утверждение. Военного министерства у Комуча не было. До августа 1918 г. Народной армией руководил военный штаб в составе подполковника Н.А. Галкина, Б.К. Фортунатова и В. Боголюбова, а с середины августа 1918 г. управляющим военным ведомством был Галкин. Савинков никогда не входил в его состав. Морозовы приводят и другое более чем странное заявление Савинкова: «Там на Волге у меня была настоящая диктаторская власть, я приговаривал и расстреливал большевиков и бошей сотнями; я восстановил смертную казнь и т. д.».

Очень интересна попытка составителей разобраться в столь сложном и противоречивом явлении русской жизни первой четверти XX в., как Савинков: «Террорист и писатель, ранее сомневавшийся в возможности пролития крови, — в 1917 г. и во время Гражданской войны Савинков претендует на самостоятельную игру <...>. В 1918–1921 гг. Савинков имел собственное лицо в антибольшевистском движении и, безусловно, претендовал на роль лидера новой, крестьянской “третьей России”. И вся тактика его “Народного союза защиты родины и свободы” заключалась в ставке на крестьянство, на созыв Учредительного собрания, раздачу земли крестьянам и борьбу против красных и белых

генералов. И все же он остается верен себе: яростно борясь с большевиками, он вновь начинает сомневаться в правоте того дела, за которое борется. Как ранее он сомневался в возможности пролития крови и продолжал руководить БО ПСР, так и теперь Савинков, яростно борющийся с большевиками, вдруг пишет "Коня вороного", где фактически выносит смертный приговор тому делу, которым занимается».

Я не могу в короткой рецензии остановиться на всех аспектах бурной многогранной жизни нашего героя. Составители сборника сделали это блестяще, и мы отсылаем читателя к самой книге.

Мне бы хотелось отметить, что приведенные в этой книге воспоминания В. В. Савинкова «Записки» являются самым интересным документом из всего бессчетного количества воспоминаний и дневников этого периода, которые мне довелось прочитать. В первую очередь поражает литературный талант автора, точность его характеристик, блестящие портреты самых различных участников событий и картины того, что он увидел в русской армии 1917 г., в армии генерала Деникина, в Красной армии и в Русской Народной освободительной армии Булак-Балаховича. Я позволю себе привести длинную цитату из его «записок» о знаменитом рейде конного корпуса генерала К. К. Мамонтова в тыл Красной армии в сентябре 1919 г.: «...население деревень, сел и городов встречало казаков, как освободителей, часто с колокольным звоном, с цветами. Где-то, уж не помню, где именно, в какомто городе, которому от большевиков пришлось особенно солоно, их встретили на коленях с пением "Христос Воскресе". Почти везде им подносили хлеб-соль, говорили им речи и пр. и пр. и пр. Все эти восторги проходили в течение тех нескольких дней, что казаки простаивали в занятой местности. Случалось <...> что им вслед стреляли из окон и иногда, <...> их провожали пулеметным огнем. <...> Все неудачи рейда объяснялись, по словам артиллеристов, только одним — тем, что Мамонтов разрешил казакам пользоваться военной добычей. Сначала казаки делили деньги, отнятые у расстрелянных комиссаров, расстрелянных и не расстрелянных красных командиров, начальников, в обозах и т. д. — одним словом, действительно "военную добычу". (Эти слова в применении к России звучат весьма своеобразно, чего Мамонтов, по-видимому, не уловил.) Малопомалу дело росло и расширялось: этих денег, разумеется, стало мало, и казаки начали изыскивать иные средства для пополнения собственной мошны. Кроме этого, крайне гибельного для отряда разрешения, была еще другая вещь, может быть еще более развращающая; это — система грабить учреждения. Под предлогом ослабления финансового аппарата совдепии забирались деньги в советских учреждениях. Затем перешли к опечатанным в то время еще кредитным учреждениям, затем к кассам кооперативов, к кассам городов, а в конце концов дело кончилось разнузданным, повальным грабежом. Одно из известий, присланных Мамонтовым из рейда, гласило, что отряд воз-

вращается “с богатыми подарками” как Дону, так и семьям казаков, причем перечислялись деньги, иконы, серебряная и золотая посуда, скот и лошади. Одним словом, стратегический рейд выродился в разбойничий набег, что было засвидетельствовано подписью самого Мамонтова. <...> легкий кавалерийский отряд превратился в длиннейшую кишку обозов, в которых везлось награбленное добро. Каждый казак имел повозку, иные имели целые выезды, лошадей, быков, не говоря уже о деньгах и вещах. Грабеж был самый основательный. “Военная добыча” вовсе не была “в целости и сохранности” доставлена в Новочеркасск, в Донскую казну: она нередко делилась на майдане, в котором, по словам всех четырех рассказчиков, принимал участие и сам генерал Мамонтов. Рубашкин и Боков [офицеры-казаки, участники рейда. — *Л.*П.], приехавшие домой богачами (Боков, например, долгое время не мог продать ящик хирургических инструментов — не <...> ящичек, а громадный ящик, в котором было множество различных наборов и отдельных инструментов. Он продал его потом очень выгодно по частям, так как в хирургических инструментах была в то время у нас большая нужда), просто не видели в этом ничего предосудительного. Им казалось, что грабеж в России оправдывается тем, что это страна красных. <...> Красные только потому и могли зажать Мамонтова, что, превратившись в длиннейшую кишку обозов, он потерял свою подвижность. Получилось в конце концов нечто совершенно неприличное: кавалерия охраняла свои обозы. Это был эскорт при обозах, а не воинская часть, не боевая единица».

Я прошу прощения у поклонников творчества Б. Савинкова, но, по-моему, Виктор писал все же лучше. Может быть, Савинков это почувствовал и поэтому так критически отзывался о «записках брата». Хочется еще раз поблагодарить составителей книги, проделавших колоссальную работу по сбору документов и написавших прекрасные предисловие и комментарии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бурцев 1989 — *Бурцев В.Л.* В погоне за провокаторами. М., 1989.

Казанович 1922 — *Казанович Б.*И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву» // Архив русской революции. 1922. Т. 7. С. 197–198.

Керенский 2006 — *Керенский А.*Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006.

Степун 1995 — *Степун Ф.*А. Бывшие и несбывшиеся. СПб., 1995.

A NEW BOOK ABOUT BORIS SAVINKOV

Rev.: Tri brata (To, chto bylo): Sbornik dokumentov / sostaviteli, avtory predisloviia i kommentariev K. N. Morozov, A.Iu. Morozova. Moscow: Novyi khronograf, 2019. 1016 p.

Praisman Leonid G.— historian, an expert on the history of the Jews in Russia, history of Russian revolutionary movement and the Civil war (Israel)

Key words: Boris Savinkov, Russian revolutionary movement, Socialist-Revolutionaries, Bolshevism, 1917 revolution in Russia, OGPU, civil war in Russia, Russian emigration.

Abstract. The book which is reviewed contains letters, articles, memoirs of a prominent figure in the Russian revolutionary movement and writer Boris Savinkov and his two brothers, who also left their mark on the history of the revolutionary movement.

REFERENCES

Burtsev V. L. *V pogone za provokatorami.* Moscow, 1989.

Kazanovich B. I. Poezdka iz Dobrovol'cheskoi armii v "Krasnuiu Moskvu'. *Arkhiv russkoi revoliutsii*, 1922, vol. 7, pp. 197–198.

Kerenskii A. F. *Rossiia v povorotnyi moment istorii.* Moscow, 2006.

Stepun F. A. *Byvshie i nesbyvshiesia.* St. Petersburg, 1995.

А. В. Ганин

Рец.: Ставка и революция. Штаб Верховного главнокомандующего и революционные события 1917 — начала 1918 года. По документам Российского государственного военно-исторического архива. Сб. док. Т. 1: 18 февраля — 18 июня 1917 г. / отв. ред. И. О. Гаркуша; сост. М. В. Абашина, Н. Г. Захарова, С. А. Харитонов, О. В. Чистяков. М.: Кучково поле, 2019. 1144 с.

Ключевые слова: Ставка, русская армия, революция.

Аннотация. Рецензируется сборник документов, посвященный деятельности Ставки Верховного главнокомандующего в период революционных событий 1917 г. Сборник вводит в научный оборот ряд новых архивных материалов, касающихся роли командования русской армии в различных военно-политических процессах 1917 г.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-341-347

Столетие событий 1917 г. и Гражданской войны в России привлекло повышенное внимание к переосмыслению ключевых процессов, происходивших в тот период в нашей стране. Большой общественный интерес вызывает участие вооруженных сил в революционных переменах. В связи с исключительной ролью, которую сыграли руководство русской армии и сотрудники Штаба Верховного главнокомандующего в Февральской революции и в отречении от престола императора Николая II[1], необходима опора на подлинные архивные документы для того, чтобы глубже понять ход событий, свободный от конъюнктурных наслоений и различных конспирологических теорий. В этом смысле новый документальный сборник «Ставка и революция», подготовленный сотрудниками Российского государственного военно-исторического архива, имеет исключительное значение.

Это издание по-настоящему уникально. Речь идет о публикации 958 документов, охватывающих период от 18 февраля до 18 июня 1917 г. Один лишь перечень публикуемых документов занимает в томе более ста страниц. Хронологические рамки первого тома сборника охватывают период от Февральской революции до начала июньского наступления 1917 г. Многие документы вводятся в научный оборот впервые либо же прежде публиковались фрагментарно. Очевидно, такой труд вызовет значительный интерес специалистов и всех интересующихся историей России в революционную эпоху.

Отметим некоторые особенности издания. Прежде всего, название

© А. В. Ганин, 2019
Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Славяноведения РАН (Москва); andrey_ganin@mail.ru
[1] Подробнее см.: (*Ганин* 2017: 208–264).

сборника следует считать условным, поскольку включенные в издание документы не ограничиваются исключительно деятельностью Ставки, но касаются истории всей русской армии в революционное время. Свыше половины всего объема публикуемых источников составляют документы за март 1917 г. Документы других месяцев представлены значительно меньше. Поскольку речь идет о переломных исторических событиях, далеко не все материалы сборника неизвестны. Часть из них, в особенности о Февральской революции, ранее публиковалась в журнале «Красный архив» и в других изданиях, прежде всего, советского времени.

Менее известны документы последующего периода, касающиеся реакции армии на отречение Николая II от престола, революционных преобразований в войсках, присяги Временному правительству, новых служебных взаимоотношений, кадровых изменений, включая чистку командного состава, а также разложения солдатских масс. По документам можно проследить такие характерные для 1917 г. явления, как появление комитетов различных уровней и военных союзов, становление национальных формирований русской армии (в частности, украинизация), создание ударных частей, неисполнение приказов, рост дезертирства, всплеск пораженческой пропаганды, братания с противником. Чрезвычайно интересны сводки военной цензуры, сводки мнений начальствующих лиц о настроениях войск и сводки о явлениях развала в армии (с. 813–831, 881–901, 1049–1052, 1053–1055). Отречение императора, что видно из документов, армия встретила не столь однозначно, как считалось до сих пор. В некоторых частях жалели Николая II или были опечалены и даже угнетены отречением (с. 489, 620–622). В III кавалерийском корпусе манифесты трактовали как отречение императора в пользу наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича, а фельдфебель 267-го пехотного Духовщинского полка Лынько даже отказался присягать Временному правительству, заявив, что «скорее умрет, чем будет ему служить, и что согласен положить живот свой за старую веру, царя и отечество, на защиту которых и просит его отправить» (с. 735).

Материалы сборника рисуют чудовищную картину революционного разрушения армии, инициированного верхами генералитета из лучших побуждений скорейшего доведения страны до победы в войне. Очень скоро сами участники отречения на себе ощутили последствия стремительного развала. В частности, один из участников отречения императора Николая II от престола главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н. В. Рузский сообщал начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву 6 марта 1917 г., буквально через несколько дней после отречения, что «ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов, несмотря на признание всеми нового государственного строя, производимые при этом в оскорбительной форме, ставят командный состав армии, нередко георгиевских кавалеров,

в безвыходное положение» (с. 485). 16 апреля и сам генерал Алексеев, ставший Верховным главнокомандующим, писал военному министру А. И. Гучкову, что «положение в армии с каждым днем ухудшается; поступающие со всех сторон сведения говорят, что армия идет к постепенному разложению» (с. 797).

Сводки военной цензуры за апрель 1917 г. показывают, что необразованные солдатские массы восприняли революционную свободу как вседозволенность (с. 881). «Теперь выгоднее быть солдатом, нежели офицером», — писал автор одного из попавших в сводку писем (с. 884). «Некоторые офицеры говорят, что нас может спасти только военная диктатура, боюсь как бы они не оказались правы», — читаем в другом письме. «Если кто за старое правительство, то, считай, пропал», — сетует автор еще одного письма (с. 897).

В такой ситуации некоторые старшие начальники, наоборот, пошли по пути заигрывания с солдатскими и матросскими массами. Например, командующий флотом Балтийского моря вице-адмирал А. С. Максимов, занявший этот пост в результате убийства матросами своего предшественника вице-адмирала А. И. Непенина, в середине апреля 1917 г. издал приказ о том, что, поскольку «форма воинских чинов напоминает по наружности старый режим, предлагаю во всех подчиненных мне воинских частях теперь же снять погоны и заменить их наружными отличиями» (с. 796). Такое самоуправство, чреватое последствиями на ближайшем Северном фронте и других фронтах, вызвало резкую реакцию генерала М. В. Алексеева. Верховный главнокомандующий тогда потребовал от военного министра А. И. Гучкова «пожертвовать несколькими начальниками, даже высшими, которыми проводятся явочным порядком реформы и делаются постыдные уступки массе» (с. 804). Однако Максимов тогда снят с должности не был.

Сборник дает возможность проанализировать кадровую политику военного и морского министра Временного правительства А. И. Гучкова. Интересно, что именно Гучков в письме к генералу Алексееву 19 марта 1917 г. упомянул о желательности выдвижения на должности главнокомандующих фронтами генералов А. И. Деникина и Л. Г. Корнилова и некоторых других, причем Деникин предлагался и на пост начальника штаба Ставки (с. 646). К кандидатуре Деникина на пост начальника штаба Ставки Гучков вернулся в письме Алексееву от 25 марта (с. 695). К сожалению, пока неясны причины такого лоббирования со стороны Гучкова, первая встреча которого с Деникиным произошла только 23 марта 1917 г. По косвенным данным можно предположить, что такую рекомендацию Гучкову дал товарищ Деникина генерал А. М. Крымов, мнению которого министр доверял. Во всяком случае, именно Крымов убеждал Деникина не отказываться от этого высокого назначения (*Деникин* 1921: 73).

Документы мая 1917 г. касаются в том числе состоявшегося в Ставке в Могилеве 7–22 мая 1917 г. 1-го

Всероссийского съезда офицеров армии и флота (с. 907–911, 935–937), на котором под патронажем Ставки был образован Союз офицеров армии и флота. Создание такого Союза стало закономерным явлением на фоне общего бума всевозможных союзов и объединений. Достаточно отметить, что еще на предварительном собрании по созыву съезда 5 мая 1917 г. кто-то выкрикнул: «Кухарки объединяются, а нам, офицерам, объединиться нельзя, ведь это позор!» (РГВИА: Л. 1). Союз, официально не ставивший перед собой политических целей, оказался одной из крупнейших политических организаций страны. Руководящую роль в нем играли офицеры Генерального штаба. Штаб-квартира союза находилась в Ставке, являвшейся, таким образом, базой организации. В дальнейшем руководители Союза сыграли видную роль в событиях корниловского выступления.

На практике процессы национализации армии, выделения ударных частей, социального и профессионального объединения различных групп солдат и офицеров, появления в войсках органов солдатского самоуправления вели к разрушению единства вооруженных сил, что видно из документов сборника (см., например: с. 1016–1017).

Документы сборника показывают роль в установлении революционных порядков и в углублении революции будущих деятелей Белого движения. Центральное место в сборнике в этом отношении занимает фигура генерала М. В. Алексеева. В частности, из переговоров по прямому проводу между военным министром А. И. Гучковым и Алексеевым 23 марта 1917 г. следует, что программа обновления командного состава, приведшая к так называемым гучковским чисткам, была разработана Гучковым и Алексеевым совместно (с. 678). Разумеется, не все кадровые предложения Гучкова вызывали согласие Алексеева (в частности, Алексеев протестовал против отчисления от должности начальника дивизии генерала К. Л. Гильчевского, считая его достойным повышения до командира корпуса (с. 681)). В осуществлении кадровых чисток принимал участие другой будущий лидер белых — вр. и.д. начальника штаба Ставки генерал А. И. Деникин (с. 764–765).

Для оценки идейной эволюции русского офицерского корпуса накануне и в период Гражданской войны интересен доклад будущего главнокомандующего армиями Восточного фронта белых генерала К. В. Сахарова (в 1917 г. — полковника, вр. и.д. штаб-офицера для делопроизводства и поручений Ставки) от 11 июня 1917 г. с протестом против проекта ударных батальонов, поскольку их создание может «усилить возможность контрреволюции, против чего направлены теперь все усилия и Временного правительства, и демократических органов — Советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов» (с. 1017).

Сами по себе делопроизводственные документы не могут дать всеобъемлющего представления о жизни Ставки в революционный период. Для полноты картины необходимо обращение и к другим

видам исторических источников. Прежде всего, к документам личного происхождения, оставленным офицерами, служившими в Ставке. Некоторые свидетельства такого рода, в том числе из зарубежных архивов, еще ожидают введения в научный оборот.

Особенно важны эти свидетельства касательно подоплеки ключевых исторических событий, к которым можно отнести Февральскую революцию. Сборник, очевидно, не расставляет все точки над «i» в этом отношении. В частности, в издание вошла телеграмма Николая II председателю Государственной думы М.В. Родзянко от 2 марта 1917 г. о передаче престола сыну при регентстве великого князя Михаила Александровича (с. 297–298). Как известно, эту телеграмму император задержал, а телеграмму генералу М.В. Алексееву об отречении в пользу сына без упоминания регентства брата потребовал возвратить. Однако интересно было бы узнать о другой телеграмме Николая II о передаче престола наследнику, подписанной уже после отречения и, по некоторым данным, скрытой генералом М.В. Алексеевым. Служивший в Ставке младшим штаб-офицером для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера подполковник Д.Н. Тихобразов вспоминал: «Бланк непосланной собственноручной телеграммы Николая II председателю Вр[еменного] правительства генерал Алексеев до своего ухода из Ставки хранил у себя. Будучи назначен Верховным главнокомандующим и объезжая фронты, генерал Алексеев брал всегда с собой подполковника Тихобразова в качестве офицера Генерального штаба. В одной беседе с ним после обеда в вагоне-салоне, вспоминая приход к нему государя 4 марта, Алексеев говорил этому офицеру, что телеграмму Николая II он оставил у себя, решив о ней никому пока не говорить, дабы не смущать умы, а после своего ухода из Ставки передать ее на хранение в штаб, что генерал Алексеев на самом деле и сделал. Эту телеграмму автор держал в своих руках после инцидента с генерал-квартирмейстером [И.П.] Романовским, будущим начальником штаба белых деникинских армий. В начале июня 1917 г., позвав к себе временно и.д. начальника оперативного отделения, генерал спросил его о порядке хранения документов государственной важности. Подполковник Тихобразов, дав соответственное разъяснение, спросил генерала: “Вы имеете, наверно, в виду собственноручную телеграмму государя о согласии на передачу престола наследнику?”

Романовский вспыхнул: “[Под]полковник, неужели вы позволили себе рыться в ящиках моего письменного стола?” и инстинктивным жестом положил руку на ключ одного из правых ящиков своего письменного стола. Сознавая, что его ответ мог ошеломить Романовского до такой степени, что он не отдавал себе отчета в оскорбительности произнесенных слов, Тихобразов решил принять их за шутку, и, улыбаясь, ответил: “Ну, Ваше Превосходительство, до этого я еще не дошел.

Если же я в курсе дела, то это нисколько не удивительно”, и подпол-

ковник изложил подробно все обстоятельства дела.

“Так как генерал Алексеев ушел, то я вправе был полагать, что слово свое он сдержал. В таком случае, к кому, как не к вам, могла попасть телеграмма, так как все документы по революции хранятся в нашем оперативном отделении. Кстати, покажите мне телеграмму”. Романовский прочесть телеграмму дал, но в оперативное отделение ее не передал. Какова ее дальнейшая судьба — автору этого узнать не удалось. Возможно, что она передана была в дела Чрезвычайной следственной комиссии Муравьева» (BAR 1: с. 48–50). Подобная особенность документальной базы предопределяет сложность в установлении истинного хода событий. В другом свидетельстве Тихобразов прямо написал: «Не повлияй Алексеев на главнокомандующих и не отрекись государь “добровольно”, можно было ожидать повторения событий 1801 года, ибо дворцовый переворот был назначен на середину марта» (BAR 2: с. 43). Очевидно, что в делопроизводственных документах искать следы подобных планов не приходится.

Издание снабжено постраничными археографическими примечаниями, развернутым биографическим комментарием, именным и географическим указателями.

Отметим, что в фондах РГВИА хранится основной массив документов Ставки, но отложились они и в других архивах. Это касается, по-видимому, и некоторых подлинных документов Николая II, относящихся к периоду отречения. Материалы других архивов в сборник не включались. Сборник и его аппарат, включая указатели, нуждается в более тщательном редактировании (в частности, не всегда страницы именного указателя соответствуют упоминаниям тех или иных персоналий, встречаются отдельные опечатки). Во введении оказалась не в полной мере отражена историография вовлечения армии в события 1917 г., поскольку были указаны почти исключительно работы советского периода, а из постсоветских авторов упомянут лишь С. Н. Базанов, тогда как постсоветская историография положения в армии в 1917 г. в различных аспектах этой проблематики намного шире. Кроме того, на 958 документов приходится только 94 поясняющих комментария (помимо археографических примечаний и биографического комментария), в связи с чем не все сюжеты, затронутые в документах, прояснены и понятны. При этом очевидно, что расширение справочного аппарата тома потребовало бы значительных временных затрат и представляло бы сложность для издателя, поскольку объем книги и без того предельный. Перечисленные недостатки не снижают значимости издания.

В целом историография русской армии 1917 г. обогатилась важным и нужным документальным изданием, которое будет востребовано специалистами. Хочется надеяться на выход второго тома сборника. Он будет охватывать завершающий период существования Ставки во второй половине 1917 — начале 1918 г., в том числе такие до сих

пор не вполне проясненные вопросы, как роль Ставки в выступлении генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г., Ставка и захват власти большевиками в октябре – ноябре 1917 г., а также упразднение Ставки в 1918 г.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Деникин 1921 – *Деникин А.И.* Очерки русской Смуты. Париж, 1921. Т. 1. Вып. 1.

РГВИА – РГВИА. Ф. 2003. Оп. 14. Д. 4.

BAR 1 – *Тихобразов Д.Н.* Дни пребывания императора Николая II в Ставке после отречения. // Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (BAR). D.N. Tikhobrazov Collection. Box 1.

BAR 2 – *Тихобразов Д.Н.* Ставка и революция // Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (BAR). D.N. Tikhobrazov Collection. Box 3.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ганин 2017 – *Ганин А.В.* Генштабисты и Февральская революция // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. Сб. докладов международной научной конференции. СПб., 2017. С. 208–264.

Rev.: Stavka i revoliutsiia. Shtab Verkhovnogo glavnokomanduiushchego i revoliutsionnye sobytiia 1917 — nachala 1918 goda. Po dokumentam Rossiiskogo gosudarstvennogo voenno-istoricheskogo arkhiva. Sb. dok. T. 1: 18 fevralia — 18 iiunia 1917 g., otv. red. I.O. Garkusha; sost. M.V. Abashina, N.G. Zakharova, S.A. Kharitonov, O.V. Chistiakov. Moscow: Kuchkovo pole, 2019. 1144 p.

Ganin Andrey V. – doctor of historical sciences, coordinating researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Key words: General Headquarters, Russian army, revolution.

Abstract. The review of the collection of documents, devoted to the activities of the Supreme commandment of the Russian army in the revolutionary events of 1917. The collection of documents includes a number of new archival materials concerning the role of the command of the Russian army in various military and political processes of 1917.

REFERENCES

Ganin A.V. Genshtabisty i Fevral'skaia revoliutsiia. *Fevral'skaia revoliutsiia 1917 goda: problemy istorii i istoriografii.* Sb. dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. St. Petersburg, 2017, pp. 208–264.

С. Д. Батищев

Рец.: Император Александр II и Южный Урал: сб. док. и материалов / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. 538 с.

Ключевые слова: Александр II, Южный Урал, документы.

Аннотация. В настоящей рецензии рассматривается опубликованный сборник документов «Александр II и Южный Урал». Челябинск, 2019.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-348-353

Усилиями челябинских архивистов был подготовлен к печати сборник документов, посвященный 200-летию со дня рождения «царя-освободителя». В него вошли источники, освещающие поездку будущего самодержца на Урал в 1837 г. в сане цесаревича, а также реализацию Великих реформ 1860–1870-х гг. на территории Южного Урала.

Документы разбиты по тематическим блокам, которых всего четыре. Такая разбивка делает книгу логичной и структурированной. Именно этого не хватало, на наш взгляд, предыдущему сборнику документов, посвященному дореволюционной истории современной Челябинской области (Летопись... 2008).

Публикацию документов предваряют несколько вводных статей, написанных специалистами из разных вузов Челябинска. Эти небольшие очерки позволяют читателю познакомиться с личностью императора (статья Т. А. Андреевой), с реализацией реформ на региональном уровне, т. е. на Урале (статья И. А. Новикова), и с жизнью Оренбургского казачества в рассматриваемый период (статья В. А. Кузнецова). Все эти статьи носят обзорный характер с учетом достижений современной отечественной историографии. Они в целом успешно выполняют свою функцию – предваряют чтение источников, характеризуют эпоху, раскрываемую публикуемыми документами. Нельзя не высказать замечание по статье И. А. Новикова. В этом тексте не акцентируется внимание на том, что с помощью внедрения уставных грамот в ходе крестьянской реформы уральские заводовладельцы стремились сохранить на своих заводах контингент дешевой рабочей силы посредством некоторых «уступок» в социальной сфере жизни локального сообщества. Так, в частности, на Кыштымских заводах рабочие и члены их семей проходили лечение в заводском госпитале бесплатно. При заводе функционировала школа. Согласно грамоте, она пере-

© С. Д. Батищев, 2019
Батищев Сергей Дмитриевич – магистрант 1-го курса кафедры истории России и зарубежных стран историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (Челябинск); batischew.sergey2015@yandex.ru

давалась на попечение «общества», которое «получало на этот предмет пособие от владелиц по четыреста рублей серебром ежегодно» (*Батищев* 2018: 129). Все это должно было способствовать, по мнению заводовладельцев, «привязке» освободившегося рабочего населения к заводу. Примерно об этом же, только на гораздо более обширном фактографическом материале писал в свое время известный челябинский историк Василий Егорович Четин, доцент Челябинского государственного педагогического института (ЧГПИ) (*Четин* 1953). Не стоит забывать и о достижениях последующей советской историографии.

Первый блок называется «Подарки для наследника престола». В него составители издания поместили документы, освещающие создание «даров» цесаревичу на Златоустовской оружейной фабрике. Не остались без внимания также ответные «дары» будущего императора в виде денежных выплат мастеровым, причастным к изготовлению продукции, для него предназначенной. Основными подарками стали разного вида холодное оружие, а также «древнее вооружение».

Второй блок связан непосредственно с визитом Александра Николаевича в 1837 г. на Южный Урал. В этой части любопытны документы, связанные с подготовкой встречи «дорогого гостя» на местах. Выясняется, что видимость активной деятельности по ремонту «прохудившихся» дорог проявляют не только в наше время местные власти, ее демонстрировали и в далеком XIX в. Так, документ №22 «Решение Челябинской городской думы об устройстве дорог и мостов по пути следования цесаревича Александра Николаевича» говорит о том, что «по случаю предполагаемого путешествия его императорского высочества государя наследника цесаревича требует к устройству дорог, лежащих на городском выгоне, принять с депутатами со стороны своей участие, в особенности к улучшению мостов, окраскою перил и поправлением оных...» (так в тексте; с. 76). Та же спешка со стороны чиновников на местах происходила и при подготовке к визитам цесаревича в Златоустовский и Кыштымский заводы. Но она не всегда была результативной. Так, управляющий Кыштымскими заводами Т.П. Зотов писал, что «прежние распоряжения, на случай сего же высокого путешествия сделанные, относительно поправки дорог в заводских дачах со стороны Каслинской конторы не выполняются, или ближе сказать дан только вид исполнения. В теперешний проезд мой из Кыштыма в Касли близ сего последнего завода я видел на дороге в двух местах десятка два женщин и около десяти мужчин, которые кое-где заравнивают ямы выносимым с берегов озера ручными носилками галечником. Вы сами рассудите, что работа их при таком распоряжении не может быть успешна...» (с. 86). Комментарий тут излишен. В этот же раздел включена переписка цесаревича со своим отцом Николаем Павловичем, по которой можно реконструировать маршрут поездки будущего императора. Из этой переписки, помимо всего прочего, видно, что

между отцом и сыном были довольно теплые отношения, показательны их обращения друг к другу: «любезный Саша», «милый бесценный папа» (с. 106, 109). Кроме того, данный блок содержит фрагменты из дневника наставника цесаревича, известного поэта В. А. Жуковского, в котором дается «разгромная» характеристика городам Челябинску и Верхнеуральску (последний назван «бедный городишко») (с. 119), а также содержится в виде отдельного документа письмо Жуковского императору Николаю с просьбой о помиловании декабристов, написанное во время остановки в Златоусте (с. 121–123).

Следующий блок документов называется «Южный Урал в годы правления императора Александра II. 1855–1881 гг.». Он содержит источники, связанные с реализацией Великих реформ на региональном уровне. Из них можно увидеть, как проходила технологическая модернизация на Златоустовских заводах, внедрялось опытное производство стали под руководством П. М. Обухова. Можно узнать и размеры патриотических пожертвований челябинских купцов в пользу российской армии во время Крымской войны. В благодарность за свой денежный вклад эти дарители со временем получили памятные медали. Сюда же в виде отдельного подраздела вошла небольшая подборка документов, освещающая подготовку к проведению десятой (последней) ревизии на территории города Челябинска. Особый интерес представляет подраздел, связанный с осуществлением крестьянской реформы. Из документа № 152 «Из проекта условий для работы по найму мастеровых на Златоустовских заводах» мы можем узнать обязанности рабочих по чугунолитейному и другим производствам и размеры оплаты их труда, обязанности горного мастера, рудничного надзирателя. Эта информация представит интерес не в последнюю очередь для студентов исторических факультетов, ведь в учебниках по истории Урала на механизм функционирования заводского производства не обращается должного внимания. Отмена крепостного права, как это неоднократно подчеркивалось советской историографией, вызвала у рабочего люда надежды на быстрое повышение оплаты труда, рабочие не верили в то, что должны оставаться в подчинении бывшим владельцам вплоть до введения в действие уставных грамот. Этот факт подтверждается документом № 153 «Записка главного начальника горных заводов хребта Уральского министру финансов о положении углежогов Катавских заводов», который содержит требования рабочих этих заводов о повышении им заработной платы и удалении неугодных им приказчиков. Самым скромным по размеру подразделом данного тематического блока стала публикация документов, связанных с реализацией Земской реформы. Надо сказать, что конкретно-исторических работ по этой проблематике (на материале уральских губерний) также не много. Достаточно полные подборки документов посвящены городской, судебной и образовательной реформам.

В четвертый и последний блок документов вошли источники, пока-

зывающие увековечивание памяти Александра II на Южном Урале посредством разных коммеморативных практик. Оно способствовало формированию в сознании современников социальной памяти, «в рамках которой в первую очередь и выстраивается иерархия исторических ценностей и происходит отбор исторических фактов и событий по их общественной значимости» (*Шнирельман* 2008: 5). Как визит царского наследника, так и реформы, проведенные уже в бытность его императором, безусловно, были (пусть по-разному) значимыми явлениями для провинциального социума. Об этом, в частности, свидетельствует и документ № 255 «Приговор крестьян г. Златоуста о сборе пожертвований на сооружение памятника императору Александру II» (с. 426). Этот источник очень интересен. Он показывает общее и, особо следует подчеркнуть, *добровольное* желание крестьян Златоуста «увековечить память падшего от злодейской руки нашего отца царя-освободителя, увековечить так, чтобы не одно лишь настоящее поколение живущее, или ближайшее будущее поколение помнило, а, чтобы *память о благодетеле и великомученике*, царе-освободителе, императоре Александре II шла *из рода в род, из века в век до последнего дня мира сего*» (с. 426) (курсив мой. — *С.* Б.). Даются также разъяснения, почему крестьяне выступали против постройки церкви имени почившего императора: «храм не будет служить постоянно-вечным напоминанием о столь тяжкой для нас потере, — придет время, что *из памяти будущего поколения* изгладится причина постройки оного и храм будут посещать, как и каждый обыкновенный другой, каковых в Златоусте три и еще строится четвертый, а второе и главное — с постройкой храма нераздельно связана невозможность всем участвовать в таковой, ибо в среде нашей и в Златоустовском уезде есть старообрядцы, разные сектанты и инородцы, которые при всем желании *почтить память* убиенного царя-государя, императора Александра II, и для них сделавшего бездну благодеяний, в силу религиозных убеждений будут поставлены в невозможность выполнить своего желания и должны остаться безучастными, потому что на постройку храма не пожертвуют свою посильную лепту» (с. 427) (курсив мой. — *С.* Б.). Выделенные фразы в этих фрагментах из документа свидетельствуют о том, что образ Александра II как освободителя, «разорвавшего вековые узы», уже прочно вошел к тому времени в социальную память этого локального сообщества. А вот еще один весьма показательный фрагмент из того же документа: «мы желали бы иметь, буде возможно, хотя *щепоть той священной земли*, на которую пал от руки злодеев и которую обагрил своею *драгоценнейшею кровью* помазанник Божий, нам царь-освободитель Александр II» (с. 428) (курсив мой. — *С.* Б.). Возможно, крестьяне придавали земле, на которую пролилась кровь Божьего помазанника, некий сакральный смысл, а это тоже говорит об определенных особенностях сознания носителей традиционной *аграрной* культуры. Помимо только что процитированного документа, в этом разделе представлено еще несколько десятков других, отражающих подготовку и реализацию разных мероприятий по увековечи-

ванию памяти царя-освободителя. Приведем еще один документ, он свидетельствует о том, что не всегда сооруженные памятники получались добротными. Так, в Нязепетровске в 1888 г. был открыт «памятник мраморный, в виде колонны, на вершине которой художник пытался, должно быть, изобразить корону, но вышло что-то непохожее на нее. Особенно ничего не представляет» (с. 486). Хотели сделать нечто красивое и особое, но что-то пошло не так, вероятно, в силу недостатка мастерства... Этот блок документов представляется нам наиболее оригинальным, поскольку история коммеморативных практик на региональном уровне еще не имеет должного освещения в нашей историографии.

В сборнике документов имеются цветные вклейки, которые способствуют визуализации текстовой информации. Конечно, этот визуальный ряд был бы более эффективен для восприятия читателя, если бы был разбит по тематическим разделам публикуемых источников, а не вклеен в середину книги без какого-либо комментария.

Подводя некоторые итоги, мы можем сказать, что затея архивистов Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) в целом оказалась успешно реализованной. Причем рецензируемый сборник документов можно использовать и в педагогической практике — на занятиях как по истории Урала, так и по истории эпохи Александра II в старших классах средних школ и особенно в стенах университетов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Батищев 2018 — *Батищев С.* Д. Уставные грамоты Кыштымских заводов как источник по изучению истории горнозаводского населения Южного Урала // Архив в социуме — социум в архиве: материалы региональной научно-практической конференции / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2018. С. 128–131.

Летопись... 2008 — Летопись Челябинской области: сб. док. и материалов: в 3 т. Т. 1. 1673–1917 / сост.: Е. А. Калинкина, Е. П. Турова, И. С. Янгирова; гл. ред. А. П. Финадеев; науч. ред. И. А. Новиков. Челябинск: Книга, 2008. 399 с.

Четин 1953 — *Четин В.* Е. Рабочее движение в Пермской губернии в 1861–1870 годах: дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.

Шнирельман 2008 — *Шнирельман В.* А. Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // История края как поле конструирования региональной идентичности / под ред. И. И. Куриллы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. С. 4–28.

Rev.: Imperator Aleksandr II i Juzhnyj Ural: sb. dok. i materialov / sost., nauch. red. N. A. Antipin. Cheljabinsk, 2019. 538 p.

Batishchev Sergey D. — undergraduate of the 1st Course of the Department of History of Russia and Foreign Countries of the Faculty of History and Philology of Chelyabinsk State University (Chelyabinsk)

Key words: Alexander II, South Ural, documents.

Abstract. This review considers the published collection of documents "Alexander II and South Ural". Chelyabinsk, 2019.

REFERENCES

Batishchev S. D. Ustavnye gramoty Kyshtymskikh zavodov kak istochnik po izucheniiu istorii gornozavodskogo naseleniia Iuzhnogo Urala. *Arkhiv v sotsiume – sotsium v arkhive: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, sost., nauch. red. N. A. Antipin. Cheliabinsk, 2018, pp. 128–131.

Chetin V. E. *Rabochee dvizhenie v Permskoi gubernii v 1861–1870 godakh*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1953.

Letopis' Cheliabinskoi oblasti: sb. dok. i materialov: v 3 vol. Vol. 1. 1673–1917, sost.: E. A. Kalinkina, E. P. Turova, I. S. Iangirova; gl. red. A. P. Finadeev; nauch. red. I. A. Novikov. Cheliabinsk: Kniga, 2008, 399 p.

Shnirel'man V. A. Identichnost', kul'tura i istoriia: provintsial'nyi rakurs. *Istoriia kraia kak pole konstruirovaniia regional'noi identichnosti*, pod red. I. I. Kurilly. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2008, pp. 4–28.

М. Ю. Эдельштейн

СОБИБОР: ДАЛЬНИЕ ПОДСТУПЫ

Рец.: *Симкин Л.* Собибор: послесловие. М.: Corpus, 2019.

Ключевые слова: Собибор, Александр Печерский, лагеря смерти, Холокост, национал-социализм.

Аннотация. Рецензия содержит подробный разбор книги Льва Симкина «Собибор: послесловие» (М.: Corpus, 2019), посвященной восстанию в нацистском лагере смерти Собибор 14 октября 1943 г. и судьбе руководителя восставших узников Александра Печерского. Находя в книге множество фактических ошибок, рецензент тем не менее констатирует, что автор впервые использовал ряд важных источников и потому будущие исследователи этой темы не пройдут мимо его книги.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-354-367

В 2013 г. вышла книга Льва Симкина «Полтора часа возмездия». К тому времени уже выдержала два издания книга Семена Виленского, Григория Горбовицкого и Леонида Терушкина «Собибор. Восстание в лагере смерти». Уже был издан составленный Ильей Васильевым сборник «Александр Печерский: прорыв в бессмертие», куда вошла, в частности, не печатавшаяся ранее версия воспоминаний организатора восстания в Собиборе. И все равно работа Симкина стала событием.

Во-первых, автор, несмотря на название, впервые сосредоточился не столько на лагере и восстании, сколько на судьбе Печерского, в том числе до- и послевоенной. Во-вторых, он — опять же впервые — использовал ряд важных источников: показания собиборских вахманов (охранников из числа советских военнопленных, пошедших на службу к нацистам) на киевском процессе 1962 г.; фрагменты писем Печерского писателям Михаилу Леву и Валентину Томину; личные документы Печерского из фондов Центрального архива Министерст-

© М. Ю. Эдельштейн, 2019
Эдельштейн Михаил Юрьевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова; научный директор Фонда Александра Печерского (Москва); edel72@gmail.com

ва обороны; устные свидетельства родственников, друзей, знакомых Печерского. В-третьих, выступил в излюбленном интеллигентным читателем жанре, написав не сугубо научный труд с десятками ссылок, а, по сути, большое эссе с множеством авторских отступлений, цитатами из Ханны Арендт, Виктора Франкла и Примо Леви, с размышлениями о природе советской власти, антисемитизма и зла вообще.

И вот теперь книга Льва Симкина переиздана под новым названием «Собибор: послесловие». Вопреки тому, что говорит в послесловии к ней Денис Драгунский, это не «фактически новая книга», а именно переиздание (в некоторых местах автор даже не поменял хронологические привязки: «*за год, минувший после обнаружения показаний Печерского*», — пишет он о материалах, найденных им в 2012 г.). Нового материала здесь не очень много. Из важного — записи разговоров с людьми, которые нашли автора после выхода издания 2013 г., например, с Михаилом Бабаевым, знавшим Печерского в Ростове в 1960-е. Остальные дополнения и изменения связаны в основном с документами, выявленными и опубликованными в последние несколько лет другими исследователями.

Это вполне объяснимо. Дело в том, что с момента выхода книги «Полтора часа возмездия» в «собиброведении» произошла небольшая революция. Завершились раскопки на территории бывшего лагеря смерти. Вышла в переводе на английский капитальная монография Марека Бема, директора мемориала в Собиборе в 2000–2011 гг. Появились работы сотрудника Музея Майданека Роберта Кувалека, чья смерть в 2014 г. стала невосполнимой потерей для исследований Холокоста на территории Восточной Польши. Издана биография Леона Фельгендлера, написанная историком из Люблина Адамом Копчёвским, — двадцатистраничная брошюра, аккумулировавшая результаты многолетних штудий (в частности, Копчёвский установил, что фамилия руководителя собиборского подполья пишется именно так — Фельгендлер, а не Фельдгендлер, как указывалось ранее во всех трудах, включая самые авторитетные). Усилиями Светланы Богдановой, Ильи Васильева, Юлии Макаровой, Константина Могилевского, Константина Пахалюка, Николая Сванидзе, Леонида Терушкина и других исследователей введено в оборот большое количество материалов из российских государственных архивов и частных собраний. В результате и история Собибора, и история «возвращения подвига» собиборцев, и биографии отдельных узников, в том числе Печерского, были серьезно дополнены и во многих аспектах пересмотрены.

Соответственно, и требования к книге о Собиборе, вышедшей в 2019 г., совсем другие, чем шесть лет назад. Это касается и уровня фактической достоверности, и выверенности концептуальных положений. Соответствует ли этим требованиям книга Льва Симкина?

Разберем для примера один абзац:

«В 2017 году при раскопках израильские археологи нашли кулон с надписью на иврите, такой же, какой был у Анны Франк – автора дневника, ставшего после ее смерти знаменитым. В результате долгого и кропотливого исследования выяснилось, что он принадлежал ровеснице Анны – Каролине Коэн, которая тоже родилась во Франкфурте-на-Майне. Имя девочки было в списке евреев, депортированных из Минского гетто, узники которого были отправлены в Собибор».

Кулон был найден не в 2017 г., а в октябре 2016-го. Раскопки проводила совместная израильско-польско-голландская бригада. Девочку звали Каролин Кон. Никаких списков *«депортированных из Минского гетто»* не существует, есть лишь списки евреев, отправленных в ноябре 1941-го из Франкфурта в Минск, и в них фамилия Кон действительно наличествует. Поэтому неизвестно, погибла ли Каролин Кон в Собиборе или в Минске, был ли привезен этот кулон в лагерь ей самой или кем-то из ее родственников. Итого: три предложения, четыре ошибки, последняя из них — достаточно грубая.

Еще пример. Симкин цитирует показания Печерского: «В лагере Сабибур (так до определенного момента в советских документах и публикациях обозначался Собибор. — *М.Э.*) существовала так называемая банная команда из числа заключенных. Я считал, что их называют так потому, что они мыли вагоны после выгрузки людей, но эта команда также принимала участие при выгрузке эшелонов с прибывшими на уничтожение людьми» — и комментирует их:

«Речь идет об особом подразделении узников в каждом лагере смерти – зондеркоманде. О тех, кто сопровождал людей в газовые камеры, говоря им, что они идут на дезинфекцию, а потом вычищал их после массовых убийств».

На самом деле никакой «банной команды» в Собиборе не было — так Печерский на слух воспринял немецкое слово Bahnhofkommando («вокзальная бригада»), обозначавшее группу узников, занимавшихся уборкой эшелонов. Проблема, однако, не в этом, а в том, что предлагаемое Симкиным описание выдает незнание или непонимание основных принципов работы лагеря смерти. Сопровождать новоприбывших со станции в газовые камеры и вытаскивать трупы после газации одни и те же люди никак не могли. Так называемый «третий лагерь» (где находились газовые камеры) был наглухо изолирован от остальных секторов, невозможно представить, чтобы работавшие там заключенные регулярно ходили на станцию и обратно. И, кстати, утверждение *«заключенные – члены "зондеркоманды" собирали, сортировали и упаковывали одежду и ценности убитых»* тоже ошибочно — этим занималась другая бригада в другой части лагеря.

Далее. *«Слова из книги Иова высечены на четырех языках (там нет русского) на мемориальных плитах, установленных в Собиборе в 1993 году в 50-ю годовщину восстания. Тогда же закрыли детский сад, лет 40 стоявший на этом месте, возможно, на том самом, где Печерский услышал когда-то крик погибающего ребенка».*

Надписи на плитах продублированы на восьми языках. Детский сад открылся и закрылся в 1970-х гг., просуществовав всего несколько лет. Печерский слышал детские крики, находясь в четвертом лагере, а детсад располагался на территории бывшего второго лагеря. Впрочем, картинка нарисована, безусловно, эффектная. Кстати, эпизод, когда Печерский слышит крик ребенка, уводимого в газовую камеру, и окончательно понимает, что не готов бежать из лагеря, не отомстив эсэсовцам, относится не к первому дню его пребывания в Собиборе, как в другом месте утверждает автор книги, а к пятому.

Вообще ошибок, неточностей, небрежностей в этой книге так много, что для удобства читателя рецензенту приходится их классифицировать.

Вот, например, география. Никакого *«Ростовского уезда Екатеринославской губернии»* в 1915 г., когда семья Печерского переехала в Ростов-на-Дону, не существовало. Был Ростовский округ Области Войска Донского, в черту оседлости, вопреки утверждению автора, не входивший. Впрочем, и само понятие черты оседлости к этому времени фактически потеряло свой смысл. Станция Щурово, где Печерский в 1944 г. находился в госпитале, относилась к Московской, а не к Рязанской области. Остров в Эгейском море называется не Наксон, а Наксос. Польская деревня близ Собибора — не Озова, а Осова.

Вот история. *«В 70-е годы XVIII века, при Екатерине Великой, евреям разрешили селиться только в Новороссийской губернии»* — не в 1770-е, а в 1769-м, и не всем евреям, а совершенно особой их категории: служившим в турецкой армии и попавшим в плен в ходе начавшейся годом ранее русско-турецкой войны.

Вот арифметика. *«После войны два года Штангль [комендант Собибора в 1942 году] провел в американском лагере для военнопленных, а потом скрывался целых 25 лет. В феврале 1967 года Штангль был арестован полицией и экстрадирован в Германию»* — вопрос: сколько лет прошло с 1945-го по 1967-й? *«Александр Печерский умер 18 января 1990 года <...> В октябре 1943 года, когда он вошел в историю своим беспрецедентным подвигом, ему было 34 года, жить оставалось еще 45 лет»* — вопрос: сколько лет прошло с 1943-го по 1990-й?

Вот иностранные языки. Автор считает, что дословный перевод «nothing special» — «ничего специального», а «Dutch» — это «датский». На этом фоне даже «Der Eweige Jude» вместо «Ewige» не кажется случайной опечаткой. Название кибуца Лохамей ха-геттаот переводится с иврита не «Гетто бойцов», а ровно наоборот — «Борцы гетто».

Вот имена собственные. Бывшего узника Собибора звали не Ческил Менше, а Хаскель Менхе. Фамилия чешского еврея, спасшегося из Собибора, — не Тико, а Тихо. И называть его «Курт (Тико) Томас» в любом случае нельзя: Тихо — не вариант имени и не прозвище, а фамилия, которую он носил с рождения и после эмиграции в США

сменил на Томас. Фамилия капо[1], которого Печерский называет в своих воспоминаниях Бжецким, на самом деле Пожицкий. Фамилия заместителя коменданта Собибора не Нойман, а Ниманн. Генерала Лукина звали не Федор, а Михаил. Режиссер документального фильма «Восстание в Собиборе» — не Лили Ван дем Берг, а Лили ван ден Берг.

Совершенно необъяснима постоянная путаница с возрастом узников Собибора. Шломо Шмайзнеру на момент прибытия в лагерь было не 14 лет, а 15, а в октябре 1943-го — не 15, а 16. Моше Бахиру, наоборот, в феврале 1943-го — не 16, а 15. Хаим Энгель был депортирован в Собибор не в 27, а в 26 лет (в описании его жизни после побега тоже есть ошибки), Леону Фельгендлеру на момент восстания было не 32, а 33.

Нельзя утверждать, что Фельгендлера привезли в лагерь *«с женой и двумя сыновьями»* — мы ничего не знаем про его младшего ребенка, включая пол. После восстания Фельгендлер скрывался не в Люблине, а в деревне в 40 км от Люблина. В партизанском отряде он, видимо, не был. Был ли он убит антисемитами, мы также не знаем (обстоятельства его гибели вообще загадочны), Михаил Лев, на которого ссылается автор, в данном случае источник нерелевантный, он мог знать о гибели Фельгендлера только по слухам.

Шмуль Вайцен (младший брат выжившего узника Собибора Алексея Вайцена, умершего в 2015-м в Рязани) не был убит польским крестьянином, у которого скрывался, а бежал после попытки убийства из деревни в лес, прятался там вместе с Тойви Блаттом, а позже пропал без вести. Аркадий Вайспапир попал в плен не в августе 1941 г., а в сентябре. Узник Собибора Иосиф Дунец умер не в 1976 г., а в 1965-м. И его нельзя назвать *«единственным выжившим французским евреем»* среди бежавших узников — войну пережил Антониус Бардах, также депортированный из транзитного лагеря Дранси под Парижем (правда, до войны Бардах жил в Бельгии — ну так и Дунец был уроженцем Киева).

Шломо Подхлебник во время побега из Собибора 23 июля 1943 г. не *«всадил вахману нож в живот»* (не самый надежный способ убить человека на месте так, чтобы он гарантированно не закричал), а перерезал ему горло. В «лесной бригаде» в тот момент работало не *«десять заключенных-голландцев»*, а около 20. Кроме того (об этом Симкин почему-то не пишет), в ней было примерно столько же польских евреев, которые, воспользовавшись возникшей неразберихой, бросились врассыпную, и троим из них удалось уйти от погони и пережить войну.

«Побег был запланирован на 13 октября, но в последний момент перенесен на следующий день. По просьбам трудящихся. "Мы должны были бежать 13 октября, – вспоминал Печерский, – но в тот день был еврейский праздник Йом Кипур"».

[1] Капо — привилегированный заключенный в концлагерях Третьего рейха, сотрудничавший с нацистской администрацией (прим. редакции).

Печерский в еврейских праздниках разбирался слабо, а вот его биограф легко мог бы уточнить, что Йом Кипур в 1943 г. приходился на 9 октября, а 13-го вечером начинался Суккот. Но переносить побег из-за праздника смысла не имело, потому что в первые два дня Суккота (т. е. в 1943-м — 14 и 15 октября) любая работа по еврейскому закону запрещена. То есть побег 14 октября был ничуть не «кошернее» побега накануне, даже наоборот.

Достоверно известно лишь о двух, а не о четырех убитых во время восстания в Собиборе вахманах. Через Западный Буг группа беглецов из Собибора во главе с Печерским переправилась в ночь не на 19 октября, а на 20-е.

После восстания и ликвидации лагеря, пишет Симкин, весь персонал Собибора *«перевели в оккупированную Югославию, в Триест, на самую опасную службу, какую смогли найти, – в антипартизанский батальон»*. Не вдаваясь в детали территориальных споров вокруг Триеста, скажем, что, во-первых, Триест — это все-таки Италия, а не Югославия, хоть он и обладал после войны в течение ряда лет особым статусом подмандатной территории ООН. Во-вторых, туда направили эсэсовцев не только из Собибора, но и из других лагерей Акции Рейнхард. В-третьих и в-главных, намек автора ни на чем не основан, служба в Триесте и окрестностях вовсе не была отложенным смертным приговором — большинство переведенных туда из Польши остались живыми и невредимыми, за исключением бывшего коменданта Собибора Франца Рейхляйтнера, который действительно погиб от рук итальянских партизан.

Сплошная путаница в биографиях эсэсовцев. Одило Глобочник не сидел *«в тюрьме за убийство ювелира-еврея»* — некоторые историки действительно предполагают, что он может быть причастен к нападению на Норберта Футтервайта, но в Австрии он обвинялся лишь в нелегальных сношениях с арестованными нацистами. *«Фактически он в 1941-м возглавил все лагеря смерти»* — нет, только те, которые относились к Акции Рейнхард: Белжец, Собибор и Треблинку. Франц Штангль никогда не руководил нацистской программой эвтаназии «Т-4». Карл Френцель спутан с Хубертом Гомерски. Эриху Фуксу приписана биография Курта Болендера. Сведения про самого Болендера даны с ошибками и хронологическими сбоями. Эсэсовец Дюбуа в день восстания не, *«получив прикладом от одного из беглецов, притворился мертвым»*, а едва выжил с глубокими рублеными ранами головы, сквозным пулевым ранением легких и т. д. Неточно указаны воинские звания нескольких эсэсовцев. Суд над Адольфом Эйхманом проходил в 1961 г., а не в 1960-м.

Из Нидерландов депортировали в лагеря смерти и концлагеря не 140 тысяч евреев, а около 107 тысяч. Лагерь в Вестерборке действительно был создан в 1939 г. голландским правительством как «накопитель» для нелегальных еврейских беженцев из Германии и других стран, но с 1942 г. он использовался нацистами как транзитный лагерь, откуда голландских евреев посылали в Аушвиц и Собибор, так что

фраза *«некоторых собиборовцев привезли из Вестерборга* (так! — *М.Э.*), *лагеря для немецких евреев в Голландии»*, неточна и бессмысленна. Почему утверждается, что эшелоны из Вестерборка в Собибор шли *«ежедневно»*? На самом деле в марте — июле 1943 г. они отправлялись раз в неделю, не считая трехнедельного перерыва в июне.

На так называемом «Приказе о комиссарах» нет подписи Вильгельма Кейтеля (как и ничьей другой — приказ не подписан).

Многие ошибки автора книги в описании лагерей смерти связаны с его опорой на ограниченный и устаревший круг источников. Важнейшие аспекты дискуссий последних лет, по-видимому, остаются ему просто неизвестны. Так, из работ, посвященных оценке общего числа погибших в Собиборе, можно уже составить небольшую библиотеку, разброс от 170 тысяч до 300 тысяч. Но в книге Симкина нет никаких следов знакомства с этой полемикой. Не упоминается им и телеграмма Хёфле — документ, обнаружение которого в 2000 г. в британском архиве заставило исследователей ревизовать традиционный взгляд на количество жертв лагеря смерти в Собиборе.

Или другой пример. Симкин без комментариев цитирует те фрагменты показаний вахманов на киевском процессе 1962 г., где говорится об удушении узников Собибора в газовых камерах выхлопами от дизельного мотора. Более того, Симкин и сам упоминает дизельный двигатель при описании газовых камер Треблинки. Между тем давно известно, что газовые камеры лагерей смерти работали не на дизеле, а на бензине. В Собиборе, в частности, использовался мотор то ли от грузовика «Рено», то ли от трофейного советского танка — на этот счет показания расходятся. Все это подробно обсуждалось на хагенском процессе и детально разобрано в специальной литературе, в том числе в упомянутой монографии Бема.

Тут надо сделать одно пояснение. История Собибора, как и история других нацистских лагерей, особенно лагерей смерти, полна белых пятен и темных мест. Это вполне объяснимо: многие документы уничтожены нацистами или погибли во время и после войны, свидетелей выжило немного, их показания нередко противоречивы или недостоверны.

Симкин эту сложность вроде бы сознает: *«Как это было – картину трудно восстановить, большинство участников восстания погибли во время побега, в воспоминаниях оставшихся в живых есть расхождения. За минувшие годы издано немало книг о случившемся в Собиборе, даже в них, основанных на документах и скрупулезно собранных свидетельствах всех выживших, есть расхождения в описании последовательности событий и каких-то частностей»*. Но в его книге это понимание совершенно не проявляется. Трудностей он не замечает, предположения иногда подает как факты, на противоречия не обращает должного внимания, сомнения зачастую игнорирует.

Это касается в первую очередь событий, происходивших в Собиборе

до прибытия туда эшелона из Минска с Печерским и его товарищами.

«Совсем недавно (т. е. незадолго до прибытия советских военнопленных, включая Печерского, в сентябре 1943-го. — *М. Э.*) *в одном из бараков заключенные выкопали лаз и тоннель, который вел за пределы лагерного ограждения и минного поля. Когда работа уже близилась к концу, лагерная охрана обнаружила подкоп. Все узники этой зоны – около 150 человек – были расстреляны».*

Во-первых, эта попытка побега была предпринята не так уж *«недавно»* — в апреле 1943-го. Во-вторых, случилось это не *«в одном из бараков»*, а в третьем лагере, том самом, где находились газовые камеры. Третий лагерь был изолирован от остальных секторов, связи с членами зондеркомандо у других заключенных не было, так что об этом инциденте нет никакой достоверной информации, только слухи (впрочем, в самом факте сомнений нет — несколько лет назад археологи обнаружили этот подкоп). В-третьих, на процессе против эсэсовца Карла Френцеля в западногерманском Хагене действительно говорили о 150 расстрелянных узниках третьего лагеря. Однако бывший узник Собибора Хаим Поврозник, например, упоминает о гибели 80 членов зондеркомандо — и его свидетельство представляется как минимум не менее достоверным.

«Летом 1943 года Фельдгендлеру удалось найти подходящего человека – голландского еврея по имени Йозеф Джейкобс, в прошлом морского офицера в звании капитана (по другим сведениям – участника войны в Испании, интербригадовца). Но его предали, заговор провалился, хотя капитан, несмотря на пытки, никого из подпольной группы не выдал. Вместе с Джейкобсом были казнены 72 голландских еврея».

Про эту историю у нас также мало достоверных сведений, свидетельства выживших узников Собибора разнятся. Понятно одно — нет никаких серьезных оснований считать главой неудавшегося восстания Йозефа Якобса (не Джейкобса — он же все-таки голландец, а не англичанин, хотя и служил унтер-офицером в британской Королевской морской пехоте). Его кандидатуру предложил в 1978 г. голландский историк Лу де Йонг, поддержки у исследователей эта версия не получила, однако фамилия Якобса до сих пор всплывает то в одной, то в другой публикации. Фельгендлер не был инициатором заговора, хотя, по всей видимости, участвовал в нем. Сведения о количестве казненных голландских узников также расходятся, хотя и незначительно. В другом месте Симкин утверждает, что участников заговора предал вахман, которого они пытались подкупить, — на самом деле неизвестно и это, выжившие узники полагали, что предателем был кто-то из заключенных.

Но это все история Собибора и прочие детали фона. А как обстоят дела с изложением биографии Печерского?

В этой части ошибок несколько меньше, однако немало лакун. Особенно это касается довоенной жизни Печерского, занимающей

в книге четыре страницы. И даже на этих страницах автору приходится маскировать незнание фактов привлечением посторонних сведений. Так, говоря об увлечении Печерского театром, Симкин пишет: *«В ту пору на Дону было более 2 тысяч драматических, хоровых, танцевальных и музыкальных коллективов художественной самодеятельности. Самым известным был театр рабочей молодежи – ТРАМ. Трамовцы 350 раз сыграли пьесу о молодых рабочих "Цеха бурлят"»*. Все это очень интересно и познавательно, но не имеет никакого отношения к делу. Этот фрагмент попал в книгу по одной причине: автору неизвестно название того коллектива, где играл Печерский, — театральная студия при ВСАСОТР (он же Клуб совторгслужащих).

Есть и прямые неточности. Например, существует известная фотография дочери Печерского, которую он пронес через всю войну, плен и Собибор. Симкин описывает ее как *«фотографию группы воспитанников детского сада, и среди них Элеонора с куклой в руках»*. Но достаточно одного взгляда на карточку, чтобы понять, что девочек детсадовского возраста на ней нет. На самом деле Элеонора сфотографирована со сводной сестрой и ее подругами.

В 1964 г. новосибирский учитель физкультуры Борис Цибульский начал выдавать себя за своего тезку и однофамильца, участника восстания в Собиборе, погибшего вскоре после побега. О новообретенном герое написала «Правда». *«Только 8 лет спустя Печерский решился публично разоблачить самозванца»*, — утверждает Симкин. Это не так, «лже-Цибульскому» посвящена специальная статья Печерского, вышедшая в журнале «Советиш Геймланд» в начале 1965 г.

Брат Печерского Борис на фронте не был. После войны у Печерских было не две, а три комнаты в пятикомнатной коммунальной квартире. На машиностроительный завод Печерский перешел не в конце 1950-х, а в середине 1960-х (самое загадочное, что сам же Симкин цитирует в книге характеристику от 11 июня 1963 г., выданную Печерскому на заводе Ростметиз, где он тогда работал).

Сороковую годовщину восстания отмечали не в Ростове у Печерских, а в Одессе у Семена Розенфельда. Единственное большое видеоинтервью Печерского сделано не Юлиусом Шелвисом, а голландской журналисткой и переводчицей Дуней Брёр в рамках инициированного Шелвисом «собиборoведческого» проекта, и было это не в 1980 г., а в 1984-м. Владимир Путин наградил Печерского орденом Мужества не в 2018 г., а в 2016-м.

Значительная часть ошибок возникает даже не из-за незнания фактов, а вследствие простой небрежности и невнимательности при работе с источниками. Так, Симкин цитирует запись Печерского от 11 октября о приеме Бжецкого-Пожицкого в подпольную группу и тут же добавляет: *«Вскоре, 8 октября, по просьбе Бжецкого он и Лейтман были переведены в столярную мастерскую, расположение которой позволяло им лучше руководить подготовкой к восстанию»*.

Но 11 октября обычно наступает позже, чем 8-е. На самом деле переводу Печерского в столярную мастерскую способствовал Фельгендлер.

А как фраза *«Каждую ночь перед сном он [Печерский], Александр Шубаев, Аркадий Вайспапир, Борис Цибульский, Семен Мазуркевич и Соломон Лейтман обсуждали план побега»* соотносится с приводимой Симкиным цитатой из Печерского: «За два часа до побега [о нем] знала та часть советских военнопленных, которые должны были уничтожать фашистов»? Так обсуждал он план с соузниками или до последнего скрывал даже от ближайших соратников?

Часть ошибок имеет отчетливую идеологическую подоплеку. *«После 1946 года были изданы две книги о Собиборе, вышедшие в 1964 и 1989 годах: первая – в хрущевскую оттепель, вторая – в горбачевскую перестройку»* — на самом деле книга Михаила Лева о Собиборе впервые вышла не в 1989 г., а в 1982-м и в следующем году была переиздана. *«Третье издание книги ["Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок"] вышло в Воениздате в 1987 году, а значит, готовилось к печати на заре горбачевской перестройки и вышло в свет в начале "гласности". Уже стало можно рассказывать о коллаборационистах, но еще нельзя было называть этническую принадлежность их жертв»*, — но очерк о краснодарском процессе над вахманами из Собибора, Белжеца и Яновского лагеря входил и в предыдущие издания книги, вышедшие до всякой перестройки.

Иногда автора подводит страсть к драматическим эффектам: *«В конце жизни Шмайзнер уехал в джунгли писать книгу о Собиборе. Когда закончил, умер от разрыва сердца»*. Здесь все чистая правда: книга Шмайзнера вышла в 1968 г., а в 1989-м он умер от сердечного приступа.

В конце книги приведен список использованных автором источников. Перечень этот крайне неполон. Достаточно сказать, что в нем нет ни одной работы крупнейшего знатока истории Собибора М. Бема, отсутствует ряд других важных книг и статей. Самая загадочная история произошла с книгой «Собибор: хроника восстания в лагере смерти», где автор этой рецензии совместно с Ю. Макаровой и К. Могилевским опубликовал первый вариант воспоминаний Печерского. Эта «овручская рукопись» 1944 г. неоднократно Симкиным цитируется, но книга, где она напечатана, в библиографии отсутствует.

Наконец, ошибочна, на мой взгляд, та трактовка фигуры Печерского, которую предлагает Симкин. Для него послевоенный Печерский — человек запуганный, сломленный, сдавшийся, который *«приподнял голову в начале 1960-х и опустил ее вновь в конце десятилетия, когда "еврейская тема" была сверху закрыта»*.

Но эта схема не работает. Она противоречит всему, что мы знаем о Печерском, противоречит и тем фактам и свидетельствам, которые приводит сам Симкин. Печерский был человеком с огромным чувством внутреннего достоинства. Многие знавшие его отмечают силу

и обаяние его личности, ощутимые даже в старости, когда он был болен и в значительной степени утратил свою энергию. *«Когда он <...>, седой и побитый жизнью, появлялся на пороге кабинета Михаила Лева в редакции журнала "Советише геймланд" <...>, редакционные машинистки просили не закрывать за ним дверь – "иначе не будем печатать"»*, — пишет Симкин. Он же рассказывает о постоянной переписке Печерского с заграницей (с бывшими узниками Собибора, историками, журналистами, просто сочувствующими), продолжавшейся три десятилетия, о его попытках выехать (временно) то в Израиль, то в Польшу, то в США, не прекращавшихся и после многочисленных отказов, упоминает объявление о розыске выживших собиборцев, которое Печерский дал в 1965 г. (указав свой домашний адрес) в голландскую газету. Это поведение обыкновенного советского провинциального рабочего, в которого, по версии автора книги, превратился Печерский после войны?

Симкин хочет заставить Печерского глубоко переживать свое еврейство — но, судя по всему, героя Собибора национальная тема действительно не очень занимала. Разумеется, он прекрасно понимал, почему оказался в лагере смерти, почему против него в 1952 г. было возбуждено уголовное дело, закончившееся приговором к исправительным работам. Но его родители, брат, сестры знали идиш, а он не знал. Он был дважды женат, и обе его жены были русскими. И когда бывший узник Собибора Моше Бахир возмутился, что в книге Валентина Томина и Александра Синельникова «Возвращение нежелательно» не акцентирована «еврейскость» восстания 14 октября 1943 г., Печерский ответил, что гораздо важнее было показать «интернациональную дружбу» и «победу человека над зверем», — и, я уверен, был в своем ответе искренен. И Собибор был для него не столько эпизодом Холокоста, сколько эпизодом войны. И в Израиль он не хотел эмигрировать не потому, что боялся, а потому, что был глубоко советским человеком. *«Советская идентичность была важнее для Печерского, чем еврейская»*, — совершенно справедливо замечает Симкин, но по-прежнему пытается приписать своему персонажу еврейские рефлексии там, где их, скорее всего, не было.

Неуместно было бы разворачивать здесь свой взгляд на личность Печерского — жанр рецензии этого не предполагает. Замечу лишь, что Симкин верно акцентирует актерство натуры Печерского, но не менее важно и то, что он был шахматистом. Он играл вдолгую и вел эту партию вполне профессионально, постоянно находя щели и бреши в обороне противника. Он выступал одновременно как участник, свидетель и историк тех событий и делал максимум возможного, собирая архив, пробивая заметки в печать, рассказывая о Собиборе в школах Ростова-на-Дону, Москвы, Самары и других городов, создавая «сеть» добровольных помощников, помогавших ему со сбором материалов, перепиской, переводами. Между Печерским в Собиборе и Печерским после Собибора нет никакой пропасти. И там и там он был стратегом, и там и там он был героем.

Он боролся за справедливость, как он ее понимал, добивался официального признания подвига собиборцев, ругмя ругал в письмах комитет ветеранов, препятствующий его выезду за рубеж, и вообще, кажется, не питал иллюзий по поводу советской власти — и при этом искренне принимал предлагаемые государством правила игры, не мыслил себя в другой политической и социальной реальности, терпеть не мог Горбачева, а Рейгана считал поджигателем войны и наследником Гитлера. Он был советским человеком своего поколения, и фразы вроде *«человек, совершивший побег из Собибора, на побег из СССР не решился»*, только мешают его адекватному пониманию.

И все же, несмотря на все вышесказанное, Лев Симкин написал интересную и полезную книгу (имею в виду и первое, и второе издания). Будущие биографы Печерского, несомненно, будут на нее ссылаться — хотя бы потому, что автор опубликовал важные документы, зафиксировал реплики падчерицы Печерского Татьяны Котовой, Михаила Лева, других ушедших свидетелей. В ней есть остроумные соображения — например, комментарий к известному эпизоду из воспоминаний Печерского, когда тот на глазах у эсэсовца Френцеля разрубает огромный пень. У этой книги множество достоинств и лишь один недостаток — она написана дилетантом.

Это слово я использую как термин, вовсе не желая кого-то оскорбить (в конце концов, в русской литературе, спасибо Булату Окуджаве и Борису Гребенщикову, полно положительных дилетантов). Историк-дилетант не готов к кропотливой архивной и библиографической работе, не понимает, как и откуда добывать информацию, списывает из Википедии, не владеет навыком сопоставления и критики источников (отсюда у Симкина доверие к легендарным деталям из рассказов Томаса Блатта и сомнительным — Татьяны Котовой), не замечает самых очевидных лакун, противоречий, ошибок. Как результат — любой ссылающийся на книгу «Собибор: послесловие» будет вынужден проверять в ней каждую запятую.

Дилетантизм легко смешать с популяризацией, но на самом деле это вещи прямо противоположные. Популяризатор — это ученый, погруженный в материал и обладающий даром доступно и занимательно рассказывать о результатах своих исследований. Дилетант же знаком с темой поверхностно, но при этом искренне не понимает, что создаваемая им картина неполна и приблизительна. Его адресат — «нулевой читатель» (этим термином в социологии чтения обозначают человека, не имеющего специального образования в той области, о которой он читает), т. е. тот же дилетант, только низшего порядка. Востребованность дилетантизма — симптом краха экспертных институтов, научной редактуры, системы до- и постпечатного рецензирования. Но это уже другая тема.

P.S. В книге Льва Симкина, на мой взгляд, есть два этически недопустимых фрагмента.

Один из них касается Людмилы Замилацкой, первой жены Печерского. Автор вполне недвусмысленно намекает, что во время оккупации Ростова она сожительствовала с немцем, и поэтому Печерский с ней развелся. Это утверждение не имеет под собой никаких оснований. И родственники, и знакомые Печерского и Замилацкой в один голос говорят, что это нелепая сплетня. Кроме того, первая жена Печерского после развода осталась жить в Ростове, в многоквартирном доме, дружила с соседями — ситуация совершенно невозможная, будь слова Симкина правдой.

Второй фрагмент вот:

«Печерский не помнил всех подробностей восстания, не знал многих аспектов жизни лагеря (он провел там всего 22 дня) и, как и все добрые люди, был доверчив. Когда объявлялся кто-то из выживших собиборовцев, он верил каждому его слову, хотя иной раз опыт других, подлинный или мнимый, наслаивался на свой. Когда ему впервые написал Х. о том, что он поручал ему убить Франца (Френцеля. – Л. С.), Печерский заметил по этому поводу в одном из писем Михаилу Леву: "Я кому-то поручал, но кому – не помню, на фото его не узнал", но опровергать не стал. В письме к нему же Аркадий Вайспапир говорит: "Начало искажения истины пошло от Александра Ароновича". И далее: "Я точно знаю, что из тех, кто участвовал во время восстания в уничтожении немецких офицеров, живы только я и Лернер". И вспоминает еще об одном из таких вдруг объявившихся героев: "Х., будучи в Донецке, сказал мне: "Почему я не могу говорить, что был в боевой группе, ведь ты же говоришь""».

Не лучшая манера — намекать на неблаговидные поступки людей, скрывая при этом их имена за иксами. Тем более что любому, кто знаком с историей восстания, очевидно, о ком идет речь, по крайней мере, в первом случае. Позволю себе расшифровать эту нехитрую шараду: первый икс — это Семен Розенфельд, недавно умерший в Израиле, второй — Ефим Литвиновский из Самары. Уместно ли было при жизни героев книги цитировать эти письма? Не уверен, хотя, возможно, автор имел на это право, история вообще наука жестокая. Но вот на что он права не имел, так это солидаризоваться в этом споре с той или другой стороной и писать от себя о *«вдруг объявившихся героях»*. Отношения между бывшими узниками могут быть какие угодно, автор же должен руководствоваться в таких случаях ахматовским «нас там не стояло».

SOBIBOR: DISTANT APPROACHES

Rev.: Simkin L. Sobibor: posleslovie. Moscow: Corpus, 2019.

Edelstein Mikhail Yu. — PhD in Philology, Senior Researcher at the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, Scientific Director of the Alexander Pechersky Foundation (Moscow)

Key words: Sobibor, Alexander Pechersky, Death camps, Holocaust, National Socialism.

Abstract. The review contains a detailed analysis of Lev Simkin's book "Sobibor: Afterword", dedicated to the uprising in the Nazi death camp Sobibor on October 14, 1943 and the fate of the leader of the rebels Alexander Pechersky. Finding a lot of factual errors in the book, the reviewer, nevertheless, states that the author first used a number of important sources so that future researchers will not be able to ignore his book.

Н. П. Таньшина

ЕСТЬ У РЕВОЛЮЦИИ НАЧАЛО, НЕТ У РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА

О Второй Школе молодых ученых в ГАУГН-ИВИ РАН (2–6 сентября 2019 г., Москва)

Ключевые слова: Школа молодых ученых, Сопротивление революциям Нового времени, Французская революция конца XVIII в., война в Вандее, Тирольское восстание, революционная пропаганда.

Аннотация. Статья посвящена анализу состоявшейся в Москве 2–6 сентября 2016 г. в Институте всеобщей истории Российской академии наук международной Школы молодых ученых «Сопротивление революциям Нового времени», организованной Лабораторией западноевропейских и средиземноморских исторических исследований Государственного академического университета гуманитарных наук при содействии Института всеобщей истории РАН. В центре внимания участников Школы находился широкий комплекс проблем, связанных с сопротивлением или противодействием как Французской революции конца XVIII в., так и в целом европейским революциям Нового времени. В работе Школы приняли участие ведущие специалисты по изучаемой проблематике из России, Франции и Великобритании, а слушателями школы являлись молодые исследователи из Москвы, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Саратова, Волгограда и Архангельска.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-4-368-373

2–6 сентября в Москве в ИВИ РАН на Ленинском проспекте состоялась международная Школа молодых ученых «Сопротивление революциям Нового времени», организованная Лабораторией запад-

© Н. П. Таньшина, 2019
Таньшина Наталия Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Москва); horoshovo@mail.ru

ноевропейских и средиземноморских исторических исследований Государственного академического университета гуманитарных наук при содействии Института всеобщей истории РАН.

Подобно состоявшейся в 2018 г. школе «Эпоха революций 1750–1914 гг. в Западной Европе и Средиземноморье», настоящее мероприятие было проведено в рамках проекта «Методы утверждения либеральных ценностей в регионах традиционной культуры в Новое время» по гранту Правительства Российской Федерации (подпрограмма «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045).

В центре внимания участников Школы находился широкий комплекс проблем, связанных с Французской революцией XVIII в. и в целом европейских революций Нового времени. Название Школы — «Сопротивление революциям Нового времени» — весьма симптоматично и в значительной степени отражает современные историографические тенденции. Традиционно как в отечественной, так и зарубежной историографии изучались собственно революции. Это было характерно не только для марксистской исторической науки, считавшей революции локомотивом истории. Программа Школы направлена на изучение того, что прежде назвали бы «контрреволюцией» со всем набором штампов, ведь контрреволюция априори не могла быть позитивной, она — антипод революции. То есть «Сопротивление» революциям — это и есть контрреволюция, только без негативной коннотации, закрепившейся за этим термином. Ведь революция — это вовсе не всегда хорошо, как и контрреволюция — не всегда плохо. Это вовсе не означает, что контрреволюция, как прежде революция, возводится в абсолют. Она воспринимается как неизбежное продолжение революции, теснейшим образом с ней взаимосвязанное. То есть это выход на проблему, которая прежде не была приоритетной, «модной» и либо не изучалась, либо изучалась исключительно в контексте противопоставления революции.

Именно различным аспектам сопротивления, или противодействия, революциям и были посвящены лекции преподавателей Школы и выступления молодых ученых — не только студентов, магистрантов, аспирантов, но и молодых кандидатов наук.

Преподавательский состав Школы в этом году немного изменился: к прошлогодним участникам в лице Алана Форреста (руководитель Лаборатории, почетный профессор Йоркского университета, вице-президент Международной комиссии по истории Французской революции), А. В. Чудинова (заместитель руководителя Лаборатории, д.и.н., заведующий кафедрой исторического регионоведения исторического факультета ГАУГН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, главный редактор международного научного издания «Французский ежегодник»), Н. П. Таньшиной

(д.и.н., профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник ГАУГН), Гэвину Мюррей-Миллеру (преподаватель Новой истории Европы в Школе истории, археологии и религии Кардиффского университета, старший научный сотрудник ГАУГН) присоединились директор Фонда Наполеона, профессор Католического университета Вандеи Тьерри Ленц и Е.А. Прусская (к.и.н., доцент исторического факультета ГАУГН, старший научный сотрудник ИВИ РАН). А.В. Гладышев и Д.Ю. Бовыкин поменялись ролями: Д.Ю. Бовыкин (д.и.н., доцент кафедры Новой и Новейшей истории исторического факультета МГУ, ведущий научный сотрудник ГАУГН) выступил с лекцией, а А.В. Гладышев (д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории, заведующий кафедрой региональной истории и музееведения Саратовского государственного университета) был модератором и главным арбитром Школы.

Три лекции Тьерри Ленца были посвящены проблемам послеНаполеоновского устройства и работе Венского конгресса. Интересен его взгляд на политику императора Александра I. Ленц нарисовал весьма противоречивый портрет императора, у которого сочетались идеи освобождения народов и экспансионистские планы, оккультизм и духовные поиски, мессианский пыл и личные амбиции. Основными бенефициарами конгресса Тьерри Ленц считает Великобританию и Россию. Именно после окончания Наполеоновских войн, по словам историка, Россию стали воспринимать в качестве великой европейской державы. Саму же Венскую систему в соответствии с западной традицией Тьерри Ленц доводит до конца XIX в., а не до Крымской войны, как это принято в российской историографии.

Наверное, самой яркой антитезой Французской революции стала война в Вандее 1793–1796 гг. Она вошла в историю как антиреволюционный символ, и этот регион до сих пор строит свою идентичность на противопоставлении революции. «Народная антиреволюция конца XVIII — начала XIX в. в исторической памяти» — так называлась лекция А.В. Чудинова о народном сопротивлении революции в Вандее и Тироле и о жестком «форматировании» национальной памяти о тех событиях. Таковое французский историк Рейнальд Сеше называет меморицидом, т.е. убийством исторической памяти. Говоря о так называемых «местах памяти», А.В. Чудинов справедливо подчеркнул, что и они нередко имеют целью деформацию исторической памяти, поскольку посвящены победителям.

Тема Вандеи была продолжена в лекции Н.П. Таньшиной «Легитимистская оппозиция Июльской монархии и восстание 1832 г. в Вандее». Не случайно известный французский историк Жан-Клеман Мартен называет войну в Вандее «неоконченной»: она не завершилась в конце XVIII в. В следующем столетии случилось «второе изда-

ние» Вандеи, связанное с событиями Ста дней, а также ее «третье издание», вошедшее в историю как «заговор герцогини Беррийской». Несмотря на то, что XIX ст. было ознаменовано поступательным развитием и торжеством либеральных ценностей, их распространение наталкивалось на серьезное сопротивление, в том числе со стороны легитимистов, сторонников династии Бурбонов. Обращение к этой теме также весьма показательно, ведь Июльская монархия во Франции (1830–1848) долгие годы являлась «немодной» темой в историографии, как зарубежной, так и отечественной, а легитимизм, воспринимавшийся именно как контрреволюционная сила, практически не изучался.

Е.А. Прусская в своей лекции «Франция и Северная Африка в XIX в.: революции, колониализм и джихад» остановилась на проблеме внешнего сопротивления революциям и либеральным ценностям, анализируя действия Франции в Алжире и Египте. Что важно, война, которую Франция с 1830 г. вела в Алжире, провозглашенном в 1834 г. французской колонией, исследуется Е.А. Прусской с двух сторон: с позиций колонизаторов-французов и арабов во главе с эмиром Абд аль-Кадиром, именем которого, к слову говоря, названа маленькая площадь в Париже, как раз рядом с Фондом Наполеона.

Алан Форрест в своей лекции «Наполеоновская пропаганда и портреты власти» остановился на проблеме самопрезентации власти и образах власти в произведениях искусства, поставленного на службу государству и выполнявшего государственный заказ. Наполеон, которого не случайно называют первым пиар-менеджером в истории и который сам конструировал свой образ, понимал это как никто иной.

При всей кажущейся исчерпанности проблематики Французской революции за более чем двести лет научных изысканий в этой теме постоянно обнаруживаются «белые пятна». К одному из таких слабо разработанных сюжетов обратился в своей интереснейшей лекции «Контрреволюция в годы Французской революции: нереализованные возможности и причины поражения» Д.Ю. Бовыкин. Тема противодействия революции была развита и Г. Мюррей-Миллером. В своей лекции «Против революции? Переосмысление идей сопротивления революции» историк сосредоточился на вопросе о теснейшей взаимосвязи между революцией и контрреволюцией и подчеркнул, что через изучение идей сопротивления можно лучше понять революцию как таковую.

Не менее острыми и дискуссионными были и обсуждения докладов собственно «молодых ученых», представлявших Москву, Санкт-Петербург, Саратов, Екатеринбург, Волгоград, Архангельск. Перечислю лишь некоторые наиболее яркие доклады: аспирантки Санкт-Петербургского государственного университета А.О. Ещенко[2]

[2] Статья была написана до трагических событий, связанных с убийством А. Ещенко.

«Особенности пропаганды в наполеоновской Испании 1808–1813 гг. (пример Мадрида)»; кандидата исторических наук, ассистента кафедры востоковедения Уральского федерального университета, младшего научного сотрудника ГАУГН Т.А. Косых «Жизнь в осажденном городе: британские солдаты в Кадисе 1810–1812 гг.»; младшего научного сотрудника ГАУГН В.С. Болт «"Антифранцузский карантин" в оккупационном корпусе Воронцова»; аспирантки ГАУГН В.М. Грибановой «Причины и начало Вандейского восстания в мемуарах участников»; младшего научного сотрудника ИВИ РАН и ГАУГН Д.А. Зайцевой «Роль Ж.-Л. Тальена в разгроме эмигрантов на Кибероне».

Не менее важной была и неофициальная часть Школы, обмен мнениями между студентами, когда новые участники сожалели, что присоединились к ее работе только в этом году. Даже случайно зашедший разговор во время торжественного ужина о различиях между сэндвичем и гамбургером превратился в настоящую научную дискуссию с апеллированием к лорду Сэндвичу и истории английских клубов XIX в.! А настоящим подарком участникам Школы стали напутственные слова бывшего посла России во Франции А.К. Орлова.

* * *

Обычно ученики с радостью ждут окончания школьных занятий и каникул. В этой же необычной Школе все было ровно наоборот, и последний день работы был немного грустным: школа заканчивается, пора расставаться... Но Бог любит троицу, и все мы надеемся, что в следующем сентябре Школа откроет свои двери в третий раз!

THERE IS HAVE REVOLUTION THE BEGINNING OF, THERE IS NO HAVE REVOLUTION OF THE LATE

Tanshina Nataliya P. — Dr. Hab. (History), professor of the General History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher of the Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies at the Faculty of History, State academic university for the humanities; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Key words: School of young scientists, Resistance to revolutions of Modern times, French revolution of XVIII century, war in Vendee, Tyrolean uprising, revolutionary propaganda.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the international School of young scientists "Resistance to revolutions of Modern times", which was held in Moscow on September 2–6, 2016 at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. The school was organized by the Laboratory

of Western European and Mediterranean historical studies of the State academic University of Humanities with the assistance of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. The participants of the School discussed a wide range of problems related to the resistance or opposition to the French revolution of the late XVIII century and the European revolutions of Modern times.

The focus of the participants was a wide range of problems associated with resistance or opposition as the French revolution of the late eighteenth century, and in General European revolutions of Modern times. The School was attended by leading experts on the studied problems from Russia, France and the UK, and the students of the school were young researchers from Moscow, Yekaterinburg, St. Petersburg, Saratov, Volgograd and Arkhangelsk.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляется в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:
1) Источники и материалы
2) Научная литература
3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: http://istorex.ru/rules.html